

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2016

№ 5 (43)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).
Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».
Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Киришин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ НОМЕРА

Беляев Леонид Андреевич, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф., зав. отделом Института археологии РАН, гл. ред. журнала «Российская археология» (г. Москва); **Бобров Владимир Васильевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой Кемеровского государственного университета; **Головнёв Андрей Владимирович**, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, гл.н.с. Института истории и археологии УрО РАН; **Молодин Вячеслав Иванович**, академик РАН, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск); **Ольшевски Войчех**, д-р ист. наук, проф. Университета Николая Коперника (г. Торунь, Польша); **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ; **Савинов Дмитрий Глебович**, д-р ист. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета; **Чёрная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ (отв. ред.); **Чёрная Людмила Викторовна**, лаборант ТГУ (тех. секретарь); **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф. ТГУ.

Номер подготовлен при финансовой поддержке Томского государственного университета и частичной финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE OF
THE JOURNAL**

Belyaev Leonid A., Associate member of RAS, Dr. of History, Professor, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Bobrov Vladimir V.**, Dr. of History, Professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia); **Golovnev Andrew V.**, Associate member of RAS, Dr. of History, Institute of History and Archaeology Ural branch of RAS; **Molodin Vyacheslav I.**, Academic of RAS, Dr. of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia); **Olszewski Wojciech** Dr. Hab., Professor, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Toruń, Poland); **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor, TSU; **Savinov Dmitry G.**, Dr. of History, Professor, Sankt-Peterburg State University (Sankt-Peterburg, Russia); **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor, TSU (Executive Editor); **Chernaya Lyudmila V.**, assistant, TSU (Technical editor); **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, TSU; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, TSU.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ
СИНХРОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ»ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
И СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ.
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Фокин С.М. К проблеме выделения культур раннего железного века таежной зоны Приенисейской Сибири	5
Серегин Н.Н., Тишин В.В. Некоторые аспекты изучения «западного» направления контактов элиты тюрок Центральной Азии во второй половине I тыс. н.э.	9
Илюшин А.М. Западные и восточные кипчаки по материалам археологии	15
Тишкин А.А., Пилипенко С.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье)	20
Боброва А.И., Бодрова А.Ш. Археологический текстиль из остяцких могильников XVI–XVII вв. как источник для изучения одежды селькупов (по материалам раскопок А.П. Дульзона на р. Оби в 1954 г.)	25
Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Следы ритуального вторжения в курганных насыпях могильника Черталы в Тарском Прииртыше	29
Барсуков Е.В. «Темный век» средневековой археологии Томского Приобья: результаты изучения постройки XV в. на городище Шайтан III	33
Татауров С.Ф. Процессы консолидации сибирских татар до и после присоединения Сибири к России	40
Ковальска А.Б. Средневековое производство обуви в регионе Балтийского моря в IX–XV вв.	44
Лихтер Ю.А. Стекло façon de Venise из раскопок в Москве и других городах (Вязьма, Мангазея)	51
Зиняков Н.М. Железообрабатывающее производство русского населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв.: традиции и новации (на примере г. Тобольска)	56
Семенова В.И. Изразцовый декор Благовещенского собора в Тюмени	59
Мандрыка П.В., Титова Ю.А. Печная дверца «Готика» из Свято-Успенского монастыря	65
Балюнов И.В. Археологические свидетельства влияния Северо-Восточной Руси на материальную культуру населения города Тобольска конца XVI – XVII в.	67
Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Русское население Западной Сибири в системе евразийских торговых отношений XVII–XVIII вв.	72
Чёрная М.П., Торощина Н.В., Чернова И.В., Торошчин А.Г. Опыт изучения историко-археологического контекста городского быта в современной застройке Томска	76
Фурсова Е.Ф. Анализ типов мужской поясной одежды русских Южной Сибири конца XIX – начала XX в.: к вопросу о западных и восточных компонентах	80
Пивнева Е.А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам)	85
Рындина О.М. Адаптивный потенциал этнической культуры (на материалах по российским немцам Нарымского края)	90

CONTENTS

PAPERS OF THE XVIIth INTERNATIONAL
WESTERN SIBERIAN ARCHAEOLOGICAL
AND ETHNOGRAPHIC CONFERENCE“THE EAST
AND THE WEST: THE PROBLEMS OF ETHNIC
AND CULTURAL INTERACTIONS’
SYNCHRONIZATION”ETHNIC-CULTURAL INTERACTION AND
SOCIOBIOLOGICAL EXPERIENCE OF THE WESTERN
SIBERIA’ AND NEIGHBORING TERRITORIES’
POPULATION IN THE CONTEXT
OF THE EURASIAN TRADITIONS.
THE MIDDLE AGES – MODERN TIME

Fokin S.M. On the problem of identifying early Iron Age cultures in the taiga zone of the Yenisei river basin in Siberia	5
Seregin N.N., Tishin V.V. Some Aspects of the «Western» Contacts of Turkic Elite of Central Asia in the Second Half of I Thousand AD	9
Ilyushin A.M. The western and east kipchak on archeology materials	15
Tishkin A.A., Pilipenko S.A. On the Possibility of the Reconstruction of Women's Headdresses of the Mongolian Time (Based on Birch Finds on the Teleut Vzvoz-I Monument in the Upper Ob Region)	20
Bobrova A. I., Bodrova A.S. Archaeological Textiles from the Ostyak Burial Grounds of the XVIth–XVIIth Centuries as a Source for Studying the Selkup Costume (Based on the Excavations by A.P. Dulzon along the Ob River in 1954)	25
Koroussenko M.A., Gerasimov Yu.V. Traces of a ritual invasion of mound burial barrows Chertaly in Tara-Irtysh region	29
Barsukov E.V. The ‘dark age’ in the medieval archaeology of the Tomsk Ob area: results of a study of a XVth century construction at the Shaitan III fortified settlement	33
Tataurov S.F. Processes of Consolidation of the Siberian Tatars before Accession of Siberia to Russia	40
Kowalska A.B. Medieval footwear production at the Baltic Sea between the IXth and the XVth century	44
Likhter Yu.A. Façon de Venice Glass from Excavation in Moscow and Other Cities (Mangazeya, Vyazma)	51
Zinyakov N.M. Iron Production of Russian Population of Western Siberia in XVII–XVIII centuries: Traditions and Innovations (by Tobolsk’s Materials)	56
Semenova V.I. Tiled Décor of Tyumen Annunciation cathedral	59
Mandryka P.V., Titova Ju.A. “Gothic” Stove Door from the Monastery of the Holy Dormition	65
Balyunov I.V. The archaeological evidence of the influence of the North-Eastern Russia on the material culture of the population of the town Tobolsk the end of XVI–XVII centuries	67
Tataurova L.V., Tataurov P.S. The Russian Population of Western Siberia in the System of Eurasian Trade Relations of the XVII–XVIII Centuries	72
Chernaja M.P., Toroshchina N.V., Chernova I.V., Toroshchin A.G. Experimental study of the historical and archaeological context of urban lifestyle in the modern urban development of Tomsk	76
Fursova E.F. Analysis of Russian Types of Men's Pants in Southern Siberia Late XIX – Early XX century: The Question of the Western and Eastern Components	80
Pivneva E.A. Institutions and Practices of “Ethno Recovery” among the Peoples of Western Siberia (Based on the Ob-Ugric Materials)	85
Ryndina O.M. Adaptive Potential of Ethnic Culture (According to the Data from Russian Germans of Narym Territory)	90

Кимеев В.М. Этнокультурный ренессанс и мифотворчество в современной обрядности народов Притомыя	96	Kimeev V.M. Ethnocultural renaissance and mythmaking in the modern rituals of the peoples of Pretomya	96
Жигунова М.А., Коптыева Е.А. Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности	100	Zhigunova M.A., Koptyaeva E.A. National Mixed Marriages as a Variation of Ethnocultural Identity	100
Попова С.А. В.Н. Чернецов и «танцы духов [богов]» в Вежакарах: взгляд через столетие	105	Popova S.A. V.N. Chernetsov and "The dances of Spirits [Gods]" in the Vezhakarakh: a Look through a Century"	105
Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу	109	Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. Telengit Monuments to Ethno-Cultural Renaissance	109
Тадышева Н.О. Символика женских украшений в традиционной культуре алтайского населения Республики Алтай	114	Tadysheva N.O. The Symbolism of Women's Adornments in the Traditional Culture of the Altai Population of the Altai Republic	114
Терюков А.И. Антал Регули: между Западом и Востоком в поисках прародины венгров	118	Teryukov A.I. Antal Reguli: between the West and East in Search of the Ancestral Home of the Hungarians	118
Надь З. Васюган на рубеже столетий: ханты или остяки?	123	Nagy Z. Vasyugan on the border of centuries: khanties or ostyaks?	123
Максимова И.Е. Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенков	128	Maksimova I.E. Archival Data as a Source for the Ethnogenesis of the Sym-Ket Evenks	128
Ожередов Ю.И. Ритуальное втыкание оружия у селькупов и древние традиции народов Евразии	133	Ozheredov Yu.I. Weapon in the Rituals of the Selkups and Ancient Traditions of Eurasia	133
Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясацкого населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясацких волостей: Зауралье XVII в.	138	Samigulov G.H. Usage of Ethnic Groups Names as Designations of the Yasak Populations and Related Problems of the Study of the Yasak Volost History: Trans-Urals During XVIIth Century AD	138
Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Живая традиция бытования прозвищ села Атирка: социально-экономические факторы и психологические аспекты	143	Abolina L.A., Fedorov R.Yu. The live tradition of nicknames in the village of Atirka: social, economical factors and psychological aspects	143
Ким-Малони А.А., Ким А.А. Магическая охота с лесными духами по данным сибирского фольклора	148	Kim-Maloney A.A., Kim A.A. Magic Hunt with the Forest Spirits according to Siberian Folklore Data	148
Козинцев А.Г. Начальный этап индоевропейской истории: свидетельства лингвистики, палеогенетики и археологии	152	Kozintsev A.G. The earliest stage of Indo-European history: Evidence of linguistics, paleogenetics, and archaeology	152
Моисеев В.Г., де ла Фуенте К. Популяционная история коренного населения Сибири: опыт интеграции антропологических и генетических данных	158	Moiseyev V.G., Fuente C. de la. Population history of indigenous peoples of Siberia: integrating of anthropological and genetic data	158
Рыкун М.П., Кравченко Г.Г. Новые подходы в изучении морфологической изменчивости древних скотоводов Алтая (на примере каменской культуры скифского времени)	164	Rykun M.P., Kravchenko G.G. New Approaches in the Study of Morphological Variability of the Ancient Cattlemen of Altay (On the Example of the Kamenskaya Culture of the Scythian Period)	164
Южакова А.В. Палеодемография населения лесостепного Прииртышья XVII–XVIII вв. (могильник Чеплярово 27)	169	Yuzhakova A.V. Paleodemography Population Forest-Steppe Cis-Irtysh in XVII–XVIII Centuries (Cheplyarovo 27 Burial)	169

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аршинцева О.А. Рецензия: Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014	175
Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Научная конференция, посвященная 100-летию Брусиловского прорыва (г. Новосибирск, 12–13 мая 2016 г.)	177
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	180

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Arshintceva O.A. Review: Zyglov B.S. I.M. Maisky: the portrait of Soviet diplomat on the materials of his "Dairies", letters and memoirs / ed. by V.P. Zinoviev. Tomsk : Tomsk State University, 2014	175
Bayandin V.I., Zaporozhchenko A.V. Scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Brusilov's breakthrough (Novosibirsk, Russia, May 12–13, 2016)	177
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	180

МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ»

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

УДК 903'14
DOI 10.17223/19988613/43/1

С.М. Фокин

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Рассматривается современное состояние изученности культур раннего железного века для таежных территорий Красноярского края. Это время на территории Среднего Енисея представлено сменявшими друг друга нижнепороженской и шилкинской культурами и сосуществовавшей с ними каменно-маковской. В Нижнем Приангарье существовала цэпаньская культура. Несмотря на наличие захоронений с различным погребальным обрядом и значительного набора вещественного материала, основным признаком для выделения культур является керамическая посуда. Ей дана краткая характеристика. Отмечается, что выделенные культуры требуют большую аргументированную базу. В ходе дальнейшего изучения раннего железного века в обозначенном регионе очевидно пересмотр ряда культур и выделение новых.

Ключевые слова: ранний железный век; Приенисейская Сибирь; цэпаньская культура; шилкинская культура; нижнепороженская культура; усть-мильская культура.

Материалы раннего железного века таежной зоны Приенисейской Сибири стали выявлять еще в XIX в. Но осмысление накопленного материала, его интерпретация началась с 1980-х гг. В рамках этих исследований были выделены и археологические культуры. Для Северного – Нижнего Приангарья В.И. Привалихиным была обозначена цэпаньская культура. Она существовала с VIII по II вв. до н.э. [1]. В 2000-е гг. для территорий Среднего Енисея и Нижнего Приангарья П.В. Мандрыка выделил несколько археологических культур. Это нижнепороженская (VII–III вв. до н.э.), каменно-маковская (VII–II вв. до н.э.), шилкинская (VII–I вв. до н.э.) культуры. И расширяет западную границу усть-мильской культуры до Енисея (VIII–V вв. до н.э.) [2].

Для цэпаньской культуры характерны погребения как по обряду труположения, так и трупосожжения. Могильные ямы имеют разную форму. Захоронения могли иметь каменную кладку, или быть без нее. Вещественный материал культуры представлен каменными наконечниками стрел с костяными обоями, единичными бронзовыми изделиями, среди которых выделяются безчерешковые трехлопастные наконечники

стрел и серповидные ножи. Характерной для культуры является керамика с утолщенным широкой налепной лентой венчиком, и орнаментированная поясом ямок, пальцевыми зажимами и рядами гребенчатых оттисков [1. С. 163–166].

Для нижнепороженской культуры характерны погребения по обряду труположения, с наличием каменной кладки на позднем этапе. Вещественный набор представлен бронзовыми двушкловыми кельтами, трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, однодырчатыми и однопетельными ножами, шильями с грибовидной шляпкой, иглами, четырехлепестковыми бляшками, различными пронизками, подвесками, бусами. Встречаются редкие изделия из железа. На поселениях найдены керамические скребки и каменные орудия труда. Глиняная посуда орнаментирована гладкими и рассеченными налепными жгутиковыми валиками. Также применялись ряды накольчатых оттисков приостренного орнамента. В некоторых случаях стенки сосудов имеют «вафельные» отпечатки [2. С. 162].

К каменно-маковской культуре относятся два погребения, выполненные по обряду «трупорасчленения

или вторичного захоронения». Инвентарь памятников включает бронзовые кельты ангарского типа, ножи с кольчатым навершием и орнаментированной треугольными вдавлениями ручкой, антропоморфное изображение, пронизки из пасты и серпентинита. На поселениях отмечаются железные петельчатые ножи, точильные камни, каменные грузила, молотки, песты и керамические скребки. Керамика имеет венчик, утолщенный широкой или узкой налепной лентой и украшенный отступающими наколами приостренного орнамента [Там же. С. 162].

Шилкинская культура характеризуется двумя погребениями по обряду трупоположения с обожжением в могиле. Инвентарь включает бронзовые кельт, нож с ажурной рукояткой, наконечники стрел, бляшки поясной гарнитуры, пронизки, обоймы, пряжки, железные чекан со втоком, тесла, петельчатые ножи, шилья, концевые накладки лука из рога, бусы, серьги и костяные наконечники стрел. Имеются разнообразные каменные орудия труда для обработки металла, твердых материалов и выделки шкур. Посуда преимущественно украшена налепными жгутиковыми валиками и поясом ямок [2. С. 162].

Обращает внимание значительное разнообразие погребального обряда для цэпаньской культуры. Что уже само по себе вызывает сомнение в правомерности объединения всех памятников в одну культуру. В случае с культурами, выделенными П.В. Мандрыка, то характеризующие культуры погребения представлены единичными захоронениями, выявленными на двух могильниках в районе Казачинского порога на Енисее – Нижнепороженский и Усть-Шилка-II. В одной из своих публикаций исследователь добавляет к шилкинской культуре погребение № 1 с могильника Скородумный Бык [3. С. 209]. Однако это захоронение выполнено по обряду трупосожжения на стороне и пока автор раскопок затрудняется отнести его к конкретной культуре [4. С. 185].

Анализ вещественного материала показывает, что многие категории предметов не могут являться культурноидентифицирующими для выделенных культур. Так, каменные наконечники стрел с костяными обоймами явно являются пережитком предыдущих эпох. Наиболее выразительные предметы – изделия из бронзы и меди копируют тагарские предметы. Обилие таких находок в таежной зоне (Усть-Тасеевский комплекс) [5] и химический анализ состава бронз [6] показывают, что изделия производились на месте. Важно отметить в этом контексте, что, не смотря на наличие по соседству, на западе, кулайской культурной общности, кулайские бронзы на территории Приенисейской Сибири встречены в единичных случаях. Таким образом, единственным обоснованным признаком выделения культур оказывается керамика. Но насколько аргументировано выделение культур только по этой категории предметов?

Основным отличием цэпаньской культуры служит керамика с утолщенным широкой налепной лентой венчиком. Целесообразнее такую керамику называть воротничковой [7 С. 88]. Выделяется несколько типов данной посуды – цэпаньская, карабульская и взвозовская, различающаяся устойчивыми элементами орнамента.

К этим сосудам близка керамика, которую П.В. Мандрыка называет «каменско-маковской». Стоит отметить, что данное название некорректно. Так называемая «каменская» керамика названа по стоянке близ р. Каменка – правобережном притоке Енисея (сейчас напротив северной оконечности г. Лесосибирска), открытой в 1920 г. А.Я. Тугариновым и Г. Мергартом (Красноярский краевой краеведческий музей, колл. 122, № 539–553). Материалы стоянки включают в себя кроме воротничковой керамики, фрагменты разнотипных сосудов с валиками, рядами гребенчатых штампов и без орнамента. Считаю более верным называть «каменскую» керамику по наиболее отличимым признакам технологии и орнаментации. Рассматриваемую посуду характеризует наличие воротничка и орнаментация в зоне шейки и плечиков отступающими заостренными наколами, создающими ряды желобков. Поэтому более уместным будет называть данный тип керамики воротничковой накольчато-желобковой [8. С. 166]. Что касается керамики, выявленной на поселении Маковское на левобережном притоке Енисея – р. Кемь [9. С. 51, 52], то она не имеет воротничка, отличается по орнаментации и находит больше сходств с сосудами, найденными на более северных территориях.

Помимо этих типов отмечается, что посуда с утолщенным венчиком, но орнаментированная тонкими валиками, распространяется на обширную таежную территорию и встречена даже в таежной зоне Минусинской котловины. Из-за малого числа закрытых комплексов и полученных абсолютных дат, сложно говорить, отражают ли типы воротничковой керамики разное время их бытования. Территориальные различия воротничковой посуды в основном наблюдаются между накольчато-желобковой (больше распространена по Енисею и в нижней части Ангары) и остальными типами керамики (основное бытование в среднем и нижнем течении Ангары).

Для нижнепорожнинской и шилкинской культур характерны сосуды, украшенные налепными, часто расщепленными валиками. Орнамент дополнен поясом ямок. В основном эта керамика обнаружена на комплексах памятников в районе Казачинских порогов. Пока «шилкинская» керамика в значительном числе встречена только еще на ряде памятников Енисея и на поселении Скородумный Бык на Ангаре. Но очерчивать границы этих культур по максимальному разбросу фрагментов единичных сосудов, представляется не совсем оправданным. Остается так же неясным, почему близкие по стилю орнаментации типы керамики, при-

сутствия на одних и тех же памятниках, оказываются разнесенными по разным культурам.

Что касается соотношения на поселениях воротничковой и валиковой керамики, то отмечается, что там, где преобладает воротничковая керамика, единичны фрагменты валиковой и наоборот.

Имеется третий вид сосудов, характерной чертой которых является орнаментация тонкими валиками, часто расщепленными пальцевыми зажимами. Данная посуда в таежной зоне Приенисейской Сибири появляется в конце бронзового века и, видоизменяясь, продолжает бытовать вплоть до раннего средневековья. Как уже отмечалось в прежних исследованиях, такая керамика на памятниках раннего железного века не встречена в «чистых» комплексах [3. С. 209]. Относить всю эту керамику к усть-милской культуре, как и считать, что она распространяется до Енисея, считаем недостаточно доказанным.

Кроме перечисленных керамических традиций имеется разнообразная керамика, распространенная в северной тайге края и, в частности, на Таймыре [10.

С. 108–147]. Например, на поселении Стрелковское-2 в устье р. Ангара на полу жилищ, где преобладающими находками является воротничковая накольчато-желобковая керамика, выявлены фрагменты от нескольких сосудов, аналогичные сосудам со стоянок Пясины IV-A и Усть-Половинка [Там же. С. 259, 266].

Все вышесказанное приводит к выводу, что выделяемые культуры раннего железного века таежной зоны Приенисейской Сибири требуют большую аргументацию. Вполне вероятно, что в случае с цэпаньской культурой правомернее будет говорить о культурной общности, которая будет включать в себя ряд родственных культур. А в случае с нижнепороженской и шилкинской культурами более вероятным видится их объединение. Остается актуальным и точное очерчивание границ выделяемых культур. Разнообразие погребального обряда, наряду с обширностью рассматриваемого региона, свидетельствуют, что в сложении культур, принимали участие различные этнические группы населения, а потому число культур может оказаться большим, чем те, о которых шла речь в статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск : КККМ, 2011. С. 161–183.
2. Мандрыка П.В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. II. С. 162–164.
3. Мандрыка П.В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. II. С. 207–209.
4. Фокин С.М. Новое погребение раннего железного века в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск : КККМ, 2013. С. 176–186.
5. Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л. Усть-Тасеевский комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. Вып. VII. К 70-летию Д.Г. Савинова. С. 77–85.
6. Хаврин С.В. Металл памятников I тысячелетия до н.э. таежной зоны Среднего Енисея // II Северный археологический конгресс. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 101–102.
7. Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : СФУ, 2015. Вып. VII. С. 87–106.
8. Фокин С.М. Предварительные результаты археологического изучения Стрелковского археологического комплекса // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее. Красноярск : КГПУ, 2009. Т. I. С. 164–167.
9. Николаев Р.В. Древние жилища у села Маковского // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1963. С. 49–53.
10. Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. С. 341.

Fokin Sergey M. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: smf.kkkm@mail.ru

ON THE PROBLEM OF IDENTIFYING EARLY IRON AGE CULTURES IN THE TAIGA ZONE OF THE YENISEI RIVER BASIN IN SIBERIA.

Keywords: Early Iron Age; Yenisei Siberia; Tsepanskaya; Shilkinskaya; Nizhneporozhinskaya and Ustmilskaya archaeological cultures.

The modern state of studying of the early Iron Age cultures in the taiga zone of Krasnoyarsk region (Siberia of the Yenisei river basin) is considering in the article. The early Iron Age in the territory has been the object of studying since the 19th century. By the present moment, several archaeological cultures in the taiga zone has been identified, namely Tsepanskaya (8th – 2nd centuries BC), Nizhneporozhinskaya (7th – 3rd centuries BC), Kamensko-Makovskaya (7th – 2nd centuries BC), Shilkinskaya (7th – 1st centuries BC). Tsepanskaya archaeological culture was spread in the Lower Angara river basin, the rest of them were located along the Yenisei. A funeral ceremony was very diverse in Tsepanskaya culture. As for Yenisei archaeological cultures, only single burials were found. The material analysis demonstrates that many categories of subjects cannot be essential for defining a culture. For example, stone arrowheads are vestiges of the previous epochs. Bronze items imitate the ones of Tagarskaya culture. Thus, ceramics appears to be the only indicator for separation of a culture. The principal distinguishing feature of Tsepanskaya archaeological culture is ceramics thickened with a wide fillet stuck to a rim and turned out, so-called “collar ceramic”. There are several types of such crockery ware; they are Tsepanskaya, Karabulskaya, Vzvozovskaya, and Kamensko-Makovskaya. For Nizhneporozhinskaya and Shilkinskaya cultures it is common to have jars decorated with strands, which are stuck to a jar rim, and often split. Their ornaments are supplemented with belts of small pits. The jars of the third type are ornamented with thin strands. In the taiga zone of the Yenisei river basin in Siberia, such crockery ware firstly appeared at the end of the Bronze Age and, with some modifications, had been existing until the early Middle Ages. Except for ceramic techniques mentioned, there are various types of ceramics spread across northern taiga of the territory. Further studies of historic landmarks of the early Iron Age and discoveries of new ones may allow specifying the factors for identification of cultures. Also, new cultures may be discovered.

REFERENCES

1. Privalikhin, V.I. (2011) Tsepan'skaya kul'tura rannego zheleznogo veka Severnogo Priangar'ya. Istoriya otkrytiya, rezul'taty i perspektivy issledovaniy [The Tsepan'sk culture of the early Iron Age in Northern Angara region. The history of the discovery, the results of research and perspectives]. In: Dyakonov, V. et al. *Vtoroy vek podvizhnichestva* [The Second Century of Asceticism]. Krasnoyarsk: KKKM. pp. 161-183.
2. Mandryka, P.V. (2008) [Complexes of Early Iron Age in the Yenisey Angara region]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* [Proceedings of the Second (18th) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Vol. 2. Moscow: IA RAS. pp. 162-164. (In Russian).
3. Mandryka, P.V. (2014) [Problems of the Early Iron Age in the Northern Angara region]. *Trudy IV (XKh) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the Fourth (20th) All-Russia Archeological Congress in Kazan]. Vol. 2. Kazan: Otechestvo. pp. 207-209. (In Russian).
4. Fokin, S.M. (2013) Novoe pogrebenie rannego zheleznogo veka v Severnom Priangar'e [A new burial of the early Iron Age in the North Angara]. In: Karnaukhova, L. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostey Nizhney Angary i sopredel'nykh territoriy* [Archaeological Research of Antiquities on the Lower Angara and cross-border regions]. Krasnoyarsk: KKKM. pp. 176-186.
5. Drozdov, N.I., Grevtsov, Yu.A. & Zaika, A.L. (2011) Ust'-Taseevskiy kompleks na Nizhney Angare [Ust'-Taseevka complex in the Lower Angara]. In: Bobrov, V.V., Sovetova, O.S. & Miklashevich, E.A. (eds) *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [The ancient art in the mirror of archeology]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 77-85.
6. Khavrin, S.V. (2006) [Metal of the monuments dated by the 1st millennium BC in the taiga zone of the Middle Yenisei]. *II Severnyy arkheologicheskii kongress* [The Second Northern Archaeological Congress]. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Charoid. pp. 101-102. (In Russian).
7. Leontev, S.N. & German, P.V. (2015) Keramicheskii kompleks pervogo kul'turnogo gorizonta stoyanki Vzvoz, punkt 2 (Severnoe Priangar'e) [The ceramic complex of the first cultural horizon of Vzvoz, paragraph 2 (North Angara region)]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 87-106.
8. Fokin, S.M. (2009) [Preliminary results of archaeological study of the Strelkovo archaeological complex]. *Krasnoyarskiy kray: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Krasnoyarsk region: Past, present and future]. Proc. of the International Conference. Vol. 1. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 164-167. (In Russian).
9. Nikolaev, R.V. (1963) Drevnie zhilishcha u sela Makovskogo [Ancient houses in the village of Makovskoe]. In: Lipskiy, A.N. (ed.) *Materialy i issledovaniya po arkheologii, etnografii i istorii Krasnoyarskogo kraya* [Materials and research on archeology, ethnography and history of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publ. pp. 49-53.
10. Khlobystin, L.P. (1998) *Drevnyaya istoriya Taymyrskogo Zapolyar'ya* [The Ancient History of Taymyr]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

УДК 904/908
DOI 10.17223/19988613/43/2

Н.Н. Серегин, В.В. Тишин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ «ЗАПАДНОГО» НАПРАВЛЕНИЯ КОНТАКТОВ ЭЛИТЫ ТЮРКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Элита древних тюрок Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№ 16-31-01029a2).

Проводится анализ археологических материалов, демонстрирующих контакты тюрок Центральной Азии с согдийцами во второй половине I тыс. н.э. Рассмотрены результаты раскопок ряда «элитных» погребальных комплексов, расположенных на территории Монголии и Алтая и относящихся к различным периодам истории кочевников. Представлен опыт прочтения рунических надписей на монетных индикациях из тюркских захоронений некрополей Увгунт и Туэкта. Обосновывается утверждение о значении брактеатов как важных показателей высокого статуса в обществе кочевников.

Ключевые слова: тюрки; элита; Центральная Азия; согдийцы; монетные индикации.

Одним из важных сюжетов истории тюрок Центральной Азии являются их активные внешние контакты во второй половине I тыс. н.э. Результатом такого взаимодействия стали различные заимствования от оседло-земледельческих народов в сфере материальной и духовной культуры. В основном эти контакты были обусловлены масштабной военной экспансией кочевников, а также развитием торговых отношений, что достаточно подробно отражено в археологической литературе на примере контактов тюрок с Китаем. Однако существовали и иные формы взаимоотношений кочевников с оседло-земледельческими народами. Известны случаи, когда последние непосредственно инкорпировались в кочевую среду, в результате чего создавался своеобразный культурный симбиоз. Примером подобной формы контактов могут выступать взаимоотношения тюрок с согдийцами. Разноплановые сведения о таком взаимодействии представлены в письменных источниках (из последних работ см.: [1, 2 и др.]). Археологические же материалы, демонстрирующие контакты тюрок с согдийцами, менее представительны и требуют специального анализа. Некоторые аспекты подобной работы представлены в настоящей статье.

Анализ археологических материалов. Археологические свидетельства «западного» направления контактов тюрок в Центральной Азии довольно фрагментарны. Широко известны результаты исследований единичных мемориальных комплексов с согдийскими надписями [3, 4 и др.]. При этом более конкретные данные для анализа особенностей контактов согдийцев с тюрками предоставляют результаты раскопок погребальных комплексов второй половины I тыс. н.э. в разных частях Центрально-Азиатского региона.

Одним из свидетельств согдийского влияния на материальную культуру тюрок является находка меча с согдийской надписью в погребении кургана № 9 памятника Джолин-I на Алтае [5. Рис. 5]. Возможным показателем «западного» направления контактов нома-

дов также может выступать фрагмент зеркала, обнаруженный в ходе раскопок комплекса Катанда-II [6. Рис. 7, б] и имеющий аналогии в памятниках Средней Азии. По мнению некоторых исследователей, значительная часть предметов торевтики из памятников тюрок Центральной Азии могла быть произведена согдийцами или самими номадами, но под влиянием согдийских изобразительных и технологических традиций [7. С. 135–137]. При этом подтверждение данной точки зрения требует осуществления отдельного исследования и привлечения всех имеющихся материалов. Так или иначе в данном случае уместно привести замечание Б.И. Маршака о том, что в связи со слабой степенью изученности искусства кочевников в настоящее время «трудно отличить то, что сделано кочевником, от того, что сделано для кочевников, и от того, что сделано осёдлыми для осёдлых, но под влиянием кочевников» [8. С. 51].

Важные материалы для исследования «западного» направления контактов тюрок предоставляют отдельные «элитные» погребальные комплексы, раскопанные на территории Монголии и Алтая. Особенностью этих объектов является присутствие в составе сопроводительного инвентаря монетных индикаций (брактеатов), происхождение которых, судя по имеющимся сведениям, может быть связано с территорией Согда.

Первый из обозначенных объектов раскопан на памятнике Увгунт в Центральной Монголии [9]. В ходе исследований зафиксировано своеобразное наземное сооружение – с южной стороны к насыпи кургана примыкала каменная пристройка, в которой, вероятно, первоначально была установлена стела или изваяние. Судя по имеющейся информации, в частично разграбленной могиле находилось захоронение человека в сопровождении двух лошадей. Сохранившийся инвентарь погребения представлен главным образом конским снаряжением (удила с псалями, подпружная пряжка, золотые бляшки-накладки, крупная позолоченная ажурная бляха с подвесными колокольчиками). Наибо-

лее яркой находкой является золотая индикация византийской монеты. Проведенный анализ данного предмета позволил заключить, что брактеат изготовлен в подражание византийским монетам Ираклия или Леонтия, что ограничивает возможный период его производства рамками второй половины VII – первой половины VIII в. [9. С. 10–12]. Характеристики изделия дают основания для предположения о том, что реплика выполнена согдийским мастером, который, судя по имеющейся на индикации рунической надписи, мог проживать в восточных согдийских колониях [Там же. С. 11].

Другая похожая находка зафиксирована ранее, в 1937 г., в ходе раскопок раннесредневекового комплекса Тузкта в Центральном Алтае [10. Табл. LII]. Материалы исследований данного памятника до сих пор опубликованы крайне фрагментарно, что затрудняет интерпретацию зафиксированных характеристик погребального обряда. Судя по представленному описанию, рассматриваемое золотое изделие обнаружено в центральном ограбленном захоронении кургана № 2 обозначенного некрополя [Там же. С. 305]. Важно отметить, что на данной индикации также зафиксирована руническая надпись, рассмотренная ниже. Вопрос о нумизматическом определении находки остается актуальным, что позволит более обосновано рассматривать происхождение изделия.

Серия монетных индикаций существенно пополнилась в результате раскопок «элитного» раннесредневекового комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) в Монголии [11. С. 183–196]. Исследование материалов данного памятника позволяет отнести его к одному из наименее изученных периодов в истории тюрков – времени зависимости кочевников от Китая (630–679). Проведенный специальный анализ нумизматической коллекции комплекса Майхан Уул, насчитывающей более 40 предметов, дало основания для выделения золотых индикаций византийских, согдийских и сасанидских монет, произведенных, судя по зафиксированным характеристикам изделий, в Восточном Согде [12. С. 77].

Важно отметить, что все рассмотренные погребения с золотыми индикациями в разной степени демонстрируют особенности погребальной обрядности элиты общества тюрков Центральной Азии. Несмотря на ограбленность объектов, очевидно присутствие в составе инвентаря «престижных» изделий. Вероятно, золотые брактеаты «западных» монет также отражали высокий прижизненный статус погребенных людей. Дополнительную информацию для интерпретации подобных находок предоставляют результаты изучения рунических надписей на индикациях.

Рунические надписи на монетных индикациях. С.Г. Кляшторным уже была предпринята попытка прочтения надписи на золотом брактеате из Увгунта [9. С. 12–13]. Можно согласиться с его транскрипцией второй строки (два знака вдоль правого края) как b2g, позволяющей предполагать наиболее вероятное прочтение b(e)g ‘правитель, вождь, бек, князь’, ‘господин’.

Трудно, однако, принять интерпретацию знаков первой строки (пять знаков по левому краю). Во-первых, ввиду того, что пространственная ориентация начертания первого знака, согласно С.Г. Кляшторному, отлична по отношению к последующим – в этом случае он расположен перпендикулярно по отношению к ним. Во-вторых, при интерпретации второго (если относить «точку» к первому) знака как неогубленного широкого гласного не учитывается тот факт, что, как правило, в памятниках древнетюркской рунической письменности гласные данного качества в первом корневого слоге не выписывались. В-третьих, не позволяет однозначно принимать восприятие всей надписи как единой конструкции само расположение строк, разбивающее устойчивое словосочетание по двум фрагментам.

Если так же следовать прочтению знаков по направлению сверху вниз, исходя из начертания портрета на пластинке, может быть предложено следующее толкование. Форма первого знака позволяет почти однозначно видеть здесь губной (узкий или среднеширокий) гласный заднего ряда /o ~ u/. Второй знак в виде точки, если исключить возможность наличия у него исключительно пунктуационного значения, демонстрирует скорее ближайшее сходство с формой /m/, характерной для рунических памятников Кыргызстана [13. С. 124–125. Табл. 18, стк. 34, 37], но вместе с тем здесь более вероятной видится известная в памятниках Монголии, бассейна Енисея и Восточного Туркестана, хотя и редкая, форма знака с фонемным значением /nt/ (в орхонике и турфанских текстах) или /ŋ/ (в енисейке) [13. С. 145. Табл. 18, стк. 1; 14. С. 161. Рис. 3; 15. С. 23, 27, 249, 252, 256; 16. С. 171]. В интерпретации третьего знака как широкого неогубленного гласного мы не имеем причин возразить С.Г. Кляшторному. Начертание четвертого знака позволяет предполагать здесь также форму лигатуры /nč/ [13. С. 146. Табл. 34, стк. 7], либо носового /ŋ/, характерную для восточно-туркестанских древнеуйгурских текстов [14. С. 161. Рис. 3]. В интерпретации пятого знака можно было бы согласиться с С.Г. Кляшторным, видя здесь палатализованный /r/ (r2), но неопределенность очертаний дает возможность предполагать здесь характерные для текстов из Восточного Туркестана аллографы графем с фонемным значением /t/ переднего ряда (t2) [13. С. 138–139. Табл. 28, стк. 13–14] либо веляризованного щелевого глухого /š/ (š1) [Там же. С. 134. Табл. 25, стк. 20; 14. С. 161. Рис. 3], что выглядит наиболее предпочтительным, исходя из всех вероятных вариантов транскрипции.

Транслитерация wINTADŋ1 дает предположительное чтение с разбивкой первой строки на две лексемы: (1) unta (или: onta) (a)ŋ(ī)š (2) b(e)g. Первая лексема при прочтении с полушироким инициальным гласным /onta/ могла бы быть сопоставлена с неизвестной для памятников древнетюркской рунической письменности формой, образованной от числительного on ‘десять’ при помощи аффикса локатива +dA (~ +tA), что, одна-

ко, вызвало бы значительные трудности при интерпретации всей фразы с точки зрения синтаксиса. В другом случае она может быть сопоставлена с формой наречия *onda* ~ *anda* ~ *unda* ‘там’, ‘тогда’ (< указат. местоим. *an / *on / *un), в древнетюркских памятниках зафиксированной в варианте *anta* [17. С. 456; 18. С. 166] (о первичности формы *un см. также: [19. С. 212–215]). Вместе с тем в одном из манихейских гимнов и в сутре «Алтун йарук» («Золотой блеск», или *Suvaṇṇaprabhāsottama*, ок. X в.), записанных древнеуйгурским письмом, встречается наречие *upa* (~ *ona*?) ‘вот, теперь’ [20. С. 612; 21. S. 141, 265; 22. P. 354–355], по мнению А. фон Габэн [23. S. 588], вокатив от указательного местоимения *ol* (> вокализ. *ona*). В древнеуйгурской версии биографии Сюань Цзана оно употреблено также в функции примыкающего определения, следуя дважды в конструкции с однородными членами: *upa* ... *upa* ..., что по контексту можно перевести конструкцией ‘как ..., так и ...’ [24. P. 66, 248]. Вероятно, это вариант формы дательного падежа с падением согласного (*upa* < **uṇa* < **un-ya*) [25. P. 57–61], характерный для огузской группы, sporadически встречающийся в памятниках орхонской и енисейской письменностей [16. С. 187]. В связи с неоднозначной интерпретацией фонемного значения знака интересно также наблюдение И.В. Кормушина о грамматической равнозначности дательного (+dA ~+tA) и направительного (+kA ~+gA) падежей при обозначении объекта действия [15. С. 252; 16. С. 187, 191]. Мы предполагаем в нашем случае фонетическую форму **onta* ~ **unta*, где формант +tA (т.е. с глухим согласным) является показателем более древней фонологии, характерным для всех орхонских и малого числа енисейских текстов [16. С. 188–189].

Вторая лексема также не находит фиксации в известном лексическом фонде. Предполагаемая разбивка на морфемы (aṇ-iš) позволяет сопоставить читаемое слово с однокоренными ср.-уйг. aṇu ‘образ’, ‘вид, изображение’ [20. С. 53, 662] (где, однако, ошибочно приводится форма aṇaṇu, ср.: [26. P. 249]), карах.-уйг. aṇu ‘картина’ [27. Стб. 186], восходящие, судя по всему, к глагольной основе aṇ- ‘помнить, упоминать’ [17. С. 153–154; 28. P. 168]. В нашем случае представлена форма с аффиксом -Xš, образующим имена существительные с абстрактным значением. Ср. омофоны: тобол. тат. аңыш ‘понятие’ [27. Стб. 185], чаг. аңыш ‘понятие’ [Там же. Стб. 186], восходящие к родственной именной основе aṇ ‘понимание’.

В целом можно предложить следующий перевод надписи: ‘(1) вот (такое) изображение: (2) правитель (господин)’. Если брать за основу палеографический аспект, то нам пришлось бы считать, что мы имеем дело с надписью, выполненной в период примерно второй половины IX–X в., в то время как фонология свидетельствует в пользу скорее VIII – первой половины IX в.

Надпись на золотой индикации из кургана № 2 у с. Туэкта, известной лишь по одной фотографии, опубли-

кованной С.В. Киселевым [10. С. 307. Табл. LII], до сих пор оставалась без внимания специалистов, хотя еще первооткрыватель отмечал здесь «надпись буквами, напоминающими орхонский курсив» [Там же. С. 305]. Вариант прочтения может быть предложен. На фотографии выделяются пять знаков, читаемых следуя по направлению справа налево вдоль портрета от его верхней части. Первый и третий знаки в форме «столбика» однозначно интерпретируются как /s/ ~ /š/, употреблявшийся в рунической письменности с перебоем [13. С. 133. Табл. 25, стк. 1; С. 135. Табл. 26, стк. 1], чаще в палатальном, но также и в велярном ряду [18. С. 64–65]. Второй знак передает лигатуру /nč/ [13. С. 146. Табл. 34, стк. 1, 5, 6]. Четвертый знак может быть интерпретирован как задний огубленный гласный [Там же. С. 93. Табл. 3, стк. 7]. Истолкование пятого знака затрудняется ввиду недостаточной четкости форм на снимке, однако, исходя из прочтения остальных знаков, мы предлагаем здесь фонемное значение /z/ с искажением верхнего левого элемента [Там же. С. 142. Табл. 30].

В итоге транслитерация s2Nčs2w1Z позволяет восстанавливать прочтение s(a)nčsuz, буквально ‘бессчетный, безрасчетный’ < *sa- ‘считать, подсчитывать’ [20. С. 478; 28. P. 781–782] + -(X)nčsXz – аффикс, образующий имена прилагательные как от каузативных, так и от пассивных основ [22. P. 152; 29. P. 349–356]. Подобного слова ни в одном из известных памятников и, соответственно, словарей, насколько нам известно, не зафиксировано, потому достаточно сложно определить его семантику – имеется ли в виду ‘нечто, не поддающееся счету’ или ‘нечто, не предназначенное для расчета’. Один из образующих составную морфему элементов, аффикс отрицательности +sXz, приводится здесь с графическим обозначением гласного (+suz). Для памятников древнетюркской рунической письменности это в целом не характерно, но такие моменты встречаются в отдельных енисейских текстах, авторы которых, по мнению И.В. Кормушина, хотя и подчеркивают свою принадлежность к определенной диалектной группе [16. С. 178–179]. Если это так, то автор надписи был носителем того диалекта, где вокализм характеризовался последовательной губной гармонией, приближенной к современному алтайскому языку.

Еще один знак, проглядывающийся слева от изображения, под трещиной, где, вероятно, также находился знак, невозможно интерпретировать. В зависимости от пространственной ориентации здесь можно предполагать l2 [13. С. 121. Табл. 17, стк. 9], ṇ [Там же. С. 126. Табл. 20, стк. 1, 3] или, более вероятно (ср. расположение знаков на брактеате из Увгунта), č [Там же. С. 140. Табл. 29, стк. 4] или i ~ i [Там же. С. 97. Табл. 2, стк. 4, 5, 9, 10]. Вслед за С.Е. Маловым [30. С. 16, 102] можем предположить в этом случае (a)č (< монг.?) ‘милость, благодетель’, ср. ср.-монг. хаči (кит., шрифт Паге-Па) ~ аči (уйг. шрифт), ‘вознаграждение, благодарность, милость’ [31. S. 20]; ср. карах.-уйг. аčı ‘награда, возна-

граждение; дары', 'благосклонность, доброжелательность', 'польза; благоденствие, удовольствие, счастье' [20. С. 5], уже (только у Махмуда Кашагрлы) – 'пода-рок от правителя' [27. Р. 22].

Недавно было высказано предположение о возмож-ном наличии рунических надписей на монетах из ком-плекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) [12. С. 75]. Однако ближайшее рассмотрение фотографий данных объектов [11. С. 183–196] не дает оснований согласить-ся с этим.

В заключении хотелось бы отметить следующее. Анализ зафиксированных особенностей археологиче-ских комплексов не позволяет сделать каких-либо вы-водов о конкретном функциональном назначении рас-смотренных монетных индикаций. При этом нет со-мнений, что золотые брактеаты являлись важными по-казателями социального статуса в обществе тюрков Центральной Азии. Все немногочисленные предметы обнаружены в «элитных» захоронениях разного уров-ня, отличающихся целым рядом специфичных характе-ристик обряда. Важно отметить, что эти комплексы

относятся к различным хронологическим периодам. Уточнение датировки обозначенных объектов возмож-но, в том числе, при дальнейшем анализе нумизматиче-ских находок. Особую актуальность имеет изучение индикации из памятника Туэкта, до сих пор не привле-кавшей внимание специалистов. Проведение такой ра-боты позволит также определить происхождение брак-теата. Изделия из комплексов Увгунт и Майхан Уул де-монстрируют контакты тюрков с согдийцами, отражая особенности взаимоотношений кочевников с представи-телями оседло-земледельческого мира в разные периоды истории. Содержание рунических надписей на бракте-атах в туэктинском и увгунтском погребениях, что ха-рактерно, присутствующих здесь в единичных экзем-плярах, согласно предложенному чтению, позволяет предполагать наличие у обнаруженных индикаций функций, не связанных с торговой сферой, и рассматри-вать их как предметы, отражающие какие-то взаимоот-ношения в среде тюркской элиты. Немногочисленность имеющихся материалов и гипотетичность прочтений не дают оснований для более конкретных заключений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maršak B.İ. Türkler ve Soğdlular // Türkler. Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 170–178.
2. Vaissière É. de la. Sogdian Traders: a History. Boston: Brill, 2005. 406 p.
3. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X. С. 121–146.
4. Ōsawa T. Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday. Venezia : Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. P. 471–504.
5. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в Средние века. Новосибирск : Наука, 1992. С. 25–36.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л.: Наука, 1965. 146 с.
7. Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: до-кументы, исследования, материалы. Бишкек: Би., 2003. С. 134–139.
8. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. М. : Наука, 1971. 191 с.
9. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской тюревтике // Ин-формационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. 1990. Вып. 16. С. 5–16.
10. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.
11. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхонт булшны малтлага судалгаа (Раскопки древнего захоро-нения в мавзолее). Улаанбаатар, 2013. 290 с.
12. Горбунов В.В., Серов В.В. Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015. № 1–4 (88). С. 72–78.
13. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983. 160 с.
14. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Наука, 2006. 591 с.
15. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии. Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.
16. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 342 с.
17. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
18. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л. : Наука, 1980. 170 с.
19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М. : Наука, 1988. 560 с.
20. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 714 с.
21. Saferoğlu A. Eski Uyğur Türkçesi Sözlüğü. İstanbul, 1968. 320 s.
22. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden ; Boston : E.J. Brill, 2004. 575 p.
23. Gabain A. (von) Die pronominal in Alttürkischen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1950. Bd. 100. S. 581–591.
24. Aydemir H. Die alttürkische Xuanzang-Biographie IX Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain ediert, übersetzt und kommentiert : Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen. Göttingen, 2011. 482 p.
25. Pellicci W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków : Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności, 1936. 80 p.
26. Pelliot P. Sur la légende d'Uyuz-khan en écriture ouïgoure // T'oung Pao (Second Series). 1930. Vol. 27, № 4/5. P. 247–358.
27. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. XVII с., стб. 1–968.
28. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972. 989 p.
29. Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden : Otto Harrassowitz Verlag, 1991. 874 p.
30. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
31. Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki : Yliopistopaino Oy, 2006. 841 s.

Seregin Nikolai N. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; Tishin Vladimir V. Institute of Oriental Studies (Moscow, Russia). E-mail: tihij-511@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE «WESTERN» CONTACTS OF TURKIC ELITE OF CENTRAL ASIA IN THE SECOND HALF OF I THOUSAND AD.

Keywords: Turks; elite; Central Asia; Sogdians; monetary indications.

The article considers the analysis of archaeological evidences of the «western» direction of contacts of Turkic peoples in Central Asia in the second half of the I-st millennium AD. The volume of the available materials is very insignificant, despite of considerable amount of information on the similar relations in written sources. The authors present the review of results of excavation of Turkic memorial complexes with the Sogdian inscriptions, and also materials of the funeral sites containing some confirmations of contacts of nomads in the «western» direction. The main attention is paid to the analysis of several «elite» Turkic funeral complexes of Uvgunt, Maykhan Uul and Tuekta which are dug out in the territory of Mongolia and Altai. The feature of these objects is a presence at structure of accompanying stock of monetary indications (brakteat) which origin, judging by the available data, can be connected with Sogd's territory. Additional information for interpretation of these finds could be obtained during the studying of runic inscriptions on indications which are presented in article in detail. The analysis of the recorded features of archaeological complexes does not allow drawing any conclusions on a concrete functional purpose of the considered monetary indications. At the same time there are no doubts that gold brakteats were important indicators of the social status in the Turkic society in Central Asia. All not numerous objects are found in the «elite» burials of different level differing in a number of specific characteristics of a funeral ceremony. It is important to note that these complexes belong to various chronological periods. Specification of dating of the designated objects is possible, including, in the further analysis of numismatic finds. Studying of the indication from Tuekta site which was still not drawing attention of experts has special relevance. Carrying out such work will allow defining an origin of a brakteat also. Products from complexes of Uvgunt and Maykhan Uul show contacts of Turkic peoples with Sogdians, reflecting features of relationship of nomads with representatives of the settled and agricultural world during the different periods of history. The maintenance of runic inscriptions on the brakteats in Tuekta and Uvgunt burial grounds that presents at single copies, according to the offered reading, allows to assume presence at the found indications of the functions which are not connected with the trade sphere and to consider them as the objects reflecting some relationship in the environment of Turkic elite. Small number of the available materials and a preliminary character of readings do not give the grounds for more concrete conclusions.

REFERENCES

1. Maršak, B.İ (2002) *Türkler ve Soğdlular*. Vol. 2. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları. pp. 170-178. (In Turkish).
2. Vaissière, É. de la. (2005) *Sogdian Traders: a History*. Boston: Brill.
3. Klyashtorny, S.G. & Livshits, V.A. (1971) Sogdiyskaya nadpis' iz Buguta [The Sughd inscription from Bugut]. In: Popov, I.F. (ed.) *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. pp. 121-146.
4. Ōsawa, T. (2006) Aspects of the relationship between the ancient Turks and Sogdians – Based on a stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang. In: Compareti, M., Raffetta, P. & Scarcia, G. (eds) *Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ich Maršak on the Occasion of his 70th Birthday*. Venezia: Libreria Editrice Cafoscarina. pp. 471-504.
5. Kubarev, V.D. (1992) Palash s sogdiyskoy nadpis'yu iz drevnetyurkskogo pogrebeniya na Altae [A broadsword with a Sogdian inscription from ancient Turkic burial in the Altai]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka* (North Asia and neighboring territories in the Middle Ages). Novosibirsk: Nauka. pp. 25-36.
6. Gavrilova, A.A. (1965) *Mogil'nik Kudyrga kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [The Kudyrga Burial as a source on the history of Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka.
7. Khudyakov, Yu.S. (2003) Iransko-tyurkskiy kul'turnyy simbioz v Tsentral'noy Azii [Iranian-Turkish cultural symbiosis in Central Asia]. In: Dzhunushaliev, D.D., Kakeev, A. & Ploskikh, V.M. (eds) *Problemy politogeneza kyrgyzskoy gosudarstvennosti: dokumenty, issledovaniya, materialy* [Problems of Kyrgyz statehood politogenesis: Documents, research materials]. Bishkek: [s.n.]. pp. 134-139.
8. Marshak, B.I. (1971) *Sogdiyskoe serebro. Ocherki po vostochnoy toreutike* [The Sogdia silver. Essays on the Eastern toreutics]. Moscow: Nauka.
9. Klyashtorny, S.G., Savinov, D.G. & Shkoda, V.G. (1990) Zolotoy brakteat iz Mongolii. Vizantiyskiy motiv v tsentral'noaziatskoy toreutike [Gold bracteates from Mongolia. The Byzantine motif in the Central Asian toreutics]. *Informatsionnyy byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii*. 16. pp. 5-16.
10. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Ochir, A., Erdenebold, L., Harzhaubay, S. & Zhanagin, Kh. (2013) *Ertniy nuudelchdiyn bunkhant bulshny maltaga sudalгаа* [Excavations of the ancient burial in the mausoleum]. Ulaanbaatar.
12. Gorbunov, V.V. & Serov, V.V. (2015) Numismatic Complex of Turk Tomb at Shoroon Bumbagar. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki i arkheologiya – The News of Altai State University. History and Archeology*. 1-4(88). pp. 72-78. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-10
13. Vasiliev, D.D. (1983) *Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoy runicheskoy pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematizatsii)* [Graphic monuments of Turkic runic writing in Asia (systematization)]. Moscow: Nauka.
14. Klyashtorny, S.G. (2006) *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Tsentral'noy Azii* [Monuments of ancient literature and ethno-cultural history of Central Asia]. St. Petersburg: Nauka.
15. Kormushin, I.V. (1997) *Tyurkskie eniseyskie epitafii. Teksty i issledovaniya* [Yenisey Turkic epitaph. Texts and Studies]. Moscow: Nauka.
16. Kormushin, I.V. (2008) *Tyurkskie eniseyskie epitafii: grammatika, tekstologiya* [Yenisey Turkic epitaphs: Grammar, textual]. Moscow: Nauka.
17. Sevortyan, E.V. (1974) *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [The Etymological Dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic vowels stems)]. Moscow: Nauka.
18. Kononov, A.N. (1980) *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv.* [The language grammar in the Turkic runic monuments of the 7th – 9th centuries]. Leningrad: Nauka.
19. Tenishev, E.R. (ed.) (1988) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [The Comparative Grammar of Turkic languages. Morphology]. Moscow: Nauka.
20. Nadelyaev, V.M., Nasilov, D.M., Tenishev, E.R., Shcherbak, A.M., Borovkova, T.A., Dmitrieva, L.V., Zyrin, A.A., Kormushin, I.V., Letyagina, N.I. & Tugusheva, L.Yu. (1969) *Drevnetyurkskiy slovar'* [The Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
21. Caferoğlu, A. (1968) *Eski Uyğur Türkçesi Sözlüğü* [The Old Uighur Turkish Dictionary]. Istanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları.
22. Erdal, M. (2004) *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: E.J. Brill.
23. Gabain, A. (von) (1950) Die pronominal in Alttürkischen [The pronominal in Old Turkish]. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 100. pp. 581-591.
24. Aydemir, H. (2011) *Die alttürkische Xuanzang-Biographie IX. Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain ediert, übersetzt und kommentiert* [The Old-Turkish Xuanzang Biography IX. Edited, translated and commented on

- the manuscripts of the Faculty of Philosophy of the Georg-August-University of Göttingen, according to the manuscript of Paris, Peking and St. Petersburg as well as the transcript of Annemarie by Gabain.]. Philosophy Doc. Diss. Göttingen.
25. Kotwicz, W. (1936) *Les pronoms dans les langues altaïques* [Pronouns in Altaic languages]. Kraków: Nakładem Polskiej Akademji Umiejętności.
 26. Pelliot, P. (1930) Sur la légende d'Uğuz-khan en écriture ouïgoure. *T'oung Pao (Second Series)*. 27(4/5). pp. 247-358. (In French).
 27. Radlov, V.V. (1893) *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [A Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
 28. Clauson, G. (1972) *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
 29. Erdal, M. (1991) *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
 30. Malov, S.E. (1952) *Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov: teksty i perevody* [Yenisei writing of the Turks: Texts and translations]. Moscow; Leninrad: USSR AS.
 31. Rybatzki, V. (2006) *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung* [The names and titles of the documents of the Middle Ages. A lexical examination]. Helsinki: Yliopistopaino Oy.

УДК 930.26
DOI 10.17223/19988613/43/3

А.М. Илюшин

ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ КИПЧАКИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию культурно-исторического феномена Дешт-и-Кипчак в истории развитого средневековья степей и лесостепей Евразии на основании новых археологических материалов. Описаны подходы в исследовании археологических материалов кочевников этого периода в Восточной Европе и Сибири. Ставится вопрос о необходимости пересмотра сложившихся стереотипов в интерпретации миграционных потоков кочевников Дешт-и-Кипчак только в одном направлении с востока на запад. Обобщаются результаты археологических исследований, которые свидетельствуют, что миграция кипчаков и носителей их культуры осуществлялась не только на запад, но и на восток, что привело к расширению территории Дешт-и-Кипчак от Дуная до Байкальской Сибири.

Ключевые слова: Дешт-и-Кипчак; развитое Средневековье; миграции; запад; восток.

Новые знания в исследовании кипчакского культурно-исторического феномена в период развитого Средневековья истории Степной Евразии во многом формируются за счет пополнения археологических материалов. Письменные источники в основной своей массе известны широкой научной аудитории и их массив практически не изменяется. Совсем по-другому обстоит дело с вещественными источниками по истории и культуре бесписьменных этносов, входивших в Дешт-и-Кипчак, которые изначально играли второстепенную роль, а сейчас за счет увеличения базы данных постепенно занимают лидирующее место в исследовании различных исторических и этнокультурных процессов. Неравномерная база источников по истории поздних кочевников привела к тому, что восточноевропейские археологические материалы преимущественно исследовались на уровне этнокультурных (печенеги, огузы, торки, половцы) [1–4 и др.] или типолого-хронологических комплексов развитого Средневековья [5 и др.], а сибирские – на уровне систематизации региональных археологических культур (сросткинская, басандайская, шандинская, аскизская, ладейская, усть-талинская и др.) и эпизодически этнокультурных комплексов (кимаки, огузы, кыргызы, кипчаки, теленгуты, кыштымы и др.) [6. С. 145–152; 7; 8; 9. С. 176–178; 10. С. 54–84; 11–13; 14. С. 120–126; 15. С. 147–214; 16–20; 21. С. 98–120; 22. С. 138–153; 23. С. 122–133; 24. С. 130–132; 25. С. 220–233; 26. С. 97–105; 27. С. 103–118; 28. С. 276–331; 29. С. 44; 30 и др.]. В этой связи возникла рыхлая структура восприятия культурно-исторического феномена Дешт-и-Кипчак, который в предмонгольский период истории (с конца X–XI до начала–середины XIII в.) охватил огромную территорию по поясу пустынь, степей и лесостепей от Байкала до Дуная, практически подготовил и обеспечил великодержавие монголов на Евразийском континенте.

До недавнего времени считалось, что кипчаки после распада кимакского государства, располагавшегося в предгорьях Северо-Западного Алтая, в верхнем и среднем течении р. Иртыш, двинулись на запад. С 1030 г. они стали соседями Хорезма, приведя в дви-

жение племена огузов, ранее проживавших на этих землях, а затем по следам последних заняли территории Казахстана, Южного Урала и восточноевропейские степи. В результате этих миграционных потоков на степных и лесостепных просторах Западной Евразии появились многочисленные кипчакские орды и их объединения. Для обозначения этого культурного феномена в арабских и персидских источниках развитого Средневековья стали употреблять термин Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) для этнополитической атрибуции территорий. Эта гипотеза в различных интерпретациях представлена в трудах разных авторов, вошла во многие энциклопедические, справочные издания и легла в основу интерпретации материалов многих археологических исследований [3. С. 213–222; 31; 32. С. 67; 33. С. 46–53; 34. С. 181–197; 35. С. 190–193; 36. С. 194–200; 37. С. 200–207; 38; 39. С. 149–169, рис. 50; 40; 41 и др.]. Однако появление новых археологических материалов и их систематизация позволяют ставить вопрос о том, что процессы последовательной миграции различных кочевых этносов в западном направлении были не столь прямолинейными. Более того, можно утверждать следующее:

1) миграционные потоки не были «этнически чистыми», они представляли собой скоротечные союзы (орды) из различных племен и этнических групп во главе с ведущим этносом;

2) социокультурная динамика была настолько высокой, что миграции одних и тех же этнических групп могли проходить в короткий исторический промежуток времени (в пределах 100 лет) в противоположных направлениях при их возвращении на «историческую родину»;

3) миграционные потоки кипчаков и носителей их культуры были не только в западном, но и в восточном направлении.

На это указывают факты наличия смешанных огузско-печенежских могильников [4. С. 92–97], присутствия кипчакского этноса в составе так называемых огузских племен на западных территориях уже в начале XI в. [36. С. 83], географическое удаление носителей одинаковых этнонимов (кумандинцы – команы, черные клобуки –

каракалпаки, шоры – шорцы), многочисленные аналогии в погребальном обряде и предметном комплексе, а также значительные миграционные потоки кипчакских племен в восточном направлении [9. С. 176–178; 11. С. 84; 12. С. 125–126; 14. С. 130–131; и др.]. Последнее имеет принципиальное значение для характеристики этнокультурных и исторических процессов в предмонгольский (кипчакский) период истории Центральной Азии.

Цель статьи – доказать наличие миграций кипчаков и носителей их культуры на восток, что привело к расширению территории Дешт-и-Кипчак до Байкальской Сибири, которая в монгольский период истории стала восточной окраиной Золотой Орды [42. С. 109–111; 43. С. 194–200]. Для достижения этой цели будут использованы методы компилятивного описания новых открытий и их сравнительно-исторический анализ.

Первыми восточными территориями под властью кипчаков стали просторы степного и лесостепного Алтая, где предмонгольский период истории связывают с третьим (шадринцевский) и четвертым (змеевский) этапами развития сросткинской культуры, когда кипчакский компонент начинает преобладать над местным смешанным самодийско-тюркским в степи, вытесняя его в лесостепь. Этот процесс объясняют усилением собственно кипчакских племен в Кимакском каганате, а после его распада – с их широкой миграцией на соседние земли в восточном и западном направлениях [9. С. 176–178; 10. С. 60].

Затем было Верхнее Приобье, где памятники X–XIV вв. А.А. Адамов тоже отождествляет со сросткинской археологической культурой и выделяет три ее локальных варианта – Новосибирский, Томский и Кузнецкий. В развитии сросткинской культуры носителями которой, по мнению исследователя, являлись кипчаки, он фиксирует два хронологических этапа: X–XII и XIII–XIV вв. Согласно авторской версии, на первом этапе сросткинцы продвинулись в пределы Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья, вытеснив и частично ассимилировав местное население носителей верхнеобской археологической культуры. Поэтому на втором этапе развития сросткинской археологической культуры в Верхнем Приобье смены населения не было, так как оно было тюркским (кипчакским), на основе которого в последующем сформировались томские татары [11. С. 76–84]. В последующем также было отмечено, что на территории Новосибирского Приобья монгольское завоевание начала XIII в. не внесло больших изменений в культуру степного населения, которое по-прежнему оставалось в основном тюркоязычным (кипчакским) [44. С. 91]. Другую версию проникновения кипчакского этноса в Верхнее Приобье предложила Л.М. Плетнева. Она выделила на территории Томского Приобья басандайскую археологическую культуру XI–XIV вв. с большой долей присутствия кипчакского компонента и предположила, что территория этой культуры может быть расширена за счет Среднего Приобья и Новосибирского Приобья, а томские татары являются прямыми потомка-

ми этнических групп носителей этой культуры [12. С. 117–131]. В последующем эту точку зрения разделили и другие коллеги. Было предложено рассматривать Верхнее Приобье в развитом Средневековье как территорию басандайской этнокультурной кипчакской общности [45. С. 91–94], которую в дальнейшем было предложено интерпретировать как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кипчак [46. С. 130–132]. При публикации новых археологических материалов раскопок погребальных памятников развитого Средневековья из Новосибирского Приобья авторы монографического исследования объединили их с синхронными материалами Томского Приобья в рамках басандайской археологической культуры. При этом в ней были зафиксированы как местные, так и пришлые компоненты, а некоторые различия в материалах конкретных памятников объяснились их принадлежностью к определенным субэтносам более крупной этнокультурной общности [13. С. 338–339]. Кроме этого, в Верхнем Приобье на территории Кузнецкой котловины была выделена самостоятельная шандинская археологическая культура тюркоязычных кочевников XI–XIV вв., которая была пришлой, а ее появление объяснялось массовой миграцией тюркоязычных (кипчакских) групп населения [14. С. 120–126].

Следующим регионом в движении на восток было Среднее Причулымье, где при исследовании погребальных памятников X–XIII вв. наряду с местным и пришлым кыргызским компонентами в культуре фиксируется присутствие кипчакского компонента на вторых ролях [47. С. 150]. Далее на восток на территории Канско-Ачинской лесостепи фиксируется ладейская культура VII–X – XIII–XIV вв., которая до сих пор изучена не достаточно полно. При этом фиксируется факт, что на рубеже I и II тыс. в этом регионе происходит смена культурных традиций, связанная с усилением кыргызов и появлением культурных компонентов из Среднего Причулымья и Западной Сибири [17. С. 217–219]. Далее на восток Байкальская Сибирь, где в верховьях Ангары и Лены открыты памятники усть-тагинской археологической культуры тюркоязычных кочевников (кипчаков), которая стала складываться в конце XI – начале XII в. и легла в основу этногенеза якутского этноса [48. С. 106–173]. По совокупности элементов погребального обряда эта культура очень близка культуре тюркских (кимако-кипчакских) племен Саяно-Алтая, Верхнего Приобья и Прииртышья, и даже завоевание монголами Предбайкалья в XIII в. не повлекло за собой переселения или уничтожения этих культурных традиций [18. С. 146–149]. Крайним восточным пунктом, куда добралась культура Дешт-и-Кипчак, является территория ближнего Забайкалья, где на уровне археолого-этнографических источников фиксируется ее присутствие, а кипчакский этнический компонент принял участие в этногенезе бурят [49. С. 185–186].

К сожалению, отсутствие узких дат для закрытых археологических комплексов развитого средневековья юга Западной и Средней Сибири не позволяет однозначно ответить на вопрос: «Сколько миграционных волн кипча-

ков и носителей их культуры было в восточном направлении за этот период»? Явно лишь то, что миграция носителей кыпчакской культуры в этот регион шла с запада, и эта территория с ее пришлым населением оказалась в зоне влияния культурного пространства Среднего Востока, которое объединяло тюркоязычных кочевников развитого средневековья от Байкала до Дуная. Наиболее вероятной причиной наблюдаемого явления стали геополитические события в Центральной Азии, в результате которых носители кыпчакской культуры вынуждены были покинуть свои традиционные места проживания и искать новые на северной периферии Саяно-Алтая.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что культурно-исторический феномен Дешт-и-Кипчак в период

истории развитого средневековья степей и лесостепей Евразии сформировался и существовал в результате миграции тюркоязычных (кыпчакских) этнических групп не только на запад, но и на восток. Происходило это на всем протяжении периода развитого средневековья под воздействием геополитических событий в Центральной Азии, которые определяли стартовую площадку, контингент, направление и динамику миграции. Этот феномен оказался в зоне влияния культурного пространства Среднего Востока, что способствовало формированию единой кыпчакской культуры тюркоязычных кочевников развитого средневековья от Байкала до Дуная, а противоположные направления миграционных потоков привели к появлению Восточного и Западного Дешт-и-Кипчак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : Наука, 1958. № 62. С. 151–226.
2. Плетнева С.А. Древности черных клобуков // Свод археологических источников. М. : Наука, 1973. Вып. Е1–19. 96 с.
3. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 213–222.
4. Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам коченического могильника у Саркела – Белой Вежи). М., 1990. 102 с.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
6. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : Наука, 1956. № 48. 198 с.
7. Неверов С.В. История племен сродстинской культуры в VIII–XII вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 19 с.
8. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сродстинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII–XII вв. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 24 с.
9. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сродстинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археологическом этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII ЗСАЭК. Томск, 2001. С. 176–178.
10. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас : учеб. пособие. Барнаул : ООО «Печатная компания АРКТИКА», 2011. 136 с.
11. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : Изд-во ОГПУ, 2000. 256 с.
12. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.
13. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
14. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
15. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск : Наука, 1982. 240 с.
16. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. М. : Наука, 1983. Вып. Е3–18. 128 с.
17. Фокин С.М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом Средневековье Красноярской лесостепи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 24 с.
18. Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Владивосток ; Иркутск, 2004. 304 с.
19. Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 43–45.
20. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
21. Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во АГУ, 2015. 224 с.
22. Худяков Ю.С. О происхождении культуры средневековых кыпчаков // Древности Алтая. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2004. № 12. С. 138–153.
23. Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа : БФАН СССР, 1986. С. 122–133.
24. Арсланова Ф.Х. Курганы кыпчаков у села Леонтьевка // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. Т. 3. С. 130–132.
25. Трифионов Ю.И., Алексин Ю.П., Илюшин А.М. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово ; Гурьевск : Изд-во КузГТУ, 1998. С. 220–233.
26. Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 97–106.
27. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
28. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Фил. фак-т СПбГУ, 2005. 346 с.
29. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1993. 116 с.
30. Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археологическо-этнографической экспедиции. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2014. Т. 8. 216 с.
31. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. 170 с.
32. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата : Наука, 1972. 156 с.
33. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1980. С. 46–53.
34. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы : Кылым, 1999. 296 с.
35. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 190–193.
36. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 194–200.
37. Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 200–207.
38. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 96 с.

39. Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья (IV–XIII века) : учеб. пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 248 с.
40. Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников Средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2000. 160 с.
41. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
42. Илюшин А.М. К вопросу о восточной границе Золотой Орды // Форум «Идель – Алтай» : материалы науч.-практ. конф. «Идель – Алтай»: истоки евразийской цивилизации, I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 109–111.
43. Илюшин А.М. Восточные кипчаки и Золотая Орда (к вопросу о границах улуса Джучи) // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие : сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения академика Национальной Академии наук Республики Казахстан Карла Молдахметовича Байпакова. Алматы, 2010. С. 194–200.
44. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины : учеб. пособие. Новосибирск : НГПУ, 2004. 136 с.
45. Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого Средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск : ОмГУ, 1998. С. 91–94.
46. Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кыпчак // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 130–132.
47. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
48. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
49. Дашибалов Б.Б. Бурятские погребения XVI–XVII вв. (кыпчаки в этногенезе бурят и якутов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы ; Омск : Издательский дом «Наука», 2004. С. 185–186.

Ilyushin Andrey M. Kuzbass State Technical University of name T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russia). E-mail: ilushin1963@mail.ru

THE WESTERN AND EAST KIPCHAK ON ARCHEOLOGY MATERIALS.

Keywords: Desht-i-Kipchak; the developed Middle Ages; migrations; West; East.

In the article the cultural and historical phenomenon of Desht-i-Kipchak in the history of the developed Middle Ages of steppes and forest-steppes of Eurasia on the basis of new archaeological materials is investigated. Approaches in research of archaeological materials of nomads of this period in Eastern Europe (through ethnocultural and/or tipologo-chronological complexes) and Siberia are described (through regional archaeological cultures and ethnocultural complexes). The author raised a question of the necessity of revision of the developed stereotypes for interpretation of migratory flows of nomads of Desht-i-Kipchak only in one direction from the East to the West. On the basis of new archaeological materials the facts that migratory streams were not “ethnically pure” and represented the transient unions (hordes) from different tribes and ethnic groups led by the leading ethnoses are given. Besides numerous evidences that migratory streams of Kipchak and carriers of their culture were not only in the western, but also eastern direction are provided. Among the territories which entered in Desht-i-Kipchak as a result of migration to the east of Turkic-speaking nomads of carriers of kipchak culture there were open spaces of steppe and forest-steppe of Altai, Upper Ob region (Novosibirsk and Tomsk Ob region, Kuznetsk Basin), Middle Tchuylm gerion, the Kansk and Achinsk forest-steppe, Cis-Baikal and Transbaikalia. Migratory processes proceeded throughout the period of the developed Middle Ages under the influence of geopolitical events in Central Asia which defined a launch pad, the contingent, the direction and dynamics. The author came to the conclusion that the cultural and historical phenomenon of Desht-i-Kipchak in the period of history of the developed Middle Ages of steppes and forest-steppes of Eurasia was created and existed as a result of migration the Turkic-speaking (kipchak) ethnic groups not only to the West, but also the East. This phenomenon appeared in a zone of influence of cultural space of the Middle East that promoted formation of kypchak culture of Turkic-speaking nomads of the developed Middle Ages from Baikal to Danube, and opposite directions of migratory streams led to emergence of East and Western Desht-i-Kipchak.

REFERENCES

1. Pletneva, S.A. (1958) Pechenegi, torki i polovtsy v yuzhnorusskikh stepyakh [Pechenegs, Cumans and Torkils in the southern Russian steppes]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR*. 62. pp. 151–226.
2. Pletneva, S.A. (1973) *Drevnosti chernykh klobukov* [Antiquities of the Black Hats]. Moscow: Nauka.
3. Pletneva, S.A. (1981) Pechenegi, torki i polovtsy [Pechenegs, Cumans and Torkils]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 213–222.
4. Pletneva, S.A. (1990) *Pechenegi i guzy na Nizhnem Donu (po materialam kochenicheskogo mogil'nika u Sarkela – Beloy Vezhi)* [The Pechenegs and Torkils on the Lower Don (a case study of the nomad burial at Sarkel-Belaya Vezha)]. Moscow: Institute of Archeology RAS.
5. Fedorov-Davydov, G.A. (1966) *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans]. Moscow: Moscow State University.
6. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village Bolshaya Rechka]. Moscow, Leningrad: Nauka.
7. Neverov, S.V. (1998) *Istoriya plemen srostkinskoy kul'tury v VIII–XII vv. n.e.* [The history of Srostki cultural tribes in the 8th–12th centuries AD]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
8. Kondrashov, A.V. (1998) *Izucheniye pogrebal'nogo obryada i sotsial'noy organizatsii naseleniya srostkinskoy kul'tury (po materialam arkhologicheskikh pamyatnikov yuga Zapadnoy Sibiri serediny VIII–XII vv. n.e.)* [The funeral rites and social organization of the Srostki culture (a case study of the archaeological sites in the south of Western Siberia in the middle of the 8th – 12th centuries AD)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
9. Neverov, S.V. & Gorbunov, V.V. (2001) [The Srostki Culture (periodization, area, componenta)]. *Prostranstvo kul'tury v arkhologo-etnograficheskoy izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii* [Cultural space in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and cross-border regions]. Proc. of the International Conference. Tomsk. pp. 176–178. (In Russian).
10. Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., & Gorbunova, T.G. (2011) *Altay v epokhu srednevekov'ya: illyustrirovannyi istoricheskiy atlas* [Altai in the Middle Ages: An Illustrated Historical Atlas]. Barnaul: ARKTIKA.
11. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob Region in the 10th – 14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
12. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkhologicheskim istochnikam)* [The Tomsk Ob region in the early 2nd millennium AD]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [The Upper Ob at the turn of epochs (The Basandayka culture)]. Novosibirsk: SB RAS.

14. Ilyushin, A.M. (2005) *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya* [Ethno-cultural history of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbas State Technical University.
15. Khudyakov, Yu.S. (1982) *Kyrgyzy na Tabate* [The Kyrgyz on Tabata]. Novosibirsk: Nauka.
16. Kyzlasov, I.L. (1983) *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv.* [The Askiz culture of South Siberia in the 10th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
17. Fokin, S.M. (2007) *Kul'turno-istoricheskie protsessy v rannem i razvitom srednevekov'e Krasnoyarskoy lesostepi* [Cultural and historical processes in the early Middle Ages and the development of the Krasnoyarsk forest steppe]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
18. Nikolaev, V.S. (2004) *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vekakh* [Funerary complex of the nomads in the south central Siberia in the 12th – 14th century]. Vladivostok: Irkutsk.
19. Mogilnikov, V.A. (1981) Kimaki [The Kimaks]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 43–45.
20. Mogilnikov, V.A. (2002) *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [The nomads of the north-western foothills of the Altai in the 9th – 11th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Dashkovskiy, P.K. (2015) *Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noy Azii* [The Kyrgyz in the Altai in the context of ethnic and cultural processes in Central Asia]. Barnaul: Altai State University.
22. Khudyakov, Yu.S. (2004) O proiskhozhdenii kul'tury srednevekovykh kypchakov [On the origin of the medieval Kipchak culture]. In: Soyonov, V.I. (ed.) *Drevnosti Altaya* [The Altai Antiquities]. Gorno-Altaysk: Altai State University. pp. 138–153.
23. Arslanova, F.Kh. & Samashev, Z.S. (1986) Kurgany kimakov v Semipalatinskoy Priirtysh'e [The Kimak Mounds on the Irtysh near Semipalatinsk]. In: Kuzeev, R.G. (ed.) *Problemy srednevekovoy arkheologii Urala i Povolzh'ya* [Problems of medieval archeology of the Urals and the Volga region]. Ufa: USSR AS. pp. 122–133.
24. Arslanova, F.Kh. (2012) *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego priirtysh'ya* [Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh]. Astana: Institute of Archaeology named after O.H. Margulan in Astana. pp. 130–132.
25. Trifonov, Yu.I., Alekhin, Yu.P. & Ilyushin, A.M. (1998) Novye arkheologicheskie materialy po istorii kypchakov Kazakhstana [New archaeological materials on the history of the Kipchak in Kazakhstan]. In: *Voprosy arkheologii Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Problems of archeology of North and Central Asia]. Kemerovo; Gurievsk: Kuzbass State Technical University. pp. 220–233.
26. Ilyushin, A.M. (2010) On the Kypchak constituent in the culture of the mediaeval population of the Kuznetsk hollow (based on the materials of Shabanovo 9 excavations). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 1. pp. 97–106. (In Russian).
27. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnyeturkskuyu epokhu* [The peoples of South Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
28. Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (2005) *Stepnye imperii drevney Evrazii* [The steppe empires of ancient Eurasia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
29. Ilyushin, A.M. (1993) *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat* [The Mounds of medieval nomads in the valley of the Bachat River]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
30. Ilyushin, A.M. (2014) *Kurgany kyshtymov v doline Ura* [The Kyshtym mounds in the Ur valley]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.
31. Kudryashov, K.V. (1948) *Polovetskaya step'* [The Cuman steppe]. Moscow: The State Publishing House of Geographical Literature.
32. Kumekov, B.E. (1972) *Gosudarstvo kimakov IX–X vv. po arabskim istochnikam* [The Kimaks State in the 9th – 10th centuries in the Arabian sources]. Alma-Ata: Nauka.
33. Akhinzhanov, S.M. (1980) Iz istorii dvizheniya kochevykh plemen Evraziyskikh stepey v pervoy polovine XI veka [From the history of nomad migration in the Eurasian steppes in the early 11th century]. In: Akishev, K.A. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana* [Archaeological studies of ancient and medieval Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka. pp. 46–53.
34. Akhinzhanov, S.M. (1999) *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty: Fylm.
35. Mogilnikov, V.A. (1981a) Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii X–XII vv. [Nomadic monuments in Siberia and Central Asia in the 10th – 12th centuries]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 190–193.
36. Mogilnikov, V.A. (1981b) Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii XIII–XIV vv. [Nomadic monuments in Siberia and Central Asia in the 13th – 14th centuries]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 194–200.
37. Kyzlasov, I.L. (1981) Askizskaya kul'tura (srednevekovye khakasy X–XIV vv.) [The Askiz culture (Medieval Khakasses in the 10th – 14th centuries)]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 200–207.
38. Ivanov, V.A. & Kriger, V.A. (1988) *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [The Kipchak mounds in the Southern Urals (the 12th – 14th centuries)]. Moscow: Nauka.
39. Pletneva, S.A. (2003) *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII veka)* [Nomads of the southern Russian steppes in the Middle Ages (the 4th – 13th centuries)]. Voronezh: Voronezh State University.
40. Bisembayev, A.A. (2000) *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.)* [The funeral rite of the medieval nomads in Western Kazakhstan (the 8th – 18th centuries)]. History Cand. Diss. Almaty, 2000. 160 s.
41. Ivanov, V.A., Garustovich, G.N. & Pilipchuk, Ya.V. (2014) *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii* [Medieval nomads on the border of Europe and Asia]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
42. Ilyushin, A.M. (2009) [On the eastern border of the Golden Horde]. *Idel' – Altay: istoki evraziyskoy tsivilizatsii* [Idel – Altai: The origin of Eurasian civilization]. Proc. of the International Conference. Kazan: Kazan Institute of History. pp. 109–111. (In Russian).
43. Ilyushin, A.M. (2010) Vostochnye kipchaki i Zolotaya Orda (k voprosu o granitsakh ulusa Dzhuchi) [Eastern Kipchak and the Golden Horde (about the borders of the Jochi Ulus)]. In: Baytanaev, B.A. (ed.) *Kazakhstan i Evraziya skvoz' veka: istoriya, arkheologiya, kul'turnoe nasledie* [Kazakhstan and Eurasia through the centuries: History, archeology, cultural heritage]. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza. pp. 194–200.
44. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (2004) *Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Archaeology of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
45. Ilyushin, A.M. (1998) Basandayskaya etnokul'turnaya obshchnost' na territorii Verkhnego Priob'ya v period razvitogo srednevekov'ya (po materialam Kuznetskoy kotloviny) [The Basandayka ethnocultural community in the Upper Ob region during the Middle Ages a case study of the Kuznetsk basin]. In: Zakharova, I.V. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and cross-border regions]. Omsk: Omsk State University. pp. 91–94.
46. Ilyushin, A.M. (2011) Basandayskaya etnokul'turnaya obshchnost' kak Verkhneobskaya orda vostochnogo Desht-i-Kypchak [The Basandayka ethnocultural community as the Upper Ob horde of the Eastern Desht-i-Kipchak]. In: Myagkov, D.A., Seleznev, A.G., Seleznev, I.A., Tataurov, S.F. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii* [Ethnic history and culture of the Turkic peoples of Eurasia]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 130–132.
47. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulye v X–XIII vv.* [The Middle Chulyum Region in the 10th – 13th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
48. Konstantinov, I.V. (1975) Proiskhozhdenie yakutskogo naroda i ego kul'tury [The origin of the Yakut people and its culture]. In: Mochanov, Yu.A. (ed.) *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti* [Yakutia and its neighbors in the past]. Yakutsk: SB RAS. pp. 106–173.
49. Dashibalov, B.B. (2004) Buryatskie pogrebeniya XVI–XVII vv. (kypchaki v etnogeneze buryat i yakutov) [Buryat burials of the 16th – 17th centuries. (The Kipchaks in the ethnogenesis of the Yakuts and Buryats)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integrating Archaeological And Ethnographic Research]. Almaty; Omsk: Nauka. pp. 185–186.

УДК 902.1
DOI 10.17223/19988613/43/4

А.А. Тишкин, С.А. Пилипенко

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЕРЕСТЯНЫХ НАХОДОК НА ПАМЯТНИКЕ ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ-I В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ)

*Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект № 16-18-10033
«Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).*

Рассматриваются средневековые головные уборы замужних монгольских женщин, известные в научной литературе как «бокка», или «богтаг» («боктаг»). Серия берестяных находок из курганного могильника Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье позволила реконструировать процесс изготовления таких женских головных уборов и провести сравнительный анализ с материалами из других памятников. Изучение обнаруженных деталей свидетельствует о существовавших стандартах в изготовлении важной составляющей части костюма замужней женщины монгольского времени.

Ключевые слова: Верхнее Приобье; монгольское время; берестяные детали; бокка; богтаг.

Некоторые средневековые путешественники и послы, в разное время посещавшие резиденции монгольских ханов, оставили свои немногочисленные описания. В этих письменных источниках уделено внимание убранству дворцов и парадных юрт, а также богатству отделки одежды представителей элиты. Яркие впечатления оказали головные уборы замужних женщин, которые в разных источниках обозначены как «гу-гу», «бокка» или «богтаг» (боктаг, бокто) [1]. Их изображения имеются на миниатюрах и портретах, а также среди наскальных рисунков. Из археологических памятников получены находки разной сохранности.

В 1884 г. остатки бокки были обнаружены в степном Приуралье Ф.Д. Нефедовым и К.А. Фишером. Но они оказались зафиксированы в качестве туесков со следами прошивки [2. С. 47–51]. Первая неплохо сохранившаяся и целая бокка с шапочкой из шелка найдена П.Н. Шишкиным в 1912 г. в Увеке (Укеке) (пригород современного г. Саратова). Она опубликована в 1913 г. А.А. Кротковым, который также предпринял попытку графической реконструкции выявленной одежды [3. С. 119–120].

Систематизация информации о бокках осуществлялась М.В. Гореликом. В его работах этот головной убор рассматривался как часть монгольского женского костюма [4. С. 34–35]. На основе письменных, изобразительных и археологических источников З.В. Доде выделила основные районы бытования таких изделий [5]. По мере накопления материалов о бокках особое внимание уделялось хорошо сохранившимся экземплярам из Поволжья [6] и Приуралья [7]. Истории изучения таких головных уборов и историографическому анализу имеющихся интерпретаций посвящены работы археологов из различных регионов [8. С. 8–13]. На территории России находки бокк в основном сосредоточены

на таких территориях, как Поволжье, Приуралье, Западная и Южная Сибирь [9].

Бокки в Западной Сибири обнаружены в 1940-х гг. на могильниках Басандайка [10] (рис. 1, 1, а) и Ближние Елбаны-VI (рис. 1, 1, в) [11. С. 59–60. Рис. 23]. В исходных публикациях эти находки обозначены как «туесок» и «берестяная воронка». В 1990-е гг. в Верхнем Приобье экспедициями Алтайского государственного университета проводились раскопки курганов монгольского времени на разновременном археологическом комплексе Телеутский Взвоз-I (рис. 1, 1, б) [12]. Все исследованные погребальные объекты оказались сильно разрушенными в ходе грабительских проникновений. Среди полученных материалов выявлено существенное количество изделий из бересты. Часть таких находок (рис. 1, 6–7) была отнесена к деталям характерных женских головных уборов (бокка, богтаг) [Там же. С. 95]. Изучение найденных берестяных изделий позволило провести сравнительный анализ с находками из Поволжья, а также изготовить экспериментальные реплики натуральных размеров [13]. Такой подход позволил идентифицировать изделия из могильников Басандайка и Ближние Елбаны-VI как части бокки.

Дальнейшая работа с материалами из Телеутского Взвоза-I (поиск аналогий, экспериментальное моделирование, трасологический анализ и т.д.) позволила установить факт использования населением юга Западной Сибири двух типов бокк: 1) с воронкообразным расширением «томско-алтайской разновидности» (рис. 1, 2); 2) изделия сложной конструкции «монголотянь-шаньской разновидности» (рис. 1, 3) [14]. Ко второму типу относится целая бокка, найденная в 2015 г. при раскопках на памятнике Крохалевка-5-11 (Новосибирское Приобье) [15] (рис. 1, 1, з).

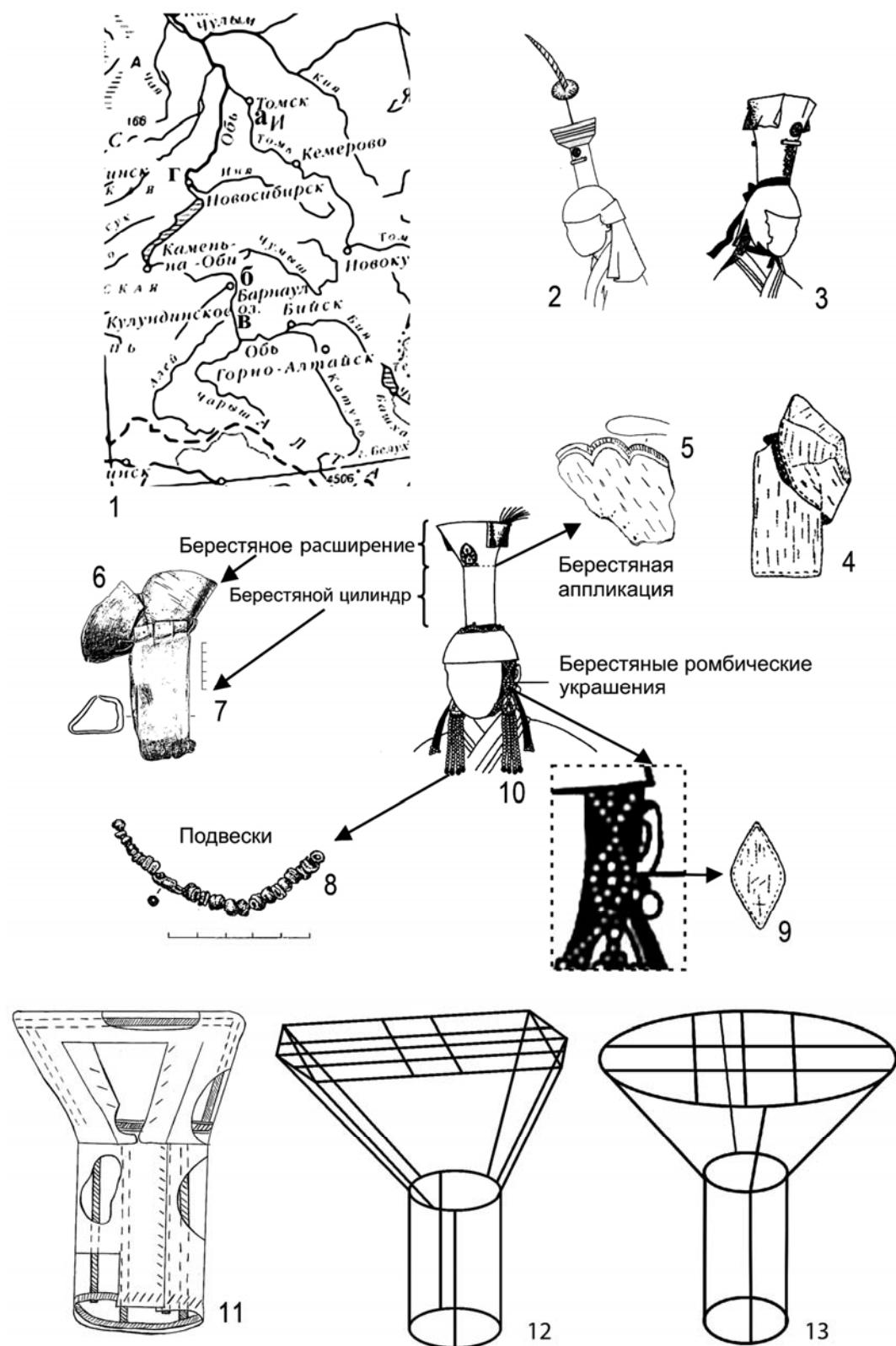

Рис. 1. Бокки с территории юга Западной Сибири:

- 1 – находки бокк в памятниках на части карты Западной Сибири; 2 – бокка с навершием воронкообразного типа; 3 – бокка с навершием сложной конструкции; 4 – берестяные детали бокки из памятника Ближние Елбаны-VI; соотношение деталей бокки 1-го типа с графическим прототипом; 5 – берестяная аппликация из могильника Басандайка; 6 – берестяное расширение бокки 1-го типа из Телеутского Взвоза-I; 7 – берестяной цилиндр из Телеутского Взвоза-I; 8 – бусы, украшавшие бокку из Телеутского Взвоза-I; 9 – положение берестяных ромбов в системе оформления бокки; 10 – графический прототип бокки первого типа на основе портретов юаньских императриц; 11 – реконструкция расположения деталей каркаса внутри бокки сложной конструкции (реконструкция С.А. Пилипенко); 12-13 – реконструкция внутренних каркасов у бокк 1-го и 2-го типов из могильника Телеутский Взвоз-I (реконструкция С.А. Пилипенко)

Бокки первого типа, кроме Телеутского Взвоза-I, известны в погребениях Западной Сибири на могильниках Ближние Елбаны-VI (см. рис. 1, 1, в) и Басандайка (см. рис. 1, 1, а). Они обозначены З.В. Доде как характерные для ряда территорий государства Ильханов и Китая [5. С. 54]. Известен аналогичный экземпляр в Китае (из частной коллекции), но немного отличающийся конструкцией (без крышки) [16. Р. 66. Кат. 35]. Бокки второго типа, помимо могильников Крохалевка-5-11 [15] (см. рис. 1, 1, з) и Телеутский Взвоз-I (рис. 1, 1, б), были ранее зафиксированы в Туве [17], а также обнаружены в Киргизии [18], Монголии [19] и Китае [16]. В настоящее время определен широкий круг аналогий обозначенным типам не только среди археологических находок, но и среди изобразительных источников. На основе найденных материалов стало возможным продолжение исследований. Был дополнительно осуществлен сравнительный анализ найденных берестяных наверший внутри коллекции из Телеутского Взвоза-I (материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, г. Барнаул) и изделий, обнаруженных в памятниках западных и восточных территорий [9, 14 и др.]. Такой подход обозначил выход на решение проблем, связанных с технологическими, этносоциальными и другими реконструкциями.

Изучение в музейных коллекциях берестяных деталей бокк другого («сапожкового») типа, бытовавшего в Урало-Поволжском регионе, позволяет выделить общие конструктивные признаки при изготовлении женских головных уборов монгольского времени в разных областях Монгольской империи. Это касается как формирования самих берестяных каркасов, так и оформления их внешнего вида (см. рис. 1, 5–10). В ходе проведения экспериментов по конструированию головных уборов на основе реальных археологических находок сформировались следующие наблюдения и суждения:

1. Бокки представляют конструкцию сложного типа из бересты с внутренним каркасом, сверху покрытую тканью и оформленную различными вариантами декора (см. рис. 1, 11), что находит отражение в письменных и изобразительных источниках.

2. Система вертикальных и горизонтальных отверстий в цилиндрах и расширениях бокк позволяет достоверно реконструировать вид внутренних каркасов бокк двух вышеобозначенных типов (см. рис. 1, 12–13).

3. В ходе изучения отдельных деталей бокк и при моделировании их аналогов натуральной величины удалось восстановить последовательность соединения берестяных и деревянных частей всего каркаса, которые после скрепления взаимно дополняли друг друга, демонстрируя стройную и органичную конструктивную систему (см. рис. 1, 11).

4. Установлено, что несохранившиеся деревянные перекрестья (выявлены по отверстиям на крышках бокк) выполняли также функцию формирования внеш-

него каркаса, связывающего в единое целое конструкцию верхней части навершия бокки, крепясь нитями через крышку к внутреннему каркасу верха.

5. Украшение берестяными ромбами (как найденных, например, на памятниках Ближние Елбаны-VI и Телеутский Взвоз-I) лент крепления бокки аналогично изделиям из соседних регионов и представляет собой часть однотипной системы крепления берестяного верха бокки с подбородком и затылком (рис. 1, 9–10).

6. Помимо общих моментов выявлены и региональные отличия. Так, на бокках из Басандайки и Крохалевки-5-11 отмечено применение берестяных аппликаций, которые могут выступать основой для более мелких украшений или их имитации (рис. 1, 5).

7. Мастера, изготавливавшие бокки, имели широкую специализацию: от знаний процесса заготовки бересты и ее качеств (что важно при сочетании слоев бересты и деревянного каркаса) до раскроя ткани и украшения.

8. Свой вклад в изготовление рассматриваемых головных уборов могли вносить другие мастера, поставлявшие отдельные детали для оформления внешнего вида. Возможно, бокки изготавливали в специальных ремесленных мастерских с налаженным поточным производством. Этим, например, можно объяснить схожесть форм. Имеющиеся различия в оформлении подчеркивают замысел мастера или индивидуальные предпочтения заказчика. В отдаленных районах Монгольской империи бокки могли изготавливаться на местах и украшаться не так, как в центральных областях империи.

Проведенные исследования позволяют наметить поле для дальнейшего детального рассмотрения коллекции берестяных изделий из могильника Телеутский Взвоз-I. Имеющиеся находки демонстрируют схожие принципы конструкции и монтажа, что позволяет сделать вывод о разработанной технологии подготовки и сборки изделия. Берестяные навершия из могильника Телеутский Взвоз-I по своей информативности являются важным звеном для понимания не только технологических аспектов конструкции бокк, но и реконструкции процессов взаимодействия отдельных групп населения в монгольское время на юге Западной Сибири. Это также актуально в отношении разделения границ Золотой Орды и территорий, подчиненных империи Юань. Можно указать, что на территории Верхнего Приобья господствовала юаньская традиция использования женских головных уборов выявленных двух типов. Навершия в виде «сапожка» или «утиной головы» более характерны для западных регионов.

Дальнейшая систематизация значительного количества находок и реконструкция технологических особенностей изготовления деталей разных типов бокки позволят получить более полное представление о важном этнокультурном явлении в период Монгольской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишкин А.А. Археологические изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Наука-Омск, 2003. С. 125–128.
2. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). Уфа : Изд-во БГПУ, 2014. 328 с.
3. Кротков А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов : Типо-литография Губернского Правления, 1915. Вып. 32. С. 111–133.
4. Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. 2010. № 1. С. 16–41.
5. Доде З.В. К вопросу о боктаг // Российская археология. 2008. № 4. С. 52–63.
6. Мамонова А.А., Лантратова О.Б., Орфинская О.В. Бокка из захоронения № 51 могильника Маячный Бугор-II (Астраханская область) // Батыр. 2012. № 4–5. С. 122–126.
7. Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламова П.В. Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург : ООО «НПК Университет», 2014. Вып. 11. С. 214–228.
8. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с. (Археология евразийских степей, Вып. 16).
9. Тишкин А.А., Пилипенко С.А. Берестяные детали женских головных уборов в курганах монгольского времени памятника Телеутский Взвоз-I: восточные и западные аналогии // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия). URL: http://zsack.tsu.ru/sites/default/files/webform/Тишкин_Пилипенко.pdf, свободный.
10. Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 129–133.
11. Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009. 208 с.
12. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.
13. Тишкин А.А., Пилипенко С.А. Опыт реконструкции женских головных уборов монгольского времени // V Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 233.
14. Пилипенко С.А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутский Взвоз-I в Степном Алтае (технологический аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2 (80). С. 84–87.
15. Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 297–302.
16. Gold, Silk, Blue and White Porcelain: Fascinating Arts of Marco Polo Era. Hangzhou: ISAT/COSTUME SQUAD LTD (HONG KONG). 2005. 215 p.
17. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб. : Элексис Принт, 2007. 197 с.
18. Табалдиев К. Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. Бишкек : Айбек, 1996. 256 с.
19. Эрдэнбат У. Богтаг мангалайн чимэгл // Оюуны хэлхээ. 2010. № 1 (06). С. 71–113.

Tishkin Aleksey A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: tishkin210@mail.ru; *Pilipenko Sergey A.* Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia). E-mail: pilipenkosergej@mail.ru

ON THE POSSIBILITY OF THE RECONSTRUCTION OF WOMEN'S HEADRESSES OF THE MONGOLIAN TIME (BASED ON BIRCH FINDS ON THE TELEUT VZVOZ-I MONUMENT IN THE UPPER OB REGION).

Keywords: south of Western Siberia; the Upper Ob region; Teleut Vzvoz-I; mounds; Mongolian time; birch bark detail; bocca, bogtag; decoration.

The article studies the results of individual items discovered on the Teleut Vzvoz-I monument located in the south of Western Siberia, in the Pavlovsk district of the Altai Territory, on the left (high) bank of the Ob. In the course of its research in the 1990-s, the expeditions of Altai State University discovered the mounds of the Mongolian time, greatly disturbed by plunders, which contained numerous products of birch bark. Among them were revealed details of carcasses of two types of headdresses of married women, named in the scientific literature as "bocca" or "bogtag". The first type is characterized by a funnel-type expansion of the upper part of birch bark top. The second has more complex structure. The detailed examination of the found birch bark products can not only restore the kind of the headdress, but also identify the peculiarities of their design. These materials make it possible to compare the reconstructions with similar objects found in the tombs of the eastern and western regions of Eurasia. Among them there are some practically intact items. In addition, descriptions and images of headdresses of married women during the Mongol Empire of the developed Middle Ages are well known from various written and pictorial sources. However, many details of the available designs and jewelry need further researching. Birch bark of the women's headdresses were found in six mounds of the Teleut Vzvoz-I monument. On two burial sites the identification was made of two boccas referring to the selected types (in mounds № 9 and 12). This fact is unique not only for the monuments of the Mongolian time of Western Siberia, but generally for all known archaeological sites of this period in Eurasia. The headdresses in the nomadic mounds of the developed Middle Ages of the Upper Ob region suggest the strong influence of the Mongolian Empire culture, and the high social status of women. Similar evidences were found on the Basandayka burial ground (Tomsk Region), the Near Elbany-VI complex (Altai region) and the Krohalevka-5-11 monument (Novosibirsk region). One of the authors of the article characterized them as the objects of the Tomsk-Altai type. Among other findings were details of the bocca of a more intricate design belonging to the Mongolian Tien Shan type. After the frame and birch pieces were tightly fixed together, the boccas were covered in cloth (possibly silk) and decorated (with beads, appliques and other products made of different materials). The research of the items demonstrates similar principles of construction and assembling, which allows the authors to make a conclusion about the developed technology of preparation and assembling of women's headdresses in the period under study.

REFERENCES

1. Tishkin, A.A. (2003) Arkheologicheskie izobrazitel'nye i pis'mennyye svidetel'stva o zhenskikh golovnykh uborakh mongol'skogo vremeni [Archaeological pictorial and written evidence about women's headgear of the Mongolian time]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk: Nauka-Omsk. pp. 125-128.

2. Garustovich, G.N. & Ivanov, V.A. (2014) *Materialy po arkheologii srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. n.e.)* [Materials on the archeology of medieval nomads of the Southern Urals (the 9th – 15th centuries BC)]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University.
3. Krotkov, A.A. (1915) Raskopki na Uveke v 1913 godu [Excavations at Uvek in 1913]. *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 32. pp. 111–133.
4. Gorelik, M.V. (2010) Vvedenie v rannuyu istoriyu mongol'skogo kostyuma (X–XIV vv., po izobrazitel'nym istochnikam) [Introduction to the early history of the Mongolian costume (the 10th – 14th centuries, by pictorial sources)]. *Batyr*. 1. pp. 16–41.
5. Dode, Z.V. (2008) K voprosu o boktag [On the question of boktag]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 4. pp. 52–63.
6. Mamonova, A.A., Lantratova, O.B. & Orfinskaya, O.V. (2012) Bokka iz zakhoroneniya № 51 mogil'nika Mayachnyy Bugor-II (Astrakhanskaya oblast') [The bocca from Burial 51 of Mayachny Bugor-II (Astrakhan region)]. *Batyr*. 4–5. pp. 122–126.
7. Bytkovskiy, O.F., Zasedateleva, S.N., Matyushko, I.V. & Kharlamova, P.V. (2014) Srednevekovye zakhoroneniya Novokumakskogo mogil'nika (III severo-zapadnaya gruppa) [Medieval burials of Novokumaksky cemetery (III Northwest group)]. In: Morgunova, N.L. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological monuments of Orenburg Region]. Orenburg: NPK Universitet. pp. 214–228.
8. Karimova, R.R. (2013) *Elementy ubransiya i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ord' (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)* [Elements of decoration and costume accessories of the Golden Horde nomads (typology and sociocultural interpretation)]. Kazan: Institute of History of RT AS.
9. Tishkin, A.A. & Pilipenko, S.A. (2016) [Birch bark details of women's headgear in the mounds of the Mongolian time in the Teleut vzvoz-I: Eastern and Western analogy]. *Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodeystviy* [East and West: Synchronizing Ethno-Cultural Interactions]. Proc. of the 17th International West Siberian Conference. Tomsk. April 20–22, 2016. [Online] Available from: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Tishkin_Pilipenko.pdf. (In Russian).
10. Pilipenko, S.A. (2003) Mongol'skiy golovnoy ubor iz mogil'nika Basandayka [Mongolian headgear from the Basandayka burial]. In: Kiryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 129–133.
11. Tishkin, A.A. (2009) *Altay v mongol'skoe vremya (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai in the Mongolian time (archaeological sites)]. Barnaul: Azbuka.
12. Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V. & Kazakov, A.A. (2002) *Kurgannyi mogil'nik Teleutskiy Vzvoz-I i kul'tura naseleniya Lesostepnogo Altaya* [The mounds Teleut Vzvoz-I and the population of Forest-Steppe Altai culture]. Barnaul: Altai State University.
13. Tishkin, A.A. & Pilipenko, S.A. (2003) [Reconstruction of female headgear of the Mongolian time]. *V Kongress etnografov i antropologov Rossii* [The Fifth Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Moscow: Ethnology and Anthropology RAS. pp. 233. (In Russian).
14. Pilipenko, S.A. (2013) Bokka slozhnoy konstruktssii iz kurgannogo mogil'nika Teleutskiy Vzvoz-I v Stepnom Altae (tekhnologicheskyy aspekt) [A bocca with complex design from the burial mound Teleut Vzvoz-I in the Steppe Altai (a technological aspect)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*. 4/2(80). pp. 84–87.
15. Marchenko, Zh.V., Grishin, A.E., Kishkurno, M.S., Galyamina, G.I. & Nazarova, L.V. (2015) Novye dannye po pamyatnikam Krokholevskogo arkheologicheskogo mikrorayona (Novosibirskoe Priob'e) [New data on the archaeological monuments in Krokholevsky neighborhood (the Ob area near Novosibirsk)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and cross-border regions]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. pp. 297–302.
16. Feng, Zh. & Lin, J. (2005) *Gold, Silk, Blue and White Porcelain: Fascinating Arts of Marco Polo Era*. Hangzhou: ISAT/COSTUME SQUAD LTD (HONG KONG).
17. Dluzhnevskaya, G.V. & Savinov, D.G. (2007) *Pamyatniki drevnosti na dne Tuvinskogo morya* [Antiquities at the bottom of the Tuva sea]. St. Petersburg: Eleksis Print.
18. Tabaldiev, K. (1996) *Kurgany srednevekovykh kochevnikov Tyan'-Shanya* [The barrows of medieval nomads in the Tien Shan]. Bishkek: Aybek.
19. Erdenbat, U. (2010) Bogtag mangalayn chimegl. *Oyuuny khelkhee*. 1(06). pp. 71–113. (In Mongolian).

УДК 9.902/904
DOI 10.17223/19988613/43/5

А.И. Боброва, А.Ш. Бодрова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТИЛЬ ИЗ ОСТЯЦКИХ МОГИЛЬНИКОВ XVI–XVII вв. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОДЕЖДЫ СЕЛЬКУПОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А.П. ДУЛЬЗОНА НА р. ОБИ В 1954 г.)

На основе технологического и сравнительного анализа выявлены виды текстильных материалов из остяцких могильников XVI–XVII в. – Пачангского и на Остяцкой Горе, применявшихся при изготовлении одежды предками нарымских селькупов (остяко-самоедов). Показано происхождение этих находок и определена их принадлежность к местному или привозному (импортному) текстилю. Наряду с этим выявлено, имеются ли аналоги данного текстиля среди других погребальных памятников XVI–XVII вв. Прикетья и на р. Оби.

Ключевые слова: археологический текстиль; река Обь; могильники; селькупы; технологический анализ.

Археологический текстиль – ценный источник информации о жизнедеятельности древних и средневековых обществ. Значимость его прекрасно осознавал А.П. Дульзон, в полевых дневниках и публикациях которого сохранилось описание фрагментов одежды из погребений, раскопанных им в 1954 г. остяцких могильников XVI–XVII в. – Пачангского и на Остяцкой Горе, в Молчановском районе Томской области [1–3]. Исследователь считал, что эти памятники были оставлены предками нарымских селькупов (остяко-самоедов) [2. С. 131–132]. В полевых условиях он тщательно записывал свои наблюдения, сопровождая их рисунками, что и сегодня позволяет определить местонахождение отдельных деталей одежды погребенных [1. С. 230–250; 2. С. 113].

А.П. Дульзон отмечал, что шили ее из кожи, шкурки различных зверей, тонких и грубых тканей – шерстяных и растительного происхождения. При изготовлении верхней одежды использовали шерстяные ткани черного, красного и зеленого цвета; ее борта декорировали полосками позумента [2. С. 113]. Женская одежда, по сравнению с мужской, имела более нарядный вид: ее украшали металлическими бляшками, монетами, бисером и бусами; подпоясывали ткаными поясами, с бисерными и бронзовыми накладками. К нижней кромке поясов пришивали подвески из металла или бус.

Целью статьи является рассмотрение текстильных находок из погребений XVI–XVII вв. с Остяцкой Горы и Пачангского могильника как важного исторического источника для изучения традиционной одежды селькупов р. Оби. Особую значимость материалам придает тот факт, что до сих пор археологический текстиль из этих могильников специальному анализу не подвергался, несмотря на то, что западносибирский текстиль XVI–XVII вв. был предметом исследования Т.Н. Глушковой [4].

Задачи исследования тесно связаны с выяснением происхождения этих находок и определением их принадлежности к местному или привозному (импортному) текстилю.

В качестве одного из основных методов использован метод технологического анализа, без которого в настоящее время невозможно изучение археологических древностей. Обращение к данному методу позволяет определить исходное сырье имеющихся материалов и проследить технологию изготовления текстиля.

Сравнение полученных данных технологического анализа с известными материалами погребальных комплексов XV–XVII вв. из Прикетья и Приобья, а также с письменными источниками о западносибирском текстиле позволило выявить общее и особенное в характеристике археологического текстиля из селькупских могильников Пачангского и на Остяцкой Горе.

В своем исследовании авторы опирались на работы А.А. Воскресенского, Н.П. Тихонова, А. Нахлик, Т.Н. Глушковой и других специалистов, углубленно занимавшихся изучением археологических тканей [4–6].

При технологическом анализе текстиля проводился материаловедческий и структурный анализ текстильных материалов, включающий комплекс специальных методов, позволяющих получить информацию о волокнистом составе и сырье, из которого выработана пряжа; нити для изготовления текстиля. Кроме того, учитывались признаки, характеризующие технологические особенности: способы крутки нитей и пряжи; соотношение крутки основы (о) и утка (у) ткацкого изделия; их тонины; плотности нитей основы и утка; способа переплетения нитей в полотне; уровня производства и месте происхождения. При характеристике параметров текстиля за основу приняты условные обозначения, используемые в текстильном материаловедении [7, 8]. Толщина (тонина) пряжи (нити) выражается в десятых и сотых миллиметра в зависимости от волокон, из которых она выполнена. При определении пряжи использованы обозначения Z и S, указывающие на направление крутки (Z – крутка правая, S – крутка левая). При описании крутки пряжи в ткани приводятся обозначения – ZZ, ZS и т.п. В этом случае первый знак определяет направление крутки пряжи основы, второй – утка.

Предметом изучения стали материалы, полученные А.П. Дульзоном в 1954 г. и хранящиеся в фондах Томского областного краеведческого музея более 60 лет. Фрагменты одежды обнаружены в 5 погребениях четырех курганов Пачангского могильника XVI в. (колл. № 1498). Из их числа 4 образца принадлежат к текстильным материалам. В коллекции могильника XVII в. на Остяцкой Горе материалы для одежды и ее аксессуаров сохранились в 12 погребениях шести курганов (колл. № 1499). Всего к текстильным материалам относятся 27 образцов: тканей – 17, нитей – 2, пряденые нити

(позумент?) – 2, тесьмы – 1, шнуров – 2, войлока – 1. В табл. 1 показано общее соотношение текстильных материалов, обнаруженных в вышеуказанных памятниках и являющихся предметом настоящего исследования.

Данные табл. 1 иллюстрируют преобладание среди находок тканей из шерстяного волокна. Это объясняется тем, что шерстяная ткань в условиях Сибири является наиболее подходящим материалом, она обладает высокими теплозащитными свойствами.

Результаты исследования структурных параметров тканей из шерсти показаны в табл. 2.

Таблица 1

Соотношение текстильных материалов из могильников Пачангского и на Остяцкой Горе

Сырье	Ткани	Нити	Пряденые нити (позумент?)	Шнуры	Войлок	Тесьма
Шерсть	11			1	1	1
Хлопок	4					
Шелк	2		2	1		
Сухожилие		2				

Таблица 2

Технологические характеристики шерстяных тканей Пачангского могильника XVI в. и могильника XVII в. на Остяцкой Горе

№ образца	Основа		Уток		Плотность		Характер переплетения	Сорт	Размеры фрагмента и название ткани
	Тонина	Крутка	Тонина	Крутка	Основа	Уток			
1	0,8	Z	1,1	S	9	6	Полотняное	IV	Сукно красно-коричневого цвета
2	0,6–0,7	Z	1,0	S	11–12	8	Полотняное	III	Ткань зеленого цвета. Крутка в утке более слабая. Сукно
3	0,8	Z	1,0	Z	7–8	6–7	Полотняное	IV	5,0x4,0 см. Ткань темно-зеленого цвета. Легкий настил с одной стороны
4	0,6	Z	0,6	Z	11–12	11–12	Полотняное	III	Ткань зеленого цвета, с легким настилом, плотная с ровными, туго свитыми нитями
5	1,0	Z	1,1	Z	8	6	Полотняное	IV	16,5x3,5 см. Ткань темно-зеленого цвета, с легким войлокообразным настилом
6	0,8	Z	1,0	Z	10	8	Полотняное	III	8,9x9,0 см. Ткань темно-коричневого цвета, плотная, с легким настилом с одной стороны
7							Полотняное		В монолите с землей: ткань растительная поверх шерстяной
8							Полотняное		Ткань черного цвета. Фрагмент малых размеров
9							Полотняное		5,2x2,8 см. Ткань темно-коричневого цвета, с кромкой по одному краю, с войлокообразным настилом с обеих сторон. Сукно
10							Полотняное		В монолите с землей: ткань красного цвета из толстых ниток и ткань черного цвета с пушистой поверхностью
11							Полотняное		

В табл. 2 представлены аналитические данные образцов тканей, изготовленных только из шерстяной пряжи. Более детальному анализу подверглись 6 образцов, имеющих хорошую сохранность. Все ткани изготовлены способом полотняного переплетения нитей, но каждая из них имеет свои особенности, которые проявляются в разнообразных сочетаниях крутки, тонины и плотности расположения нитей в тканом полотне. Среди этих тканей преобладают те, которые выработаны из

одинаково скрученных нитей в соотношении крутки ZZ из пряжи средней тонины, в них нити по основе 0,6–0,8 мм, по утку – 1 мм (параметры группы средней тонины шерстяной пряжи по Т.Н. Глушковой), за исключением образца № 5. Нити основы и утка имеют незначительную разницу в тонине, уток отличается большей неравномерностью нити и меньшей величиной крутки. Соотношение плотности нитей в основе и утке достаточно равномерное. Эти ткани имеют откры-

тую структуру и легкую пушистость, образовавшуюся на поверхности за счет способности шерстяных волокон образовывать войлокообразный настил.

Два образца ткани выработаны полотняным переплетением, но из разнонаправленных нитей в соотношении ZS кручения, на одной из поверхностей имеют плотный войлокообразный настил. Один образец выработан из нитей группы средней тонины (0,6–0,7 мм основа, 0,7–1 мм уток). Соотношение плотности нитей в основе и утке достаточно равномерное. Другой образец ткани выработан из нитей 3 группы, относящихся к толстым: 0,7–0,8 мм в основе, 0,7–1 мм уток. Установленные технологические характеристики этих тканей атрибутируют их как суконные.

Согласно исследованиям Т.Н. Глушковой, ткани полотняного переплетения, выработанные из нитей в соотношении ZZ кручения, известны по западносибирским материалам с эпохи бронзы и раннего железного века [4. С. 93–95]. Изученные нами образцы по технологическим показателям имеют аналоги в памятниках XVI–XVII вв. Томско-Нарымского Приобья и среди суконных тканей Западной Сибири. Они характеризуются традиционным для сукна направлением крутки в основе и утке и использованием средних и толстых нитей. По данным Т.Н. Глушковой, суконная технология преобладала в этот период в Нижнем, Сургутском и Томско-Нарымском Приобье [Там же. С. 96–98].

Впервые в результате соотнесения с данными новгородских тканей нами определена сортность тканей из погребений Пачангского могильника и могильника на Остяцкой Горе. За основу приняты показатели, установленные А. Нахлик при исследовании средневековых тканей Гданьска: знак IV обозначает ткань низшего сорта, III – среднего, II – первого, I – высшего сорта [6. С. 229, 246]. Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что ткани из указанных селькупских могильников в основном относятся к III и IV сортам.

Согласно аналитическим данным образцов тканей, можно сделать вывод о том, что показатели качества ткани зависят от плотности расположения пряжи в структуре ткани и ее тонины. Чем тоньше пряжа используется при выработке ткани, тем более высокой плотностью обладает ткань и, как следствие, выше ее качество. По своим показателям исследуемые ткани, предположительно, относятся к привозным – импортным. Наличие суконных тканей ремесленного или фабричного, цехового производства, свидетельствует о западных торговых связях с европейскими территориями России, в особенности с наиболее развитым центром производства текстиля – Новгородом. В пользу цехового производства свидетельствует и тот факт, что в условиях домашнего производства сложно окрасить ткань и, согласно суконной технологии, выполнить стрижку волокон с последующей валкой, нацеленной на образование войлокообразного настила на поверхности ткани. Для этой операции требуются специальные орудия, большое количество горячей воды и т.п.

Образцы текстильных материалов из могильника на Остяцкой Горе (курган № 15а, погребение № 1) в виде шнура круглого сечения, сплетенного вручную из 4 нитей (№ 282) и ткани полотняного переплетения (№ 297), выполнены из некручёных шелковых нитей. Отсутствие крутки в шелковой ткани, выработанной из нитей, равномерно натянутых и не скрученных в основе и утке, свидетельствует об их восточном происхождении, об изготовлении их в Китае или Средней Азии [4. С. 102]. Особенность структуры фрагмента шелковой ткани – разная тонина основы и утка (основа тоньше, чем уток), характерна для ткани под наименованием тафта [9. С. 119]. Пряденые нити составляют разновидность золотных нитей, выполненных в виде пучка некручёного шелка, плотно обвитого расплюсченной серебряной или серебряной позолоченной проволокой [10. С. 176–177]. В некоторых источниках такой вид нитей имеет название позумента (?) и также является импортом с Востока (Китай). Аналогичные пряденые нити представлены в текстильных фрагментах из могильников Нарымского Приобья (Лукьяновский I, Мигалка, Бедеревский Бор II).

Среди текстильных находок из погребений Пачангского и Остяцкого могильников имеются ткани и из волокон растительного происхождения. Они выработаны полотняным переплетением по традиции использования основ и утков одинаковой ZZ крутки с различной тониной нитей. Два образца выработаны из средних нитей 0,6–0,8 мм по основе, 0,8–1 мм по утку и средней плотности и один – фрагментом с одинаковыми тонкими нитями основы и утка 0,3–0,5 мм высокой плотности. Подобные ткани присутствуют и в других памятниках XV–XVII вв. Томско-Нарымского Приобья.

Известно, что в этот же период в Сибири появились и первые изделия из хлопка, связанные с широким распространением импортных китайских и среднеазиатских хлопчатобумажных тканей – так называемая китайка, бумага хлопчатая, зендени и др. [4. С. 67; 11. С. 184].

Таким образом, фрагменты одежды из остяцких могильников Пачангского и на Остяцкой Горе представлены разнообразными материалами. Текстиль выполнен на основе двух технологий производства – технологии тканого полотна (ткань) и технологии нетканого полотна (валяльно-войлочное изделие). Кроме тканей и войлока в коллекциях присутствуют и другие текстильные материалы, представляющие собой элементы декора одежды и ее аксессуаров.

Судя по сохранившимся фрагментам, при изготовлении одежды большая часть тканей имела структуру полотняного переплетения. Тканей саржевого переплетения не зафиксировано. В основном использовали окрашенные ткани в виде сукна и шерстяные ткани IV сорта. Шерстяные ткани из остяцких могильников выработаны ремесленным способом и предположительно являются импортом из европейских центров России невысокого качества. Наряду с традиционной технологией изготовления тканей полотняного переплетения, с обработкой

нитей основы и утка по схеме ZZ крутки использовалась и «суконная» технология крутки нитей в соотношении ZS крутки, которая преобладала в этот период в Приобье – Нижнем, Сургутском и Томско-Нарымском. Наряду с плотными шерстяными тканями, используемыми для пошива верхней одежды, имели место более легкие материалы из шелка и, возможно, хлопка, которые мог-

ли покупать для изготовления рубахи или платья и, возможно, приобретали эти товары в готовом виде. Аналогичный текстиль во фрагментах присутствует и в других погребальных памятниках XVI–XVII вв. р. Кети и на р. Оби. Полученные материалы в дальнейшем послужат основой для реконструкции традиционной одежды селькупов Нарымского Приобья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Пачангский курганный могильник // Ученые Записки Томского государственного педагогического института. Томск : Типогр. № 1 Полиграфиздата, 1955. Т. 14. С. 230–250.
2. Дульзон А.П. Остяцкие могильники у села Молчаново на Оби // Ученые Записки Томского государственного педагогического института. Томск : Типогр. № 1 Полиграфиздата, 1955. Т. 13. С. 97–154.
3. Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Ученые Записки Томского государственного педагогического института. Томск : Типогр. № 1 Полиграфиздата, 1957. Т. 16. С. 443–488.
4. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут : РИО СурГПИ, 2002. 206 с.
5. Воскресенский А.В., Тихонов Н.П. Технологическое изучение тканей курганных погребений Нонон-Ула // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1932. Т. 11, вып. 7–9. 108 с.
6. Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 123. С. 228–313.
7. Бузов Б.А., Модестова Т.А., Алыменкова Н.Д. Материаловедение швейного производства. М., 1986. 424 с.
8. Мальцева Е.П. Материаловедение текстильных и кожевенно- меховых материалов. М., 1989. 240 с.
9. Бодрова А.Ш. Материаловедение в технологии швейного производства. Томск : Изд-во ТГПУ, 2014. 276 с.
10. Вишневецкая И.И. Драгоценные ткани. М., 2007. 180 с.
11. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. 323 с.

Bobrova Anna I. Tomsk Regional Museum of Local Lore (Tomsk, Russia). E-mail: a_bobrova@bk.ru ; *Bodrova Alfira S.* Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: alfira65@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL TEXTILES FROM THE OSTYAK BURIAL GROUNDS OF THE 16TH–17TH CENTURIES AS A SOURCE FOR STUDYING THE SELKUP COSTUME (BASED ON THE EXCAVATIONS BY A. P. DULZON ALONG THE OB RIVER IN 1954).

Keywords: Archaeological textiles; Ob River; cemeteries; Selkup, technological analysis.

The aim of the paper is to examine the textile findings from the above-mentioned burial grounds as an important historical source for studying the traditional costume of the Selkups who lived along the Ob River. Technological analysis is used as one of the basic research methods. The study shows the prevalence of wool fabrics among the textile findings. Six samples of the best preserved wool fabrics were analyzed. It was found out that they were made by plain weave. Fabrics made of medium yarns twisted in one direction according to the Z-Z pattern with a slight felt-like overlay on one side prevail. Two fabric samples with a denser felt-like overlay are made by plain weave, but from yarns twisted in different directions according to the Z-S pattern. Therefore, they can be attributed to broadcloth. One sample is made of medium yarn, the other one – from yarn of group 3 attributed to thick yarn. Fabrics of grades III and IV were used for clothing. The findings also include textiles made of zero-twist silk (silk fabric, spun threads, hand woven silk cord) and fabrics of plant origin (cotton?). Thus, fragments of clothes from the above-mentioned burial grounds are represented by various materials. The textiles are based on two fabrication technologies: woven and nonwoven. In addition to woollen textiles, the findings include textiles made of non-woven silk (silk fabric, spun threads, silk cord) and fabrics of plant origin (cotton?). The analyzed fabrics are supposed to have been imported. Wool textiles are likely to have been delivered from the most developed textile manufacturing centers in the European part of Russia. Silk and plant textiles are likely to be of oriental origin (China or Central Asia). It is noteworthy that twill-woven fabrics have not been found in the monuments under study. The comparative technological analysis of these textiles against fabrics of the 16th–17th centuries from the Tomsk-Narym Ob region and the Keti river shows that there are similar fabrics among them.

REFERENCES

1. Dulzon, A.P. (1955) Pachangskiy kurgannyi mogil'nik [The Pachang burial mound]. *Uchenye Zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 14. pp. 230-250.
2. Dulzon, A.P. (1955) Ostyatskie mogil'niki u sela Molchanovo na Obi [The Ostyak mounds near the village of Molchanovo on the Ob]. *Uchenye Zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 13. pp. 97-154.
3. Dulzon, A.P. (1957) Ostyatskiy kurgannyi mogil'nik XVII veka u sela Molchanovo na Obi [The Ostyak burial mound of the 17th century near the village of Molchanovo on the Ob]. *Uchenye Zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 16. pp. 443-488.
4. Glushkova, T.N. (2002) *Arkheologicheskie tkani Zapadnoy Sibiri* [Archaeological fabrics in Western Siberia]. Surgut: SurGPI.
5. Voskresenskiy, A.V. & Tikhonov, N.P. (1932) Tekhnologicheskoe izuchenie tkaney kurgannykh pogrebeniy Noion-Ula [Technologies to study fabrics from the mound burials of Noion-Ula]. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury*. 11(7–9).
6. Nakhlik, A. (1963) Tkani Novgoroda. Opyt tekhnologicheskogo analiza [The Novgorod fabrics. Technological analysis]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 123. pp. 228-313.
7. Buzov, B.A., Modestova, T.A. & Alymenkova, N.D. (1986) *Materialovedenie shvey'nogo proizvodstva* [The material studies of garment manufacture]. Moscow: Legprombytizdat.
8. Maltseva, E.P. (1989) *Materialovedenie tekstil'nykh i kozhevenno-mekhovyykh materialov* [Material studies of textile and leather-fur materials]. Moscow.
9. Bodrova, A.Sh. (2014) *Materialovedenie v tekhnologii shvey'nogo proizvodstva* [Material studies in garment production technology]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
10. Vishnevskaya, I.I. (2007) *Dragotsennyye tkani* [Precious fabrics]. Moscow: Khudozhnik i kniga.
11. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Crafts and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.

УДК 904.5
DOI 10.17223/19988613/43/6

М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимов

СЛЕДЫ РИТУАЛЬНОГО ВТОРЖЕНИЯ В КУРГАННЫХ НАСЫПЯХ МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

Описаны случаи ритуального вторжения в погребения, наблюдавшиеся авторами на Черталинском курганном могильнике. Следы ритуальных нарушений курганных насыпей зафиксированы в курганах XII–XIII вв. Насыпи не имели явных признаков ограбления, хотя в древности они были разрушены и восстановлены. Есть основания связывать описанные действия с населением, которое оставило погребальный комплекс XIV–XVI вв., примыкающий к курганному могильнику. Причины и смысл описанного ритуала станут предметом дальнейших изысканий.

Ключевые слова: Тарское Прииртышье; курганы; могильники; постпогребальные ритуалы.

В настоящей статье будут рассмотрены случаи, которые мы интерпретируем как ритуальные вторжения в погребения, наблюдавшиеся нами на Черталинском курганном могильнике. Погребальный комплекс близ д. Черталы в Тарском Прииртышье был открыт в 1988 г. Б.В. Мельниковым. Погребальные памятники расположены на южной части мыса, образованного изгибом коренной террасы р. Тара в направлении ССЗ – ВЮВ. Терраса в этом месте достигает высоты 14 м над уровнем поймы. Южный склон террасы в 50 м от мыса разрезан глубоким оврагом. Вдоль южной кромки мыса общим направлением ЮВ – СЗ вытянута цепочка из 12 курганных насыпей. Вторая цепь курганов расположена перпендикулярно первой на некотором расстоянии от западного края террасы. Пространство между курганными рядами заполнено небольшими насыпями овальной или подпрямоугольной формы, образующими хорошо читаемые рядные структуры.

Б.В. Мельников выделил в составе могильника два разновременных памятника: курганный могильник XII–XIV вв. и грунтовый XVIII–XIX вв. [1. С. 145]. На протяжении 1989–1991 гг. Б.В. Мельников вскрыл один курган и восемьдесят погребений, но результаты последних лет исследования комплекса так и не были введены в научный оборот. Авторы настоящего сообщения исследовали комплекс археологических памятников «Черталинский могильник» в 2010–2014 гг. Проведенные работы показали, что комплекс содержит три разновременных некрополя, объединенных общей структурой и образующие единый ансамбль. Самый ранний, представленный крупными курганными насыпями, относится к развитому Средневековию и, судя по сопроводительному инвентарю, может быть связан с усть-ишимской культурой (рис. 1, 2). Второй объединяет курганные насыпи средних размеров и небольшие овальные насыпи, ориентированные в северо-восточном направлении, и может быть датирован XIV–XVI вв.; третий могильник включает невысокие, до 0,4 м, овальные и подпрямоугольные в плане насыпи, содержащие погребения, ориентированные на северо-запад. Вещевой комплекс и особенности погребального

обряда позволяют интерпретировать данный комплекс как принадлежащий историческим предкам современной этнической группы «тарские татары», подгруппа аялу [2. С. 73].

Следы ритуальных нарушений целостности курганных насыпей раннего комплекса были зафиксированы как минимум в двух случаях. Курганы развитого Средневековья располагаются двумя цепями, привязанными к контуру террасы (рис. 1, 1); практически все они ограблены в XX в. Всего нами были исследованы четыре насыпи указанного периода, из которых три не имели визуально выраженных признаков ограбления. Не удалось выявить таковых и с помощью инструментальных методов; между тем, как показали проведенные работы, два из них в древности были разрушены и восстановлены.

Первый из курганов представляет собой округлую насыпь диаметром 6 и высотой 1,05 м, с ровной, хорошо задернованной поверхностью. Насыпь сложена из серой супеси, перед ее сооружением с подкурганной площадки был удален дерн, пласты которого были использованы для оконтуривания основания насыпи. При разборке насыпи встречались разрозненные фрагменты керамики и обломки человеческих костей. Могила представляла собой яму подпрямоугольной формы, ориентированную по линии ЗСЗ – ВВЮ, размерами 2,9х1,56 м и глубиной 0,7 м от уровня материка. Останки погребенного лежали в беспорядке, вперемешку с крупным фрагментом стенки сосуда, которому принадлежат и черепки, встреченные при разборке насыпи. В северном углу ямы расчищен залегающий на теменной кости череп с отрубленной левой скуловой костью; последняя была расчищена южнее, на дне могилы. На одной из трубчатых костей зафиксированы поперечные зарубки, на многих крупных и мелких фрагментах срублены эпифизы.

В ЗСЗ части могилы у ЮВ стенки расчищено скопление железных предметов, в числе которых семь наконечников стрел и большой черешковый нож. Оружие лежало выше уровня дна грабительской ямы, под ним зафиксированы тонкая прослойка серой су-

песи и осколок трубчатой кости, связанный, вероятно, с разрушением погребения. В укладке предметов наблюдается определённый порядок: четыре наконечника лежат продольно, плотной группой остриями к ногам погребенного, нож уложен лезвием вниз, плотно прилегает к наконечникам, между предметами почти нет песка. Выше лежат еще два наконечника, из которых один расположен диагонально к длинной оси скопления, остриём обращён к стенке могилы, а второй, расположенный также диагонально, перпендикулярно первому, остриём обращён внутрь могилы, а черешком упирается в стенку. Эти наконечники перекрыты седьмым, обращенным острием вниз. Вероятно, четыре наконечника и нож были упакованы в свёрток (из бересты?), а остальные наконечники потом уложены сверху. На стратиграфическом разрезе насыпи четко фиксируется прокоп в районе расположения могилы, заполнение которого отличается по структуре и цвету – рыхлая серая супесь с золистой примесью, более темная в нижних слоях (рис. 1, 5). Грабительская яма фиксируется и планиграфически как нарушение контуров могилы.

Сделанные наблюдения позволяют восстановить события следующим образом. Курган был нарушен через какое-то время после совершения погребения и сооружения насыпи, вероятно, не очень длительное – мы предполагаем, что связи еще не успели разложиться, именно этим объясняются повреждения эпифизов трубчатых костей, возникшие при расчленении костяка. Раскапывавшие курган не знали точно, где расположена могила, и поэтому немного ошиблись – прокоп вывел их на ноги, по которым они продолжили разрывать могилу, оставив на берцовых костях зарубки. После того, как вся могила была раскопана, причем в нескольких местах были нарушены оригинальные стенки, костяк и сопровождающий инвентарь были извлечены наружу. Над останками погребенного были совершены действия ритуального характера, которые заключались в расчленении тела и разрушении сосуда; на железных предметах следов какого-либо воздействия не зафиксировано. По завершении обряда в могилу, близ юго-западного угла, был уложен свёрток из четырех наконечников стрел и ножа, перекрытый сверху тремя наконечниками, уложенными крест-накрест. Это сооружение, возможно, было аккуратно присыпано грунтом, поскольку при засыпке ямы порядок не был нарушен. После этого в яму беспорядочно были брошены кости и фрагменты сосуда, часть из которых – вместе с засыпкой, золистая примесь и угольки в которой свидетельствуют об использовании огня в ритуале. По завершении всех действий насыпь кургана была восстановлена настолько качественно, что в месте прокопа не образовался обычно фиксируемый провал.

Насыпь второго кургана прослежена в виде холма диаметром 6,5х6,2 м, высотой 0,9 м, южный склон которого более пологий, чем остальные; указанная осо-

бенность морфологии насыпи напоминает следы выброса из грабительской ямы, но нарушений поверхности визуально не зафиксировано; прокоп обнаружен на стратиграфическом разрезе (рис. 1, 2).

При разборке насыпи встречены находки, имеющие отношения к погребению: скопление фрагментов керамического сосуда ручной лепки и бронзовое изделие, покрытое коркой железных оксидов. На уровне материка открыто скопление, включающее трубчатые кости, расположенные вертикально, фрагменты черепа и осколки керамического сосуда (рис. 1, 3). Признаки ограбления аналогичны вышеописанным, за исключением того, что головки тазобедренных суставов целы, что говорит о том, что между погребением и разрушением прошло более продолжительное время, чем в первом случае.

Насыпь третьего кургана имела овальные очертания, размеры 3х3,5 м, 0,5 м высотой и содержала женское погребение с сосудом и украшениями, следов ограбления не зафиксировано. Могила располагалась в центре кургана. При выборке заполнения в перемесе глины и песка встречены угольки – следы костра, сброшенного в яму при засыпке, и фрагмент бересты размером 40х25 см со следами прошивки. Могильная яма подчетырёхугольных очертаний ориентирована СЗ–ЮВ, ее глубина составляет 60 см от материка. Костяк представлен черепом плохой сохранности в СЗ части ямы, других костей не обнаружено. Вблизи черепа обнаружены остатки головного убора, включавшего бусины и парные бронзовые арочные шумящие подвески с круглыми спиральными щитками, рядом лежала бляшка из свинцово-оловянного сплава [3. С. 165].

Судя по положению предметов в могиле, все они зафиксированы в положении *in situ*, следовательно, могила под этой насыпью не подвергалась ограблению.

Четвертый курган представляет собой округлую насыпь диаметром 5,8 и высотой 0,8 м с большой грабительской ямой четырёхугольной формы в центре. Расположенная в центре могила полностью ограблена, костяк погребенного отсутствует, от него сохранились лишь осколок трубчатой кости, фрагмент черепной коробки и коренной зуб, разбросанные в беспорядке в СВ части ямы. К сопроводительному инвентарю относится свинцово-оловянная бляшка, по абрису вызывающая ассоциации с антропоморфными изображениями средневековых культур финно-угро-самодийского круга. Стенки ямы крутые, почти отвесные. Дно сильно изрыто продолговатыми небольшими углублениями, напоминающими следы от лопаты. По бляшке, аналогичной обнаруженной в описанных комплексах, погребение так же может быть отнесено к усть-ишимскому периоду. Наши наблюдения позволяют обоснованно полагать, что разрушение комплекса произошло в относительно недавнем прошлом, скорее всего, во второй половине XX в., и ритуальным считаться не может.

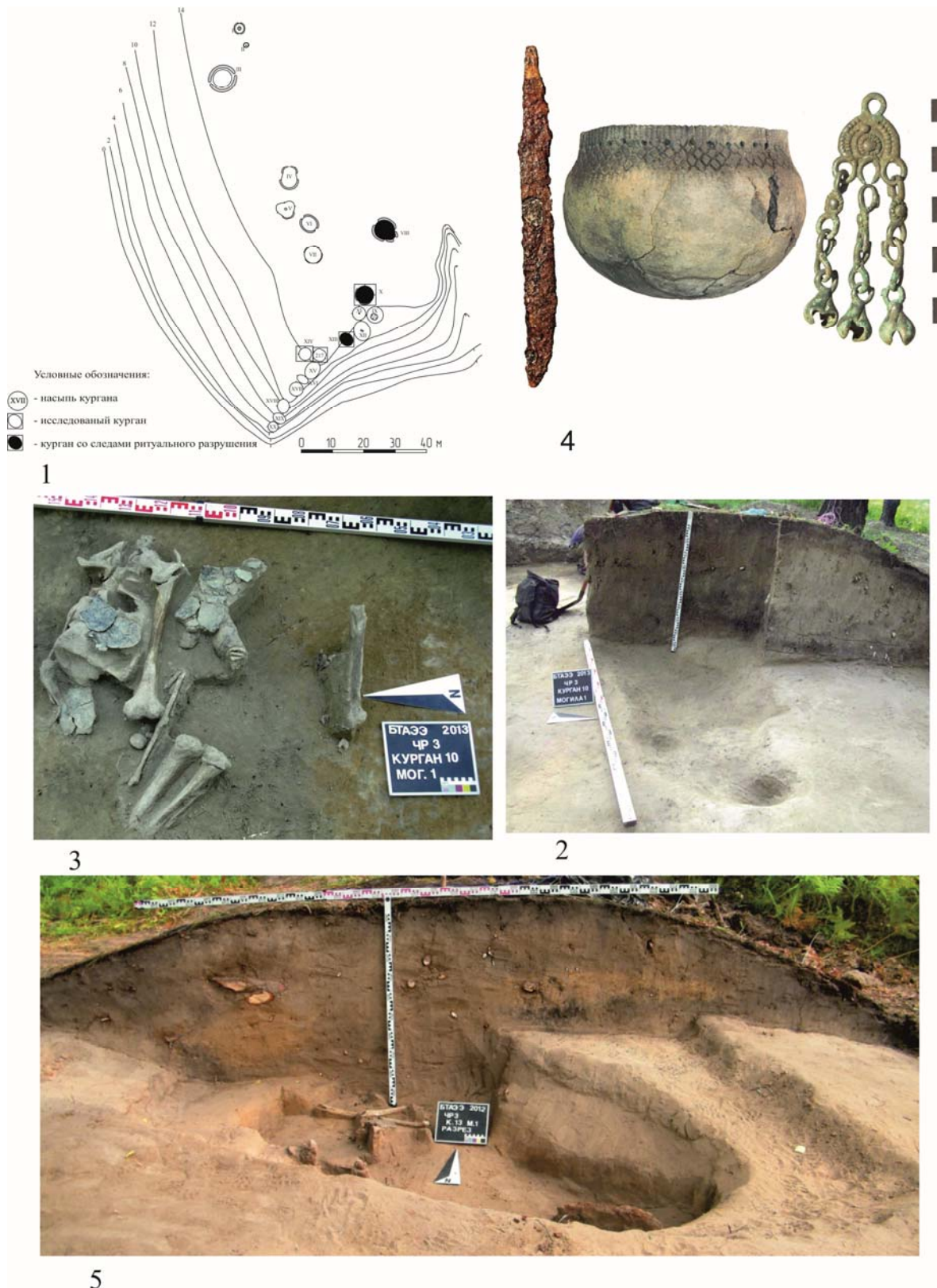

Рис. 1. 1 – средневековый комплекс могильника Черталы; 2 – стратиграфический разрез насыпи и могильной ямы кургана № 10; 3 – курган 10, могила 1; 4 – вещевой комплекс курганов развитого Средневековья: железный нож, керамический сосуд, бронзовая шумящая подвеска; 5 – разрез насыпи и могилы кургана № 13

Кроме описанных случаев, следы ритуального разрушения были зафиксированы еще в одном крупном кургане, вторично ограбленном уже в наши дни. При

зачистке стенки грабительской ямы обнаружена большая берцовая кость человека со следами зарубок и отрубленным эпифизом. Морфологические признаки

ограбления в виде небольших конусов выброса были отмечены и на других крупных курганных насыпях.

Прямых свидетельств, указывающих на время разрушения погребений, пока выявить не удалось, но косвенные данные позволяют связывать описанные действия с населением, которое оставило погребальный комплекс XIV–XVI вв. [4. С. 169]. Действительно, указанный комплекс также содержит крупные насыпи, сопоставимые по размерам с курганами устьишимского времени, две из которых были раскопаны нами в 2014 г., но следов ограбления не зафиксировано.

Таким образом, ритуальному ограблению подверглись лишь крупные устьишимские насыпи, хорошо различимые на местности. Логично полагать, что если

бы эти действия совершало население XVII–XIX вв., то курганы второго периода не стали бы исключением. Кроме того, как отмечалось выше, на многих костях срублены эпифизы, что может быть интерпретировано как результат попытки расчленив костяки погребенных путем перерубания суставов при неразложившихся еще связках. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что между периодом совершения погребений и их ритуальным разрушением прошло относительно немного времени, тогда как хронологический разрыв между первым и третьим комплексами достигает четырехсот лет. Причины и смысл описанного ритуала станут предметом дальнейших изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники таёжного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 145–146.
2. Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Раскопки некрополя Черталы в Тарском Прииртышье: некоторые итоги // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2013 г.: археология, этнография, устная история. Павлодар : ПГПИ, 2014. Вып. 9. С. 73–78.
3. Баранова Н.С., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы-4: некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 164–170.
4. Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребальный комплекс Черталы: раскопки 2014 года и некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 164–170.

Koroussenko Mikhail A. Omsk Division of the Institute of Archeology and Ethnography of SD RAS (Omsk, Russia). E-mail: otto_link@mail.ru; Gerasimov Yuri V. Omsk Division of the Institute of Archeology and Ethnography of SD RAS Omsk, Russia). E-mail: ngajapti@yandex.ru

TRACES OF A RITUAL INVASION OF MOUND BURIAL BARROWS CHERTALY IN TARA-IRTYSH REGION.

Keywords: Siberian Tatars; ethnographic data; traditional mindset; the ideas of the soul; analyses.

The article describes the cases of ritual invasion of burial, which were elicited by the authors on the burial mound in Chertaly located in the middle reaches of Tara River. Tara-Irtysh region is bordered by landscape zones of South Taiga and Northern steppe, which caused some features of historical and cultural image of the region in the past. This complex contains three necropolises which can be referred to different periods. These necropolises have a common structure and form a united ensemble. The earliest burial ground pertains to the Ust-Ishim culture of XII–XIV centuries; the second can be dated the XIV–XVI centuries, the third is interpreted as belonging to the group of Tarsky Tatars of XVII–XVIII centuries. The traces of ritual infringement on the integrity of barrows were detected only in the first complex. The mounds had no obvious signs of robbery, but as was educed by the carried out work, in ancient times they were destroyed and rebuilt. The mounds were destroyed some time after of the execution of the burial and the construction of embankments. People, who digged out the mounds did not exactly know where the graves were located, that's why they were forced to look for them by the open parts of skeletons so their predatory invasion had broken the walls of the burial pits. After that, skeleton and accompanying equipment were pulled out. The remains of the buried were treated by to the actions of a ritual nature which comprised the dismemberment of the body. At completion of the ceremony bones and fragments of vessels were randomly thrown in the pit. Some of elements were put together with the filling which contains golden admixture and pieces of coal, what indicates the using of fire in ritual. A curious detail of the ritual is emphasized careful handling with the weapon of buried person. Upon completion of the rite, folds of four arrowheads and a knife, covered with the three tips laid crosswise were stowed in the grave, near the southwest corner. This structure may have been carefully filled with primer, because while stuffing the pit the order was not disturbed. After fulfilment of all actions, embankments of a mound was restored so well that in the place of invasion was not found apparent pit. Obvious evidence, indicating the time of the destruction of burials, was not detected now, but indirect data allow to associate the given acts with a population that left the funerary complex of the XIV–XVI centuries. The causes and meaning of the ritual described will be the subject to further research.

REFERENCES

1. Melnikov, B.V. (1991) Pozdnie pogrebal'nye pamyatniki taezhnogo Priirtysh'ya [The late funerary monuments in the Irtysh taiga]. In: Matyushchenko, V.I. (ed.) *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya* [Ancient burials in the Ob-Irtysh]. Omsk: Omsk State University. pp. 145–146.
2. Koroussenko, M.A. & Gerasimov, Yu.V. (2014) Raskopki nekropolya Chertaly v Tarskom Priirtysh'e: nekotorye itogi [Excavations in the Chertaly necropolis in the Tara Irtysh: Some results]. In: Demin, M.A. & Shcheglova, T.K. (eds) *Polevyie issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae v 2013 g.: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field studies in Irtysh, Upper Ob' and Altai in 2013: Archeology, ethnography, and oral history]. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute. pp. 73–78.
3. Baranova, N.S., Gerasimov, Yu.V. & Koroussenko, M.A. (2012) Srednevekovye pogrebeniya iz sostava mogil'nika Chertaly – 4: nekotorye rezul'taty izucheniya [Medieval burials from the cemetery Chertaly - 4: Some results of the study]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and cross-border regions]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 164–170.
4. Gerasimov, Yu.V. & Koroussenko, M.A. (2014) Pogrebal'nyy kompleks Chertaly: raskopki 2014 goda i nekotorye rezul'taty izucheniya [The funerary complex Chertaly: Excavations of 2014 and some results of the study]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and cross-border regions]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 164–170.

УДК 904:656.12](571.1)
DOI 10.17223/19988613/43/7

Е.В. Барсуков

«ТЕМНЫЙ ВЕК» СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТРОЙКИ XV в. НА ГОРОДИЩЕ ШАЙТАН III

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).

Статья посвящена проблемам этнокультурного развития Томского Приобья во II тыс. н.э. Традиционная историко-культурная схема имеет хронологический пробел, который приходится на XV в. Первым шагом в решении проблемы «темного века» стали исследования городища Шайтан III, на котором выявлена постройка XV в. Новые материалы позволяют пересмотреть нижнюю хронологическую границу позднесредневековой керамики и ставят проблему формирования тюркского населения в Томском Приобье, ключевой датой в котором стал XV в.

Ключевые слова: Томское Приобье; позднее Средневековье; городище Шайтан III; XV в.

История исследований памятников II тыс. н.э. в Томском Приобье берет начало с конца XIX в., с раскопок на могильниках Тоянов городок, Чернильщиковский, Тохтамышевский. За вековой период количество исследованных объектов эпохи Средневековья многократно увеличились, что позволило разработать хронологию памятников и схему этнокультурного развития в Томском Приобье во II тыс. н.э. Важнейшим процессом, определявшим историко-культурную ситуацию и перспективы развития региона, стала так называемая тюркизация, под которой подразумевается трансляция культурных ценностей тюркского мира, а возможно, и появление самих носителей традиций в Томском Приобье. Формирование местных тюркских групп, известных по письменным источникам XVII в., является одним из аспектов этого процесса. Актуальность этнокультурной составляющей истории региона обусловила постоянный исследовательский интерес к этой тематике. Новые археологические материалы позволяют увидеть временные разрывы и «белые пятна» в историко-культурном развитии, а именно XV в., на который приходится условный переход от развитого к позднему Средневековью. Анализ историографической ситуации показывает, что XV в. «выпал» из хронологических схем, став «темным веком» археологии Томского Приобья. Это ставит задачу изучения XV в. как актуальную проблему восстановления единой хронологической шкалы в этнокультурном развитии Томского Приобья. Импульсом для этого послужили результаты раскопок 2007 г. на городище Шайтан III, в ходе которых выявлена постройка XV в.

Городище находится в Кожевниковском районе Томской области, на правобережье р. Оби. В прошлом это территория Темерчинской волости (рис. 1). В XVII в. здесь была расположена переправа через Обь, упоминаемая в источниках как «Бухарский перевоз» [1. С. 148–150]. Памятник входит в комплекс объектов, получивших название Шайтанский археологический микрорайон. Он располагается на участке, где коренная терраса, протянувшаяся параллельно обскому руслу от с. Кире-

евск и до устья р. Таган, начинает удаляться в сторону водораздела [2. С. 37–39]. Памятники микрорайона занимают наиболее возвышенный и расчлененный оврагами участок террасы. Мысы заняты селищами и городищами. Четыре зафиксированных городища, идущих непрерывной цепью по кромке террасы, датируются в пределах II тыс. н.э.

Городище Шайтан III находится в центральной части «поселенческого микрорайона», на наиболее глубоко врезанном в пойму мысе. Он имеет форму узкого треугольника, вытянутого по линии северо-восток – юго-запад, возвышается над поймой приблизительно на 25 м. Городище площадью 2 900 кв. м занимает незначительную часть мыса, укрепления расположены на участке, где его ширина достигает около 50 м.

Система укреплений городища Шайтан III, классическая для позднесредневековой фортификации Томского Приобья, состоит из внешнего рва и внутреннего вала. Вал практически не выражен в рельефе, его средняя ширина около 3,5 м, максимальная высота от уровня площадки городища 0,5 м. С внутренней стороны к валу примыкают три маловыразительные западины: две у кромки террасы, одна в центральной части. Ров выглядит более солидно, его средняя ширина 7 м, глубина от уровня вершины вала 3,5 м. Даже в настоящее время преодолеть его проблематично.

Рельеф внутри городища очень неровный, помимо большого числа мелких западин и небольших ямок, фиксируется выраженная эрозионная ступень, делящая городище на две части (рис. 2). В основной части, от вала и до кромки ступеньки, фиксируются 20 западин. Во второй, «дополнительной», части на стрелке мыса от подножия естественной ступени и до кромки – 6 небольших западин. Эрозионную ступень использовали также как естественную основу для укреплений в оконечности мыса: на ее кромке фиксируется невысокий вал, у подножия – ров, их протяженность 18 м. Подобный фортификационный прием находит аналогии в Томском Приобье на Басандайском городище [3. С. 10].

Рис. 1. Месторасположение городища Шайтан III

Материалы раскопок городища Шайтан III дают широкую датировку: XI–XVII вв. К сожалению, памятник не стратифицирован. Особенности почв, гранулометрический состав которых представлен супесью порошистой или пылевато-песчаной структуры, обусловили «бедность» стратиграфии.

Памятник отличает необычайно высокая насыщенность артефактами. Массово представлены находки, связанные с металлургическим производством, традиции которого в этом районе прослеживаются до XVIII в. [4. С. 18]. Об интенсивности протекавших здесь процессов свидетельствуют как мощность культурного слоя (1,2 м), так и содержание фосфора, даже в межжилищном пространстве оно до 6 раз превышает фоновые значения.

На памятнике исследовано несколько объектов. Несомненный интерес для реконструкции средневековых строительных традиций имеет постройка, остатки которой попали в границы раскопа. На современной поверхности она проявлялась как мелкорельефная округлая западина, западный край которой практически не фиксировался из-за понижения мыса в сторону поймы. На фоне материка выявились четкие контуры котлована в виде прямоугольного углубления, сориентированного углами по сторонам света, с приблизительными размерами 4х3,5 м.

При расчистке в юго-западной половине основной камеры выявлено еще одно углубление прямоугольной

формы (3,1х2,3 м), ориентированное по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Внутренний котлован, площадью около 7,1 кв. м, имел практически отвесные стенки, симметричные внешнему котловану. Возможно, четкость границ внутреннего котлована – это результат укрепления его стенок поставленными на ребро плахами толщиной 2–3 см, которые прослеживались с трех сторон, кроме той, что была со стороны входа.

На юго-восточной стороне внешнего котлована, со смещением к южному углу, находился вытянутый вход шириной 1,45 м, длиной около 1 м. Локализацию входа в этом месте подтверждает тот факт, что юго-восточная стенка внутреннего котлована, обращенная к выходу, в отличие от остальных, почти не прослеживалась. Она была сnivelирована, «стоптана» обитателями постройки, которых эта часть помещения связывала с внешним миром. Единственным сохранившимся свидетельством конструктивного оформления входа является расположенная почти по его центру округлая яма диаметром 25–30 см и глубиной около 30 см. Вероятнее всего, это след опорного столба «каркаса» для навеса над входом.

В центральной части основной постройки сохранились остатки рухнувшей кровли, сложенной из мощных горбылей. После расчистки под ними обнаружены фрагменты очага. Его сохранность была крайне неудовлетворительной. Удалось выявить совсем незначительный фрагмент камеры, изготовлен-

ной из глины с примесью мелкого камня. На внутренней, сильно ошлакованной, «спекшейся» поверхности камеры сохранились бороздки от заглаживания пальцами глиняной массы. Для позднесредневековых по-

строек наличие очагов-печей, или чужалов, является характерной особенностью. К сожалению, сильная фрагментарность не позволяет восстановить их детали [5. С. 37].

Рис. 2. Топографический план городища Шайтан III

Рис. 3. Керамика с постройки городища Шайтан III

Важное значение имеют особенности несущей конструкции постройки. В южном углу удалось зафиксировать угловое сочленение двух обгоревших бревен, являющихся остатками стены. Бревна диаметром 0,14–0,22 м, на одном из которых заметны четкие следы врубки, были уложены в «чашку», что свидетельствует о применении срубной технологии.

Использование срубной техники впервые археологически документировано для Томского Приобья в постройке на городище Шайтан III. В известных нам материалах достоверно зафиксировать крепление бревен в «чашку» до сих пор не удавалось. На городище Ше-

ломок упоминается срубная постройка, однако в описании отмечено только наличие полубревен по ее периметру. Характер сочленения бревен из-за фрагментарности не установлен, что не дает оснований для определения типа конструкции – срубно-столбовая или срубная [4. С. 35]. В археологии применение срубной техники часто предполагается по отсутствию столбовых ямок в углах и по границам котлована. По периметру постройки городища Шайтан III столбовых ямок, действительно, не было, при том, что даже слабо углубленные объекты прекрасно читаются на светлом материковом фоне памятника. Однако вывод о суще-

ствовании срубного домостроительства следует делать не по отсутствию столбовых ямок, следы от которых в слабых подвижных грунтах легко исчезали, а на основании характера крепления бревен в углах, если это возможно установить, как в постройке на городище Шайтан III.

Постройка на городище Шайтан III привлекает внимание не только конструктивными особенностями, но и временем существования. Образцы обугленного дерева сохранившихся деревянных конструкций анализировались в Институте истории материальной культуры (Санкт-Петербург) и Институте мониторинга климатических и экологических систем (Томск), что позволило определить период ее функционирования. Все полученные даты укладываются в пределах XV в. (таблица).

Результаты датирования деревянных фрагментов постройки на городище Шайтан III

Индекс	Дата	Календарный возраст (калибровка произведена с помощью программного пакета OxCal3)	
		68,2%	95,4%
Лс-9354	450±45BP	1415–1475	1400–1630
Лс-8260	490±50BP	1400–1455	1300–1490
IMCES -14C108	495±20 BP	1418–1436	1409–1441
ИМКЭС-14C250	480±50	1400–1470	1320–1620
ИМКЭС-14C247	474±50	1405–1470	1320–1620
ИМКЭС-14C249	446±50	1415–1490	1400–1630

В пределах котлована зафиксировано огромное количество находок: металлические изделия, керамика, камни, металлургический шлак, кости. Продолжительный период функционирования городища и слабая стратифицированность культурного слоя оставляют сомнение в их хронологической приуроченности к постройке. Такая связь выглядит убедительной лишь применительно к углубленным в материк объектам. Вероятнее всего, это остатки хозяйственных ям. Аргументом в пользу подобной интерпретации выступает наличие в их заполнении большого количества костей и обожженных камней. Так как постройка погибла от пожара и ямы оказались перекрыты кусками обугленных конструкций, их синхронность выглядит доказуемой. Кроме этого, пробы угля, взятые для радиоуглеродного анализа из заполнения ям, дали датировку, аналогичную фрагментам постройки.

Хронологическая приуроченность постройки к XV в. интересна не только для изучения строительных традиций, но и с историко-культурных позиций.

Хронология поселенческих памятников II тыс. н.э. в Томском Приобье устанавливается прежде всего по особенностям керамики, которая зачастую является основным датировочным материалом. Керамический комплекс II тыс. н.э., в том числе и на городище Шайтан III, хронологически разбивается на две условные

группы. При отсутствии репрезентативной для региона типологии керамики эта хронологическая схема является на сегодня безальтернативной. Отличия в орнаментации керамики обеих групп очевидны, определить принадлежность каждой из них к тому или иному хронологическому периоду не составляет труда.

Первая группа: круглодонные слабопрофилированные горшки. Яркой особенностью этой керамики является наличие орнамента только в верхней части сосуда. Венчики прямые или с карнизом по внешнему краю. Срез скошен наружу, орнаментирован отпечатками гребенки или гладкого штампа, реже фигурными вдавлениями. Шейка в большинстве случаев украшалась горизонтальным рядом ямок, редко – лунок, вертикальными или горизонтальными отпечатками гребенки, горизонтальным рядом «резных» треугольников, ромбиков или рядом отпечатков отступающей палочки. Основная часть узора располагалась на плечике, редко переходя на тулово. Преобладала горизонтальная полоса из вертикальных, наклонных, реже горизонтальных отпечатков гребенчатого или гладкого штампа. Тулово украшалось очень редко и только в верхней части.

Подобная керамика широко известна на памятниках развитого средневековья в Томском Приобье [6. С. 97–107; 7. С. 141–147; 8. С. 142–144], в Новосибирском Приобье [9. С. 29–37], на памятниках первой половины II тыс. н.э. в Кузнецкой котловине и Кемеровском Приобье [10. С. 86–90]. Некоторая близость обнаруживается также с посудой X–XIII вв. в Среднем Причудьинье [11. С. 58–63].

Вторая группа: круглодонные горшки, закрытые банки и чаши. Отличительная особенность – заполнение орнаментом всей поверхности сосуда или его значительной части. Венчик отогнут наружу, с внешней стороны имеет утолщение или карниз. Срез орнаментировался вдавлениями гребенки, реже – гладкого штампа. Орнамент на поверхность сосуда наносился вертикально или наклонно поставленным штампом, гребенчатым, гладким или их уголками. Зафиксировано применение геометрических мотивов: гребенчатый зигзаг, пояс ромбов из нескольких отпечатков гребенки. Керамика этой группы выделяется декором в виде пальцевых или ногтевых вдавлений. Орнаментация сосудов довольно однообразна, интерес представляет верхняя треть с особым окаймляющим мотивом. Представляется, что именно эта черта будет определяющей при анализе керамического комплекса этой группы.

Такая керамика распространена в Томском Приобье на Могильницком, Коларовском, Кижировском городищах, поселениях Шеломок I, на могильниках Козюлинский, Коларовский [5. С. 98–101; 8. С. 144–147]. Схожая керамика встречается и в Новосибирском Приобье [12. С. 59].

Согласно сложившейся в историографии схеме развития орнаментальных традиций керамики II тыс. н.э. в Томском Приобье, керамика XI–XIV вв. (1-я группа) сменяется керамикой XVI–XVII вв. (2-я группа) [5.

С. 124–125; 7. С. 146–147]. Совершенно очевидно, что XV в. «как бы выпал» из этой схемы. Хронологический разрыв негативно сказывается не только на датировке поселенческих комплексов, которая часто осуществляется по керамике. Вне научного анализа остается исторический контекст проблемы соотношения керамики развитого Средневековья (1-я группа) и позднего Средневековья (2-я группа). Исключение XV в. из историко-культурной схемы «снимает» вопросы, которые требуют ответа: прослеживается ли эволюционный переход между разновременными группами керамики или произошла быстрая смена традиции и преемственность отсутствует, а может, в какой-то период они сосуществуют? Очевидно, что Томское Приобье не могло быть необитаемым в течение целого века. Исследователи делают осторожные попытки «дотянуть» или «опустить» хронологические рамки того или иного памятника до XV в. [5. С. 124; 6. С. 116, 127; 13. С. 179]. Однако на сегодняшний день ясности в этом вопросе не наблюдается.

«Выпадение» XV в. из средневековой археологии Томского Приобья, видимо, связано с ситуацией, сложившейся в ходе изучения региона, когда определилась группа базовых погребальных комплексов, на которых и была построена хронологическая схема. Для развитого Средневековья опорными являются материалы Астраханцевского, Еловского и Басандайского курганных могильников, а также некрополя у устья Малой Киргизки [6. С. 108–117]. Время их существования ограничено XI–XIV вв.

Позднесредневековая хронология опирается на материалы могильников, наиболее информативными из которых является Козюлинский и Коларовский. В контексте затронутых проблем интерес представляют и закрытые комплексы курганов у д. Черныльщикова, д. Тохтамышево и Тоянова городка (часть материала этих памятников не атрибутирована по погребениям). Их традиционная датировка укладывается в пределы XVI–XVII вв. [5. С. 4]. В середине прошлого столетия А.П. Дульзон предположил, что три последних кладбища принадлежали тюркским группам, занимавшим в XVII в. территорию Нижнего Притомья. Наличие изделий русского производства в составе инвентаря могил обусловило их привязку к начальному этапу русского освоения [13. С. 160, 161–163]. С тех пор хронология памятников не пересматривалась.

Таким образом, XV в. выступает в роли хронологического маркера, который разделяет периоды существования закрытых комплексов развитого и позднего Средневековья. Следует подчеркнуть, что керамика II тыс. н.э., датируемая по материалам базовых могильников, также разделяется на две аналогичные хронологические группы, разорванные временной лакуной, приходящейся на XV в. Разрыв в хронологической схеме порождает комплекс проблем, связанных с интерпретацией этнокультурной ситуации и ее динамики в регионе. Например, датировка городища Шайтан III,

опирающаяся только на керамический материал, согласно сложившейся схеме, должна быть представлена двумя периодами: XI–XIV и XVI–XVII вв. Для того чтобы состыковать оба периода и определить, какие орнаментальные традиции характерны для «выпавшего» из хронологической схемы XV столетия – «предшествующие» XI–XIV вв. или «будущие» XVI–XVII вв. (а может, их синтез), – необходимо привлечь материалы закрытых комплексов XV в. Поэтому обнаружение постройки, датированной XV в., имеет значение не только для городища Шайтан III, но и для археологии региона в целом. Постройка городища Шайтан III позволяет заложить «первый камень» в заполнение временной и историко-культурной лакуны в средневековой археологии Томского Приобья.

Из хозяйственных ям постройки городища Шайтан III происходит незначительная по количеству, но емкая с позиций историко-культурного анализа коллекция фрагментов сосудов (рис. 3). Орнаментация подобной керамики незамысловата. Черепки украшены по всей поверхности гладким или гребенчатым штампом, уголками, ногтевыми вдавлениями, ямками. Для верхней части сосудов характерно наличие «окаймляющего мотива», расположенного в области шейки и плечика. Венчики отогнуты наружу, по внешнему краю и срезу деформированы глубокими оттисками гребенки или палочки. Найденные в постройке фрагменты находят многочисленные аналогии в материалах позднесредневековых памятников, традиционно датируемых XVI–XVII вв. (2-я группа). Подобные сосуды бытуют в регионе вплоть до начала XVIII в. и связаны с местным тюркским населением. Присутствие аналогичной керамики в одном слое с гончарной русской керамикой зафиксировано на поселении Энеков остров. По сведениям Г.Ф. Миллера, здесь проживали несколько семей зуштинских татар, занимавшихся рыбной ловлей [14. С. 172]. Нижняя хронологическая граница керамики 2-й группы, за которую принимается XVI в., представляется искусственной и необоснованной [15. С. 18]. Ее присутствие в объекте XV в. указывает на распространение позднесредневековых орнаментальных традиций как минимум на столетие раньше. В этом контексте первостепенным является вопрос об истоках этой керамики. На сегодняшний день она словно повисает в историческом пространстве.

Совершенно очевидно, что XV в. для населения Томского Приобья является своеобразным переломным рубежом. Именно на это столетие приходится хронологическая грань, разделяющая периоды функционирования крупных могильников II тыс. н.э. Некрополи развитого Средневековья, такие как Астраханцево и Усть-Киргизка, были оставлены. В других местах появляются новые кладбища, подобные Козюлинскому и Коларовскому могильникам.

По-видимому, в это время происходит и смена хозяйственной ориентации населения. Для развитого

средневековья характерно исключительно коневодство: кости лошади составляют почти 100% остеологического материала [16. С. 238]. В позднем Средневековье ситуация меняется, соотношение костей домашних и диких животных практически выравнивается. В состав стада при доминировании лошади входит крупный и мелкий рогатый скот [5. С. 109–110]. Перемены в скотоводстве, возможно, связаны с климатическими изменениями. На позднее Средневековье приходится начало «Малого ледникового периода», который носил глобальный характер [17. С. 99]. Это могло привести к экономической дезориентации населения и формированию новой экономической модели, адекватной изменившимся природным условиям.

Смена керамических традиций в Томском Приобье, по крайней мере исчезновение керамики 1-й группы, также приходится на XV в. На уровне сегодняшних знаний механизм этой перемены труднообъясним. Эволюционного перехода между двумя группами ке-

рамики, который предлагается для памятников Новосибирского Приобья, здесь не наблюдается. Подобная смена орнаментальных традиций выглядит скорее как процесс «скачкообразный».

На наш взгляд, именно XV в. стал ключевой датой в формировании тюркского населения Томского Приобья, известного к моменту появления русских. Этот аспект станет важнейшим в изучении этногенеза местных тюркских групп и уже сейчас выходит за рамки частной или локальной проблемы. Изучение отмеченного «хронологического пробела» позволит ответить не только на вопросы, связанные с генезисом керамики, но и с конечной фазой сложения местных этнотерриториальных групп. Очевидно, что обозначенные проблемы могут быть решены только посредством комплексного исследования, с учетом всех факторов, повлиявших на исторический процесс. Непременными условиями являются расширение территориальных рамок исследования, анализ материалов Новосибирского и Нарымского Приобья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Е.В. «Перевоз» через реку Обь в XVII веке: географический и историко-культурный аспекты // Вестник Томского университета. История. 2012. № 3 (19). С. 148–155.
2. Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 37–39.
3. Гриневич К.Э. Археологическое исследование урочища Басандайка близ гор. Томска // Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98. С. 5–51.
4. Барсуков Е.В. Средневековые металлурги реки Таган // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2010. С. 13–25.
5. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем Средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990. 133 с.
6. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.
7. Гриневич К.Э. Опыт классификации и датировки Басандайской керамики // Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98. С. 141–147.
8. Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н.э.) // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 129–152.
9. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск, 2000. 258 с.
10. Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 69–112.
11. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в XI–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.
12. Адамов А.А. Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 55–61.
13. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–335.
14. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 6. 312 с.
15. Зайцева О.В., Капитонова М.А. Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожвинковского района Томской области) // Археолого-этнографические исследования в южнотаяжской зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 15–19.
16. Золотухин В.В., Водясов Е.В. Система жизнеобеспечения средневекового населения Шайтанского археологического микрорайона // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 236–239.
17. Евсеева Н.С., Жилина Т.Н. Палеогеография позднеледниковья и голоцена (корреляция событий) : учеб. пособие. Томск, 2008. 175 с.

Barsukov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russia) ; Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: barsukovevg@mail.ru

THE 'DARK AGE' IN THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF THE TOMSK OB AREA: RESULTS OF A STUDY OF A XV CENTURY CONSTRUCTION AT THE SHAITAN III FORTIFIED SETTLEMENT.

Keywords: Tomsk Ob area; Late Middle Ages; Shaitan III fortified settlement; XV century.

The historical-and-cultural situation in the Tomsk Ob area in the II mm. A.C. has been studied for over a hundred years based purely on archaeological material. Formed were the chronology of the sites and the scheme of the region's ethno-cultural development, the vector and prospects of which were largely determined by so-called 'Turkization', with the formation of Turkic groups being one of its most topical aspects. New archaeological material allows seeing time gaps and 'blanks' in the existing ethno-cultural scheme that are connected with the XV c. – a 'dark age' in the archaeology of the Tomsk Ob area, which 'falls out' from the overall picture of the region. That puts forward the task of studying the XV c. as a pressing problem of building a unified chronological scale regarding the Tomsk Ob area's development. The needed impetus was given by the research on the Shaitan III fortified settlement in the Tomsk region. During the excavations here, a construction was found, which had been built using the log house technique. The construction technique of this type was, for the first time, archaeologically recorded in the Tomsk Ob area which is important for the reconstruction of medieval building traditions. According to the radiocarbon analysis results, the construction dates back to the XV c. The identification of a XV c. construction is significant in terms of furthering research on the development of ornamental traditions in ceramics of the Tomsk Ob area in the II mm. A.C., which according to main burial sites material was divided into two chronological groups: 1) from the XI to the XIV c.; 2) from the XVI to the XVII c. Obviously, the XV c. was left out of the picture. The chronological gap has a negative impact not

only on the dating of settlement complexes often carried out with the help of ceramics. Outside the research scope remains the historical context of the relationship between High Middle Ages ceramics (1st group) and Late Middle Ages ceramics (2st group). The analysis of the ceramics found in the XV c. construction pit points to the fact that Late Middle Ages ornamental traditions had been spread at least a hundred years earlier than previously thought. And here, the question comes to the fore as to the origins of this ceramics – the one which seems to be left up in the air today. The XV c. is in a sense a turning period in the life of the population in the Tomsk Ob area. In this period, continuity in the use of cemeteries was disrupted; the local population's economy was reoriented. Probably, it is during this century that the change in ceramics traditions took place. In our view, the XV c. was a key time in the formation of the Turkic population in the Tomsk Ob area known to have been present in the region by the time the Russians arrived. The XV c. problem is crucial to the study of local Turkic groups' ethno-genesis and it is already becoming less of an isolated and local one.

REFERENCES

1. Barsukov, E.V. (2012) Ferry over the Ob river in the 17th century: geographical, historical and cultural aspects. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istorika – Tomsk State University Journal of History*. 3(19). pp. 148-155. (In Russian).
2. Zaytseva, O.V., Barsukov, E.V. & Gusev, A.V. (2004) O vydelenii Shaytanskogo arkheologicheskogo mikrorayona na yuge Tomskoy oblasti [On the Shaitansky archaeological district in the south of Tomsk Region]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii* [Archaeological districts of Northern Eurasia]. Omsk: Apelsin. pp. 37-39.
3. Grinevich, K.E. (1947) Arkheologicheskoe issledovanie urochishcha Basandayka bliz gor. Tomsk [Archaeological research of Basandayka Tracts near Tomsk]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti* [Basandayka. The collection of materials and research on archeology of Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5-51.
4. Barsukov, E.V. (2010) Srednekovyye metallurgi reki Tagan [Medieval steelworkers on the Tagan River]. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Tomsk: [s.n.]. pp. 13-25.
5. Pletneva, L.M. (1990) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [The Ob near Tomsk in the late Middle Ages (according to the archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [The Ob near Tomsk in the early 2nd millennium AD (According to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Grinevich, K.E. (1947) Opyt klassifikatsii i datirovki Basandayskoy keramiki [The classification and dating of Basandayka pottery]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti* [Basandayka. The collection of materials and research on archeology of Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 141-147.
8. Yakovlev, Ya.A. & Mets, F.I. (1993) Selishche Zolotaya gorka (k postanovke voprosa ob etnicheskoy situatsii v Tomskom Priob'e II tys. n.e.) [The settlement Zolotaya gorka (to the ethnic situation in Tomsk Ob in the 2nd millennium AD)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e* [The archaeological research in the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129-152.
9. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [The Ob near Novosibirsk in the 10th – 14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
10. Shirin, Yu.V. (2004) Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti [The mound town Gorodok and its surroundings in the ancient]. *Kuznetskaya starina*. 6. pp. 69-112.
11. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulye v XI–XIII vv.* [The Middle Chulym in the 11th – 13th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Adamov, A.A. (1989) Gorodishcha chatskikh tatar v Novosibirskom Priob'e [The mounds of the Chat Tatars in the Ob near Novosibirsk]. In: *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti* [Monuments of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publ. pp. 55-61.
13. Dulzon, A.P. (1953) *Pozdnie arkheologicheskie pamyatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniya chulymskikh tatar* [The late archaeological monuments of the Chulym and the problem of the origin of Chulym Tatars]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 127-335.
14. Miller, G.F. (1996) Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera [Siberia of the 18th century in the travelogues by G.F. Miller]. In: Pokrovsky, N. (ed.) *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki* [History of Siberia. Primary sources]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Zaytseva, O.V. & Kapitonova, M.A. (2003) Predvaritel'nye itogi issledovaniya Shaytanskogo arkheologicheskogo mikrorayona (k arkheologicheskoy karte Kozhevnikovskogo rayona Tomskoy oblasti) [Preliminary results of the study of the Shaitansky archaeological district (to the archaeological map of Kozhevnikov district, Tomsk Region)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnatazhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and ethnographic research in the southern taiga zone of West Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15-19.
16. Zolotukhin, V.V. & Vodyasov, E.V. (2011) Sistema zhizneobespecheniya srednekovogo naseleniya Shaytanskogo arkheologicheskogo mikrorayona [The life-support system of the medieval population in the Shaitansky archaeological district]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 236-239.
17. Evseeva, N.S. & Zhilina, T.N. (2008) *Paleogeografiya pozdnelednikov'ya i golotsena (korrelyatsiya sobyitiy)* [Paleogeography of the Late Holocene (the event correlation)]. Tomsk: Tomsk State University.

С.Ф. Татауров

ПРОЦЕССЫ КОНСОЛИДАЦИИ СИБИРСКИХ ТАТАР ДО И ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ К РОССИИ

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».*

Показана значимость археологических материалов для анализа процесса консолидации сибирских татар в XVI–XVII вв. Рассматривается проблема оседания и формирования тюркоязычного населения Западной Сибири во II тыс., которая выражалась в складывании единого культурного, языкового и религиозного пространства. Приводятся причины длительности этого процесса, анализируются факторы, препятствующие или способствующие сближению отдельных групп населения. Показана роль российской администрации, ее действий по созданию новой для Сибири территориально-административной системы, распространению православия и т.д. Особое внимание уделено ходу исламизации населения уже в рамках российского государства после прихода русских, роли в этом процессе родовой татарской знати.

Ключевые слова: Сибирь; население; экономика; религия; консолидация.

Процесс консолидации тюркоязычного населения Западной Сибири занял значительный период времени, фактически все II тыс. н.э. Территория лесостепной зоны Западной Сибири с проживавшим на ней населением к середине XVI в. представляла собой, выражаясь археологической терминологией, историко-культурную общность. В целом для всего региона это проявлялось в определенной близости материальной и духовной культуры с локальными вариантами, тяготеющими к долинам крупных рек – Тоболу, Ишиму, Иртышу и Оби. Во второй половине XVI в. вся эта территория с проживающим на ней населением оказалась объединенной в границах одного государства – Сибирского ханства. К этому моменту сформировались большие региональные этнические группы сибирских татар [1]. После присоединения Западной Сибири к Российскому государству эти группы оказались в составе нового государства и продолжилось их социально-экономическое сближение, что привело к сложению этноса – сибирских татар.

Продолжительность процесса сближения тюркоязычного населения была обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, значительную роль в этом сыграло то, что их переселение в Западную Сибирь растянулось на более чем тысячу лет. Немалое значение имели и места выхода групп тюркоязычного населения, которые варьировались от предгорий Алтая до Средней Азии и Поволжья. На длительность процесса влияли природно-географические условия территорий, где селились мигранты, это в первую очередь долины крупных рек – Оби, Иртыша, Ишима, которые отделены друг от друга огромными труднопроходимыми болотными массивами. Это серьезно ограничивало развитие социально-экономических отношений между отдельными группами.

Собственно процесс формирования единого этноса сибирских татар начался с включением лесостепной

полосы Западной Сибири в Монгольскую империю. Местная родовая элита оказалась поднятой сразу на несколько ступенек вверх согласно принятой в этом государственном образовании иерархии. «Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с джучидами трактовалось не просто как учреждение государства, а как акт социального творения, упорядочения микрокосма» [2. С. 193]. Как бы ни была номинальной центральная власть в сибирских тюрко-татарских государственных образованиях – осознание населением того, что они являются частью большого государства, у них есть верховный правитель и глава рода теперь руководит родом от его имени, – сыграло определяющую роль в его консолидации. Сбор налогов, выполнение общественных и государственных повинностей и работ, распространение ислама, строительство новых путей сообщения и развитие торговых отношений – все это сближало население лесостепи.

На момент присоединения Западной Сибири к Московскому царству происходит определенная унификация хозяйства, которое по своей структуре становится комплексным – состоящим из присваивающих отраслей – охоты, рыболовства и собирательства и производящих – скотоводства и земледелия. В зависимости от природных условий у отдельных групп приоритетными были те или иные отрасли хозяйства. Но у всех групп населения наблюдались общие традиции – в скотоводческой отрасли сохранялись коневодство и овцеводство, в земледелии преобладала мотыжная обработка почв и т.д.

Археологические материалы первой половины II тыс. н.э. при всем многообразии населения лесостепной полосы Западной Сибири дают нам довольно устойчивый тюркизированный фон по всем ключевым элементам материальной и духовной культуры.

Практически все группы переселились в каркасно-столбовые слабо углубленные в почву жилища с чува-

лами для обогрева и приготовления пищи. Наиболее наглядно в этом плане выступают материалы городища «Кучум-гора», раскопанного Р.Д. Голдиной [3. С. 138–159], и городища Екатерининское V, исследованного В.Н. Чернецовым, В.А. Могильниковым и А.В. Матвеевым [4. С. 65–66]. Помимо конструкций жилищных комплексов наблюдается определенная схожесть и в общей планиграфии поселенческого комплекса, линейном расположении построек при их тяготении к 2–3 центрам.

В погребальном обряде наблюдаются постепенное уменьшение использования огня, углубление могильных ям, распространение деревянных перекрытий и превалирование северо-западной ориентации. При всем многообразии ориентации погребений и устройстве надмогильных сооружений можно выделить некоторые моменты, которые, по мере распространения и укрепления ислама, в конечном итоге привели к значительной идентичности погребального обряда для всех групп сибирских татар. В первую очередь это касается расположения погребальных комплексов относительно поселений, устройства подъезда к ним, ограждения от остальной территории, строительства общественных строений и определенной планиграфии захоронений.

В посуде мы фиксируем переход от неорнаментированной или слабо орнаментированной грубой по технологии керамики к более высокому уровню техники изготовления сосудов и покрытие их орнаментами местного, преимущественно угорского населения. Далее, в XVI в. на памятниках сибирских татар выделяется комплекс круглодонной керамики, украшенной по всей поверхности рядами подтреугольных или семечковидных штампов. Эта керамика фиксируется практически на всех крупных поселенческих комплексах Сибирского ханства. О том, что этот орнамент постепенно становится наиболее значимым для татар, свидетельствует тот факт, что после присоединения Сибири к Московскому царству он сохраняется на посуде, сделанной по русскому образцу до начала XVIII в.

В одежде и украшениях все большее место занимают южные по изготовлению вещи – кожаные пояса с сердцевидными пряжками, ожерелья из пастовых разноцветных бус, кольца и перстни со вставками из полудрагоценных камней. Развитие торговых отношений принесло распространение в одежде мануфактурных тканей, в том числе среднеазиатского и китайского шелка. Следует отметить, что костюм тюркоязычного населения Западной Сибири оказался достаточно устойчивым для каждой локальной группы и сохранил свои основные черты до середины XX в.

Образование Сибирского ханства стимулировало следующий шаг в развитии социально-экономических отношений между населением отдельных районов лесостепной полосы Западной Сибири. Это государственное образование объединило население на определенном уровне развития общества, родовых и феодальных отношений – тем самым вовлекло все население

в единую организационную систему. Это нашло свое отражение и в археологических материалах. Постепенно распространяется мусульманский обряд погребений. В настоящее время подобных комплексов исследовано не много, но имеющиеся материалы позволяют говорить, что погребальные мусульманские комплексы первоначально формируются вокруг или близ «астана», а уже потом начинают возникать непосредственно около поселений. Стандартизируется керамика, практически на всех крупных поселениях и городах ханства мы выделяем комплекс круглодонной посуды со сплошной орнаментацией крупным подтреугольным штампом. Пока под вопросом находятся денежное обращение и система мер и весов, но находки монет и предметов, связанных с торговым оборотом, позволяют сделать это предположение. Определенная стандартизация наблюдается и в фортификационной системе городов, особенно пограничных городков, что позволяет нам выделять ее как определенный маркер государственности.

Суммируя все вышесказанное, мы можем говорить о том, что государственное объединение стало одним из слагающих факторов в формировании сибирских татар. После присоединения Сибири к Московскому царству новая администрация, стремясь предотвратить этот процесс консолидации, ввела свое административное деление в Западной Сибири, поделив ее на воеводства, уезды и тем самым поставив между группами дополнительные административные барьеры. Население вошло в другое государственное образование, т.е. один связующий государственный фактор был заменен на другой. Отличие было в том, что из его управляющих структур было исключено аборигенное население. Привлечение родовой верхушки к управлению в первый период присоединения имело место, но было эпизодическим и быстро кончилось. Татарской знати было необходимо компенсировать потерю власти, и она нашла выход, который заключался в том, что она возглавила процесс исламизации тюркоязычного населения. Из ее среды сформировалось мусульманское духовенство, которое продолжило политику укрепления основ религии среди местного населения. Сменив светскую власть на духовную знать, сохранила за собой контроль над обществом и свое положение и, самое главное, взяла на себя продолжение процесса консолидации тюркоязычного населения Западной Сибири.

Проводимые в последние годы археологические исследования погребальных и поселенческих памятников XVI–XVIII вв. в лесостепной полосе Западной Сибири позволяют констатировать их еще большее сближение по сравнению с предыдущим временем [5. С. 152]. Здесь следует отметить, что в данном сближении огромную и решающую роль сыграли переселенцы из европейской части российского государства. Расселяясь зачастую чересполосно с местным населением, они принесли с собой более высокий уровень развития экономики, материальной культуры. Это привело к тому,

что аборигенное население практически по всем направлениям своего жизнеобеспечения за довольно короткий срок растеряло свои традиции и восприняло принесенные.

Констатируя русское влияние, нельзя не отметить, что сибирские татары в XVII–XX вв. уже в рамках нового государства и проживания чересполосно или совместно с переселенческим населением развивали свою систему хозяйства и систем жизнеобеспечения. При полной переориентации жилищных и хозяйственных комплексов на русские традиции татары привнесли в них свои культурные элементы, некоторые из которых сохраняются до настоящего времени. Это касается внутренней планировки жилищ и их убранства, декоративных элементов и т.д. В хозяйственных комплексах следует выделить особенности построек для зимнего содержания домашних животных и для хранения собранных и добытых припасов. Сибирские татары сохранили основные приемы ловли рыбы – по сей день фиксируется использование ими традиционных ставных ловушек, запорных устройств и котцов. Подобные

черты мы можем выделить и в других отраслях хозяйства и промыслах сибирских татар.

Тюркоязычное население Западной Сибири под влиянием преимущественно политических событий (а не экономических) оказалось достаточно соорганизованным к последней трети XVI в., т.е. готовым к дальнейшему сближению и превращению в единый этнос, но этот процесс стал развиваться уже в других условиях – после присоединения Западной Сибири к российскому государству – в XVII–XIX вв. Ключевую роль в этом сыграла татарская родовая знать и переселившееся из Средней Азии и Поволжья мусульманское население, а решающим фактором – исламизация всего тюркоязычного населения. К сожалению, следует констатировать, что на настоящее время этот важнейший момент в истории самого многочисленного в Сибири народа так и не описан. Необходим целый комплекс исторических, этнографических, археологических и генетических исследований, чтобы совершенно точно выяснить, когда окончательно сформировался этнос – сибирские татары.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 276 с.
2. Исаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.) Казань : РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
3. Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // Вестник археологии Урала. 1969. Вып. 8. С. 138–159.
4. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Средневековое городище Екатерининское V (итоги работ 2005 г.) // Тарское Прииртышье и проблемы сохранения историко-культурного наследия малого исторического города России. Тара, 2006. С. 65–66.
5. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : матер. Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 149–152.

Tataurov Sergey F. Omsk branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Omsk, Russia). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

PROCESSES OF CONSOLIDATION OF THE SIBERIAN TATARS BEFORE ACCESSION OF SIBERIA TO RUSSIA.

Keywords: Siberia; population; economy; religion; consolidation.

Process of consolidation of the Turkic population of Western Siberia has taken the considerable period of time, actually all the II millennium AD. The territory of a forest-steppe zone of Western Siberia with the population living on her to the middle of the 16th century represented, telling expressed by archaeological terminology, a historical and cultural community. In general for all region it was expressed in a certain proximity of material and spiritual culture with the local options gravitating towards valleys of the large rivers – Tobol, Ishim, Irtysh and Ob. Duration of process of rapprochement of the Turkic population has been caused by several factors. First of all, the significant role in it was played that their resettlement to Western Siberia has dragged on more than one thousand years. Also places of an exit of groups of the Turkic population which varied from the foothills of Altai to Central Asia and the Volga region had considerable value. Actually process of formation of uniform ethnoses of the Siberian Tatars has begun with inclusion of a forest-steppe strip of Western Siberia in the Mongolian empire. Archaeological materials of the first half of II millennium AD at all variety of the population of a forest-steppe strip of Western Siberia give us quite steady Turkic background on all key elements of material and spiritual culture. By the time of Western Siberia joining the Moscow kingdom there is a certain unification of economy, which becomes complex – consisting of the appropriating branches – hunting, fishery and collecting and making – cattle breeding and agriculture. Formation of the Siberian khanate stimulated the following step in development of the social and economic relations between the populations of certain regions of a forest-steppe strip of Western Siberia. This state education has united the population at a certain level of development of society, the patrimonial and feudal relations – thereby it has involved all population in uniform organizational system. It has found the reflection in archaeological sites of this time – settlement and funeral complexes, life support systems etc. The Turkic population of Western Siberia under the influence of mainly political events was rather in arranging to the last third of the 16th century, but this process began to develop already in other conditions – after accession of Western Siberia to the Russian state – in the XVII–XIX centuries. The key role in it was played by the Tatar nobility and the moved Muslim population from Central Asia and the Volga region, and a decisive factor – Islamization of all Turkic population.

REFERENCES

1. Tomilov, N.A. (1981) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravliny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Iskhakov, D.M. & Izmaylov, I.L. (2007) *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethno-political history of the Tartars (the 3rd – mid-16th centuries)]. Kazan: Shkola.
3. Goldina, R.D. (1969) Gorodishche Kuchum-Gora [The Mound Kuchum-Gora]. *Vestnik arkheologii Urala*. 8. pp. 138-159.
4. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2006) Srednevekovoe gorodishche Ekaterininskoe V (itogi rabot 2005 g.) [The medieval settlement Ekaterininskoe V (the results of the work in 2005)]. In: Kazeko, T.N. (ed.) *Tarskoe Priirtysh'e i problemy sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya malogo istoricheskogo goroda Rossii* [The Irtysh near Tara and problems of preservation of historical and cultural heritage of the Russian small historical towns]. Tara: Omsk State Agrarian University. pp. 65-66.
5. Matveev, A.V. & Tataurov, S.F. (2008) [Cultural and chronological interpretation of the 14th–16th monuments in the Middle Irtysh]. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of West Siberia and cross-border regions: Problems of interpretation and reconstruction]. Proc. of the West Siberian Archeological and Ethnographic Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 149-52. (In Russian).

УДК 902.2:685.3"8/14
DOI 10.17223/19988613/43/9

А.Б. Ковальска

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ОБУВИ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В IX–XV вв.

Исследование средневекового производства обуви позволило выявить несколько структурных типов и стилей померанской обуви. В середине XIII в., помимо широкого ассортимента, очевидными становятся признаки качественных и эстетических изменений продукции. Так, во второй половине XIII–XIV в. уже существовало разделение на повседневную и рабочую обувь, а также более выраженной была эстетическая составляющая обуви, которая могла быть связана с праздничной одеждой. В район южного балтийского побережья новые веяния пришли относительно быстро, однако наиболее заметными они стали в XIII – первой половине XIV в.

Ключевые слова: Балтийский регион; Померания; Средние века; кожаная обувь.

Число кожаных изделий, найденных во время археологических раскопок в городских центрах на южном побережье Балтийского моря, в пределах польской части Померании, иногда достигало десятков тысяч экземпляров. Парадоксально, но благодаря массовому характеру находок, главным образом обуви, в последние десятилетия производство изделий из кожи стало предметом более широкого исследовательского интереса, выходящего за пределы лишь типологического и формального определения предметов. Благодаря передовым исследованиям коллекций вещей и предметов производственных отходов из центров в прибрежной зоне – от Щецина и Волина до Гданьска и Эльблонга – мы в настоящее время можем с большой долей вероятности реконструировать этапы производства кожаных изделий, особенно обуви, и определить поворотные моменты в развитии этой отрасли производства в IX–XV вв.

В исследованиях Средневековья ясно различаются его ранний и поздний периоды, а в случае с Померанией очевидными поворотными событиями явились введение германского городского права и колонизация аграрных областей. В рамках двух хронологических периодов (VIII – первая половина XIII в. и вторая половина XIII – конец XV в.) ведется дискуссия о том, как развивались городские ремёсла, в том числе обработка кожи в широком понимании [1].

На сегодня наиболее значимые и крупные собрания источников, позволяющих рассматривать вопрос относительно самого позднего этапа в оформлении ремесла по производству обуви в раннем Средневековье, были получены при археологических раскопках в Хедебю и Волине. Во-первых, даже самые современные попытки представить линию развития обувной продукции в Средневековье были предприняты, основываясь на обширном материале раскопок Генри Викала в Гданьске [2, 3]. До сих пор используется, успешно развивается и верифицируется новыми открытиями – особенно интенсивно в последние два десятилетия – основная классификация предметов и находок в связи с обувным производством, введенная именно этим исследовате-

лем. В 1960-е гг. параллельно с исследованиями самих предметов поднимается также вопрос относительно организации обработки кожи в городских центрах раннего периода, а также вопросы о формировании профессии кожевников и обувщиков, включая раннее разделение данных ремесел на отдельные виды деятельности. Исходя из археологических источников, было установлено, что в раннем Средневековье, задолго до возникновения организаций, зафиксированных в письменных источниках, существовали наследственные профессии. Особенно значимыми в исследовании данных вопросов являются работы Юзефа Кажмерчука [4], который попытался оценить объем обувного производства во Вроцлаве периода раннего Средневековья, основываясь на подсчетах площади производственных отходов. Он также поднял вопрос о разделении труда в производственном процессе, что было связано с определением функционировавших специализированных мастерских в период до подъема гильдий, статус которых определял масштаб деятельности на разных этапах производства. Вопрос догильдиевой организации обувного производства недавно обсуждался с опорой на материалы раскопок в Волине [5, 6] и Щецине [1, 7, 8].

Не менее важными являются исследования распределения и путей поставок исходного материала – шкур животных – в Средневековье. Для изучения обувного производства на разных его этапах необычайно важны исследования отходов и обрезков археологической кожи, основанные на современном методе зоологического анализа. Такие исследования проведены на материалах раскопок в Колобжег-Будистово и Щецине и результаты недавно опубликованы в: [1. С. 49 и далее; 9]. Одно только скопление отходов в одном месте, что, очевидно, подтверждает наличие в этом месте кожевенного производства, не является достаточным основанием для определения «мастерской». Важно оценить форму и качество отходов для выявления способов избавления от отработанного материала и установления производственных стандартов, что также связано с определением ассортимента продукции [1. С. 49–59; 10. С. 100–121].

Изучение средневекового производства обуви позволило выявить несколько структурных и стилистических типов обуви. В действительности в XII–XIV вв. в Померании не существовало никаких типов обуви, напрямую извлеченных из античной традиции [11–13]. Однако следует иметь в виду, что в городских центрах раннего времени хозяйственные изменения происходили быстрее, чем в сельских поселениях, где дольше сохранялось автаркическое хозяйство. Одним из наиболее важных этапов в развитии померанского производства обуви раннего Средневековья был переход от форм из цельного материала к многосоставным, т.е. состоящим из подошвы и пришитой к ней передней части. Введение отдельного элемента – подошвы – привело к тому, что обувь меняется не только в Средние века, но и по сей день. Однако, если на самых ранних этапах Средневековья важнейшим фактором изменений были практические соображения, уже примерно в XII в. в померанских центрах возникают элементы, свидетельствующие об учете эстетической составляющей, а также социальной принадлежности, манифестировавшейся в одежде, существенным элементом которой являлась обувь.

До начала XII в. изменения в производстве обуви касались главным образом стилистического ее разнообразия, которое вытекало из локальных потребностей и предпочтений. В период с конца XI в. до середины XII в. наблюдаются резкие изменения, приведшие к «революции» в производстве обуви, значительно повлиявшей на дальнейшее развитие этого направления средневекового ремесла. Я имею в виду очень быстрое распространение целого ряда дополнительных элементов, конструкции и элементов эстетического характера: крепления отверстий для шнурков, прошивки с внутренней стороны обуви для защиты участков связывания и укрепление задней части пятки (рис. 1). Эти изменения уже в конце XII – начале XIII в. были закреплены в производственном стандарте [1. С. 152]. Верхние завязки также получили широкое распространение – это были узкие кожаные полосы рядом с верхним краем передней части обуви, а также ранты, прошитые между передней частью обуви и подошвой для улучшения изоляции от влаги, которая могла проникнуть внутрь. Благодаря этим дополнительным элементам срок эксплуатации обуви значительно увеличивался.

Доминирующая форма обуви во второй половине XII – начале XIII в. имела низкий задник, доходивший до лодыжки и закреплявшийся на ноге традиционным способом с помощью одного шнурка. Более привычной становится обувь средней высоты с задником, покрывавшим лодыжку и гораздо выше лодыжки. В конце раннего Средневековья, около середины XIII в., в производстве обуви, в дополнение к стилистическому разнообразию, ясно прослеживаются признаки изменений в качестве и эстетике, указывавших на большее социальное расслоение потребителей. Тогда появилась, например, обувь, богато украшенная ажуром (рис. 2).

Рис. 1. Передняя часть обуви с треугольной формы уплотнителем пятки из раскопок в Бялогарде (фото А.Б. Ковальска)

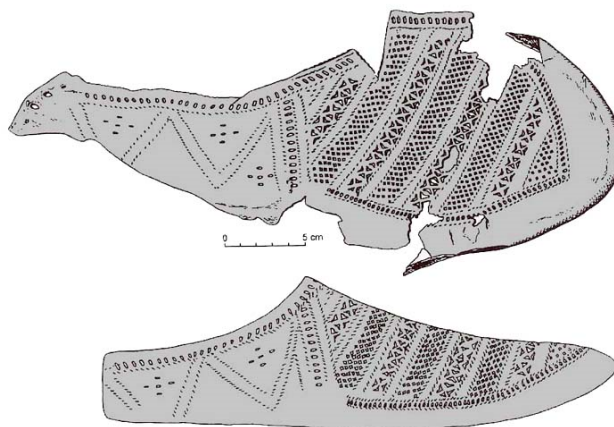

Рис. 2. Низкая обувь с отделкой из Щецина (рисунки Г. Бона)

Период примерно с середины XIII в. является очередным поворотным этапом в производстве обуви. Прочно утвердились нововведения в дизайне, возникшие в XII в., в то время как менялись внешний вид и форма отдельных частей обуви. Например, заметными были различия в форме подошвы – довольно быстро сократилась доля мягко очерченных, повторяющих форму стопы подошв (в Щецине примерно на 50%), в пользу образцов более заостренных форм – сильно зауженных в средней части и с выраженным носком. В XIII в., особенно во второй его половине, форма передней части обуви изменилась – от закругленной до заостренной или даже вытянутой и остроконечной [10. Рис. 11; 14. С. 142; 15. С. 190 и далее; 16. С. 28–38]. Исчезновение подошв с ярко выраженным округлым носком становится заметным примерно в середине XIV в. (рис. 3). Подошвы с заостренными носами отражают тенденцию в изменении формы всей передней части обуви – от округлой до заметно более вытянутой, что, скорее всего, связано с распространением готической моды. С этим трендом также определенно связаны тонкие подошвы, визуально удлинняющие обувь и придающие ей «легкость».

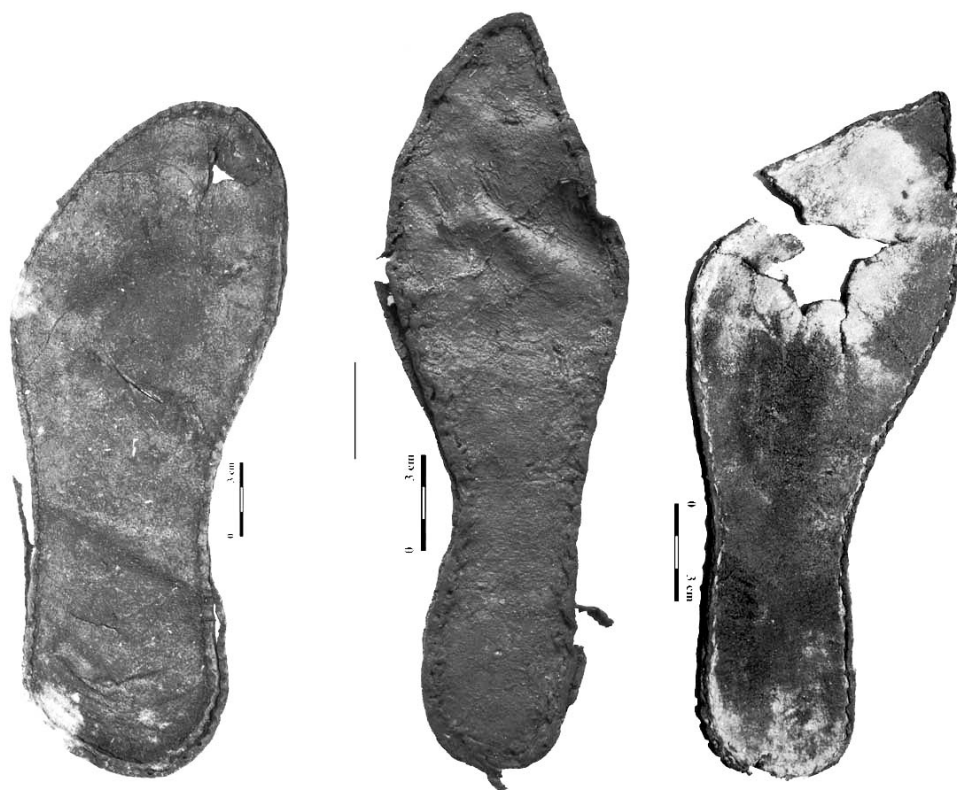

Рис. 3. Профилированные подошвы из Щецина и Бялонарда (фото А.Б. Ковальска)

Примерно с середины XIII в. начинают появляться разделенные подошвы, состоящие из двух, реже трех частей. В собраниях из крупнейших померанских центров (Колобжег, Щецин) их доля достигает 10% [6. С. 35–36; 10. С. 29–30]. Появление таких подошв связано, преимущественно, со стремлением экономить сырьё; также существует мнение, что они использовались при ремонте обуви, когда к хорошим частям пришивались части других, менее изношенных подошв. Использование разделенных (многокомпонентных) подошв объяснялось нехваткой шкур животных в Померании в первой половине XIV в., вследствие чего каждый кусок кожи использовался по максимуму.

Помимо очевидных рациональных причин следует учитывать и другие факторы изготовления подошвы из двух или трех частей, в поддержку чего свидетельствует равное их процентное соотношение в Колобжеге и Щецине и очень схожее – в порту Гданьска [15. С. 195]. В других центрах, например, Турку в Финляндии, они реже встречаются в слоях XIV и XV вв. и классифицируются как образцы значительной длины, вырезанные из очень толстой кожи [17. С. 116–117]. Составные днища, причем от обуви большого размера, известны уже в слоях раннего Средневековья (XII в.), открытых в Шлезвиге и Любеке, а также в Осло и Лунде. Стоит отметить, что в Лондоне они были гораздо более распространены, чем в Скандинавии и северо-западной Европе, особенно в XIV в. Мне кажется, что, несмотря на некоторый дискомфорт, определенно сопряженный с ношением обуви с подошвой, разделенной на не-

сколько частей, можно предположить целенаправленность такого ношения, особенно в случае, когда в качестве материала использовалась толстая и жесткая коровья шкура. Места швов увеличивали гибкость подошвы, облегчая хождение. По этой причине, вероятно, многокомпонентное днище может быть ассоциировано со специальной обувью.

С многокомпонентной подошвой также связывается использование вкладышей или прокладок внутри обуви, хотя их применяли и с цельными подошвами. В позднесредневековом производстве обуви использовались кожаные прокладки, соответствующие по форме цельным подошвам, которые покрывали всю подошву, либо только носок или только пятку. В средней части обуви не требовалось какой-либо дополнительной прокладки, поскольку она не соприкасалась непосредственно с ногой (ввиду изгиба стопы). Анализ материала из Колобжега подтвердил, что многокомпонентная подошва с дополнительными прокладками, повышающими комфорт, все чаще встречается во второй половине XIV в. [10. С. 30]. Наиболее ранние образцы этого типа – многослойные или, по меньшей мере, двойные – известны уже с конца XI в. в Скандинавии [18. С. 315]. Несколько сильно поврежденных прокладок найдены в Щецине в слоях второй половины XIII–XIV в. Иногда роль прокладок выполняли другие материалы. Из собственного опыта спасательных раскопок в Пыжице я знаю о большеразмерном экземпляре обуви, внутренняя часть которой была заполнена соломой [19]. Роль изоляции, вероятно, играли также ткань или шерсть. Много-

ставная подошва из нескольких кожаных слоев разной толщины и/или изолирующий слой из дерева или коры являлись типичными элементами обуви раннего послесредневекового времени.

На ранних этапах позднего Средневековья появляются дополнительные элементы обуви на внешней стороне подошвы, соприкасающейся с землей, соответствующие по форме носковой или задней части – это подметки и каблуки. Их форма и способ крепления указывают на то, что они изготавливались специально в процессе производства новой обуви, а не в ходе ремонта изношенной подошвы [10. С. 37; 15. С. 197]. Иногда, например в Колобжеге, они крепились металлическими шипами или небольшими деревянными штифтами, как в Турку [18. Рис. 86]. Независимо от способа соединения с подошвой, они явились предвестниками типа обуви, которая появляется в эпоху Ренессанса в XVI в. [20. С. 217]. Представляется, что это новое дизайнерское решение было разработано в Скандинавии. В Турку данные внешние элементы подошвы датируются концом XIV в. – первой половиной XV в. Также относительно раннее происхождение имеют находки такого рода в Стокгольме и Лунде. В европейском производстве обуви за пределами Скандинавии, включая Померанию, эти элементы становятся популярными только в XVI в. [18. С. 119].

Следует упомянуть о полосках, вставленных между передней частью и днищем обуви с тем, чтобы герметизировать шов. Такой тип вставок в померанском производстве обуви стал применяться уже в первой половине XII в. Первоначально это были простые ровные кожаные полосы. Впоследствии появились полоски, треугольные в поперечном сечении, вырезанные из толстой и очень толстой кожи, вставленные, как клин, между нижней и верхней частями обуви, которые в позднесредневековом производстве обуви полностью вытеснили ровные образцы. Частая встречаемость обрывков этих полосок во всех культурных слоях с XIII в. позволяет отметить, что герметизация обуви специальным куском кожи была стандартной практикой обувного ремесла. Для поздних этапов позднего Средневековья особенно характерны полоски в передней части обуви, повторявшие форму пятника, с отчетливо удлиненным пальцем, выступающим за пределы подошвы. Использование таких вставок помимо практических целей преследовало и эстетическую – они визуально удлиняли обувь.

Изменения в средневековом производстве обуви были заметными, конечно, в случае с верхней частью – они касались кроя, числа профилирующих элементов и отделки. Уже в X в. обувь стала дополнять праздничный или церемониальный костюм высших слоев общества. Из археологических раскопок в раннесредневековых центрах известны примеры украшения передней части обуви вышивкой. Исследователи согласны, что отделка повышала стоимость обуви, и, таким образом, всего костюма. Вышивка также указывает на наличие

специализации в производстве, поскольку отделка осуществлялась после выкраивания из кожи, но до сшивания всех компонентов [21. С. 252]. На примере этого элемента раннесредневековой обуви стали очевидными и региональные различия. На центральных и восточнославянских территориях зафиксировано преобладание богатых спиралевидных и цветочных узоров, в то время как в западной и северной Европе чаще встречаются геометрические и особенно линейные узоры. Несколько союзов, вышитых шерстяными нитями, найденных в Щецине, повторяют западноевропейские мотивы [22; 23. Рис. 8, с–d]. Значение для характера отделки имеет также тип исходного материала – шерстяные, шелковые нити или металлическая проволока. В раннесредневековом обувном деле иногда встречаются металлические кнопки или шипы, в различных конфигурациях посаженные на союзы. Силезская обувь, украшенная металлическими аппликациями, из Вроцлава, Легницы или Ополе, Померании и Гданьска, из слоев XII–XIII вв., может быть связана со специальной праздничной одеждой более богатых жителей. Этот тип отделки, однако, не является распространенным в западной Померании. Следует отметить, что представители разных социальных слоев необязательно использовали различные типы декора обуви. Пышно украшенная обувь могла дополнять праздничный костюм даже более бедного населения, особенно на завершающих этапах существования раннесредневековых центров, когда наблюдается значительное стилистическое разнообразие обувной продукции [1. Диагр. 15]. Согласно историческим исследованиям традиционный романский костюм воспринял влияние византийской моды, что отразилось в яркости отделки и распространении вышивки [24. С. 134–135].

В периоды правовой, политической и экономической трансформации для большинства центров была характерна тенденция к рационализации производства с целью минимизации отходов и экономии исходного материала. Передняя часть обуви, оставаясь в плане своей конструкции, в основном, прежней, варьировалась по высоте задника, форме структурных и дополнительных вставок, способе завязывания на ноге, ширине вместилища, отделке и прочим мелким характеристикам (рис. 4). Представляется, что многообразие решений неструктурного значения было следствием приведения в соответствие универсальных узоров, использовавшихся в большинстве мастерских, с потребностями покупателей. Безотносительно способа организации, в производстве обуви в XII–XIV вв. наблюдаются серия последовательных улучшений, состоящих в основном в лучшей фиксации обуви на ноге и большем соответствии ее форме, а также изменения, связанные с наступлением определенной моды, особенно в высших слоях общества. Становится достаточно очевидным, особенно во второй половине XIII – XIV в., разделение на повседневную, рабочую обувь и образцы с более высокой эстетической ценностью, ко-

торые определенно были связаны с праздничным костюмом. В это же время заметен резкий рост числа обуви маленького размера – для детей – а также образцов промежуточных – между детским и женским – размеров. Характерным становится и появление детской обуви, произведенной по тем же стандартам, что и продукция для взрослых.

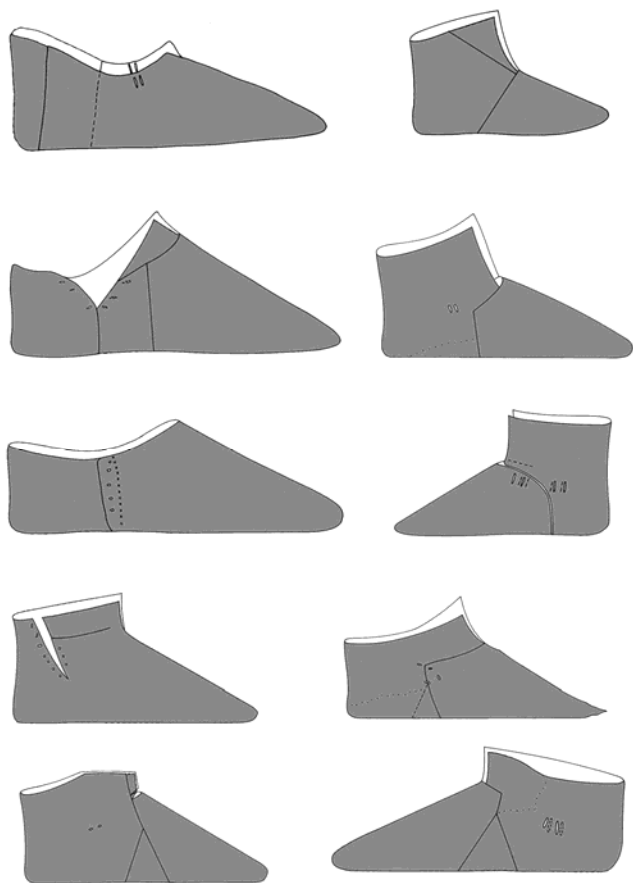

Рис. 4. Различные формы и типы средневековой обуви из Щецина (фото А.Б. Ковальска)

Представляется, что, по меньшей мере, часть изменений в производстве обуви в XII в., особенно во второй его половине, может быть связана с западными стандартами моды, воспринятыми в Померании. Мода, как новый культурный феномен, рано пришла на территорию, очерченную границами современной Польши. Прослеживается тенденция подчеркнуть утонченность за счет удлинения передней части обуви, и иногда – декоративной вышивки или аппликации [1. Табл. 10; 6. Рис. 75]. В конце XII в. ношение удлиненно-утонченных моделей, очевидно, участилось, что могло быть связано с появлением длинных нарядов, из-под которых были видны только носки обуви. Данное наблюдение касается одежды более богатых социальных классов, одежда бедной части населения была короткой и оставалась неизменной фактически до конца Средневековья. Растущее число такой обувной продукции, таким образом, можно рассматривать как прояв-

ление роста благосостояния. Примерно в XII в. изменения в одежде ознакомили рождение моды в том смысле, в котором мы знаем ее сегодня. Суть их состояла в удлинении одежды, что стало популярным, благодаря контактам европейцев с арабским миром в ходе Крестовых походов. В археологическом материале Померании отголоски этих явлений можно проследить уже во второй половине XII в. В повседневной обуви – несомненно, преобладающей – можно заметить довольно необычные элементы. К ним относятся вышитые верхние пояски, изначально, вероятно, цветные, которые в течении короткого времени (последнее десятилетие XII в.) появляются в большом количестве в квартале г. Щецина, прилегающем к реке Одра. Эти элементы обуви соответствуют романской западноевропейской одежде праздничного характера.

Стандарты одежды и костюмов, выработанные в XII в., просуществовали в течение почти двух с половиной веков, примерно до середины XIV в. [24. С. 151]. В район южного балтийского побережья новые веяния пришли относительно быстро, однако наиболее заметными они стали в XIII – первой половине XIV в. Следует также отметить относительно раннее появление в городах правил и норм в отношении типа, формы, размера и декоративной ценности различных элементов одежды, включая воротнички, головные уборы, ювелирные украшения, изделия из кожи и носки обуви. Вероятно, в общей характеристике одежды XIII в. – исчезновении тщательной отделки и недостатке декоративной составляющей – можно увидеть реакцию на эти ограничения. Эту тенденцию особенно хорошо иллюстрируют находки обуви в Щецине, которая в то время утратила замысловатость в пользу простоты и была приспособлена к потребностям повседневной жизни, в отличие от обуви, найденной в Гданьске и Колобжеге. Необходимо подчеркнуть, однако, что вышеупомянутые находки в Щецине происходят из района, считавшегося самым бедным в этом средневековом городе. В Колобжеге удлиненная обувь во второй половине XIV в. составляла почти 90% [10. С. 60], в то время как в Щецине ее доля не превышала 30%, даже если учитывать наличие характерных заостренных носков, удлинявших подошву и силуэт обуви в целом. Представляется, что обувь с «клювом» носили более богатые бюргеры, что также подтверждают померанские иконографические источники. Чрезмерно, неестественно удлиненную обувь, связываемую с одеждой светских и церковных сановников, до сих пор не находили ни в Колобжеге, ни в Щецине. В Польше она известна из раскопок поздних средневековых замков, в Западной Европе – из раскопок значимых политических и церковных центров. Обувь с узкими, приподнятыми кверху носками – так называемые *пулены* – появляется в Европе в XIII в., но приобретает значимость на рубеже XIV и XV вв., а также вновь в конце XV в. До сих пор нет единого мнения относительно их происхождения. Некоторые исследователи склонны связы-

вать этот тип обуви с Польшей [25. С. 65–66], но наиболее распространено мнение о том, что он происходит с Востока [26. С. 16].

Подводя итог, можно сказать, что изменения в стиле померанской кожаной обуви второй половины XIII – первой половины XIV в. произошли вследствие введения в уставы гильдий стандартов, строго регулирующих произ-

водство обуви и качество продукции. Это определенно благоприятствовало унификации одежды и кожаных аксессуаров. Лишь небольшое число необычных элементов роскоши позволяет предположить дифференциацию городского населения по социальному статусу и уровню благосостояния, это подтверждает и померанская, и гораздо шире – западноевропейская – иконография.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kowalska A.B. Wytwórczość skórzana we wczesnośredniowiecznym Szczecinie. Szczecin : Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2010. 310 s.
2. Wiklak H. Obuwie gdańskie z X–XIII // Gdańsk wczesnośredniowieczny. Gdańsk : Gdańskie Towarzystwo Naukowe, 1960. Vol. 3. S. 1–104.
3. Wiklak H. Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII–XIII w. na podstawie wykopalisk // Materiały Wczesnośredniowieczne. Warszawa : Państwowe Muzeum Archeologiczne, 1969. Vol. 6. S. 475–516.
4. Kaźmierczyk J. Wrocław lewobrzeżny we wczesnym średniowieczu. T. 2. Wrocław ; Warszawa ; Kraków: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk, 1970. 536 s.
5. Kowalska A.B. Uwagi na temat wytwórczości szewskiej w Wolinie i Szczecinie w VIII–X wieku // Świat Słowian wczesnego średniowiecza Szczecin; Wrocław : Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2006. S. 197–209.
6. Kowalska A. B. Wytwórczość skórzana w późnośredniowiecznej Dzielnicy Chyżyńskiej w Szczecinie. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie i Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2013. 276 s.
7. Kowalska A.B. Dom szewca, czy szewc w domu? // Ad Oderam fluvium, księga dedykowana pamięci Edwarda Dąbrowskiego. Zielona Góra: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział Lubuski, 2009. S. 529–536.
8. Kowalska A. B. From a Homemade Product to Guild Production – the Development of Leather Production in the Early Medieval Szczecin // Mitteleuropas Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 64. Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur Langenweissbach, 2012. S. 139–144.
9. Wywrot-Wyszkowska B., Radek T. Obróbka skóry // Kołobrzeg. Wczesne miasto nad Bałtykiem. Warszawa: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, Wydawnictwo Trio, 2007, S. 215–240.
10. Wywrot-Wyszkowska B. Skórnictwo w lokacyjnym Kołobrzegu. XIII–XV wiek. Szczecin : Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2008. 214 s.
11. Wojtasik J. Wczesnośredniowieczne wyroby ze skóry znalezione na stanowisku 4 w Wolinie // Materiały Zachodniopomorskie. Vol. 6. Szczecin : Muzeum Narodowe w Szczecinie, 1960. S. 159–208.
12. Hald M. Primitive Shoes. An Archaeological-Ethnological Study Based upon Shoe Finds from the Jutland Peninsula. 1. T. 13. Kopenhaga: Publications of the National Museum of Denmark Archaeological-Historical Series, 1972, 216 s.
13. Kowalska A. B. Początki rzemiosła szewskiego we wczesnośredniowiecznym Wolinie // Res et fontes. Szczecin : Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Szczecinie, 2003. S. 159–170.
14. Wywrot-Wyszkowska B. Uwagi na temat wytwórczości obuwniczej w późnośredniowiecznym Kołobrzegu // Archaeologia Historica Polona. T. 18. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2009. S. 141–167.
15. Wywrot-Wyszkowska B. Zabytki skórzane odkryte w obrębie późnośredniowiecznego portu gdańskiego // Archeologia Gdańska. T. 4. Gdańsk : Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2010. S. 189–223.
16. Kowalska A. B. Rzemiosło szewskie wczesnośredniowiecznego Wolina // Wolin wczesnośredniowieczny, „Origines Polonorum”. T. VI, cz. 1. Warszawa: Fundacja na Rzecz Nauki Polskiej, Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, Wydawnictwo Trio, 2013. S. 201–235.
17. Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and the beginning of the early modern period // Archaeologia Medii Aevi Finlandiae. Vol. 15. Turku : Suomen Keskiajan Arkeologian Seura, 2008. 224 s.
18. Cinthio M. Skor, Uppgrävt förlutet för PK-banken i Lund // Archaeologia Lundensia. 1976. N. 7. S. 307–316.
19. Kowalska A. B. Późnośredniowieczne zabytki skórzane z Pyrzyc // Materiały Zachodniopomorskie. T. 42. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie, 1997. S. 219–272.
20. Goubitz O., van Driel-Murray C., Groenman-van Waateringe W. Stepping through the Time. Archaeological Footwear from Prehistoric Times until 1800. Zwolle : Foundation for Promoting Archaeology (Stichting Promotie Archeologie), 2001. 396 s.
21. Schia E. Sko som arkeologisk kildemateriale // Hikuin N. 3. Forlaget Hikuin, 1977. S. 304–324.
22. Kowalska A. B. Uwagi na temat haftów na wczesnośredniowiecznym obuwiu skórzanym ze Szczecina // Z najdawniejszych dziejów. Grzegorzowi Domańskiemu na pięćdziesięciolecie pracy naukowej. Zielona Góra : Wydawnictwo Fundacji Archeologicznej, 2012. S. 313–319.
23. Konczewska M., Radek T. Przedmioty skórzane z Ostrowa Tumskiego we Wrocławiu // Kształtowanie się grodu na wrocławskim Ostrowie Tumskim. Badania przy ul. św. Idziego, Seria: In pago Silensi. Wrocławskie Studia Wczesnośredniowieczne. 1. Wrocław : Uniwersytet Wrocławski. Instytut Archeologii, 2015. S. 373–414.
24. Boucher F. Historia mody. Dzieje ubiorów od czasów prehistorycznych do końca XX wieku. Warszawa : Arkady, 2004. S. 480.
25. Swann J. History of footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm : Royal Academy of Letters, History, and Antiquities, 200. S. 357.
26. Moźdzynska-Nawotka M. O modach i strojach. Wrocław : Wydawnictwo Dolnośląskie, 2005. S. 293.

Kowalska Anna B. National Museum in Szczecin and Polish Academy of Sciences Institute of Archaeology and Ethnology (Szczecin, Poland). E-mail: a.kowalska@muzeum.szczecin.pl

MEDIEVAL FOOTWEAR PRODUCTION AT THE BALTIC SEA BETWEEN THE IXTH AND THE XVTH CENTURY.

Keywords: Baltic zone; Pomerania; Middle Ages; leather footwear.

Research on medieval shoemaking allowed for the identification of several structural and stylistic types of Pomeranian footwear. One of the most important stages of this type of production in the Early Middle Ages was the transition from single-piece footwear to complex forms with the soles and upper parts sewn together. From the late 11th to the mid-12th century changes occurred that significantly influenced the further development of this branch of production. A variety of additional footwear elements of both construction and aesthetic nature quickly became popular. In the late 12th and early 13th century it had already become the norm to stitch binding on the inside of a shoe lace hole to protect it from wear and to use a heel stiffener to strengthen the back of the quarter. In the second half of the 12th – early 13th century the dominant form was footwear with a low, ankle-high quarter, fastened by a single shoelace. Mid-high products of a quarter covering the ankle and extending over it became more common. In the mid-13th century, apart from the diversity of the product range, clear signs of quality and aesthetic changes are evident. About the mid-13th century the design innovations introduced in the 12th century were consolidated, while the look and shape of individual components of footwear was changeable. The features of shoemaking

in the later stages of the Middle Ages were slender, pointed, strongly profiled soles. There are also soles composed of two or three parts as well as more multi-layered ones. In the youngest stages of the Middle Ages additional elements on the bottoms of shoes were noted: outsoles and heels. Their shape and manner of fastening is evidence that they were made deliberately during the production of new footwear and not during its repair. Quite clearly, especially in the second half of the 13th–14th century, there was a division between everyday or working footwear and the enhanced aesthetic value that can be associated with festive attire. At least some part of the changes taking place in Pomeranian shoemaking in the 12th century, especially in its second half, can be associated with the adoption of Western fashion patterns. The canons of costume formed in this century survived for nearly two and a half centuries, until about the mid-14th century. Changes perceptible in the style of Pomeranian leather products in the second half of the 13th–first half of the 14th century may result from the standards included in guild statutes, strictly regulating the scope of activities and quality of products.

REFERENCES

- Kowalska, A.B. (2010) *Wytwórczość skórzana we wczesnośredniowiecznym Szczecinie* [The output of leather in the early medieval Szczecin]. Szczecin: Institute of Archaeology and Ethnology PAS.
- Wiklak, H. (1960) Obuwie gdańskie z X–XIII [The footwear in Gdansk in the 10th – 13th centuries]. In: Piaskowski, J. (ed.) *Gdańsk wczesnośredniowieczny* [The early medieval Gdansk]. Vol. 3. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe. pp. 1–104.
- Wiklak, H. (1969) Polskie obuwie wczesnośredniowieczne z VIII–XIII w. na podstawie wykopalisk [Polish footwear in the early 8th – 13th centuries]. In: Musianowicz, K. et al. *Materiały Wczesnośredniowieczne* [Early medieval materials]. Vol. 6. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. pp. 475–516.
- Kaźmierczyk, J. (1970) *Wrocław lewobrzeżny we wczesnym średniowieczu* [The left-bank Wrocław in the early Middle Ages]. Wrocław; Warszawa; Kraków: Institute of History of Material Culture of the Polish Academy of Sciences.
- Kowalska, A.B. (2006) Uwagi na temat wytwórczości szewskiej w Wolinie i Szczecinie w VIII–X wieku [Notes on shoemaker's output in Wolin and Szczecin in the 8th – 10th centuries]. In: Dworaczek, M., Kowalska, A. B., Możdziej, S. & Rębkowski, M. (eds) *Świat Słowian wczesnego średniowiecza Szczecin* [The Slavic world in the early medieval Szczecin]. Wrocław: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences. pp. 197–209.
- Kowalska, A.B. (2013) Wytwórczość skórzana w późnośredniowiecznej Dzielnicy Chyżyńskiej w Szczecinie [The output of leather in the late medieval Chyżyński in Szczecin]. Szczecin: National Museum of Szczecin and the Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Science.
- Kowalska, A.B. (2009) Dom szewca, czy szewc w domu? In: Gruszka, B. (ed.) *Ad Oderam fluvium, księga dedykowana pamięci Edwarda Dąbrowskiego* [Ad Oder fluvium, a book dedicated to the memory of Edward Dąbrowski]. Zielona Góra: Scientific Association of Polish Archaeologists, Lubuski Branch. pp. 529–536.
- Kowalska, A.B. (2012) From a Homemade Product to Guild Production – the Development of Leather Production in the Early Medieval Szczecin. In: *Mitteleuropas Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte* [Central Europe Contributions to Prehistory and Early History]. Vol. 64. pp. 139–144.
- Wywrot-Wyszkowska, B. & Radek, T. (2007) Obróbka skóry [Leather treatment]. In: Leciejewicz, L. & Rębkowski, M. (eds) *Kołobrzeg. Wczesne miasto nad Bałtykiem* [Kolobrzeg. Early city on the Baltic Sea]. Warsaw: The Foundation for Polish Science, the Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, Wydawnictwo Trio. pp. 215–240.
- Wywrot-Wyszkowska, B. (2008) *Skórnictwo w lokacyjnym Kołobrzegu. XIII–XV wiek* [Furriery in the foundation charter of Kolobrzeg in the 13th – 15th centuries]. Szczecin: Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Science.
- Wojtasik, J. (1960) Wczesnośredniowieczne wyroby ze skóry znalezione na stanowisku 4 w Wolinie [Early medieval leather products found on station 4 in Wolin]. *Materiały Zachodniopomorskie*. 6. pp. 159–208.
- Hald, M. (1972) *Primitive Shoes. An Archeological-Ethnological Study Based upon Shoe Finds from the Jutland Peninsula*. Vol. 13. Copenhagen: Publications of the National Museum of Denmark Archeological-Historical Series.
- Kowalska, A.B. (2003) Początki rzemiosła szewskiego we wczesnośredniowiecznym Wolinie [The origins of the shoemaking craft in the early medieval Wolin]. In: Cnotliwy, E., Galiński, T. & Wilgocki, E. (eds) *Res et fontes*. Szczecin: Scientific Association of Polish Archaeologists. pp. 159–170.
- Wywrot-Wyszkowska, B. (2009) Uwagi na temat wytwórczości obuwniczej w późnośredniowiecznym Kołobrzegu [Notes on manufacturing footwear in the late medieval Kolobrzeg]. *Archaeologia Historica Polona*. Vol. 18. Toruń: Nicolaus Copernicus University. pp. 141–167.
- Wywrot-Wyszkowska, B. (2010) Zabytki skórzane odkryte w obrębie późnośredniowiecznego portu gdańskiego [Monuments to leather discovered within the late medieval port of Gdansk]. *Archaeologia Gdańska*. Vol. 4. Gdańsk: Archaeological Museum in Gdansk. pp. 189–223.
- Kowalska, A.B. (2013) Rzemiosło szewskie wczesnośredniowiecznego Wolina [The shoemaking craft in the early medieval Wolin]. In: Stanisławski, B. & Filipowiak, W. (eds) *Wolin wczesnośredniowieczny, „Origines Polonorum”* [Wolin early medieval “Origines Polonorum”]. Vol. 4. Warsaw: The Foundation for Polish Science, the Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, Wydawnictwo Trio. pp. 201–235.
- Harjula, J. (2008) Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and the beginning of the early modern period. *Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*. 15. Turku: Suomen Keskiajan Arkeologian Seura.
- Cinthio, M. (1976) Skor, Uppgrävt förlutet för PK-banken i Lund. *Archaeologia Lundensia*. 7. pp. 307–316.
- Kowalska, A.B. (1997) Późnośredniowieczne zabytki skórzane z Pyrzyc [Late medieval leather monuments in Pyrzyc]. *Materiały Zachodniopomorskie*. 42. Szczecin: National Museum in Szczecin. pp. 219–272.
- Goubitz, O., van Driel-Murray, C. & Groenman-van Waateringe, W. (2001) *Stepping through the Time. Archaeological Footwear from Prehistoric Times until 1800*. Zwolle: Foundation for Promoting Archaeology (Stichting Promotie Archeologie).
- Schia, E. (1977) Sko som arkeologisk kildemateriale. *Hikuin*. 3. pp. 304–324.
- Kowalska, A.B. (2012) Uwagi na temat haftów na wczesnośredniowiecznym obuwiu skórzanym ze Szczecina [Notes on early-embroidery on leather footwear from Szczecin]. In: Jaszewska, A. (ed.) *Z najdawniejszych dziejów. Grzegorzowi Domańskiemu na pięćdziesięciolecie pracy naukowej* [From the earliest history. Gregory Domański on fifty years of his scientific work]. Zielona Góra: Archaeological Foundation. pp. 313–319.
- Konczewska, M. & Radek, T. (2015) Przedmioty skórzane z Ostrowa Tumskiego we Wrocławiu [Leather items of Cathedral Island in Wrocław]. In: *Wrocławskie Studia Wczesnośredniowieczne*. 1 [Wrocław Early Medieval Studies. 1]. Wrocław: University of Wrocław. Institute of Archaeology. pp. 373–414.
- Boucher, F. (2004) *Historia mody. Dzieje ubiorów od czasów prehistorycznych do końca XX wieku* [The history of fashion. The history of clothing from prehistoric times to the end of the twentieth century]. Warsaw: Arkady.
- Swann, J. (2001) History of footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm: Royal Academy of Letters, History, and Antiquities.
- Możdżyńska-Nawotka, M. (2005) *O modach i strojach* [O fashion and costumes]. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.

УДК 903.2(470+571)
DOI 10.17223/19988613/43/10

Ю.А. Лихтер

СТЕКЛО FAÇON DE VENICE ИЗ РАСКОПОК В МОСКВЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ (ВЯЗЬМА, МАНГАЗЕЯ)

Рассматриваются фрагменты сосудов, декорированные цветными нитями и палочками, расположенными в толще стекла. Подобные фрагменты встречаются в слоях XVII в. многих городов – как в Европейской России, так и в Сибири. Автор проанализировал формы и цвет основы сосудов, цвет и вид декоративных палочек, рассмотрел технику их изготовления. Для небольшого числа фрагментов был проведён анализ химического состава. Это позволило отнести большинство из них к так называемому стеклу *façon de Venice*. Два фрагмента можно отнести к собственно венецианской продукции.

Ключевые слова: древнее стекло; технология стекла; химический состав стекла; стекло *façon de Venice*.

Внимание к поздним слоям при раскопках русских городов позволило обнаружить большое количество фрагментов стеклянных сосудов. Зачастую они представляют собой мелкие обломки, которые трудно идентифицировать. С этой точки зрения более информативны фрагменты с декором.

Для рассмотрения мы выбрали один определённый вид декора – цветные нити и палочки, расположенные в толще стекла – так называемое филигранное стекло. Выбор именно этого вида связан с тем, что он легко определяется даже на небольших фрагментах, разнообразен по цвету, выполнен в характерной, хорошо изученной технологии.

Судя по литературе, встречаются они во многих городах России и Украины. Надо отметить, что авторы статей не всегда верно определяют технологию нанесения декора и описывают подобные находки как расписные. Для данной публикации нами детально изучены сделанные в этой технологии фрагменты из Москвы, Вязьмы и Мангазеи, которые частично опубликованы [1; 2. С. 71; 3. Рис. 135].

К настоящему времени в материалах Археологической службы Москвы (руководитель – А.Г. Векслер) зафиксировано 442 находки. Из них визуальным образом изучены 269, комбинации цветов рассмотрены для 206, проведён анализ состава для 23 фрагментов.

Фрагменты из вяземского региона (Смоленская обл.) происходят из раскопок Т.В. Сергиной: работы в Вязьме 1973 г. – 12 фрагментов, 1988 г. – 21 фрагмент и работы в Дорогобуже 2000 г. – 2 фрагмента. Из них в разное время проанализировано 26 фрагментов.

Из раскопок в Мангазее нами визуальным образом изучены 46 фрагментов из раскопок 2011 и 2012 гг. (раскопки Г.П. Визгалова), а также использованы иллюстрации к публикации 2008 г. [3. Рис. 135].

В публикуемой статье представлены результаты изучения морфологии (форма сосудов и цвет сосудов и декора), технологии изготовления и нанесения декора, рассмотрены результаты анализов химического состава.

По тем фрагментам, которые имеются в нашем распоряжении, можно, с определённой долей вероятности,

восстановить конструкции сосудов, к которым они относятся. Преобладают четырёхгранные закрытые сосуды с невысоким горлом (штофы – рис. 1, 1). На горло штофов, по-видимому, надевали дополнительно свинцовое горло с резьбой (рис. 1, 2), на которое навинчивали свинцовую крышку. Изредка встречаются небольшие стопы на поддоне (6 фрагментов), у которых тулово округлое – расходящийся конус (рис. 1, 3), один фрагмент (рис. 1, 5) можно интерпретировать как нижнюю часть вазы (рис. 1, 4).

Цвета основы разнообразны. Преобладают естественно окрашенные стекла: серо-голубые, оливковые, серые (здесь цвет зависит не от специально добавленных красителей, а от примеси окиси железа в основных стеклообразующих). Встречаются также синие и пурпурные. Цвета палочек, использованных для декора – белые, красные, синие, жёлтые, изредка встречаются зелёные. Они могут быть наложены как по отдельности, так и в различных комбинациях (рис. 2).

Нами рассмотрены комбинации цветов в выборке из 203 фрагментов из раскопок Археологической службы г. Москвы. Из 4-х основных цветов – красные, синие, белые, жёлтые – зелёные встречаются очень редко и на мелких фрагментах, что не позволяет изучить их сочетания с другими цветами. Всего возможно 15 вариантов сочетаний четырёх признаков. Однако, как показывает детальное рассмотрение выборки, в ней совсем нет сочетаний белого и жёлтого цветов; синего, белого и жёлтого; единичны синие полосы и жёлтые полосы без сочетания с другими цветами; сочетания жёлтого с синим и белым. Наиболее многочисленны белые полосы без других цветов и сочетание красного с белым.

Помимо цвета палочек разнообразие декору придаёт вид палочек – они могут быть как сплошными, так и составленными из отдельных нитей, которые, в свою очередь, могут быть наложены параллельно (рис. 2, 3, 6) или закручены, образуя сетку (классическая филигрань). Филигранные полосы, по преимуществу, белые и сочетаются с белыми (рис. 2, 1), или красными сплошными полосами, однако встречаются и двухцветные, в которых белые нити сочетаются с

красными (рис. 2, 2, 6) или синими. Составные нити также, в основном белые (рис. 2, 3, 5, 6), сочетаются со сплошными белыми или с красными. Относительно поверхности сосуда встречаются как плоские (рис. 2,

1, 2, 5, 6), так и выпуклые (рис. 2, 3, 4, 7). Всё это, в сочетании с разными цветами основы, создаёт большое разнообразие внешнего вида сосудов при их стандартной форме.

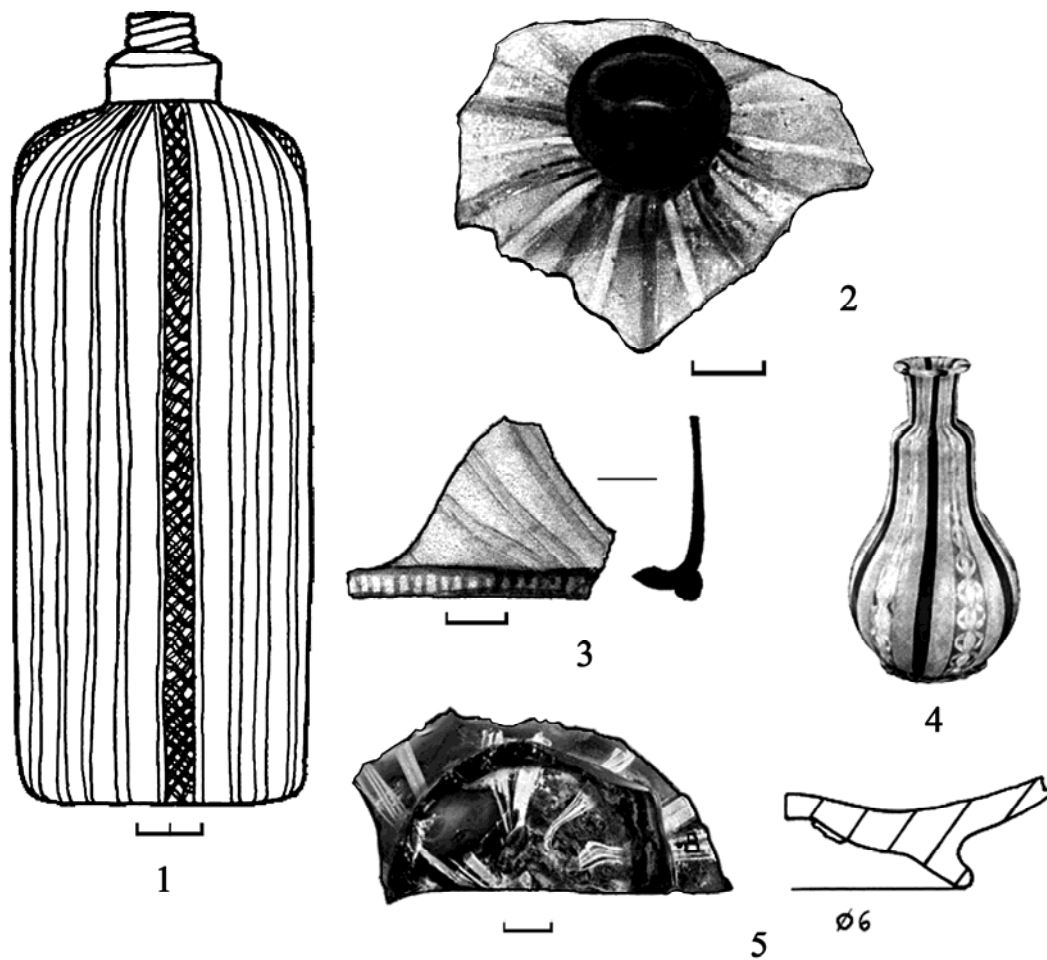

Рис. 1. Формы сосудов: 1 – реконструкция штофа; 2 – верхняя часть штофа со свинцовым горлом – Москва, № 1148¹; 3 – нижняя часть стакана на поддоне – Москва, № 726; 4 – аналогия – к № 5 [8], № 11; 5 – донце на поддоне – Москва, № 18223

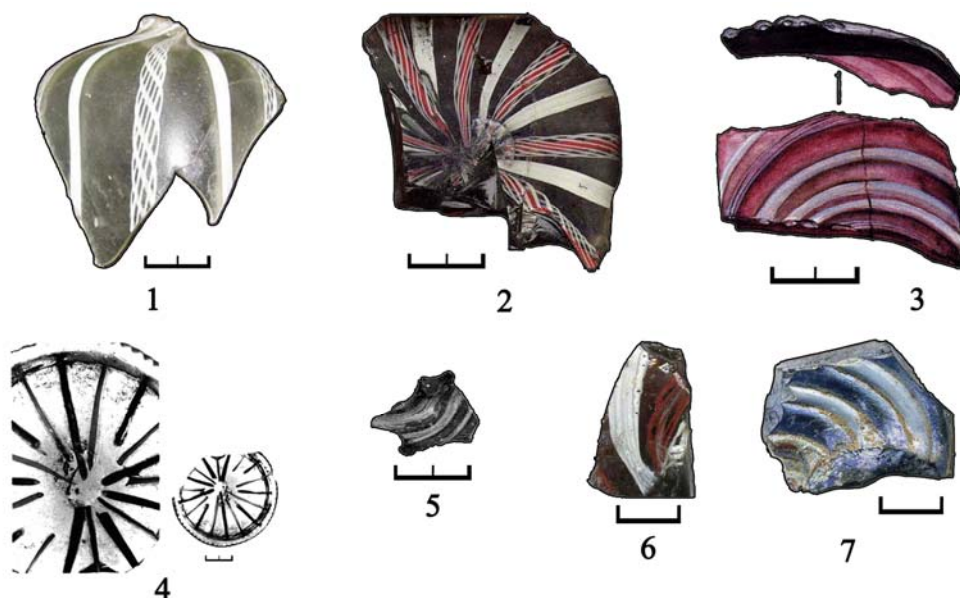
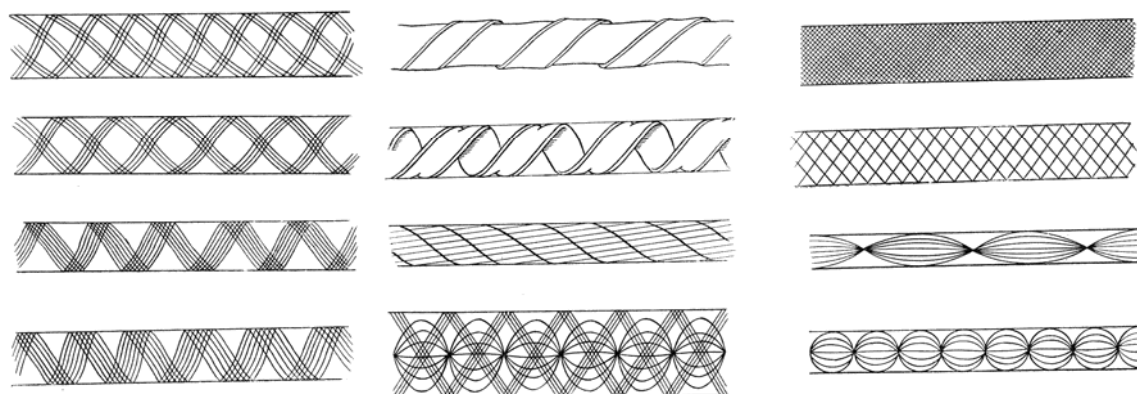

Рис. 2. Виды палочек: 1 – № 32; 2 – № 727; 3 – № 725; 4 – № 1243; 5 – № 341; 6 – № 1; 7 – № 26; 1–5 – Москва; 6–7 – Вязьма

Сосуды изготовлены по технологии венецианской филигрании, подробно описанной Н.Н. Качаловым [4. С. 114–118]. Она распадается на два этапа. На первом изготавливают полосы (рис. 3), на втором полосы накладывают на заготовку, а затем производят разнообразные манипуляции для изготовления самого сосуда (рис. 5).

При изготовлении палочек цветные нити накладывают на бесцветную основу. После этого заготовку можно вытянуть – тогда нити останутся вертикальными, или закрутить, чтобы получить сетку. Это позволяет добиться различного вида переплетения нитей (рис. 3). Затем палочки накладывают на заготовку сосуда (рис. 3/ 2, 3, 4). В зависимости от степени разогрева нитей и наложенных палочек, они могут выступать

на поверхности сосуда или глубоко погрузиться в стенки (рис. 2; 4). После этого заготовку покрывают тонким слоем жидкого стекла. Увидеть, что это налад, а не роспись, можно только разглядывая дно сосуда, где иногда виден срез палочки (рис. 2, 2, 4). Для наклонного расположения нитей заготовку дополнительно закручивают (рис. 5). Это также можно увидеть на донце сосуда. Получившуюся заготовку дорабатывают: туловищу придают нужную форму, смотря по тому, какой сосуд хотят изготовить, формируют дополнительные элементы. Для получения штофа верхнюю часть сжимают специальными щипцами и вытягивают горло, при изготовлении стоп на низ заготовки накладывают нить, образующую поддон.

Узорчатые стволы для изготовления филигранных стеклянных изделий

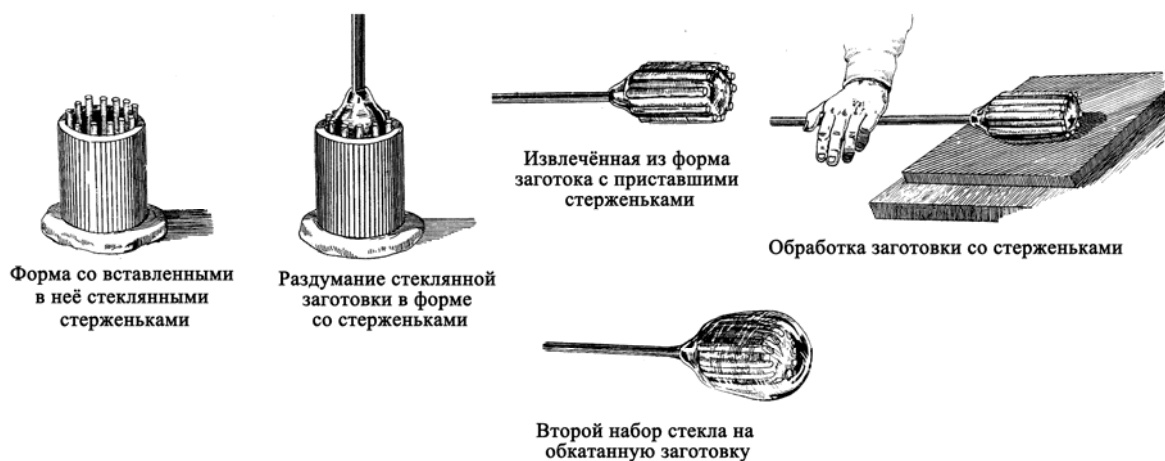

Рис. 3. Нанесение палочек на заготовку сосуда. Источник: [4. Рис. 77–82]

Химический состав изучен у 47 фрагментов. Были применены различные методы анализа: спектральный количественный (лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры (СПб.) – А.Н. Егорьков), спектральный полуколичественный (лаборатория кафедры археологии исторического ф-та МГУ – Ю.Л. Щапова), рентгенофлуоресцентный (Е.И. Александровская), для одного фрагмента использован микроанализ (Институт нефтегазовых технологий Казанского федерального университета – Б. Гареев и

Г. Баталин). Интерпретация результатов анализов проводилась по методике Ю.Л. Щаповой [5. С. 99–108] и Т. Ставярской [6. С. 24–27], что позволяет путём несложных подсчётов определить набор основных стеклообразующих красителей, обесцвечивателей, а также установить источник щёлочного сырья. При полуколичественном анализе результаты выражаются не в числах, а в рангах концентрации, причём максимальная концентрация обозначается «1» (много), минимальная – «7» (мало). Следовательно, с этими данными невозможно производить вычисления, поэтому определе-

ния химического типа, красителей и обесцвечивателей в данном случае производились по таблицам Ю.Л. Щаповой [5. С. 95, 107].

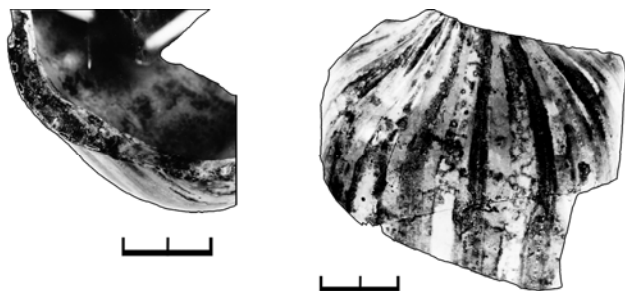

Рис. 4. Вид палочки на сколе сосуда. Москва, № 1273 (Фото С.А. Орлова)

Рис. 5. Изготовление сосуда. Источник: [4. Рис. 83–85]

Основная часть стекол сварена на золе континентальных растений, однако несколько анализов показывают использование золы растений пустынной зоны, как можно заключить на основании расчётов – наземные части *Calidium caspicum*, причём один фрагмент относится к стопе, а форму другого нельзя установить. Использование в качестве источника щёлочи золы континентальных растений характерно для стеклоделия Цен-

тральной Европы, а золы растений пустынной зоны – для стеклоделия Южной Европы, в частности, Венеции.

Детальное изучение указанной группы сосудов позволяет относить их к так называемому стеклу *façon de Venice*: сосудам, сделанным по венецианской технологии, но за пределами Венеции. Однако цветные палочки, использованные для декорирования, возможно, производили в Венеции, откуда они как полуфабрикаты расходились по всей Европе. Два фрагмента, сваренных на золе *Calidium caspicum*, можно отнести к венецианской продукции.

Поскольку до конца XVII в. в России не было собственного стеклоделия, то стеклянные сосуды, найденные в слоях XVI–XVII вв. можно рассматривать как импорт. В XVII в. основная торговля с западными странами производилась через Архангельск, куда прибывали корабли с товарами [7. С. 100]. Возможно, с этим связано присутствие подобных сосудов в северных и сибирских русских городах этого времени.

В заключение можно высказать кое-какие замечания о назначении рассмотренных сосудов. Ваза и стопы (см. рис. 1, 3, 4) явно относятся к столовой посуде. Что касается штофов – наличие свинцового горла под свинцовую же крышку может свидетельствовать, что их использовали для транспортировки дорогих крепких спиртных напитков – настоек и наливок. Можно предполагать, что на фоне цветного содержимого особенно ярко выделялись цветные полосы на стенках.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее номера даны по каталогам стеклянных находок, составленным автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в. // Труды конференции «Древние ремесленники Приуралья». Ижевск, 2001. С. 365–375.
2. Лихтер Ю.А., Сергина Т.В. Химия и технология стеклянных изделий Северо-западного региона Смоленской области // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 4. С. 69–92.
3. Визгалов Г.П., Пархомович С.Г., Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 г.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
4. Качалов Н.Н. Стекло. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 466 с.
5. Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Изд-во МГУ, 1989. 120 с.
6. Stawarska T. Szkła z okresu wpływów rzymskich z Północnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum. Wrocław etc., 1984. 156 P.; tab., map.
7. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 345 с.
8. Glas aus zwei Jahrtausenden. Bestände der Galerie von 700 v. d. Zt bis 1975. Staatliche Galerie Moritzburg Halle: Staatliche Galerie Moritzburg, 1977. 98 s.

Likhter Yuliya A. Archaeological research in construction business (Moscow, Russia). E-mail: Julialikhter@gmail.com

FAÇON DE VENICE GLASS FROM EXCAVATION IN MOSCOW AND OTHER CITIES (MANGAZEYA, VYAZMA).

Keywords: ancient glass; glass technologies; chemical content of glass; *façon de Venice* glass.

The article deals with vessel fragments decorated with colored threads and small rods encased in glass. Such fragments are found in the XVII century layers of many cities in both European Russia and Siberia. Shtofs – capped vessels of rectangular shape with a short neck (fig. 1/ 1) are the most numerous. Presumably, an additional lead neck with a screw thread was placed on the neck shtofs o (pic. 1/ 2). A lead cap was screwed on the additional neck. Small glasses with conically shaped bodies widening to the top and placed on pedestals (fig. 1/ 3) are rare. One of the fragments may be regarded as a lower part of a vase (fig. 1/ 4). Colors of the base vary significantly. Naturally colored glasses, such as grey-blue, olive and grey, predominate. (Here the color depends not on intentionally added dyes, but rather on admixing of iron oxide in glass-forming materials). Blue and purple ones are also to be found. Ornamental rods are colored in white, red, blue and yellow with green ones being quite rare. They can be laid on either separately or in various combinations (fig. 2). The technique of vessels production and applying rods is similar to Venetian glass production technique described by N.N. Kachalov. Chemical composition analysis of a certain number of fragments was conducted. Interpretation of these results based on Y.L. Shchapova and T. Stavyarskaya's methods led to the conclusion that in most cases continental plant ash was used as the source of alkali, whereas in two

cases desert plant ash – above-ground parts of *Calidium capsicum* – was used. All in all a comprehensive study of the aforesaid group of vessels allows them to be classified as the so called *Façon de Venice* glass – vessels made outside Venice, but in compliance with Venetian technology. The two fragments made with the use of *Calidium capsicum* ash may be considered Venetian production. For until the end of the XVII century there was no own glass production in Russia, therefore the glass vessels, which found in the XVI–XVII centuries layers, should be considered as imported goods.

REFERENCES

1. Veksler, A.G. & Likhter, Yu.A. (2001) [On a type of glass finds from the cultural layer of Moscow of the 17th century]. *Drevnie remeslenniki Priural'ya* [Ancient craftsmen of the Urals]. Proc of the Conference. Izhevsk. pp. 365-375. (In Russian).
2. Likhter, Yu.A. & Sergina, T.V. (2008) Chemistry and technology of the glass goods of the North-West of Smolensk Region. In: Engovatova, A.V. (ed.) *Arkheologiya Podmoskov'ya* [The Archaeology of Moscow Region]. Moscow: IA RAS. pp. 69-92. (In Russian).
3. Vizgalov, G.P. & Parkhomovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 g.)* [Mangazeya: New archaeological research (2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
4. Kachalov, N.N. (1959) *Steklo* [Glass]. Moscow: USSR AS.
5. Shchapova, Yu.L. (1989) *Drevnee steklo. Morfologiya, tekhnologiya, khimicheskiy sostav* [Ancient glass. Morphology, technology, chemical composition]. Moscow: Moscow State University.
6. Stawiarska, T. (1984) *Szkła z okresu wpływów rzymskich z Polnocnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum* [School from the Roman period to the Northern Polish. Technology]. Wrocław: [s.n.].
7. Zakharov, V.N. (1996) *Zapadnoevropeyskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [West European merchants in Russia. The era of Peter I]. Moscow: ROSSPEN.
8. The State Gallery Moritzburg Halle. (1977) *Glas aus zwei Jahrtausenden. Bestaende der Galerie von 700 v. d. Zt bis 1975* [Glass of two thousand years. Exhibited by the gallery from 700 BC to 1975]. Moritzburg Halle: Staatliche Galerie Moritzburg.

УДК 903.054
DOI 10.17223/19988613/43/11

Н.М. Зиняков

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII–XVIII вв.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ г. ТОБОЛЬСКА)

Статья посвящена проблеме становления железообрабатывающего производства в г. Тобольске в ранний период освоения Сибири русским населением. На основе археологических, металлографических и исторических источников отслежены временные рамки, пути и методы снабжения сибирского населения кузнечной продукцией, а также этапы становления собственно сибирского железообрабатывающего производства. Материалы металлографических исследований позволили реконструировать технологический процесс местного кузнечного производства и определить его особенности в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: металлография; металлообработка; Тобольск.

Вхождение Сибири в структуру Русского государства, начавшееся в конце XVI в., имело весьма значимые социально-экономические и политические последствия. Основопологающим в процессе колонизации новых территорий являлось хозяйственное освоение последних. Для нормальной жизнедеятельности населения и поддержания на должном уровне боеготовности военных подразделений, помимо всего прочего, требовалось железо и его разнообразная продукция в виде орудий труда, оружия, крепежных деталей в домостроении и судостроении, металлических элементов транспортных средств и конской сбруи, домашнего инвентаря и т.п.

Состояние «железного дела» в Сибири долгое время составляло особую заботу правительства. Для удовлетворения потребностей в железе и железных изделиях правительство использовало два способа: 1 – посылка мастеров из центральной России в Сибирь для организации местного производства; 2 – снабжение местных жителей необходимыми товарами, изготовленными в европейской части страны.

При посылке кузнецов на житье в Сибирь в исторических документах подчеркивалась их широкая квалификация: кузнец, «который бы умел кузнешному всякому делу, и пищали починить» [1. С. 54]. Исторические документы проливают свет на основные средства и методы формирования кузнечных кадров в г. Тобольске в XVII в. Показательные свидетельства в этой связи содержатся в «Переписной книге 1698 года» (г. Тобольск). Среди переписанных кузнецов трое были выходцами из Устюга Великого, один – из Тотьмы [2. С. 80, 90].

Как известно, из Европейской России в Сибирь основная масса мастеров отправлялась по указу правительства. Формирование местного кузнечного производства происходило достаточно медленно. Об этом можно судить по следующим данным: в 1623–1624 гг. на тобольском посаде было 8 кузнецов; в 1654–1655 гг. – 8 кузнецов; в 1697/98 гг. – 7 кузнецов; в 1720 г. – 19 кузнецов, с подгородными – 48 [3. С. 56]. Это доказывает, что до конца XVII в. товары «с Руси» занимали в Тобольске преобладающее

положение. Для сравнения приведем данные по численности кузнецов, а также кузниц, в городских посадах Европейской России: в Устюге Великом во второй четверти XVII в. – 62 кузнеца, а в 70-х гг. XVII в. – свыше 100 мастеров; в Тихвине в 1678 г. было 74 кузнеца; в Пскове в 1666 г. – 32 кузнеца и 3 замочника; в Калуге (1685) было 40 кузниц; в Нижнем Новгороде (1664) – 35 кузниц [1. С. 402–403]; в Устюжне Железнопольской в 1597 г. было 34 кузнеца; в Переяславле в 1595 г. существовало 33 кузницы; в Холмогорах (1620) – 63; в Калуге (1626) – 44; в Ярославле (1614) – 32 кузницы [4. С. 199, 203].

Политика поставки железа в Сибирь из Европейской России сохранялась на протяжении почти всего XVII в. Номенклатура ввозимых «с Руси» товаров насчитывала более 50 наименований, в том числе: железо «не в деле», инструменты, земледельческие орудия, бытовые предметы, посуда, конское снаряжение, судостроительные снасти, сапожный приклад, рыболовные снасти и пр. [5. С. 4–200].

К концу XVII в. стали заметны успехи в развитии собственного металлообрабатывающего производства. Эти успехи давали возможность тобольским кузнецам выпускать широкий спектр продукции – косы, серпы, сошники, топоры, ножи, пищали, ядра, домашнюю утварь, косари, иглы, дверные скобы, уполовники, пилы, сверла, буравчики, молоты, пешни, шила и прочие предметы [3. С. 58]. Характерно, что среди тобольских кузнецов конца XVII в. имеются уже местные уроженцы [Там же. С. 59].

Серьезный сдвиг в поступательном движении металлообрабатывающего производства в Тобольске произошел с открытием в 1701 г. (Указ от 19 января 1700 г.) оружейного двора, действовавшего почти до конца столетия. Мастера для завода набирались в Туле и Суздале, а в помощь им набирали кузнецов из сибирских городов и слобод. В 1720 г. при оружейном дворе находилось 67 оружейных и замочных, 11 палашных, 8 проволочных мастеров, 25 станочников (токарей) и столяров [6. С. 34].

Еще одним фактором, повлиявшим на подъем металлообрабатывающего производства в Тобольске, ста-

ло основание в начале XVIII в. металлургических заводов на Урале. Выпускаемая заводами продукция изменила сырьевую базу тобольских кузнецов, вытеснив сыродутные крицы, и изменила номенклатурный и, в некоторой степени, качественный состав металлических изделий, бытовавших в городе. В материалах XVIII в. номенклатурный список пополняется новыми изделиями, связанными с распространением мануфактурного производства, огнестрельного оружия и чугуного литья.

Важной характеристикой уровня развития железообрабатывающего производства в то или иное время является состояние его технологии. Относительно техники и технологии Тобольска XVII–XVIII вв. свидетельствуют металлографические данные археологического материала, полученного в ходе многолетних раскопок (авторы раскопок: А.А. Адамов, И.В. Балюнов, А.В. Матвеев, О.М. Аношко). В целом коллекция из железа и железоуглеродистых сплавов состоит из 50 наименований. В их числе орудия сельского хозяйства, ремесленные инструменты, домашняя утварь и бытовой инвентарь, конская упряжь и оружие. Полученный в ходе раскопок материал в значительной степени соответствует перечню товаров, завозившихся в XVII в. «с Руси», известному по Таможенным книгам [7. С. 72–76]. Вместе с тем в имеющихся археологических коллекциях отсутствуют упомянутые в Таможенных книгах сошники, лемехи, крицы, уклад, жечь, прутья.

Для металлографического изучения использован бытовой режущий инструмент, наилучшим образом отражающий уровень технологического развития и возможные изменения, произошедшие в металлообработке. В изученную коллекцию входят многофункциональные и столовые ножи, сапожный нож, нож-лучевник, нож перочинный, ножницы, тесло, косы-горбуши – всего 24 изделия. Рассмотрим результаты металлографического анализа по отдельным временным периодам.

Коллекция исследованных поковок XVII в. состоит из трех многофункциональных ножей, сапожного ножа, ножа перочинного, ножниц и трех кос-горбуш. Как показали результаты исследования, при ковке указанной группы режущего инструмента мастера применяли две технологические схемы: 1 – наварка стального лезвия на мягкую основу (7 экз.); 2 – ковка цельнометаллических изделий (из железа и стали) (2 экз.). Все поковки с наварной конструкцией подвергнуты мягкой закалке.

Коллекция исследованных изделий из железа и железоуглеродистых сплавов XVIII в. состоит из пяти ножей универсального назначения, восьми столовых ножей, ножа-лучевника и тесла. Микроструктурное изучение шлифов отмеченной группы изделий показало, что кузнецы при их изготовлении применяли несколько технологических схем (отдавая при этом предпочтение цельнометаллическим поковкам): 1 – наварка

стального лезвия на железную основу (косая и торцовая наварка) (3 экз.: ножи универсальные и тесло); 2 – сварка стального лезвия в железную основу (1 экз.: нож универсальный); 3 – ковка изделия из многослойного пакетного металла (2 экз.: нож универсальный, нож столовый); 4 – ковка цельнометаллических изделий (9 экз.: нож универсальный, нож-лучевник, 7 ножей столовых). Семь поковок данной группы подвергались различным режимам закалки.

Для сравнительной характеристики достигнутого уровня тобольского железообрабатывающего производства и его динамики необходимо представить наиболее важные количественные и качественные показатели развития кузнечного ремесла европейской Руси синхронного времени. С этой целью используем результаты металлографических исследований кузнечных изделий (157 ножей) XVI–XVII вв. из Москвы, Пскова и других городов. В целом, для технологии производства ножей в европейских городах характерно преобладание цельнометаллических (59%) над сварными (41%) конструктивными схемами [8. С. 140–142].

Сравнивая результаты металлографических исследований кузнечной продукции Европейской России и г. Тобольска (с учетом незначительного числа исследованных изделий последнего) можно сделать вывод, что кузнецы Тобольска сохраняли и использовали производственные традиции, существовавшие в железообрабатывающем производстве городов Восточной Европы. Это нашло свое отражение, во-первых, в морфологии изделий; во-вторых, в использовании сварных конструктивных схем и их вариантов в изготовлении металлоизделий (торцовая, косая, V-образная наварка стального лезвия); в-третьих, в проявлении аналогичной восточноевропейской тенденции к уменьшению сварных конструкций в пользу цельнометаллических поковок в XVIII в.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы. Переселение русского населения в Сибирь, развернувшееся в конце XVI в., имело своим последствием освоение огромного края, основание городов и поселений, прокладывание протяженных трактовых путей, внедрение и расширение пашенного земледелия, создание горной и металлургической промышленности, зарождение и формирование городских ремесел.

Значительный вклад в основание и развитие кузнечного дела в Тобольске внесли выходцы из северных городов Руси, в том числе Устюга Великого и Тотьмы (имевших высокоразвитое железообрабатывающее производство), продолживших использование техники и технологии обработки черного металла восточноевропейских мастеров в новых условиях. Серьезные успехи в формировании г. Тобольска как торгово-ремесленного центра наметились к концу XVII в. Тем не менее на протяжении почти всего столетия численный состав городских кузнецов-ремесленников был невелик, исходя из чего они не могли в полной мере обеспечить спрос населения на изделия из

железа и стали. Вследствие этого недостающие товары завозились из Европейской России.

Слабая специализация мастеров внутри кузнечного ремесла, ориентированных на выпуск отдельных видов продукции, присущая городам европейской Руси, в условиях Сибири не получила развития. Основной фигурой в железообрабатывающем производстве Тобольска был кузнец широкого профиля, «кормившийся кузнечною работою».

Кузнецы г. Тобольска были профессиональными мастерами, продолжавшими ремесленные традиции северных русских городов. Уменьшение доли сварных технологических конструкций и широкое использование цельнометаллических схем, отмеченное в матери-

алах XVIII в., связаны не только с процессом развития кузнечного дела в городах Европейской России, но и распространением мануфактурного производства, использовавшего более простые технологии.

Известный в настоящее время по археологическим и письменным источникам номенклатурный состав кузнечных изделий Тобольска включает в себя основной состав орудий труда, крепежных вещей, предметов домашней утвари, деталей конской сбруи и др., соответствующий аналогичной продукции Европейской России, но, в целом, несколько ей уступает. В XVIII в. этот список пополнился продукцией российских мануфактурных предприятий, уральских металлургических заводов и оружейной фабрики г. Тобольска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 712 с.
2. Переписная книга 1698 года // Тобольск. Материалы для истории города XVII–XVIII столетия. М., 1885. С. 70–96.
3. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. : Наука, 1967. 323 с.
4. Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М. ; Л. : АН СССР, 1949. Т. 2. С. 192–207.
5. Таможенные книги сибирских городов XVII в. Новосибирск : РИПЭЛплюс, 2003. Вып. 5. 216 с.
6. Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П. Тобольск. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1975. 264 с.
7. Зиняков Н.М. Русские металлические изделия на Сибирском рынке XVII в.: номенклатурный и качественный состав // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 72–76.
8. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М. : Знак, 2007. 170 с.

Zinyakov Nicolay M. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: nmzinyakov@rambler.ru

IRON PRODUCTION OF RUSSIAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN XVII–XVIII CENTURIES: TRADITIONS AND INNOVATIONS (BY TOBOLSK'S MATERIALS).

Keywords: metallography; metalworking; Tobolsk.

The migration of the Russian population to Siberia, which took place at the end of the XVI century, that resulted in the development of the vast territory, the foundation of cities and settlements, laying of long roads, the introduction and expansion of arable lands, the establishment of the mining and metallurgical industry, the emergence and formation of urban crafts. A significant contribution to the foundation and development of blacksmithing in Tobolsk was made by people that came from the northern cities of Russia, including Ustyug Velikiy and Totma (who had a highly developed iron-production) and continued to use techniques and ferrous metal processing technologies of Eastern European artists in the new environment. That was reflected firstly in the morphology of the product; and secondly, in the use of welded construction schemes and its variations in the manufacture of metal products (front, slanting, V-shaped boiling of steel blade); thirdly – in a similar manifestation of the Eastern European trend towards a decrease in welded structures in favor of all-metal forgings in the XVIII century. Metallographic data of archaeological material demonstrates the technique and technology of Tobolsk in XVII–XVIII centuries. Collection of researched forgings of XVII century consists of three multi-function knives, shoe-knife, a pen knife, scissors and three scythes. The survey revealed that, in forging this group of cutting tools masters used two technological schemes: 1 – boiling of steel blade on a soft foundation (7 copies); 2 – forged-metal products (iron and steel) (2 copies). All forgings with weld design were hardened to tempering soft. Collection of the researched products from iron and iron-carbon alloys of the XVIII century consists of five multi-purpose knives, eight table knives, knife-luchevnik and adzes. Microstructural study of thin sections revealed that blacksmiths used several technological schemes: 1 – boiling of steel blade iron base (3 copies); 2 – welding of steel blades in an iron base (1 copy); 3 – forging products of metal multilayer package (2 copies); 4 – forged-metal products (9 copies). Seven forgings of this group were subjected to various hardening regimes.

REFERENCES

1. Merzon, A.Ts. & Tikhonov, Yu.A. (1960) *Rynok Ustyuga Velikogo* [The Market in Ustyug the Great]. Moscow: USSR AS.
2. Naidenov, N.A. (ed.) (1885) *Tobol'sk. Materialy dlya istorii goroda XVII–XVIII stoletiya* [Tobolsk. Materials for the history of the city in the 17th – 18th centuries]. Moscow: [s.n.]. pp. 70–96.
3. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII veke* [Crafts and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
4. Kolchin, B.A. (1949) *Obrabotka zheleza v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [Iron processing in the Moscow State in the 16th century]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy*. 2. pp. 192–207.
5. Rezun D.Ya. (ed.) (2003) *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [The customs registrars of Siberian cities in the 17th centuries]. Novosibirsk: RИPEЛplus.
6. Kopylov, D.I. & Pribylskiy Yu.P. (1975) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Sverdlovsk: Mid-Urals Book Publ.
7. Zinyakov, N.M. (2005) *Russkie metallicheskie izdeliya na Sibirskom rynke XVII v.: nomenklaturnyy i kachestvennyy sostav* [Russian metal products on the Siberian market in the 17th century: Nomenclature and qualitative composition]. In: Chernetsov, V.N. et al. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and cross-border regions]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 72–76.
8. Zavyalov, V.I., Rozanova, L.S. & Terekhova, N.N. (2007) *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva* [Russian blacksmithing in the Golden Horde period and the Muscovite state]. Moscow: Znak.

УДК 902(653)(571.120)
DOI 10.17223/19988613/43/12

В.И. Семенова

ИЗРАЗЦОВЫЙ ДЕКОР БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА В ТЮМЕНИ

Рассмотрен изразцовый декор первого каменного здания в Тюмени – Благовещенского собора, построенного в стиле «нарышкинского барокко» (1700–1715). Коллекция полихромных изразцов, сформированная в музее, представлена фрагментами, сохранившимися на месте его разрушения в 1932 г. Установлено местонахождение сохранившихся обломков на фасаде здания – карнизах, фризах, окнах. В архитектурном декоре собора отражалась официальная идеология, направленная на единство государства и тесную связь региона с центром.

Ключевые слова: Тюмень; Благовещенский собор; полихромные изразцы.

Благовещенский собор в Тюмени, построенный в 1700–1715 гг., занимает особое место в историко-культурном наследии Сибири. Для Тюмени это первое каменное здание, для Сибири это одно из редких культовых сооружений с уникальным изразцовым декором, к которым относятся Софийский собор в Верхотурье (1703–1709), Богоявленская церковь в Иркутске (1718–1746), сохранившиеся до наших дней. К сожалению, Благовещенский собор был взорван в 1932 г.

Благовещенскому собору как тюменской достопримечательности посвящено значительное количество литературных источников. О нем писали Н. Абрамов (1858), П.М. Головачев (1903), А.К. Серебrenников (1924), В.А. Курмачев (2000), архитектуру и историю строительства изучали В.И. Кочедамов (1963, 1978), Б.А. Жученко и С.П. Заварихин (1984), С.В. Копылова (1979) и др.

Собор представлял собой обычную для русской архитектуры XVII в. церковь трапезного типа, сложившуюся в условиях моды того времени – «нарышкинского барокко», определившего провинциальные стили московского узорочья «допетровского барокко». Стены собора были окрашены в темно-красный цвет, кровля восьмерика, алтаря и трапезной состояла из шахматного черно-белого кровельного кирпича, центральная глава была покрыта желтой черепицей, малые четыре главки по углам четверика покрашены в зеленый и красный цвета.

Первым, кому принадлежит обстоятельное описание декора Благовещенского собора, был известный сибирский публицист и историк П.М. Головачев, выпускник Томской гимназии. Он обнаружил в архиве Министерства юстиции в Москве цветные рисунки северного и южного фасадов, отосланные в Сибирский приказ тюменским воеводой О.Я. Тухачевским в 1706 г., и опубликовал их в 1903 г. в черно-белом варианте. Сравнивая изображение на рисунках с современным состоянием собора, П.М. Головачев использовал фотографии, любезно предоставленные ему И.Я. Словоцким, директором тюменского реального училища [1. С. 23]. При описании сохранившегося и утраченного декора он употреблял термин «орнаменты», полагая,

что они наносились красками. П.М. Головачев писал, что «окна были обведены зеленой краской, надоконники под крестами – желтой <...> карнизы – зеленые <...> на северной стороне подле паперти нарисованы были “травы” – зеленые деревья» [Там же. С. 27]. Он высоко оценил архитектуру собора и пришел к выводу, что «воспроизведенные рисунки старинного Благовещенского собора в Тюмени представляют не только любопытные, подробные и весьма хорошо исполненные изображения, несомненно, древнейшего зодчества в Сибири, но и дают любопытную страницу для истории церковного строительства вообще в России» [Там же. С. 30].

Об изразцовом декоре писал в своей статье 1924 г. А.К. Серебrenников. Он перечисляет декор окон «с глиняными глазированными колонками, изображающими темно-зеленые стволы гроздьев зеленого и темно-фиолетового винограда» и «глазированными изображениями орла с распростертыми крыльями», «глазированную надпись» под карнизом, вставки под малыми главками [2. С. 147]. В статье в черно-белом варианте был опубликован рисунок с прорисовкой верхнего декора окна (шпренгеля), выполненной тюменским художником В.П. Барашевым в 1923 г. Цветной оригинал хранится в фондах Тюменского музея изобразительных искусств (рис. 1). Тюменские архитекторы Б.А. Жученко и С.П. Заварихин пришли к выводу, что Благовещенский собор являлся единственным в Западной Сибири образцом применения полихромной окраски и изразцовой техники в декорировании фасадов [3. С. 34–35].

Внешний вид собора был значительно изменен во время ремонтов 1817, 1838, 1889 гг. Кровля стала железной, стены побелены, многие изразцовые детали были покрашены или перекрашены в другие цвета. На черно-белых фотографиях конца XIX – начала XX в. запечатлены в основном общие планы. Съемки архитектурных деталей отсутствуют, тем более важное значение приобретает для изучения изразцового декора Благовещенского собора коллекция изразцов Тюменского музея. Она состоит из двух частей. Первая была сформирована в музее из случайных находок, подо-

бренных горожанами на месте разрушенного собора под обрывом высокого берега реки Туры. Вторая часть поступила в результате археологических аварийно-спасательных раскопок, проведенных летом 1988 г. при

реконструкции дороги на центральной улице Республики на месте основания города [4. С. 29–30]. В составе коллекции представлены фрагменты декоративных вставок, лент фриз, карнизов, летописи, декора окон.

Рис. 1. Декор окна Благовещенского собора. Акварель В.П. Барашева. 1923 г.

Декоративные прямоугольные вставки размещались под малыми главками четверика с внешней стороны в заглубленных ширинках. Сохранилось два рельефных полихромных безрамочных изразца-плитки прямоугольной формы размерами 26,5х24,5х3,6 и 12,5х13,5х4,8 см, на зелено-синем фоне рельефный рисунок в виде букета, перехваченного в середине лентой с развешивающимися приостренными концами. Нижняя часть букета расширена, в его центре выпуклый медальон с луковичным выступом вверх (рис. 2, 1). На лицевой поверхности первого изразца остались следы краски, нанесенной во время ремонтных работ в конце XIX в. Меньший изразец, найденный при археологических раскопках, имеет бока с выемками и сохранил первоначальный цвет эмали – лента на букете белого цвета с окончаниями зеленого цвета; верхняя часть букета в виде расходящихся стеблей-листьев изумрудного цвета, нижняя из изогнутых, расходящихся стеблей, упирающихся на ступенчатую пирамидку из двух полос – нижней широкой коричневой, верхней узкой изумрудной. В центре между стеблями полуовальный сердечник с коричневой поливой в центре и изумрудным валиком снаружи; снизу изразца под пирамидкой прямой уступ-углубление изумрудного цвета.

Под кровлей шли изразцовые ленты, опоясывающие фасады. От них остались фрагменты двух видов. Фрагмент зеленого рельефного профильного изразца (9х15х3, 3 см) с резной нижней частью и ажурной средней принадлежал подкарнизной ленте под крышей высокого четверика и трапезной (рис. 2, 2). Лента второго типа представляла собой фриз, видимо, проходивший в верхней части основного объема и, возможно, по верхнему ярусу большого восьмерика (на фотографии просматривается плохо). Она состояла из прямоугольных плит (15,7х17х3,2 см) с растительным раппортным орнаментом в виде центрального вертикального стебля с пятилепестковым цветком в профиль, с двух сторон он обрамлен побегами с крупными закручивающимися листьями, смыкающимися над цветком сверху, сверху от завитков симметрично расположены вертикально по две горошины – большей и меньшей, внизу побеги расходятся в противоположных направлениях (рис. 2, 3). В целом композиция напоминает сильно видоизмененное и стилизованное «павлинье око», в основе изображения которого мог быть крупный фантастический цветок, похожий на цветок граната и оперение райской птицы – павлина, являющиеся христианскими символами Воскресения [5. С. 62].

Рис. 2. Изразцы Благовещенского собора

Ниже карниза по стенам трапезы и алтаря шла лептопись (строительная надпись). От нее сохранилось два фрагмента плиток (21,5x15,5x4 и 21x16x4 см) с буквами белого цвета на общем синем фоне. Первый изразец стеновой, рельефный полихромный, фрагмент представляет собой плитку с рельефными буквами от двух слов. От первого сохранилась одна буква «есть», от второго три – «буки», «люди», «глаголь» (возможно, от слов «(нерушимо)е благ(осостояние)». Две последние буквы под титлом. Второй подобный фрагмент представляет собой плитку с рельефными буквами от двух слов. От первого сохранились две буквы, одна неполная, вторая «аз», от второго три – «добро», «есть», «наш» (возможно, от слов «(3)1 ден(ь)»). Две первые буквы должны быть под титлом, если они означают число, но в месте титла есть скол. Буквы возвышаются над поверхностью на 0,7 см, белого цвета, общий фон синий. Разметка букв сделана с помощью чередования

незначительного перепада высоты поверхности. Как правило, на одну букву или две под титлом отведено пространство одного уровня. Пониженный уровень наблюдается между словами (рис. 2, 4).

По мнению В.И. Кочадамова, надпись «с очень длинной и витиеватой славянской вязью в 1 270 знаков» играла значительную роль в архитектуре церкви [6. С. 93]. К сожалению, нет ни одной ее прорисовки, ни оригинального списка. Реконструкция надписи затруднена тем, что три полных опубликованных текста не совпадают при сравнении друг с другом и сделаны один в середине XIX в. и два – в начале XX в. (1901 и 1924 гг.) в орфографии соответствующего времени [2. С. 148; 7. С. 394; 8. С. 36]. В нашем случае текст, опубликованный А.К. Серебрянниковым, следует считать наиболее достоверным. В статье он указывает, что его «с трудом удалось разобрать» [2. С. 148]. П.М. Головачев в своем исследовании нали-

чие надписи не упомянул вообще. Доказательством является то обстоятельство, что, критикуя работу священника А. Филиппова, он не соглашается с приведенными датами постройки, искренне недоумевая, из какого источника этот вывод следует. Он пишет, что «мы не знаем, откуда почерпнуты эти сведения» [1. С. 29], а это напрямую следует из самой надписи.

Обрамления проемов окон и дверей представлены фрагментами колонки и шпренгеля. Фрагмент изразца-колонки представляет собой цилиндр размерами 24х12,2–14х2,5 см, обвитый виноградной лозой, нижняя часть шире верхней. Общий фон зеленый, гроздья покрашены желтой краской, частично под ней проступает оригинальная светло-голубая эмаль, прожилки побегов закрашены часть желтым, часть зеленым, листья желтым и синим (см. рис. 2, 5). Тема виноградной лозы универсальна для христианской символики, которая отсылает напрямую к тексту Евангелия, где идет отсылка к образам Иисуса Христа, церкви, таинству Евхаристии. Например: «Аз есмь лоза истинная, а Отец мой виноградарь» (Ин. 15:1) и др.

От шпренгеля оконного проема сохранился полихромный изразец стеновой рельефный фигурный размерами 43х32х4–6,5 см с треугольным верхом и симметричными выемками с двух сторон. На плите изображен двуглавый орел с опущенными крыльями и крестом в центре между коронованными головами. Фон плитки синий, крест желтый. Головы зеленые, на шеях белым окрашены по три ряда перьев (рис. 1, 2, 6). Коричневого цвета короны и глаза, а также нижние части клювов. В начале XX в. желтые кресты стали коричневыми.

П.М. Головачев утверждал, что двуглавые орлы над окнами сделаны позднее (вероятно, после 1838 г.), так как они «не подходят к храму» [Там же. С. 30]. С этим невозможно согласиться, так как общий абрис окна с украшениями соответствует окнам на рисунке О.Я. Тухачевского, на котором хорошо видны колонки по бокам, точно переданы профили, контуры кокошников изображены как две дуги с центральной возвышенной частью с крестами. Несмотря на условность рисунка 1706 г., он достоверно передает систему размещения декора.

Сюжеты с двуглавыми орлами в русском архитектурном декоре популярны в XVII в., но ценные орлы редки [5. С. 76, 80]. Прямых аналогов данному тюменскому изразцу нет. Похожее изображение двуглавого орла есть на гербе России при правлении царя Федора Ивановича «Блаженного» (1584–1598) и совпадает с провозглашением церковной независимости России и учреждением в 1589 г. патриаршества. Известно, что декор окон был переделан по настоянию митрополита Филофея Лещинского, который был проездом в Тюмени в 1702 г. и распорядился сделать над окнами «шпренгеля» и по сторонам столбы «из глины формою печатны» [9. С. 98]. Также он пообещал прислать мастеров из Тобольска. Именно таких орлов мог заказать

Ф. Лещинский, так как выполнял в Сибири особую миссию Петра I – крещение язычников. Крест между орлиными головами официально присутствовал в государственной российской символике только в правление царя Федора Ивановича. На государственном знамени и печати между голов орлов размещался голгофский крест, символизирующий страсти Христовы. Каноничный голгофский крест был восьмиконечным, нижнее подножие было наклонным (символ равновесности, поднятый конец указывал на север). Обязательно присутствовали орудия «страстей господних». Отдельное изображение голгофского креста есть на изразцах XVII в. [5. С. 72]. В данном случае крест шестиконечный, нижнее подножие слегка скошено. Лучи креста оканчиваются трилистниками (символика Троицы). В данной композиции крест должен был напоминать о страданиях Христа, искупившего грехи людей, бывших до него язычниками.

Объяснить использование на фасадах храма XVIII в. орлов с опущенными крыльями и крестом между ними можно тем, что архитектурный декор более адекватен изменениям, происходящим в сфере идеологии, и более свободен от религиозных ограничений. В процессе секуляризации в российской жизни складывались выразительные композиции, ориентированные на передачу основных установок без оглядки на канонические строгости. Трудно сказать, сознательно или несознательно, но орлы уводили во время царя Федора Ивановича, при котором Тюмень была основана.

В коллекции музея сохранился фрагмент терракотовой декоративной детали без следов глазури или окрашивания с рельефным тонким растительным орнаментом, обрамленным с одной стороны дугообразной рамкой высотой 0,7 см, общими размерами 6,5х8,5х3,2 см. Возможно, это часть отбракованного изделия и, скорее всего, она принадлежала средней композиции надоконника между крыльями орла. Сложный орнамент из стилизованных цветов и листьев напоминает восточную арабеску, вошедшую в европейскую архитектуру в эпоху Возрождения и заимствованную русскими мастерами из Западной Европы.

В целом изразцы Благовещенского собора были изготовлены местными мастерами по инструкциям из Москвы. Все попытки тюменских воевод выпросить себе мастеров из Верхотурья или Тобольска были напрасными. Известно, что первую экспериментальную партию черепицы для кровли изготовлял в 1701 г. Савватей Андреев Черепанов, руководствуясь присланным из Москвы «списком скаски черепичного мастера Мартынка Кувшинникова слово в слово». Отправленные в Москву образцы были одобрены [9. С. 115–117]. В документе, опубликованном В.Г. Молодых, есть запись, что выплачивались деньги «Черепану за дверные шпренгели и формованные столбы и балясы» [10. С. 209]. Возможно, Черепанов назван Савватей Андреев. Известно, что его сын Алексей Савватеев был вызван в Тобольск и строил там из-

разцовые печи [9. С. 120]. Тюмень стала центром по изготовлению изразцов.

Только декор окон сложился с участием мастеров из Тобольска, где впервые в Сибири изразцы были употреблены при строительстве Приказной палаты [11. С. 56]. В 1699 г. из Москвы туда прибыли «черепичного и израсцового дела мастер Семен Лузин» и мастера для делания «ценинных и зеленых израсцов» Иван Денешка, Иван Лукьянов, Василий Степанов. Из каталога С.И. Барановой известно, что Иван Денешка

[12. С. 126] – Семенов сын Денежка Иван (Ивашка) – государев мастер, ценник, делал многоцветную «орлистую печь» в палатах князя Голицина [5. С. 213; 11. С. 57].

Изразцовый декор Благовещенского собора, первой каменной постройки в Тюмени, не только являлся памятником московского стиля в Сибири и выражением эстетических пристрастий сибиряков, но и манифестировал идеи единства страны, преемственность династии и задачи распространения учения Христа среди местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюмень в XVII столетии: Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив. доц. П.М. Головачева: Состав населения и экономический быт в XVII в., с приложением плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVII в. Тюмень : Мандрика и К^а, 2004. 200 с.
2. Серебrenников А.К. Историко-археологическое обследование Тюменского Благовещенского собора // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень : Гостипография, 1924. Вып. 1. С. 145–153.
3. Заварихин С.П., Жученко Б.А. Архитектура Тюмени. Тюмень : Радуга-Т, 2004. 295 с.
4. Семенова В.И. Раскопки в исторической части города Тюмени // Областная научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири», посвященная 110-летию Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень : Тюмен. обл. краевед. музей, 1989. С. 29–30.
5. Баранова С.И. Изразцовая летопись Москвы. М. : Русский импульс, 2012. 232 с.
6. Кочедамов В.И. Строительство Тюмени в XVII–XVIII вв. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1963. Вып. 3. С. 83–106.
7. Абрамов Н. Город Тюмень // Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень : Софт-Дизайн, 1998. С. 380–416.
8. Курмачев В.А. Патриарх белокаменного зодчества (к 300-летию Благовещенской церкви г. Тюмени, 1700–2000 гг.). Тюмень : МИ «РУТРА», 2000. 59 с.
9. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири конца XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1979. 255 с.
10. Молодых В.Г. Новое о постройке 1-го каменного здания в Тюмени. К постройке Благовещенского собора // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень : Гостипография, 1924. Вып. 1. С. 201–210.
11. Кочедамов В.И. Тобольск. Тюмень : Тюменское книжное издательство, 1963. 156 с.
12. Баранова С.И. Московский архитектурный изразец XVII века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское – Измайлово – Лефортово – Люблино. М. : Мос. гос. объедин. музей-заповедник, 2013. 136 с.

Semenova Valentina I. Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russia). E-mail: valivsem8@mail.ru

TILED DÉCOR OF TYUMEN ANNUNCIATION CATHEDRAL.

Keywords: Tyumen; Annunciation cathedral; polychrome tiles.

Tyumen Annunciation cathedral, built in 1700–1715, was one of rare religious Siberian constructions with a unique tiled décor. The monument was destroyed in 1932. The décor of Tyumen Annunciation cathedral was written about by P.M. Golovachev (1903). The cathedral exterior appearance was considerably changed after repairs of 1817, 1838 and 1889. In the black-and-white photos of the late 19th – early 20th century architectural details' surveys are absent, that is why the study of Annunciation cathedral tiled décor from Tyumen museum collection is becoming more important. Out of decorative rectangular insertions under the small domes only two relief polychrome unframed rectangular tiles are left (fig. 2/ 1). Under the roof there was a tiled frieze on the facade. The fragment of a green relief profiled tile with a carved lower part belonged to the under-cornice frieze under the roof of a high quadrangle and refectory (fig. 2/ 2). The second one represented a frieze which, probably, was in the upper part of the main building and may be in the upper tier of a big octagon (fig. 2/ 3). On the whole, the composition reminds a strongly modified and stylized “peacock’s eye”; looking like a pomegranate flower and a heavenly bird peacock’s plumage – Christian symbols of Resurrection. The building inscription was on the walls of the refectory and altar below the cornice. Two fragments of slabs with white-coloured letters against the general dark blue background are preserved (fig. 2/ 4). Windows’ and doors’ apertures are represented with fragments of a column and top décor. The column tile fragment is a cylinder, twined around with a grape bunch; the lower part is broader than the upper one (fig. 2/ 5). The theme of a grape bunch is universal for Christian symbolism directly referring to the Gospels text and then to the images of Jesus Christ, church and The Eucharist sacrament. There preserved a polychrome tile with a triangular top and symmetrical hollows on both sides of the window décor. On the tile a two-headed eagle with flopped wings is depicted and a cross between crowned heads in the centre (drawing 1, 2/6). The tiled décor of Annunciation cathedral, the first stone Tyumen construction, is not only the monument of Moscow style in Siberia, the expression of esthetic preferences of the Siberians, but the manifest of the country unity idea, dynasty continuity and the task of the teachings of Christ dissemination among local population as well.

REFERENCES

1. Anon. (2004) *Tyumen' v XVII stoletii: Sbranie materialov dlya istorii goroda s "Vvedeniem" i zaklyuchitel'noy stat'ey priv. dots. P.M. Golovacheva: Sostav naseleniya i ekonomicheskii byt v XVII v., s prilozheniem plana starinnoy Tyumeni i 2 vidov Blagoveshchenskogo sobora nachala XVII v.* [Tyumen in the 17th century: A collection of materials for the history of the city with the “Introduction” and the final article by P.M. Golovachev: The composition of the population and economic life in the 17th century, with the plan of Old Tyumen and 2 photos of the Annunciation Cathedral of the early 17th century]. Tyumen: Mandrika i Ka.
2. Serebrennikov, A.K. (1924) *Istoriko-arkheologicheskoe obsledovanie Tyumenskogo Blagoveshchenskogo sobora* [Historical and Archaeological survey of the Tyumen Annunciation Cathedral]. In: *Zapiski Tyumenskogo obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya* [Notes of Tyumen Research Society]. Tyumen: Gostipografiya. pp. 145–153.
3. Zavarikhin, S.P. & Zhuchenko, B.A. (2004) *Arkhitectura Tyumeni* [The architecture of Tyumen]. Tyumen: Raduga-T.

4. Semenova, V.I. (1989) [The excavations in the historical part of Tyumen]. *Istoriya, kraevedenie i muzevedenie Zapadnoy Sibiri* [History, Regional Studies and Museology of Western Siberia]. Regional Research Conference. Tyumen: Tyumen Regional Museum of Local Lore. pp. 29-30. (In Russian).
5. Baranova, S.I. (2012) *Izraztsovaya letopis' Moskvy* [The tile chronicle of Moscow]. Moscow: Russkiy impul's.
6. Kochedamov, V.I. (1963) Stroitel'stvo Tyumeni v XVII–XVIII vv. [Construction of Tyumen in the 17th – 18th centuries]. *Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 3. pp. 83-106.
7. Abramov, N. (1998) Gorod Tyumen' [Tyumen]. In: *Gorod Tyumen': Iz istorii Tobol'skoy eparkhii* [Tyumen: From the history of the Tobolsk Diocese]. Tyumen: Soft-Dizayn. pp. 380-416.
8. Kurmachev, V.A. (2000) *Patriarkh belokamennogo zodchestva (k 300-letiyu Blagoveshchenskoy tserkvi g. Tyumeni, 1700-2000 gg.)* [Patriarch of white stone architecture (the 300th anniversary of the Annunciation Church in Tyumen, 1700–2000)]. Tyumen: RUTRA.
9. Kopylova, S.V. (1979) *Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri kontsa XVII–XVIII vv.* [Stone construction in Siberia in the late 17th – 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
10. Molodykh, V.G. (1924) Novoe o postroyke 1-ogo kamennogo zdaniya v Tyumeni. K postroyke Blagoveshchenskogo sobora [The new about the first stone buildings in Tyumen. The construction of the Annunciation Cathedral]. In: *Zapiski Tyumenskogo obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya* [Notes of the Tyumen Research Society for the Study of Local Region]. Tyumen: Gostipografiya. pp. 201-210.
11. Kochedamov, V.I. (1963) *Tobol'sk* [Tobolsk]. Tyumen: Tyumen Book Publ.
12. Baranova, S.I. (2013) *Moskovskiy arkhitekturnyy izrazets XVII veka v sobranii Moskovskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya-zapovednika Kolomenskoe – Izmaylovo – Lefortovo – Lyublino* [Moscow architectural tile of the 17th century in the collection of the Moscow State United Museum Kolomenskoye - Izmailovo - Lefortovo - Lyublino]. Moscow: Moscow State United Preserve-Museum.

П.В. Мандрыка, Ю.А. Титова

ПЕЧНАЯ ДВЕРЦА «ГОТИКА» ИЗ СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Представляется фрагмент чугунной печной дверцы с горельефным изображением готического сюжета из раскопок на территории мужского Свято-Успенского монастыря в г. Красноярске, основанного в 1879 г. Дверца была изготовлена по немецкой модели первой половины XIX в. и тиражировалась из чугуна с 1896 до 1914 г. на металлургическом заводе в Каслях на Урале, на заводе Михаила Никитича Тимофеева с сыном Григорием и братом Яковом. Связь находки с православными постройками Успенского монастыря не установлена.

Ключевые слова: археология; русские; монастырь; чугунное литье; готический стиль.

В 2014 г. Отрядом АЭ Сибирского федерального университета при проведении археологических раскопок на территории Свято-Успенского мужского монастыря в городе Красноярске на памятнике «Удачный. Стоянка-14 (Западная-5)» в первом культурном слое, формирование которого проходило в Новое и Новейшее время, был найден фрагмент чугунной печной дверцы с горельефным изображением готического сюжета. Дверца сломана, без рамки, открывалась в правую сторону. Сохранилась правая часть (2/3) дверцы. Угловые петли отколоты. Сохранившаяся высота фрагмента 23,8 см, ширина 21,7 см. На плоскости в центре дверцы показан собор с разновеликими пристройками, перекрытыми стрельчатыми куполовидными крышами, увенчанными цветком лотоса(?) на шаре. Подобными шарами на спирали покрыты скаты главного купола центрального большого строения, парадный вход которого оформлен тремя продолговатыми стрельчатыми арками с рельефными колоннами. Под

сводом на торце крыши каждой постройки показаны круглые окна. К центральной постройке с одной стороны примыкают две пристройки башенного типа. Фасад первой заполнен винтообразным орнаментом, фасад второй – нишами с фигурами рыцарей в доспехах, держащих левой рукой вертикально поставленное копьё. Перед собором – широкое крыльцо с лестницей. Вся композиция окантована полосой нечитаемого орнамента из повторяющихся фигур. В нижней части дверцы сохранились 4 из 6 арочнообразных поддувальных отверстий. На обратной стороне дверцы углублениями очерчиваются основные линии сюжета и орнамента (рис. 1, 1). С двух сторон от купола центрального строения нанесены два клейма. Одно клеймо круглое, как почтовый штамп, в нем по верхней дуге узнаваемы буквы «М.Н. Тимофеев», в центре «с.с.м.», в по нижней дуге «...сляхъ» (рис. 1, 2). Второе клеймо прямоугольное, в окантованной рамке читаются «(И или Н, или П) Тимофеевъ» (рис. 1, 3).

Рис. 1. Чугунная печная дверца с горельефным изображением из первого культурного слоя:
1 – дверца; 2 – клеймо завода; 3 – клеймо формовщика

О заводе и мастере. В конце XIX – начале XX в. в Каслях рядом с чугунолитейным и железоделательным заводом наследников Льва Росторгуева существовало еще пять частных чугунолитейных предприятий. Они имели собственные вагранки, штат наемных рабочих и своих заказчиков, для которых производили намогильные кресты, плиты и памятники, хозяйственную посуду, печное литье, детали сельскохозяйственных машин, а также художественные изделия по моделям и образцам Каслинского завода: лотки, пепельницы, прессы, скульптуру малых форм. По данным властей, составивших «Списки рабочих, служащих и кустарей, работавших на Каслинском заводе 1 сентября 1907 г.», среди кустарных предприятий художественным литьем занимались три завода, имеющих собственные вагранки [1. С. 88]. Имеющиеся клейма указывают, что дверца была отлита на заводе «Михаила Никитича Тимофеева с сыном Григорием и братом Яковом». Формовщиком изделия был мастер Тимофеев из известной династии каслинских формовщиков.

О времени изготовления и использовании в Красноярске. Выпуск печеных дверок «Готика» из чугуна литьем с чеканкой и покраской осуществлялся в Каслях с 1896 по 1914 г. Они изготавливались по немецкой модели первой половины XIX в., которая, очевидно, была приобретена в одной из заграничных поездок В.Г. Дружининым. После смерти отца Г.В. Дружинина (муж и поверенный дочери М.Л. и П.Я. Харитоновых,

которая владела частью Кыштымского горного округа) он занимался художественным направлением производства на заводах в Каслях.

С началом Первой мировой войны Каслинский завод перешел на выпуск военной продукции и массовое производство художественных изделий из чугуна прекратилось.

Распространение продукции завода проводилось через торговлю на уральских рынках и ярмарках, магазины и лавки, а также заказ. Заказ проводился по почте, по заводскому преysкуранту 1913 г. и прилагаемому к нему альбому с изображением вещей, с 50-процентной предоплатой стоимости заказа [2, 3]. На остальную сумму завод оформлял наложенный платеж при доставке изделий по железной дороге или получал деньги по инкассо через банк.

Таким образом, Печная дверца «Готика»:

- отлита по немецкой модели первой половины XIX в.;
- тиражировалась из чугуна с 1896 г. на металлургическом заводе в Каслях на Урале;
- отлита на заводе Михаила Никитича Тимофеева с сыном Григорием и братом Яковом до 1914 г.

Связь печной дверцы с православными постройками Успенского монастыря в г. Красноярске не установлена, она могла использоваться в любой печи, например того же свечного завода (1913 г.) или магазина, которые работали на территории монастыря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губкин О.П. Каслинский феникс. Екатеринбург, 2004.
2. Чугунное литье Каслинского завода: Преysкурant. Екатеринбург, 1913.
3. Литье Каслинского завода Кыштымского округа. Художественные вещи. Преysкурant. Екатеринбург, 1913.

Mandryka Pavel V. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: pmandryka@yandex.ru; *Titova Julia A.* Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: abdulia@mail.ru

“GOTHIC” STOVE DOOR FROM THE MONASTERY OF THE HOLY DORMITION.

Keywords: Archaeology; Russians; Monastery; iron casting; Gothic style.

In 2014 on the Monastery of the Holy Domitian territory on the archeology site «Udachnyi. Parking-14 (Western-5)» were conducted archaeological expedition excavations of the Siberian Federal University. In the first cultural layer, which formation happened in modern and contemporary times, the fragment of a cast iron stove door with a high relief image, was found during excavations. The aim of this work is to study the specified archaeological artifact, detecting its origin, dating definition, and its connection with the activities of the monastery. The door is not completely preserved. A cathedral with different-sized constructions overlapped vaulted arched rooves with lotus (?) on the spheres is represented on the fragment front side. A grand entrance of a building with steps and stairs is shaped with three long vaulted arches and relief columns. The frontages of additions are filled with either spiral ornament or niches with figures of knights in armors and upright spears in left hands. The four surviving arched-figured ash-pit holes and a hole at the attachment handle place prove the fact that it is the stove doors. The marks on the reverse side identify that the door had been cast on “Mikhail Nikitich Timofeev with his son Grigori and his brother Jacob” factory in Kasli on Ural. A craftsman Timofeev from a famous dynasty of Kasli molders had been an author of the item. Such doors had been made on German model of the first part of the nineteenth century from 1896 to 1914. Since the beginning of the First World War Kasli factory production of iron art products stopped. Production distribution was carried out via trade in the Ural markets and fairs, stores and shops, as well as by order system. The order was carried out by mail, the factory price list and images album, attached to it, with the things, with fifty per cent prepaid fare. Thus, as a result of the study, the origin of the artifact and its dating was found, its functional purpose was determined, however the connection of the finding with the Orthodox constructions Monastery buildings, on the available data basis, could not be established. The door could be used in any stove for example on a candle factory (1913) or a shop which had been situated on territory of the Monastery.

REFERENCES

1. Gubkin, O.P. (2004) *Kasliinskiy feniks* (Kasli phoenix). Ekaterinburg: Institute of History of Material Culture.
2. Anon. (1913a) *Chugunnoe lit'e Kasliinskogo zavoda: Preyskurant* [Casli iron sculptures: Price-list]. Ekaterinburg: [s.n.].
3. Anon. (1913b) *Lit'e Kasliinskogo zavoda Kyshtym'skogo okruga. Khudozhestvennye veshchi. Preyskurant* [Casli iron sculptures of Kyshtym District. Works of art: Price-list]. Ekaterinburg: [s.n.].

УДК 902.01
DOI 10.17223/19988613/43/14

И.В. Балюнов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЛИЯНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ТОБОЛЬСКА КОНЦА XVI – XVII в.

Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045).

Статья посвящена изучению археологического материала, свидетельствующего о влиянии земель Северо-Восточной Руси на материальную культуру населения г. Тобольска конца XVI–XVII в. Установлено, что высококачественная посуда, а также не-которая часть изделий из черных металлов того времени являлись привозными из московских земель, а местное керамическое производство (гончарное, кирпичное, изразцовое), бронзолитейное и, вероятно, сапожное формировалось под влиянием ремесленных традиций центральной части страны.

Ключевые слова: Тобольск; Северо-Восточная Русь; материальная культура; XVII в.; влияние.

Город Тобольск, основанный в 1587 г., уже в конце XVI в. становится крупнейшим центром освоения Сибири. Через него в основном шло заселение русским населением территории, расположенной за Уралом, а кроме того, проходили торговые пути, связывающие Восток и Запад. Очевидно, что материальная культура жителей города испытывала разнообразное, в том числе аборигенное и иноземное, влияние (например, есть данные о торговле с немецкими городами, Средней Азией, Китаем). Однако проследить его на археологическом материале удастся далеко не всегда. Традиционно считается, что освоение Сибири осуществлялось в значительной степени выходцами из Северной и Северо-Восточной Руси. Согласно данным, опубликованным О.Н. Вилковым, многие ремесленники, зафиксированные в Тобольске, были выходцами из городов именно этих регионов, но именно Северо-Восточная Русь оказала особое влияние на развитие целого ряда производств [1. С. 26], что находит подтверждение и в археологических материалах г. Тобольска конца XVI–XVII в.

Следует уточнить, что термин «Северо-Восточная Русь» не имеет в научной литературе строгого определения, поскольку его значение может меняться в зависимости от процессов административно-политической истории. Для указанного периода эти процессы уже не являются определяющими, и в настоящей публикации этот термин используется в самом широком географическом понимании, как центральные земли Московского государства и как некое противопоставление Северо-Западной и Юго-Западной Руси.

Самым массовым материалом, полученным при раскопках г. Тобольска, являются фрагменты гончарной посуды. Их изучение показало, что в этот период времени в городе бытовала преимущественно серо-коричневая посуда, а более качественная темно-серая лощенная и поливная посуда, представленная единичными экземплярами, относится, очевидно, к привозной продукции. Как отмечает В.Ю. Коваль, главным произ-

водителем до конца XVII в. чернолощеной посуды в границах Русского государства являлась Москва, хотя ее начинают изготавливать и в других крупных городах – Твери, Рязани, Владимире, а поливная посуда и вовсе изготавливалась, вероятно, только в Москве [2. С. 319]. Отдельно следует отметить находки двух поливных чернильниц. Первый экземпляр сохранился не полностью, имеет кубическую форму (6×6×4 см) с прямыми стенками, покрытыми геометрическим орнаментом (рис. 1, 6). Аналогии, известные по раскопкам в Москве, позволяют определить находку как остатки настольной поливной чернильницы, состоящей из нескольких отделений, разделенных перегородками [3. С. 52, табл. 18, 10, 12–18]. Еще одна чернильница – переносная, представлена находкой горлышка (покрыт светло-коричневой поливой, диаметром около 4 см), на котором видны два отверстия, очевидно, для продергивания шнура (рис. 1, 5). Подобные предметы также известны в московской археологической коллекции [Там же. С. 52–53, табл. 19, 1–3].

Изучение фрагментов серо-коричневой керамики показывает, что в Тобольске конца XVI–XVII в. горшок являлся наиболее распространенным видом керамической посуды. По форме венчиков выделяется значительное многообразие вариантов. Особо стоит отметить вариант (19% от общего числа), когда венчик формировался путем смещения «черного края» внутрь (рис. 1, 1) (данный признак характерен для керамики «московских» земель) [4. С. 105–106].

На основе массовых находок и небольшого количества сосудов полного профиля можно сделать вывод, что в Тобольске в XVII в. имели распространение приземистые горшки (ширина по плечу всегда больше высоты) с маленьким дном, широким устьем, часто с покатым округлым плечиком, при этом переход от шейки к плечу выражен нечетко. Эти и некоторые другие признаки позволяют утверждать, что тобольская посуда имеет определенные сходства с керамикой

того времени, происходящей из культурных слоев Москвы, Коломны и других соседних городов [2. С. 318–319; 4. С. 105]. Данная тема требует ещё дополнительной проработки и детального исследования, но уже сейчас можно обосновать предварительный вывод, что местное гончарное производство формировалось под влиянием ремесленных традиций, возникших в центральной части страны.

Особую категорию археологических находок образуют гончарные клейма, представленные тремя вариантами. Первый вариант включает в себя рельефные рисунки на донцах в виде солярного знака, напоминающего изображение колеса (окружность, в которую вписан многолучевой крест) (рис. 1, 2). Второй вариант образуют клейма с изображением прямоугольного креста, помещенного в окружность – «крест в круге» (рис. 1, 3). Третий вариант – прямоугольник, в который вписан косой (диагональный) крест, дополненный ли-

ниями, исходящими из его углов (рис. 1, 4). Подобные клейма известны достаточно хорошо по материалам средневековой Руси, и, как считается, они отражают общую языческую славянскую символику, имеющую культовый характер и выражающую обоготворение, почитание неба и небесных светил. Очевидно, что известные рисунки тобольских клейм имеют достаточно архаичное происхождение, и, вероятно, в позднем Средневековье гончары могли уже не осознавать их первоначального (языческого) значения.

Особо стоит отметить, что на большей части русских земель традиция клеймения посуды заканчивается ещё в XIV в. и только иногда фиксируется на северо-востоке Руси в XV–XVII вв. Как пример можно привести Тверь [5. С. 390], Суздаль [6. С. 128], подмосковный Дмитров [7. С. 198], где обнаружены аналогии трем вариантам гончарных клейм, известных по раскопкам в Тобольске.

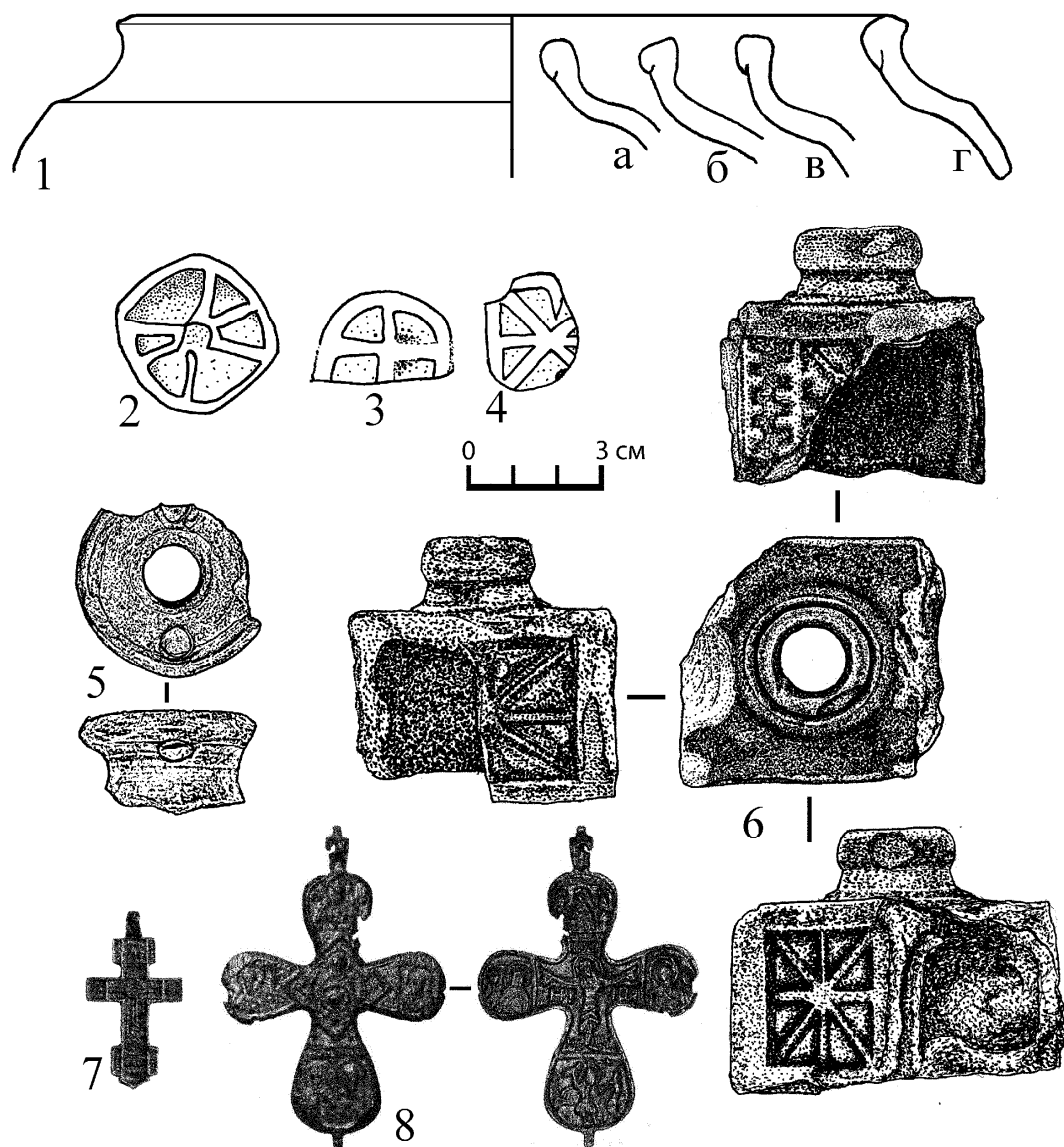

Рис. 1. Материалы археологических исследований культурного слоя города Тобольска:
1 – фрагменты венчиков горшков; 2, 3 – гончарные клейма; 5, 6 – чернильницы; 7 – нательный крест;
8 – наперсный крест. 1–6 – глина; 7, 8 – бронза

Продолжая тему керамического производства, следует отметить, что, согласно письменным источникам, каменное строительство в сибирском городе формировалось непосредственно под «московским» влиянием. Так, например, Софийский собор возводился приезжим зодчим и артелью устюжских каменщиков в 1681–1686 гг. по проекту, присланному из Москвы, что предопределило в дальнейшем развитие кирпичного дела, и чуть позднее в Тобольске появляется свое изразцовое и черепичное производство. Эти факторы также находят отражение в составе культурных напластований. В исследованиях А.В. Нескорова, посвященных изучению тобольских печных изразцов, они подразделены на несколько групп. Первую группу автор условно называет «московскими», поскольку их достаточно уверенно можно соотнести со столичными образцами, и отдельно выделяются «тобольские», характеризующиеся уникальными самобытными сюжетами. И если для последних автор отмечает подчеркнутую реалистичность изображаемых предметов, то для первой группы, напротив, свойственны отсутствие детально проработанных сюжетов и некоторая небрежность рисунка. Сами сюжеты, передающие изображения птиц, животных, сцены охоты, воинов с различным вооружением, по мнению А.В. Нескорова, близки изразцам, распространенным в Москве и городах центральной части России [8. С. 400–401]. Эти данные хорошо согласуются с наблюдениями, сделанными Р.Л. Розенфельдом, который занимался изучением изразцов непосредственно московского производства [3. С. 63].

Еще более ярко влияние Северо-Восточной Руси представлено в образцах металлопластики. Это можно показать на примере находки небольшого нательного креста (размером 22×41 мм) (см. рис. 1, 7). По мнению европейских исследователей, аналогичные кресты имели достаточно широкое распространение в XV–XVI вв. в тверской земле и прилегающей к ней территории [9. кат. № 2в; 10. С. 183]. Кроме этого, в тобольских материалах представлена находка наперсного двустороннего креста (размеры 73×4,8 см), покрытого достаточно сложными иконографическими сюжетами (см. рис. 1, 8). На лицевой стороне центральным сюжетом является образ Богородицы Знамения, на оборотной – Распятие. Тобольский крест находит многочисленные аналогии в европейских материалах [9. кат. № 26; 10. С. 92 и др.]; отдельно следует отметить находки двух крестов, обнаруженные во время исследований Старой Рязани В.П. Даркевичем, который высказывает предположение об их московском происхождении и датирует находки второй половиной XV в. [11. С. 229–230, рис. 3, 7, 8]. Интересным отличием является то, что все известные европейские экземпляры при всей идентичности тобольской находки, как правило, отличаются расположением сторон.

Известные аналогии позволяют прийти к заключению, что как наперсные, так и нательные кресты описанного облика появляются на территории Москов-

ского государства не позднее XV в. и получают широкое распространение на протяжении XV–XVI вв. Судя по археологическим находкам, подобные кресты использовались в Сибири в XVII в., а возможно, и в XVIII в. Эти и другие данные указывают на их местное производство, а кроме того позволяют говорить о том, что сибирские ювелиры и бронзолитейщики были носителями европейских традиций художественной металлообработки и, вероятно, на протяжении некоторого времени воспроизводили европейские образцы, которые в Центральной России являлись уже устаревшими. Ещё одной причиной, по которой местные мастера могли копировать «старые» образцы, является то, что в связи с событиями Смутного времени меднолитейное производство в Московском государстве в XVII в. переживало временный упадок.

Существуют отдельные категории археологических находок, которые не столь очевидно, как предыдущие, указывают на связь с землями Северо-Восточной Руси, поскольку вещи похожего облика имели достаточно широкое распространение. Например, это касается замков и ключей, которые были сложны в изготовлении для местных мастеров, занимавшихся только их починкой [1. С. 61, 88, 140]. В Тобольске найдены два небольших навесных замка с откидывающейся дужкой, аналогии которым известны в Москве и Тушино [12. рис. 8, 9, 11; 13. С. 61].

К этому стоит добавить, что огнестрельное оружие поступало в Тобольск централизованными поставками из Москвы, тем более что основные центры его производства находились в границах Северо-Восточной Руси. В культурном слое сибирского города найдено большое количество свинцовых пуль, винты от ружейных замков, наконечники шомполов, которые по понятным причинам находят множество европейских аналогий [14. С. 13].

Заметное сходство со столичной обувью обнаруживает обувь, известная по материалам археологических исследований в Тобольске [15. С. 179–186], но в данном случае говорить о прямом влиянии следует также достаточно осторожно. Как пример можно привести находки туфель на невысоком деревянном каблучке, близким аналогом которым является образец из раскопок на ул. Арбат [16. С. 145, ил. 53], или сапоги на наборном кожаном каблучке – близким аналогом являются сапоги, найденные в Москве при раскопках Кадашевской набережной [Там же. С. 46, 153, ил. 69]. Кроме того, согласно исследованиям О.Д. Осипова, к началу XVII в. в Москве получают распространение модели с вытянутыми крыльями головки [Там же. С. 51], что характерно и для тобольской обуви этого времени. Кроме того, для сибирских образцов обуви жестких форм характерно использование на заднике декора из медной проволоки. Как указывает Д.О. Осипов, в конце XVI–XVII вв. в Москве пяточный рант украшали желтой крученой проволокой, изготовленной из свинцово-оловянистого сплава [Там же. С. 65].

Совокупность представленных материалов указывает на наличие тесной экономической и духовной связи г. Тобольска с городами Северо-Восточной Руси. Очевидно, что кроме переселенцев и товаров за Урал проникали и ремесленные традиции, которые оказали заметное влияние на становление и развитие производственной деятельности жителей сибирского города. Оценивая степень такого влияния, можно отметить, что археологические свидетельства влияния центральных земель Московской Руси на жизнь Тобольска выражены гораздо более явно, чем влияние других русских территорий. Это может показаться удивительным с учетом того, что общепризнанным фактом является процесс массового заселения Сибири выходцами из Северной Руси. Известно, что ранее северные земли находились под новгородским влиянием и были присоединены к Москве накануне «сибирского взятия». В связи с этим стоит обратить внимание на такой факт, что хронология древностей, детально разработанная на материалах раскопок Новгорода Великого, часто плохо

применима для русских памятников за Уралом. В научной литературе неоднократно отмечалось, что такие вещи, как, например, гребни, светцы, кресала, навесные замки XVII–XVIII вв. и пр., известные по раскопкам в Сибири, согласно новгородской классификации, уже должны были выйти из употребления к этому времени [17. С. 93–95, 97; 18. С. 80–85]. У этих обстоятельств существуют различные объяснения, но можно, с одной стороны, предположить, что с Русского Севера шла мощная волна крестьянской (и, вероятно, промысловой) колонизации, а в торгово-промышленном отношении Тобольск был теснее связан с землями Северо-Восточной Руси. С другой стороны, сделанные выводы нельзя еще принять как абсолютные. С учетом того, что позднесредневековые археологические памятники как в Европейской России, так и в Сибири изучены еще достаточно неравномерно, следует ожидать значительного уточнения и корректировки известных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
2. Коваль В.Ю. Керамическое производство в центральных районах России в XVII–XIX вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии, Омск, 2011. С. 317–323.
3. Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVII вв. САИ. М., 1968. Вып. Е1-39. 124 с.
4. Коваль В.Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. 2001. № 1. С. 98–109.
5. Кобозева Е.В. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затымском и Загородском посадах // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара. М., 2014. Вып. 10. 370–392.
6. Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Клейма на гончарных сосудах древнего Суздаля (по материалам раскопок на улице Слободской в 2010–2011 гг.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. 2014. Т. 3. С. 124–129.
7. Панченко К.И. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 3. С. 197–204.
8. Нескоров А.В. Тобольские изразцы как исторический источник (к постановке проблемы) // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000.
9. Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: альбом. М., 2000. 136 с.: ил.
10. Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста. Произведение русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М., 2003. 260 с.
11. Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Производство средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978) // Советская археология. 1981. № 3. С. 218–232.
12. Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1971. Вып. Е1-34. 84 с.
13. Из глубины столетий. М.: Музей истории города Москвы, 1998. 64 с.
14. Балунов И.В. Предметы вооружения из культурного слоя города Тобольска // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в Средневековье и в настоящее время. Нижневартовск, 2015. С. 15–17.
15. Балунов И.В. Обувь жестких форм из культурного слоя города Тобольска XVII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2012. Т. 11, вып. 7. С. 179–186.
16. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006. 207 с.
17. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
18. Лобанов Н.А. Некоторые бытовые находки из Пскова // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 195. С. 80–85.

Balyunov Igor V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail balyunoff@mail.ru

THE ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE OF THE INFLUENCE OF THE NORTH-EASTERN RUSSIA ON THE MATERIAL CULTURE OF THE POPULATION OF THE TOWN TOBOLSK THE END OF XVI–XVII CENTURIES.

Keywords: Tobolsk; North-Eastern Russia; material culture; XVII century; the influence.

The town of Tobolsk was founded in 1587; it became the largest center for reclamation of Siberia at the end of the XVI century. Mainly through Tobolsk Russian population gone settling the territory located beyond the Ural Mountains, and in addition, trade routes connected the East and West. It is evident that material culture of the inhabitants of the town was experiencing a variety of indigenous and foreign influences. However, is not always possible to follow it on archaeological material. Traditionally it is considered that the opening up of Siberia was carried out largely by migrants from Northern and North-Eastern Russia, which is supported by the archaeological findings of Tobolsk the end of XVI – XVII centuries. The most widespread material received during the archeological excavations, are fragments of pottery. Their research demonstrates that a high quality dishes were brought to Tobolsk from the central part of the country, for example, irrigation inkwells. Perhaps in the town were the manufactures of ceramics, which shows a number similarities with pottery of the Moscow lands. A particular category of archaeological finds are pottery stamps. Such stamps are represented widely in the

materials of medieval Russia, but in most parts of Russian lands the tradition of marking dishes finished in the XIV century or sometimes recorded in the northeast of Russia in the XV–XVII centuries. According to written sources, the stone construction in Tobolsk was formed immediately under "Moscow" influence. This impact was reflected in the brick and tile manufacturing in the Siberian town. The findings in Tobolsk of copper crosses reveal very accurate analogies with the samples from the European part of the Russia, although probably they were produced by local craftsmen. There are some categories of archaeological findings, which not as evident as the previous ones, indicate a relationship with the lands of the North-Eastern Russia. It is, for example, locks and keys, items of firearms equipment (bullets, parts of locks, ramrod tips), considering that things of similar shape were widely circulating at that time. Shoes from the archaeological excavations in Tobolsk, has a great similarity with the footwear from the capital, but in this case one should talk carefully about the direct influence. The collection of submitted materials indicates the presence of close economic and spiritual ties of Tobolsk with the towns of North-Eastern Russia. It is clear that besides migrants and goods across the Urals penetrated also craft traditions, which had a significant influence on the establishment and development of the productive activities of the residents of the Siberian town.

REFERENCES

1. Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Craft and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
2. Koval, V.Yu. (2011) *Keramicheskoe proizvodstvo v Tsentral'nykh rayonakh Rossii v XVII–XIX vv.* [Ceramic production in the central regions of Russia in the 17th – 19th centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [Russian culture in archaeological research: Interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: Russian State Economic University. pp. 317–323.
3. Rozenfeldt, R.L. (1968) *Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVII vv.* [Moscow ceramic production the 12th – 17th centuries]. Issue E1–39. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
4. Koval, V.Yu. (2001) White clay pottery in medieval Moscow. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 98–109. (In Russian).
5. Kobozeva, E.V. (2014) [Tver pottery marks from excavations of 2007–2011 in Zatmatskom Zagorodsky Posad]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Proc. of the Research Seminar. Moscow. pp. 370–392. (In Russian).
6. Nesmiyan, O.A. & Nesmiyan, V.G. (2014) Kleyma na goncharnykh sosudakh drevnego Suzdalya (po materialam raskopok na ulitse Slobodskoy v 2010–2011 gg.) [Pottery marks on vessels in Ancient Suzdal (based on excavation in Slobodskaya Street in 2010–2011.)]. *Trudy IV (XX) Vse-rossiyskogo arkhologicheskogo s"ezda*. 3. pp. 124–129.
7. Panchenko, K.I. (2007) [Pottery marks of the 12th – 19th centuries on the bottom of ceramic vessels from excavations in Dmitrov]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archeology of Moscow Region]. Proc. of the Research Seminar. Moscow. pp. 197–204. (In Russian).
8. Neskorov, A.V. (2000) [The Tobolsk tiles as a historical source (on the problem)]. *Russkie starozhily* [Russian old-timers]. Proc. of the Third Siberian Symposium. Tobolsk; Omsk. (In Russian).
9. Gnutowa, S.V. & Zotova, E.Ya. (2000) *Kresty, ikony, skladni. Mednoe khudozhestvennoe lit'e XI – nachala XX veka. Iz sobraniya Tsentral'nogo muzeya drevnerusskoy kul'tury i iskusstva imeni Andrey Rubleva* [Crosses, icons, folding icons. Copper art castings of the 11th – early 20th centuries. From the collection of the Central Museum of Ancient Russian Culture and Art named after Andrei Rublev]. Moscow: Interbuk-bizness.
10. Stanyukovich, A.K., Osipov, I.N. & Soloviev, N.M. (2003) *Tysyacheletie kresta. Proizvedenie russkoy khristianskoy metaloplastiki X–XX vekov iz chastnykh sobraniy* [The millennium of the cross. Russian Christian metal artworks of the 10th –20th centuries from private collections]. Moscow: Raritet.
11. Darkevich, V.P. & Putsko, V.G. (1981) *Proizvodstvo srednevekovoy metaloplastiki iz nakhodok v Staroy Ryazani (1970–1978)* [Medieval metal plastic finds in Old Ryazan (1970–1978)]. *Sovetskaya arkhologiya*. 3. pp. 218–232.
12. Nikitin, A.V. (1971) *Russkoe kuznechnoe remeslo XVI–XVII vv.* [Russian blacksmithing in the 16th –17th centuries]. *Arkheologiya SSSR. Svod arkhologicheskikh istochnikov*. Issue E1–34. Moscow.
13. Museum of History of Moscow. (1998) *Iz glubiny stoletiy* [From the depths of centuries]. Moscow: Museum of History of Moscow.
14. Balyunov, I.V. (2015) *Predmety vooruzheniya iz kul'turnogo sloya goroda Tobol'ska* [Armory of the cultural layer of Tobolsk]. In: Solodkin, Ya.G. & Choref, M.M. (eds) *Millerovskie chteniya: finno-ugorskiy mir v drevnosti, v srednevekov'e i v nastoyashchee vremya* [The Miller Readings: The Finno-Ugric world in ancient times, Middle Ages and now]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 15–17.
15. Balyunov, I.V. (2012) *Obuv' zhestkikh form iz kul'turnogo sloya goroda Tobol'ska XVII veka* [The footwear of rigid forms in the cultural layers of Tobolsk in the 17th century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. History and Philology*. 11(7). pp. 179–186.
16. Osipov, D.O. (2006) *Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.* [The footwear in Moscow region in the 12th–18th centuries]. Moscow: Institute of Archeology.
17. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkhologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New archaeological research (2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
18. Lobanov, N.A. (1989) *Nekotorye bytovye nakhodki iz Pskova* [Some household finds from Pskov]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii*. 195. pp. 80–85.

УДК 903.2:339(571.1)(=161.1)
DOI 10.17223/19988613/43/15

Л.В. Татаурова, Ф.С. Татауров

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ XVII–XVIII вв.

На основе археологических материалов XVII–XVIII вв. из сельских комплексов русского населения Омского Прииртышья и опубликованных письменных источников по ассортименту товаров на тобольском рынке XVII в. выявлены товары, поступавшие из Московской Руси и Западной Европы, а также из Средней Азии и Китая. Население деревень покупало на рынке привозные строительные принадлежности, инвентарь для хозяйственных занятий, бытовые предметы, костюмные комплексы. Большинство импортных товаров приобреталось для демонстрации социального статуса их владельцев.

Ключевые слова: русские; Сибирь; торговые отношения; археология.

Присоединение Западной Сибири к Русскому государству способствовало интенсивной интеграции аборигенного населения в торговые отношения с Западом и Востоком. Кроме того, коренные народы были вовлечены в сферу русской внутрисибирской и общероссийской торговли, центрами которой стали города, и прежде всего г. Тобольск, находившийся в XVII в. на перекрестке торговых путей. На его ярмарках продавались русские товары из Московской Руси, западноевропейские, попадавшие в Сибирь транзитом, а также китайские и среднеазиатские [1. С. 105, 106]. Пограничным и перевалочным пунктом торговли с Востоком был г. Тара. Несмотря на то что объемы продаж в г. Таре в XVII–XVIII вв. были невелики [Там же. С. 106], привозные товары широко расходились по окрестным селам. Это находит подтверждение в археологическом материале сельских комплексов – бывших деревень Тарского уезда: Бергамак, Изюк и Ананьино (археологические комплексы Бергамак-I, Изюк-I и Ананьино-I. Муромцевский, Большереченский и Тарский районы Омской области).

К сожалению, мы не имеем возможности сопоставить ассортимент предметов на ярмарках г. Тары с материалами сельских археологических комплексов, и в качестве основания для сравнения используем перечни товаров, ввозимых в XVII в. в г. Тобольск. Это справедливо, так как в описываемый период эти города были схожи по составу проживающего в них населения и военно-административным функциям.

В большей степени в деревнях были востребованы «русские товары», которые в начале – середине XVII в. в Сибири невозможно было пополнить собственным производством. Прежде всего это сельскохозяйственные орудия, оружие, инструменты, а также бытовые вещи, ткани, некоторые виды одежды и др. Однако служилые, составлявшие в XVII–XVIII вв. большую часть населения деревень и имевшие достаточно высокие доходы, приобретали на ярмарках предметы не только хозяйственного назначения.

Ассортимент ввозимых в г. Тобольск в XVII в. русских и восточных товаров изучен О.Н. Вилковым [2].

Конечно, не все представленные в письменных источниках предметы можно зафиксировать археологически. Во-первых, из-за сохранности артефактов. Во-вторых, на рынке сельчанами приобретались только им необходимые товары. В-третьих, не весь спектр предметов остаётся в культурном слое после того, как поселение перестает функционировать. В-четвертых, использование отдельных групп предметов может относиться не только к XVII–XVIII вв.

Рассмотрим в имеющемся археологическом комплексе те категории предметов, которые в XVII в. были исключительно привозными. Прежде всего, это *строительные принадлежности*. Среди археологических находок есть два топора разных типов, тесло, долото, скобель, два вида черты. В таможенных книгах эти изделия представлены в перечне хозяйственно-бытовых и промысловых товаров [2. С. 86]. Тесла и долота поступали на рынок до 1670 г., топоры ввозились на протяжении всего XVII в. Широко в источниках представлены такие строительные принадлежности, как скобы дверные, пробой, крюки, щеколды, «гвозди всякие» [Там же. С. 88]. Все эти предметы в большом количестве присутствуют в археологических материалах. В этом же списке числятся замки всех систем, «оконицы и окончины слюдяные» [Там же]. На поселениях Ананьино и Изюк найдены два навесных замка разных типов, на Ананьино – два ключа к замкам. От «окончин слюдяных» сохранились пластинки светлой (мусковитной) слюды разных форм с отверстиями для сшивки. Слюдяные окна были покупными, и их наличие в жилище зависело от достатка и социального положения владельца жилья [3. С. 307, 309].

Вторым по значимости можно считать инвентарь для *хозяйственных занятий*. К нему относятся найденные на поселениях косы-горбуши, серп, части жерновов для ручных мельниц. Косы-горбуши и серпы ввозились в Сибирь на всем протяжении XVII в. [2. С. 87, 88]. В XVIII в. на смену косам-горбушам пришли косы-литовки, более производительные и удобные в использовании. По определению Н.М. Зинякова, коса-горбуша с поселения Изюк находит аналогии в памятниках Новгородской земли и

Верхнего Поволжья [4. С. 279]. Каменные жернова были предметом русского импорта в Сибирь лишь до 1670 г., затем они исчезают из перечней товаров в таможенных книгах. И.В. Толпеко разработала классификацию предметов, найденных на Изюке и Ананьино, определила пути поступления жерновов в Тарское Прииртышье и характер их использования. По её мнению, постепенное исчезновение ручных жернов из списков изделий, привозимых на ярмарки, свидетельствует об организации их производства в Сибири [5. С. 304–306]. К категории хозяйственных предметов можно отнести удила, рыболовные крючки, которые в перечне товаров названы «уды стерляжки и осетровые». В качестве привозных удила фиксируются лишь до 1670 г.; на описываемых памятниках их находки немногочисленны. «Уды стерляжки» как предмет торговли поступали в большом объеме на Тобольский рынок тоже до 1670 г. Судя по количеству этих снастей, обнаруженных на поселениях Ананьино и Изюк, промысел осетровых имел большое хозяйственное значение [6. С. 200–202].

К наиболее распространенным *бытовым предметам* можно отнести ножи, широко представленные на сельских памятниках Омского Прииртышья. По данным О.Н. Вилкова, ножи поступали на Тобольский рынок до конца 1680-х гг. [2. С. 87]. Привозными в XVII в. были известные по археологическим материалам железные шарнирные ножницы и иглы для шитья. До 1640 г. предметом импорта были железные кресала. К концу XVII и в XVIII в. с развитием местной металлообрабатывающей промышленности эти типы изделий стали производить в ремесленных мастерских г. Тары [7. С. 307]. Вместе с кресалами стоит упомянуть один сопутствующий им предмет торговли – кремни, представленные в большом количестве на поселениях [8. С. 190–198]. В документах с XVII в. и до середины XIX в. упоминается о доставке кремней различных видов в Сибирь и продаже их в больших количествах на разных территориях [9. С. 91; 10. С. 54–55].

В материалах изучаемых поселений представлена фурнитура (петли, ручки, врезной замок, скважины от врезных замков) от сундуков. Вероятно, эти изделия попали в бытовую деревенскую среду в XVIII в., потому что, по данным О.Н. Вилкова, в таможенных книгах сундук фигурирует только один раз в одном экземпляре в документах 1694–1695 гг. [2. С. 94].

Уникальными для деревенской культуры можно считать находки фрагментов от трех стеклянных шаров на памятнике Ананьино-I. Существуют два мнения о функциональном назначении этих предметов: в качестве стеклянных гранат XVII в., по аналогии с находками подобных изделий в Москве [11. С. 41]; вторая точка зрения, на основании находок двух шаров в слое Березовского городища, предложена С.Г. Пархимовичем. Он датирует шары XVIII в. и считает, что это были игрушки-забавы или снаряды для игры, напоминавшей крикет [12. С. 259, 267]. Безусловно, это привозные вещи, по письменным источникам они попадали в

Сибирь и в XVII в., причем в 1639–1640 гг. их поступило 100 штук, а в 1668–1669 – 20 [2. С. 108].

Костюмные комплексы сельского населения Омского Прииртышья в большей степени зависели от рынка, хотя существовало и домашнее производство холста и шерстяного полотна [13. С. 326–332]. По архивным материалам XVII–XVIII вв., в Западную Сибирь ввозилось большое количество тканей русского производства – дешевое сукно (сермяжное, шиптуха, яренга, ярославское), льняной холст, пеньковая пестрядь, набойка и т.д. [2. С. 95–98; 14. С. 142–182, 223–241]. В отличие от городов севера Западной Сибири в ассортименте тканей из Омского Прииртышья присутствует не только западноевропейский, но и восточный текстиль [15. С. 28–36]. Это подтверждается находкой на памятнике Изюк-I в погребальном комплексе фрагментов шелковой ткани (тафты) восточного происхождения – китайской или среднеазиатской [13. С. 326–332]. В составе костюмных комплексов сельского населения Омского Прииртышья была обувь западноевропейских типов (бабуши, мули, туфли на высоком каблуке), купленная на рынке или сшитая ремесленниками по европейским образцам [16]. В одежде, которую сельские жители покупали и шили на заказ, использовали различные виды пуговиц (костяные, металлические, медные со вставками) [17. С. 75–80], которые, как перстни и серьги, фиксируются по материалам археологических исследований и письменным источникам [2. С. 93, 107]. Из Амстердама, Венеции и с Ближнего Востока на рынки Западной Сибири в XVII–XVIII вв. поступали бусы. Основными поставщиками были европейские стеклоделательные центры. Небольшая часть бус, возможно, среднеазиатского или ближневосточного происхождения прибывала с караванами из Средней Азии [11. С. 44].

Среди привозных важное место занимают товары, используемые для демонстрации *социального статуса* их владельца [18. С. 293]. К таким можно отнести вино, употребление которого фиксируется по находкам на всех сельских памятниках Омского Прииртышья фрагментов стенок и дна стеклянных бутылок [6. С. 335. Рис. 88]. Вино в XVII в. везли исключительно из Европейской России, причём цена за ведро превышала 5 рублей [19. С. 105–107]. К концу XVII в. привычным напитком в сибирских городах и селах становится чай; ежегодно крупные партии этого товара ввозились в Тобольск из Китая [20. С. 151]. Одновременно с этим напитком в Сибирь поступает и китайская фарфоровая посуда как атрибут культуры чаепития [18. С. 293, 294]. Фарфор стоил дорого, его цена могла доходить до 2 рублей за предмет [21. С. 56–58]. Фрагменты фарфоровых изделий XVII–XVIII вв., относимые к разным производственным школам, были обнаружены на сельских памятниках Изюк-I, Ананьино-I и Бергамак-I [6. С. 326–327, 332. Рис. 85], при этом стоит отметить, что находок фарфора в г. Таре и г. Тобольске пока не зафиксировано, но он известен в Мангазее.

Наиболее специфичным статусным «предметом» является табак. В XVII в. он нелегально поступал из

Китай, его курение было чрезвычайно модным, особенно в среде служилого населения, несмотря на строгий запрет со стороны государственной власти и церкви [22. С. 118]. Свидетельством курения табака стали головки курительных трубок, обнаруженные на памятниках Изюк-I и Ананьино-I. Стоит отметить, что сами по себе они ценности не представляли, так как изготовлены из кости и глины [6. С. 334. Рис. 87].

На основе проведенного анализа можно заключить, что сельское население, как и жители городов,

уже в XVII в. были включены в сферу внутрисибирской, общероссийской и международной торговли. В XVIII в. в связи с развитием собственного ремесленного производства в Сибири структура рынка изменяется – исчезают многие ранее привозившиеся хозяйственные и бытовые товары. Меняется и ассортимент ввозимых товаров, который пополняется заводскими промышленными изделиями. Вместе с вещевыми комплексами распространяются новые технологии и мода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. 332 с.
2. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М. : Наука, 1967. 324 с.
3. Черная М.П. «Сквозь окошечко косящее... Сквозь стеколку стеклотату» // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 1. С. 307–312.
4. Зиняков Н.М. Чернометаллические изделия поселения Изюк-I. Технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 275–289.
5. Толпек И.В. Жернова в материалах русских памятников Тарского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 1. С. 304–306.
6. Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII вв. (по материалам археологических исследований). Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. 374 с.
7. Зиняков Н.М. Особенности становления русского металлообрабатывающего производства в XVII–XVIII веках в Западной Сибири (на примере материалов Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 305–311.
8. Татаурова Л.В., Толпек И.В. Использование изделий из камня в хозяйственной и бытовой деятельности русских (по материалам комплексов Омского Прииртышья) // Вестник Омского государственного университета. 2010. № 4 (58). С. 190–198.
9. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. Ч. II. 147 с.
10. Кауфман А.О. Ремесло и торговля Кузнецка XVII века (предварительное сообщение по письменным и археологическим источникам) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. Вып. 2. С. 47–60.
11. Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Торговые связи русских переселенцев XVII–XVIII вв. (по находкам стеклянных бус из слоев сельских поселений) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010 № 2 (38). С. 37–45.
12. Пархимович С.Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 1. С. 253–268.
13. Глушкова Т.Н. Ткани XVII в. из русских могильников Изюк-I и Ананьино-I // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Апельсин, 2008. С. 326–333.
14. Лебедева А.А. Крестьянская одежда русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX века. М. : Наука, 1981. 270 с.
15. Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII веков // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2013. Вып. 55, № 12 (303). С. 28–36.
16. Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблучке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2 (в печати).
17. Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Костюм русских сибиряков XVII–XVIII вв. и его социальное значение по данным археологии // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 3. С. 75–84.
18. Татауров Ф.С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магеллан, 2014. Т. 1. С. 293–298.
19. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб. : Авалонъ, 2009. 292 с.
20. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII в. Новосибирск : Наука, 1992. 200 с.
21. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 368 с.
22. Шаповалов А.В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2000. С. 107–121.

Tataurova Larissa V. Omsk branch of Institute of Archaeology and Ethnography of Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia). E-mail: li-sa65@mail.ru; *Tataurov Philipp S.* Omsk University of Design and Technology (Omsk, Russia). E-mail: fil_opossum@mail.ru

THE RUSSIAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN THE SYSTEM OF EURASIAN TRADE RELATIONS OF THE XVII–XVIII CENTURIES.

Keywords: Russian; Siberia; trade relations; archaeology.

The inclusion in the XVII century of Western Siberia in the Russian market contributed to the formation of commercial relations with the East and the West. These relationships involved both Russian and indigenous population. The cities of Tobolsk and Tara became trade centers. Consumers of imported goods were urban and rural population. In the Omsk region by the archaeological methods was studied cultural layers of the old villages of Tara's district: Bergamak, Isuk and Anan'ino. Things complexes of rural sites have shown that many necessary life support items were imported and bought at fairs. The materials of the Tobolsk customs books published by O.N. Vilkov were analyzed to identify a range of imported goods. On the basis of obtained results a comparison of Tobolsk trade fairs goods with archaeological material from the investigated settlements was made. According to archeology among imported goods in the XVII century were building tools: adzes, chisels, drawing knives. Building accessories such as door brackets, breakdowns, hooks, all sorts of nails, mica plates for windows, door locks were also bought. In the XVII century economic and household implements was im-

ported. It was spit-salmon, sickles, millstones for manual mills, horse bits, fishing hooks. Before the XVIII century people bought knives of different types, swivel scissors, fire strikers and rocks for ignition at markets. In the XVIII century own production of those goods established in Siberia. But rocks for ignition had been being imported until the XIX century. Judging by the archaeological materials a lot of imported goods was part of dress complexes of the Western Siberia Russian population. This is fabrics of European, Russian and Eastern production, western shoes, and accessories: necklaces, rings, earrings, and buttons. Imported goods, mostly, were indicators of social status of their owners. These include wine, which consuming was recorded by the finds of glass bottles fragments. Tea imported from China along with porcelain can be considered a status drink. A specific status "thing" was tobacco, which was prohibited in the XVII century. Smoking was evidenced by the findings of pipe heads, made of bone and clay. The study showed that in the XVII century the Russian population was included in the scope of Siberian, national and international trade. In the XVIII century the range of imported goods to Siberia had changed. It was associated with the local production establishment and industrial development.

REFERENCES

- Alferov, S.A. (ed.) (2014) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [The Tara in the 16th – 19th centuries – a Russian fortress on the bank of the Irtysh]. Omsk: Amfora.
- Vilkov, O.N. (1967) *Remeslo i trgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Craft and trade in West Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
- Chernaya, M.P. (2014) "Skroz' okoshechko kosyashchatoe... Skroz' stekolinku stekolchatu" ["Through the jammed window . . . Through the glassy glass]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 307–312.
- Zinyakov, N.M. (2005) Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Izyuk-I. Tekhnologicheskaya kharakteristika [Iron articles in the settlement Izyuk-I. Technological properties]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 275–289.
- Tolpeko, I.V. (2014) Zernova v materialakh russkikh pamyatnikov Tarskogo Priirtysh'ya [Millstones in Russian monuments of the Irtysh near Tara]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 304–306.
- Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tikhomirov, K.N. & Tikhonov, S.S. (2014) *Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – XVIII vekakh (po materialam arkhologicheskikh issledovaniy)* [The adaptation of the Russians in West Siberia in the late 16th – 18th centuries (archaeological research)]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
- Zinyakov, N.M. (2011) Osobennosti stanovleniya russkogo metalloobrabatyvayushchego proizvodstva v XVII–XVIII vekakh v Zapadnoy Sibiri (na primere materialov Tarskogo Priirtysh'ya) [The formation of Russian metal working industry in the 17th – 18th centuries in West Siberia (a case study of materials of the Irtysh near Tara)]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 305–311.
- Tataurova, L.V. & Tolpeko, I.V. (2010) Ispolzovanie izdeliy iz kamnya v khozyaystvennoy i bytovoy deyatel'nosti russkikh (po materialam kompleksov Omskogo Priirtysh'ya) [The use of stone products in the economic and household activities of the Russians (a case study of the Irtysh area near Omsk)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4(58). pp. 190–198.
- Belov, M.I., Ovsyannikov, O.V. & Starkov, V.F. (1981) *Mangazeya: Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodsev XVI – XVII vv.* [Mangazeya: Material culture of Russian polar explorers and sailors of the 16th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
- Kaufman, A.O. (1994) *Remeslo i trgovlya Kuznetska XVII veka (predvaritel'noe soobshchenie po pis'mennym i arkhologicheskim istochnikam)* [Craft and trade in Kuznetsk of the 17th century (a preliminary report on the written and archaeological sources)]. In: Shirin, Yu.V. & Ogurtsov, A.Yu. (eds) *Kuznetskaya starina* [Kuznetsk Old Times]. 2. pp. 47–60.
- Dovgalyuk, N.P. & Tataurov, L.V. (2010) Glass Beads from Russian Villages in the Middle Irtysh Area with Reference to the Trade Links of Russian Settlers in 17th–18th Century Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2(38). pp. 37–45. (In Russian).
- Parkhimovich, S.G. (2014) Detskie igrushki v russkikh poseleniyakh severa Sibiri kontsa XVI – XVIII vv. [Children's toys in the Russian settlements in the north of Siberia of the end XVI - XVIII centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 253–268.
- Glushkova, T.N. (2008) Tkani XVII v. iz russkikh mogil'nikov Izyuk I i Anan'ino I [Fabrics of the 17th century from the Russian cemeteries Izyuk I and Anan'ino I]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Apel'sin. pp. 326–333.
- Lebedeva, A.A. (1981) Krest'yanskaya odezhda russkogo naseleniya Sibiri [Peasant clothes of the Russian population in Siberia]. In: Aleksandrov, V.A. (ed.) *Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri XVII – seredina XIX veka* [Ethnography of the Russian peasantry in Siberia of the 17th - the middle of 19th centuries]. Moscow: Nauka.
- Bogomolov, V.B., Tataurova, L.V. & Kravets, E.V. (2013) A reconstruction of the native costume of Russian inhabitants in Western Siberia (archaeological materials of the 17th –18th centuries). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 55(12). pp. 28–36. (In Russian).
- Tataurova, L.V. & Bogomolov, V.B. (2016) Zhenskie kozhanye tufli na vysokom kabluke XVII–XVIII vv. (po materialam arkhologicheskikh kompleksov russkikh Omskogo Priirtysh'ya) [Women's leather shoes with high heels in the 17th – 18th centuries. (a case study of Russian archaeological complexes in the Irtysh area near Omsk)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 44(2). (In print).
- Tataurova, L.V. & Tataurov, F.S. (2015) Kostyum russkikh sibir'yakov XVII–XVIII vv. i ego sotsial'noe znachenie po dannym arkhologii [The costume of Russian Siberians in the 17th – 18th centuries and its social value according according to archeology]. In: Stepanova, Yu.V. (ed.) *Zhenskaya traditsionnaya kul'tura i kostyum v epokhu Srednevekov'ya i Novoe vremya* [Women's traditional culture and dress in the Middle Ages and Modern Times]. Tver: Tver State University. pp. 75–84.
- Tataurov, F.S. (2014) Sistematizatsiya arkhologicheskikh kollektsey kak instrument dlya vossozdaniya sotsial'nogo oblika russkogo naseleniya Zapadnoy Sibiri kontsa XVI – pervoy poloviny XVIII v. [Systematisation of archaeological collections as a tool to re-create the social image of the Russian population in West Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 293–298.
- Pryzhov, I.G. (2009) *Istoriya khabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda* [The history of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. St. Petersburg: Avalon.
- Lyutsidarskaya, A.A. (1992) *Starozhily Sibiri: Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVII – nachalo XVIII v.* [Siberian old-timers: Historical and ethnographic essays. The 17th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Shapovalov, A.V. (2000) Tabak v Zapadnoy Sibiri v XVII–XVIII vv. [Tobacco in West Siberia in the 17th – 18th centuries]. In: Umbrashko, K.B. (ed.) *Chuzhdoe – chuzhoe – nashe. Nablyudeniya k probleme vzaimodeystviya kul'tur* [Strange – their – our. To the problem of interaction between cultures]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 107–121.

М.П. Чёрная, Н.В. Торощина, И.В. Чернова, А.Г. Торощин

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ГОРОДСКОГО БЫТА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАСТРОЙКЕ ТОМСКА

*Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.19.2016,
выполненного при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.*

В условиях активизации локальной застройки исторической части г. Томска важной и перспективной задачей является создание археологической базы данных, выявленных в ходе раскопок на земельных участках, используемых под строительство. Актуальность таких исследований заключается в возможности проследить динамику застройки, инфраструктуры, разнообразных реалий повседневности исторического города в диапазоне трёх столетий – от XVII до XIX в. В статье представлен опыт интерпретации археологических материалов в совокупности с архивными письменными и картографическими данными.

Ключевые слова: Томск; археология; история; городской быт.

В условиях активизации локальной застройки исторической части г. Томска важной и перспективной задачей является создание археологической базы данных по г. Томску.

В 2015 г. база данных пополнена коллекцией разнообразных изделий обиходного характера, представляющих ценность для характеристики повседневной жизни горожан в малоизученном районе г. Томска – Заозёрье в динамике от XVII–XVIII до XX в. включительно. Заозёрье, «за озером», Заозёрное предместье – территория от р. Томи до Воскресенской горы ближе к реке. «Заозёрье» отделялось от другого исторического района г. Томска «Пески» пересыхающей в межень и периодически затопливаемой протокой р. Томи. В давние времена здесь между Томью и протокой косили сено на заливных лугах. В начале ул. Войкова (ранее Знаменской) основной водоток впадал в Томь, соединяясь с рекой цепью затопливаемых озёр, самое большое из них получило название Сухого. Природные особенности района отражены в топонимах: улица «Набережная озера», переулки «Заозёрный» и «Сухозоёрный». Выше устья протоки в Томь впадал ручей Картас, который являлся одним из стоков этой пересыхающей речной системы, на его левом берегу находился переулочек Картасный [1]. В XIX – начале XX в. здесь существовала паромная переправа «Нижний перевоз» через р. Томь [2].

По преданию, район основан сосланными жителями г. Углича, наказанными за бунт и самосуд при убийстве царевича Дмитрия в 1591 г. [3. С. 52]. Архитектурной доминантой района был каменный храм в честь Знамения Пресвятой Богородицы, построенный в 1789–1810 гг. [4. С. 161–162]. Население района составляло приход этого храма. От храма начиналась одна из центральных улиц предместья – Знаменская, из числа первых улиц района, получивших собственное название. Административно Заозёрное предместье относилось к Сенной полицейской части г. Томска.

Район Заозёрья считался одним из бедных и неблагоустроенных районов Томска, что было обусловлено

его местоположением. Сюда на северную окраину города выносились зловонные производства, связанные с переработкой рыбы, кожи, мыловарением и др. Немощённые улицы, застоявшаяся вода и грязь, недостатки в организации медицинского обслуживания, частые пожары из-за скученности построек делали жизнь в Заозёрье малопривлекательной. Осложняли жизнь и частые наводнения, в период которых район был отрезан от города. Городские власти предпринимали меры для спасения людей, скота, имущества. Дома из-за воды приходилось строить на сваях или каменных подвалах и полуподвалах. В весеннее время единственным средством передвижения для обывателей района были лодки, которые имелись в каждой семье. В целом район считался неудобным для проживания, но дешевым. Во второй половине XIX в. начинается активная застройка района частным малоэтажным жильем. По плану 1872 г. были намечены кварталы, улицы и переулки.

В 2015 г. проводилась археологическая разведка на земельном участке по ул. Войкова, д. 36, на пересечении улицы Войкова (бывшая улица Знаменская) и переулка Картасного [5]. По архивным материалам, в 1885 г. здесь находилась усадьба мещанина Тимофея Алексеевича Кузнецова [6. Л. 6, 7]. В 1885 г. ему был предоставлен проект на строительство одноэтажного дома в северо-восточном углу участка (далее – дом 2) (рис. 1, 1, 2). На плане в юго-восточной части участка отмечен существующий на тот период дом (далее – дом 1). Постройку нового дома Т.А. Кузнецов, скорее всего, осуществил, так как по переписи 1908 г. собственником двух деревянных одноэтажных домов на указанном участке является, вероятно, его сын – Степан Тимофеевич Кузнецов [7. Л. 28–28 об.]. По сведениям на 1915 г., он владел домами по переулку Картасному № 11 и 13 [8. С. 42–43]. Поскольку соседние домовладения остались под теми же номерами, очевидно, что № 13 получил дом 2. Сколько времени просуществовали эти дома, мы не знаем. По данным домоводной книги, начатой в 1948 г., дом по адресу переулок Картасный № 13 располагался на месте

дома 1, а дома 2 уже не было. В 2012 г. оставшийся дом был снесен. Был ли это тот самый дом, который отмечен

на плане 1885 г. как уже существующий, установить сложно, но их месторасположение совпадает.

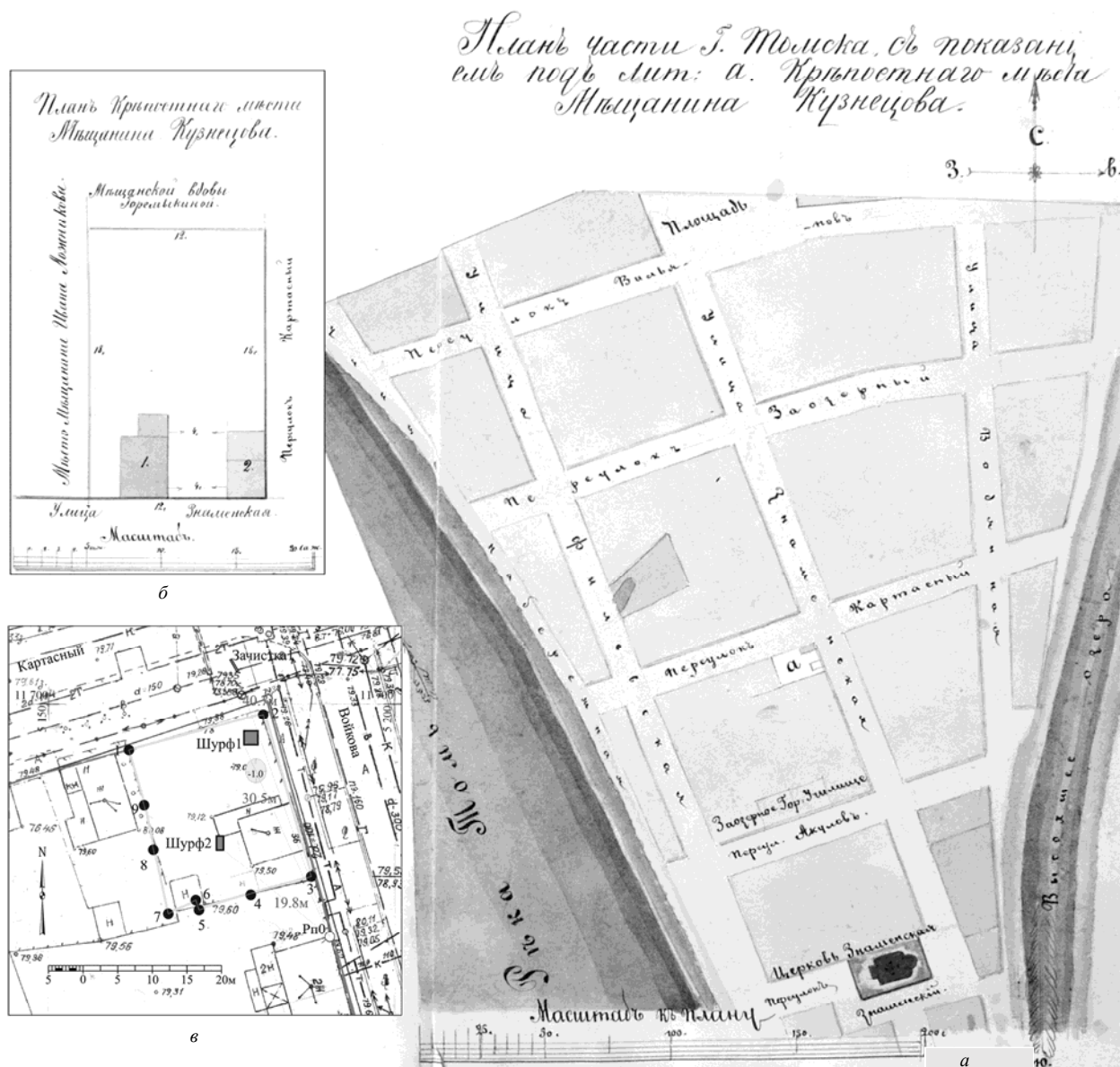

Рис. 1. Границы земельного участка в г. Томске по ул. Войкова, д. 36:
а – план крепостного места мещанина Кузнецова 1885 г.; б – месторасположение земельного участка на плане г. Томска 1885 г.;
в – месторасположение шурфов на топографическом плане г. Томска. Масштаб 1:500

В ходе археологических работ выявлены элементы несущих конструкций в виде столбов или столбовых ям, не связанных в единую систему, деревянные обшивки стен заглубленных объектов, остатки деревянного настила. Ограниченная площадь вскрытия (зачистка и два шурфа общей площадью 6 кв. м) (рис. 1, в) и разрозненность выявленных элементов не позволяют дать их однозначную атрибуцию. Они могут принадлежать как отдельно стоящим объектам, типа погребов «на отлете», так и внутренним частям постройки типа подполья, погреба или заглубленного подклета. Мощность антропогенных напластований достигает 2 м. Ценный культурный слой мощностью от 10 до 120 см залегает на глубине от 80 см до 2 м от

современной дневной поверхности. В шурфе 1 обнаружены фрагмент деревянной постройки с перекрытием из листов жести, остатки печной (?) кладки, подпольного помещения. Находки, датированные концом XIX – началом XX в., соответствуют быту мещанской усадьбы, которая, судя по архивным данным, существовала в данном месте. Интересная коллекция стеклянных изделий представлена осколками вазочек, рюмок, аптечными пузырьками и флаконами, осколками бутылок и штофа. Наиболее примечательны: флакон для масла с надписью «Т 80 Р. КЁЛЕРЪ и К° МОСКВА» с изображением ножной швейной машинки на плоской стороне; парфюмерный флакон с растительным орнаментом и надписью на тулове «А. Ралле

и Ко» Москва» – известной Московской парфюмерной фабрики Ралле (1843–1917); бутылочка с гербовым двуглавым орлом и надписью «Товарищество бр. Мамонтовых» – паевого «Товарищества бр. Н. и А. Мамонтовых», организованного в 1858 г. Собрана представительная подборка днищ и горл от винных бутылей (минимум десять), выполненных в технике свободного дутья. Множественность внутренних пузырьков, ручная формовка венчика горла свидетельствуют о достаточно ранней датировке производства бутылей – не позднее XVIII в. Винная посуда с клеймами «О. З. Т. Г. И. 1868 Г.», предположительно, произведена одним из старейших производителей стекла в Томской губернии – Ольгинским стеклоделательным заводом [9. С. 68].

Керамическая часть коллекции представлена фрагментами посуды разных типов и времени: современные цветочные горшки, кухонная керамика с широким диапазоном бытования (XVII–XIX вв.), чёрнолощеная и мореная, бытовавшая до XIX в. Обращает на себя внимание значительное для небольших объемов раскопок количество чёрнолощеных, мореных фрагментов (предположительно от 38 сосудов). Мореная и чёрнолощеная керамика найдена как в переотложенном состоянии, так и под постройкой – в гумусированном

слое темно-бурого цвета, насыщенном органикой, щепой, строительной крошкой, стеклянными осколками, костями животных. Наличие локальных линз культурного слоя, цвет и состав которого характерны для слоев средневекового города и городских слоев начала Нового времени, а также чёрнолощенной и мореной керамики свидетельствует о возможной сохранности раннего культурного слоя XVII–XVIII вв. на сопредельной с шурфами территории.

Находка фрагментов деревянной лейки в слое XIX в. представляет археолого-этнографический интерес. Тулово лейки, собранное из деревянных клепок, закрепленных стяжкой из прутьев, выполнено по традиционной технологии, носик-слив сделан из сучка, дно усилено металлическим ободом.

Хотя известно, что мешчане часто работали по найму или занимались торговлей, ограниченные объёмы раскопок не позволяют судить о роде занятий хозяев усадьбы: орудия труда, остатки сырья, другие следы ремесленного производства не обнаружены. Однако коллекция разнообразных изделий обиходного характера пополняет археологическую базу данных по истории Томска и представляет ценность для характеристики повседневной жизни горожан в динамике от XVII–XVIII до XX в. включительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. План г. Томска, составленный уездным землемером В. Климовым в 1797 г.
2. Проектированный план губернского города Томска. Составлен в 1872 г. Томск, 1893 г. // Томский областной краеведческий музей. № 10739/66–67.
3. Город. Томская панорама начала XX века. Томск, 2004. 212 с.
4. Православные храмы города Томска. Томск, 2005. 223 с.
5. Торощина Н.В. Отчет об археологических полевых работах в г. Томске в зоне строительства гостиницы по ул. Войкова, д. 36 в 2015 г. // Архив Отдела полевых исследований института Археологии РАН. М., 2016. 115 л.
6. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 614. Л. 6 об., 7а–7г.
7. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 611. Л. 28–28 об.
8. Список улиц г. Томска с поименованием домовладельцев и указанием деления на полицейские, мировые и следственные участки. Томск, 1915. 97 с.
9. Пилецкая Л.В. История стеклоделия в Томском крае в 1920–е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 68–72.

Chernaja Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru; *Toroshchina Natalya V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: natator@mail.ru; *Chernova Irina V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ikar561965@mail.ru; *Toroshchin Alexey G.* LLC "Historical and cultural heritage of Siberia" (Tomsk, Russia). E-mail: alex-torn@mail.ru

EXPERIMENTAL STUDY OF THE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXT OF URBAN LIFESTYLE IN THE MODERN URBAN DEVELOPMENT OF TOMSK.

Keywords: Tomsk; archaeology; history; urban lifestyle.

In the conditions of active local development of the historical part of the Tomsk city, an important and perspective task is to create an archaeological database of information uncovered in the course of excavations at the land plots used for construction. The currency of such research lies in the possibility to follow the dynamics of development, infrastructure, various phenomena of the daily life of a city in the range of three centuries: 17th to 19th. 2015 excavation sites in Zaozerye - a scanty known district from the river Tom' to the Voskresenskaya mountain - enriched the database with a collection of items and ruins of farmstead structures. The article presents experimental interpretation of archaeological materials combined with written archival and cartography data, enabling identification of certain lifestyle features of the Tomsk dwellers in the 17th – 19th centuries. There have been uncovered core construction elements, remains of timber flooring, timber wall siding of subsoil structures. They could belong to standalone structures, such as standalone cellars, or to internal parts of structures, such as underfloor spaces, underfloor cellars or deepened basement. The findings dated from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century, correspond to the lifestyle of a bourgeois home, which existed in that location according to the archives. An interesting collection of glass items, such as fragments of vases, small liqueur glasses, pharmaceutical vials and flasks, fragments of common and shot bottles. There was gathered a representative selection of bottoms and necks of wine bottles produced using the glass blowing technology. The ceramic part of the collection is represented by tableware fragments of various types and time periods: modern flower pots, ceramic kitchenware belonging to a number of lifestyle types, black and stained polished type characteristic for the period before 19th century. The local culture layer lens, which color and contents is characteristic of the Middle Ages – early Modern Age, as well as presence of ceramic items with black and stained polish evidence to the possibility that Zaozerye

preserves an early cultural layer corresponding to the 17th – 18th century. Zaozerye, the northern underurbanized suburb of Tomsk, was a place where crafts were practiced, making use of its closeness to the river Tom. The land was cheap here, which served as incentive for the merchant and bourgeois to settle here. Written sources, mostly paperwork of the city self-government bodies, revealed the construction plan of the farmstead and the names of its owners. The sources discovered cast light on the lifestyle of the Tomsk bourgeois and update the knowledge about this social stratum of the Tomsk city, which has here to before been poorly described in scientific literature.

REFERENCES

1. Klimov, V. (1797) *Plan g. Tomska, sostavlennyy uездным zemlemerom V. Klimovym v 1797 g.* [The plan of Tomsk compiled by the county surveyor V. Klimov in 1797]. [s.l.; s.n.].
2. *Tomsk Regional Museum of Local Lore.* (1893) *Proektirovanny plan gubernskogo goroda Tomska. Sostavlen v 1872 g.* [The designed plan of the provincial city of Tomsk. Composed in 1872]. 10739/66–67. Tomsk: [s.n.].
3. Zdvizhkov, A.V., Nagornov, Yu.P. & Maydanyuk, E. K. (2004) *Gorod. Tomskaya panorama nachala XX veka* [The City. The Tomsk panorama of the early 20th century]. Tomsk: Kursiv.
4. Rybatskii, A. (ed.) *Pravoslavnye khramy goroda Tomska* [The Orthodox churches of Tomsk]. Tomsk: [s.n.].
5. Toroshchina, N.V. (2016) *Otchet ob arkheologicheskikh polevykh rabotakh v g. Tomske v zone stroitel'stva gostinitsy po ul. Voykova, d. 36 v 2015 g.* [An archaeological fieldwork report in Tomsk in the area of hotel construction on 36 Voykov St. in 2015]. *The Archives of the Field Studies Academy of Sciences Institute of Archaeology.* Moscow
6. *The State Archives of Tomsk Region (GATO).* Fund 233. List 2. File 614.
7. *The State Archives of Tomsk Region (GATO).* Fund 233. List 1. File 611.
8. Anon. (1915) *Spisok ulits g. Tomska s poimenovaniem domovladel'tsev i ukazaniem deleniya na politseyskie, mirovye i sledstvennye uchastki* [List of streets in Tomsk with the names of homeowners and division by the police, magistrate and investigation districts]. Tomsk: [s.n.].
9. Piletskaya, L.V. (2014) History of glass-making in Tomsk region in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 384. pp. 68-72. (In Russian).

УДК 391.4
DOI 10.17223/19988613/43/17

Е.Ф. Фурсова

АНАЛИЗ ТИПОВ МУЖСКОЙ ПОЯСНОЙ ОДЕЖДЫ РУССКИХ ЮЖНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: К ВОПРОСУ О ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ КОМПОНЕНТАХ

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 14-28-00045.

Делается попытка проследить истоки формирования трех основных типов мужской поясной одежды русских старожилов и переселенцев конца XIX – начала XX в. на территории Южной Сибири. Особенность авторского подхода заключается в привлечении для исследования не только таких хорошо известных характеристик одежды, как материал, конструкция, терминология, технология, но и принципов формообразования, т.е. последовательности создания форм из плоских деталей кроя путем соединения их вручную. Результаты исследования значительно расширяют имеющиеся представления о сложности этнокультурного состава сибиряков восточнославянского происхождения, соотношении западных и восточных компонентов их традиционной одежды.

Ключевые слова: типы мужской поясной одежды; русские Южной Сибири; западные и восточные компоненты.

Традиционная одежда является одним из важнейших признаков определения этнической принадлежности человека или общности людей. Однако мужская поясная одежда до сих пор мало привлекалась в качестве этнографического источника. Причина видится в относительно раннем влиянии на нее городских унифицированных форм уже в конце XIX – начале XX в.

Мужская поясная одежда русского сельского населения Южной Сибири представлена в музейных собраниях, прежде всего Российского этнографического музея (РЭМ), где сосредоточены ее наиболее ранние образцы. В 1905 г. этнографом и общественным деятелем С.П. Швецовым в Уймонской инородческой Управе Барнаульского уезда Томской губернии были приобретены (тогда еще для Русского Музея) несколько холщевых и «мелестиновых» штанов «на гашниках», среди которых собиратель выделял «бухтарминский тип¹» (Отдел рукописей РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 714. Л. 16–17). Так как работы производились среди уймонских старообрядцев, то осуществлено сравнение с бухтарминским типом штанов, которые, по мнению автора, выглядели таким образом: «Штаны белые холщевые на гашнике с красной выпушкой на прорешке». Уймонские штаны описаны как сшитые из цветных или пестротканых материалов: «Штаны синие мелестиновые с гашником» или «Штаны холщевые домотканые, полосатые, синие» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 714. Л. 16–17). Праздничными названы «штаны мелестиновые» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 714. Л. 17). Из описания следует, что бухтарминские штаны отличались наличием «красной выпушки» (окантовки. – Е.Ф.) кумачом карманов и разрезов. С.П. Швецов называет штанами также плисовую поясную одежду (наряду с «семириками полосками», тиковые), под которыми носили «подштанники», т.е. «обыкновенные холщевые штаны». В таком виде, т.е. в двух штанах, полагалось ходить в церковь.

В описях коллекции исследователей И.И. Барановой и И.И. Шангиной, собранной в 1975 г. у «поляков» в районе р. Убы и Ульбы, вид одежды из «полосатого холста домашнего изготовления» назван «штанами» (Архив РЭМ № 8523–30, опись). Для штанов, привезенных из д. Быструха «в сине-красные полоски с добавлением желтой и зеленой полосок», указана дата изготовления – начало XX в., а для штанов из д. Быково «в сине-красные с белым полоски» – 1924 г. Во всех экземплярах карманы и разрезы обшиты полосками кумача.

Музейные экспонаты и описи, сделанные собирателями коллекций, информативны, однако, в целом, не могут дать полную картину распространения типов одежды, если они не дополняются полевыми экспедиционными материалами. Как представляется, записанные от информантов в 1970-х гг. принципы формообразования мужской одежды конца XIX – начала XX в. предоставляют обильный материал для суждений об истоках этих видов одежды и, в определенной степени, происхождении их носителей².

Штаны со штанинами из прямых и кошеных полотен. Штаны из комбинации прямых и кошеных полотен (по общепринятой классификации «с узким шагом») в изучаемое время были распространены в Сибири повсеместно под названиями *порты*, *штаны*, *подштанники*. Чалдоны называли их еще *кальсонами*, старообрядцы-«поляки» и украинцы – *гачами*. Кошеные штаны «с узким шагом» представлялись Г.С. Масловой общерусскими и рассматривались ею как старинная одежда [1. С. 592]. Конструкция таких штанов несимметрична – раскошенные полотна соединяются *резами*, спускаясь острыми уголками к низу штанин. Судя по информации в научной литературе, штаны подобной конструкции, кроме русских, белорусов и части украинцев, были известны многим земледельческим народам: как соседствующих с Сибирью (коми-пермяки и зыряне) [2. С. 244], так и территориально отдаленных

мест (у народов северо-западной Индии, Китая, Средней Азии XV–XVI вв., корейцев и пр.) [3. С. 17; 4. С. 163; 5. С. 255; 6. С. 61].

Согласно полевым материалам, белые холщевые штаны сибирских старожилов входили в погребальный и повседневный, рабочий комплексы одежды населения, а сшитые из пестряди в полоску или клетку использовались как повседневные и праздничные. Вследствие того, что в конце XIX – начале XX в. российскими переселенцами были завезены неорнаментированные, из однотонных тканей, порты, описанные пестротканые и из белого льна штаны стали выполнять функцию нательного, нижнего белья (обычая носить трусы не было). Однако в некоторых отдаленных районах, например Алтая, самотканые, с *полосой* или *клеткой*, *баские штаны* продолжали бытовать еще и в 20–30-е гг. XX в. Терминологически названия деталей этого типа поясной одежды, записанные нами среди переселенцев из южнорусских губерний, обнаруживают сходство с традициями одежды Юга России («держатся на гачнике», штанины-«сопли» и пр.) (ср., напр.: Орловская губерния) (Архив Русского Географического общества. Р. 27. Оп. 1. № 18. Л. 110).

От центрально-южнорусских переселенцев в ряде районов Южной Сибири были выявлены следующие этапы их изготовления. Сначала крестьянки сшивали три холщевых или пестрядинных полотна швом *встык*, т.е. незаметным для глаз, в результате чего получалась «распашная юбка». Далее среднее полотно разрезали по диагонали, а полученные косины в виде трапеций пришивали поперечными срезами к целым полотнам швом *рубчик*. Наконец, прямые полотна перегибали вдоль по нитям основы, соединяя швом *рубчик* (запощивочный) с косинами. Верхний край штанов подгибали или обшивали поперечной полоской ткани, куда продергивалась завязка-*гачник*. С правого бока прорезали карман, края которого обшивали кумачом или другим, контрастным по цвету, материалом. Для проехи шов оставляли незашитым, также окантовывая его кумачом. Вся конструкция здесь была решена благодаря одному разрезу среднего полотна по диагонали, за счет чего и осуществлялся переход от «распашной юбки» к штанам. Если центральную вставку делали по размерам меньше, чем остальные два полотна, то и штаны в сшитом виде получались более узкими, таким образом, в зависимости от разницы в размерах, мотня (вариант «втоки») получалась выше или ниже. Орнаменты в полоску и клетку в штанах из холщевой домо-тканины, несомненно, несли знаково-символическую нагрузку и, скорее всего, подчинялись закономерностям, наблюдавшимся в женской поясной одежде (сочетания цветов, масштабы и размеры рисунков и пр.).

Из выявленной на основе устных сообщений последовательности формообразования мужских общерусского типа штанов, очевидно, вырисовывается архаическая несшитая поясная одежда, развитие которой привело не к юбке (типа *кильт* у шотландцев, ирланд-

цев, *саронг* у сингалов, *панунг* у сиамцев, *сампонт* у кхмеров и пр.), но, видимо, под внешним влиянием – к закрытой форме в виде штанов [7. С. 49; 8. С. 60, 66]. О связях рассматриваемой конструкции с распашной поясной одеждой говорят также сообщенные информантами факты о вставке мотни из ткани другого цвета [9. С. 90]. Как известно, несшитая поясная одежда сохранилась в южнорусском, украинском, белорусском, болгарском и других комплексах женской одежды народов Восточной Европы [10. С. 47].

Не будет лишним вспомнить также, что русское обозначение штанов словом «порты» в древности означало и полотно, и одежду вообще [11. С. 265]. В пользу относительно позднего их появления в мужском комплексе говорит тот факт, что в русских, белорусских селах в качестве пережиточного явления долго сохранялись обычаи не носить порты в определенных ситуациях, что прослеживается, в том числе, по сибирским этнографическим материалам. По сообщению наших информантов, в конце XIX – начале XX в. не носили портов мальчики до 7–10 лет, а также кое-где старики, которые ходили дома в одних рубашках [12. С. 73]. Таким образом, штаны считались признаком определенных половозрастных групп. На миниатюрах древнерусских летописей, изображениях древнерусских ритуальных браслетов Киева, Старой Рязани XII–XIII вв. князя, послы, священнослужители, гусяры изображены в длинных рубашках без видимой поясной одежды [13. С. 91]. В XVI–XVII вв. штаны или порты в Московии были повседневной одеждой, во всяком случае А. Олеарием они уже упоминались [14. С. 207].

Штаны со штанинами из прямых полотен и клиньев. Судя по данным интервью, вторым по распространенности типом поясной одежды старожилов в Южной Сибири были *чембары* (вариант: *чамбары*), которые надевали при поездках в дальнюю дорогу в город, в лес за дровами. Под названием «чембары» мужская поясная одежда встречается в описи коллекции 1925 г. сбора по р. Убе и Ульбе А.Н. Белослюдова (Архив РЭМ № 5091–10, опись). По всей видимости, «поляки носили их как штаны из домашней тканой материи желтыми, красными, синими полосками». В другой коллекции Белослюдова к «русским-каменщикам» «чамбарами» названы в д. Быково Семипалатинской губернии «штаны белые, холщевые длиной 0,85 м». Далее в описи: «Среднее полотнище, вшиваемое между штанинами, начинается от нижнего края на 0,06 м, посредине, спереди и сзади вырезано в виде треугольников, обшитых красным кумачом...» (Архив РЭМ № 5158–23, опись). Как видим, описание довольно запутанное, реальную конструкцию одежды из такого текста понять практически невозможно.

Согласно полевым этнографическим материалам автора, именно чембары, которые шили из грубого пахесного льна, можно считать типичной чалдонской рабочей одеждой. Чембары имели симметричную конструкцию и состояли из прямых полотен с добавлением

клиньев (*с ластовкой*). Держались на бедрах при помощи кулиски – *на вздержке*. Такие штаны было принято шить просторными, так как в морозные дни в них же заправляли полушубки, что называлось «подчембаться». Чембары были удобны при ходьбе по глубокому снегу, так как штанины натягивали поверх вальной обуви – *тимов*. Несмотря на то что в среде старообрядцев-кержаков отказывались носить шаровары как «неприличную» для христиан одежду, тем не менее, последние охотно использовали чембары в качестве рабочей одежды (информанты-старообрядцы нередко говорили: «одевали только в бор ехать»).

В коллекциях одежды старообрядцев-«поляков» и бухтарминских старообрядцев конца XIX – начала XX в. встречаются штаны описанной симметричной конструкции, орнаментированные вышивками. Так, в коллекции РЭМ хранятся штаны из темно-синего сукна, приобретенные в с. Быково Семипалатинской губернии, о которых собиратель А.Н. Белослюдов писал: «Штаны суконные вышитые синие длиной 0,97 м, на вздержке, на тканом поясе из красной шерсти по серому фону. На подкладке из синей бумажной материи, в штанины вшиты большие клинья, расшитые тамбуром синей, желтой, зеленой, красной шерстью. Орнамент геометрический, растительный и животный. Карманы и разрезы спереди и сзади обшиты кумачом. Сбор 1925 г.» (Архив РЭМ № 5158–24). В Омском государственном историко-краеведческом музее тоже хранятся черные плисовые штаны на подкладке из серого ситца, которые были приобретены А.Е. Новоселовым в 1912–1914 гг.³ Они сшиты из двух полотен 50 см шириной и еще одного, разрезанного на четыре клина. По типу относятся к штанам симметричной конструкции, но в целях экономии материала здесь присутствуют мелкие надставки. Штанины вышиты растительным орнаментом гарусными⁴ нитками красного, желтого и голубого цветов в технике тамбур (ОГИКМ № 3108). В качестве места закупки указана д. Кондратьево Бухтарминской волости Томской губернии – место проживания бухтарминских старообрядцев. Если в быковских чембарах, наряду с растительным орнаментом, присутствуют геометрический и зооморфный со сложными композициями, хорошо известными по предметам женских рукоделий, то одежда из д. Кондратьево вышита растительными узорами восточного типа. Последнее позволяет предположить влияние соседних тюркских народов. Следует заметить, что устные сообщения о вышитых штанах во время полевых работ 1970-х – начала 1980-х гг. в среде старообрядцев Алтая услышать практически не удалось.

Шаровары с широкими прямыми штанинами. Помимо кошеной одежды, населению Южной Сибири были известны штаны из прямых полотен ткани симметричной конструкции (согласно принятой в научной среде классификации «с широким шагом»). Как известно, широкие штаны представляли собой наиболее удобный для верховой езды атрибут костюма у наро-

дов, занимавшихся кочевым скотоводством (например, скифов, сарматов). Современники называли такой вид поясной одежды «персидскими», или «сшитыми штанами» [16. С. 12, 19]. В древности от всадниково-номадов он был заимствован оседлыми земледельцами Средней и Передней Азии, степной части Восточной Европы [17. С. 142].

Архивные сведения свидетельствуют о бытовании у сибирских старожилов широких штанов уже в середине XIX в. В «Этнографических сведениях о с. Камышево Парашевской церкви»⁵ за 1848 г. есть упоминание о ношении летом в праздничные дни «черных верверетовых шаровар» (Архив Русского Географического общества – АРГО. Р. 62. Оп. 1. № 2. Л. 1). Праздничными названы С.П. Швецовым в начале XX в. «шаровары плисовые» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 714. Л. 17). В рукописи В.К. Мультинова (1926), посвященной одежде чалдонов Приангарского края, шаровары указаны как обязательная верхняя одежда поверх подштанников: «Рубаха с широчайшими, нависающими на сапоги шароварами некогда носились в праздники. <...> Теперь этот красивый костюм редко встречается» (Отдел рукописей Российского этнографического музея – ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 18). Приведем описание этого вида одежды, содержащегося в рукописи: «Шаровары – суконные, плисовые, крашенные холщевые (“чтобы издали походили на базарные”), и “шевиотов”, “адреатинов”, кооперативами всучиваемых ангарцам». Автор указал, что окрашивали шаровары «в излюбленный кубовый (синий. – Е.Ф.) цвет». Конструкция штанов такой одежды была прямая, но к 1920-м гг. они уже стали «не особенно широкими» (ОР РЭМ. Ф. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19).

Согласно полевым материалам, подобно переселенцам из украинских земель, сибирские мужчины также наряжались в широкие плисовые или сатиновые *шаровары* с прямыми штанинами, между которыми, при необходимости, вставлялись дополнительные детали. В отличие от городских брюк, шаровары выкраивались с широкими, «как юбки», штанинами и держались на бедрах при помощи кулиски-*ошкура* или резинки.

Таким образом, старинные шаровары были близки по конструкции к «штанам» соседствующих тюркоязычных народов Сибири (татары) [18. С. 58], а также более отдаленных тюркоязычных народов Поволжья, Средней и Передней Азии [6. С. 62]. Такие широкие штаны и название одежды были характерны для восточных славян Среднего Поднепровья (Украина) и донского казачества, представители которого, согласно многим источникам, приняли участие в формировании служилого старожилового населения Западной Сибири (чалдонов) [12. С. 11].

Анализ конструкции и принципов формообразования в традиционной одежде старожилов и переселенцев Южной Сибири, где исторически встретились и переплелись три ветви восточных славян (русские, украинцы и белорусы), проживавшие до этого разобщенно в Евро-

пейской России, дает основание для размышлений об истоках и дальнейших судьбах их культуры. Первый тип кошеной мужской поясной одежды ассиметричной конструкции можно отнести к характерным для русских, отчасти белорусов и украинцев и, в целом, земледельческих народов в Южной и Восточной Азии. Зафиксированный принцип формообразования отражает архаические черты древней одежды в виде распахнутой юбки, хорошо известной в этнографии не только у азиатского (сиамцев, кхмеров и пр.), но и европейского населения (ирландцев, шотландцев). Второй тип штанов симметричной конструкции с клиньями (чембары) можно было

бы считать сибирским изобретением, если бы они не встречались в качестве типичных и у сибирских татар, и далее – у скотоводов-кочевников Средней, Передней Азии. Вышивание штанов этого типа не является характерным для русской традиции, хотя среди орнаментов, наряду с восточными, встречаются типично севернорусские узоры. Шаровары с широкими прямыми штанинами, видимо, попали в Сибирь из западных губерний, будучи перенесенными служилыми людьми с Дона и украинцами. Оригинальность ситуации заключается в том, что эта восточная традиция пришла в суровые сибирские края с запада.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Имеется в виду одежда бухтарминских старообрядцев Алтая, известных также как «каменщики».

² Восточнославянский этнографический отряд (1977–1999), организованный Институтом археологии и этнографии СО РАН (ранее – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР).

³ Коллекция одежды, привезенная А.Е. Новоселовым в 1912–1914 гг. из экспедиции по Змеиногорскому уезду Алтайского горного округа [15. С. 125] (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. № 437. Л. 1).

⁴ Здесь: гарус – шерсть высокого качества.

⁵ Здесь: видимо, в настоящее время Усть-Тарский район Новосибирской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1956. С. 542–800.
2. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 393 с.
3. Маретина С.А. Одежда народов Северо-Западной Индии // Одежда народов Зарубежной Азии: сб. МАЭ. Л.: Наука, 1977. Вып. XXXII. С. 5–25.
4. Ионов Ю.В. Характерные черты одежды корейцев и некоторые вопросы ее развития // Одежда народов Зарубежной Азии: сб. МАЭ. Л.: Наука, 1977. Вып. XXXII. С. 150–168.
5. Решетов А.М. Одежда малых народов Китая // Одежда народов Зарубежной Азии: сб. МАЭ. Л.: Наука, 1977. Вып. XXXII. С. 248–269.
6. Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 49–69.
7. Краснодембская Н.Г. Одежда сингалов (о-в Шри-Ланка) // Одежда народов Зарубежной Азии. Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1977. Вып. XXXII. С. 39–56.
8. Иванова Е.В. Одежда народов Таиланда // Одежда народов Зарубежной Азии: сб. МАЭ. Л.: Наука, 1977. Вып. XXXII. С. 57–79.
9. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 151 с.
10. Николаева Т.А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев: Наукова думка, 1988. 247 с.
11. Маслова Г.С. Одежда // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 259–291.
12. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. 296 с.
13. Рыбаков Б.А. Борьба за сугдальское наследство в 1174–1176 гг. (по миниатюрам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 89–101.
14. Громов Г.Г. Одежда // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 202–218.
15. Захарова Н.А., Иванова О.Г. К истории формирования коллекций ОГИК музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2002. № 9. С. 123–138.
16. Рикман Э.А. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тысячелетия до н.э. – середина I тысячелетия н.э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 7–29.
17. Этнология. М.: Академ. Проспект; Культура, 2005. 624 с.
18. Смирнова Е.Ю. Одежда татар Среднего Прииртышья: этнокультурные связи и контакты. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 112 с.

Fursova Elena F. Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: mfl1@mail.ru

ANALYSIS OF RUSSIAN TYPES OF MEN'S PANTS IN SOUTHERN SIBERIA LATE XIX – EARLY XX CENTURY: THE QUESTION OF THE WESTERN AND EASTERN COMPONENTS.

Keywords: types of men's trousers; Russian southern Siberia; western and eastern components.

Pants of Russian men are still little involved as an ethnographic source because of the early influence on her by urban standardized forms at the end of XIX – early XX century. Source base of the study were field materials of the author, collections of the capital and regional museums, departments of manuscripts and descriptions of clothing collections of the early twentieth century. The article attempts to analyze the origins of the three main types of male waist clothing of Russian old-timers and immigrants of the late XIX – early XX century in South Siberia. The peculiarity of the author's approach is to use for the study not only such well-known features of clothing such as material, design, terminology, technology, but also the principles of formation, i.e. sequence to create forms from flat pieces cut by connecting them by hand. The study results significantly expand the existing ideas about the complexity of ethnic and cultural composition of the Siberians of East Slavic population, a ratio of the western and eastern parts of their traditional clothing. The principle of formation of the first type of pants with asymmetrical design reflects the archaic features of ancient clothing in the form of swing

skirts, well-known in ethnography, not only in Asia (Siamese, Khmer), but amongst the male population of Europe (Irish, Scottish). Pants of this construction, except for Russian, Belarusian and part of the Ukrainians, have been known for many agricultural nations, like neighboring Siberia (the Komi-Permian and Zyrians), and geographically distant locations (among the peoples of the north-western India, China, Central Asia XV–XVI cc., Koreans and others). The second type of pants of symmetrical design with wedges (Chembar) is considered to be typical Siberian tradition, but they were known also among Siberian Tatars, and further – among the nomadic herders in Central, Southwest Asia. These pants were made to sew spacious, as in cold days they ran the garments and trousers pulled over Valen wool shoes (felt boots). Embroidery of the leg of this type is not typical for the Russian tradition, although among the Eastern ornaments typical Northern Russia patterns are found. Wide trousers (bloomers) with wide straight leg, apparently, were brought to Siberia from western provinces by service people from Don, representatives of which, according to many sources, participated in the formation of the service old-timer residents. The old trousers (bloomers) were similar in design to the "pants" of neighboring Turkic peoples of Siberia (Tatars), as well as more distant Turkic-speaking peoples of the Volga region, Central and Southwest Asia. The originality of the situation lies in the fact that the Eastern tradition has come to the severe Siberian region from the west, that is, from Ukrainian territory.

REFERENCES

1. Maslova, G.S. (1956) Narodnaya odezhda russkiy, ukrayntsev i belorusov v XIX – nachale XX vv. [Folk costumes of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – early 20th centuries]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Vostochnoslavianskiy etnograficheskiy sbornik: ocherki narodnoy material'noy kul'tury russkikh, ukrayntsev i belorusov v XIX – nachale XX vv.* [The East Slavic ethnographic collection: Essays on Russian folk material culture of Ukrainians and Belarusians in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 542-800.
2. Belitser, V.N. (1958) *Ocherki po etnografii narodov komi* [Essays on the Komi ethnography]. Moscow: USSR Academy of Science.
3. Maretina, S.A. (1977) Odezhda narodov Severo-Zapadnoy Indii [Clothes of the peoples of North-Western India]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii* [Clothes of the peoples of Foreign Asia]. Leningrad: Nauka. pp. 5-25.
4. Ionova, Yu.V. (1977) Kharakternye cherty odezhdy koreytssev i nekotorye voprosy ee razvitiya [The characteristic features of Korean clothes and some questions of its development]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii* [Clothes of the peoples of Foreign Asia]. Leningrad: Nauka. pp. 150-168.
5. Reshetov, A.M. (1977) Odezhda malykh narodov Kitaya [Clothes of China minor nations]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii* [Clothes of the peoples of Foreign Asia]. Leningrad: Nauka. pp. 248-269.
6. Gorelik, M.V. (1979) Sredneaziatskiy muzhskoy kostyum na miniaturakh XV–XIX vv. [Central Asian men's costume in miniatures of the 15th – 19th centuries]. In: Sukharev, A.O. (ed.) *Kostyum narodov Sredney Azii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [the costume of the peoples in Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 49-69.
7. Krasnodembskaya, N.G. (1977) Odezhda singalov (o-v Shri-Lanka) [Clothes of the Sinhalese (Sri Lanka)]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii* [Clothes of the peoples of Foreign Asia]. Leningrad: Nauka. pp. 39-56.
8. Ivanova, E.V. (1977) Odezhda narodov Tailanda [The clothes of the Thai peoples]. In: Reshetov, A.M. (ed.) *Odezhda narodov Zarubezhnoy Azii* [Clothes of the peoples of Foreign Asia]. Leningrad: Nauka. pp. 57-79.
9. Fursova, E.F. (1997) *Traditsionnaya odezhda russkikh krest'yan-starozhilov Verkhnego Priob'ya* [Traditional clothes of the Russian peasants - old residents of the Upper Ob]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
10. Nikolaeva, T.A. (1988) *Ukrainskaya narodnaya odezhda. Srednee Podneprov'e* [Ukrainian national clothes. The Middle Dnieper]. Kiev: Naukova dumka.
11. Maslova, G.S. (1987) Odezhda [Clothing]. In: Bromley, Yu.V. (ed.) *Etnografiya vostochnykh slavyan. Ocherki traditsionnoy kul'tury* [Ethnography of East Slavs. Sketches of traditional culture]. Moscow: Nauka. pp. 259-291.
12. Fursova, E.F. (2015) *Traditsionnaya odezhda russkogo i drugikh vostochnoslavianskikh narodov yuga Zapadnoy Sibiri* [Traditional clothes of Russian and other East Slavic peoples of the south of Western Siberia]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
13. Rybakov, B.A. (1976) Bor'ba za suzda'skoe nasledstvo v 1174–1176 gg. (po miniaturam Radzivilovskoy letopisi) [The fight for Suzdal inheritance in 1174–1176 (by the miniatures of the Radzivil Chronicle)]. In: Vagner, G.K., Likhachev, D.S. & Rappoport, P. A. (eds) *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Russia]. Moscow: Nauka. pp. 89-101.
14. Gromov, G.G. (1979) Odezhda [Clothing]. In: Sakharov, A.M., Artsikhovskiy, A.V., Leontiev, A.K. & Epifanov, P.P. (eds) *Ocherki russkoy kul'tury XVII veka* [Sketches of Russian culture of the 17th century]. Moscow. pp. 202-218.
15. Zakharova, N.A. & Ivanova, O.G. (2002) K istorii formirovaniya kollektsiy OGIK muzeya [On the history of the formation of Omsk State Historical and Regional Museum Collection]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 9. pp. 123-138.
16. Rikman, E.A. (1986) Odezhda narodov Vostochnoy Evropy v rannem zheleznom veke. Skify, sarmaty i geto-daki (seredina I tysyacheletiya do n.e. – sredina I tysyacheletiya n.e.) [Clothes of the peoples of East Europe in the early Iron Age. Scythians, Sarmatians and the Geto-Dacians (the mid 1st millennium BC – the mid 1st millennium AD)]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnyaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient clothes of East European peoples]. Moscow: Nauka. pp. 7-29.
17. Miskova, E.V., Mekhedov, N.L. & Pimenov, V.V. (eds) *Etnologiya* [Ethnology]. Moscow: Akademicheskii Prospekt.
18. Smirnova, E.Yu. (2004) *Odezhda tatar Srednego Priirtysh'ya: etnokul'turnye svyazi i kontakty* [Clothes of the Middle Irtysh Tatars: Ethno-cultural ties and contacts]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.

Е.А. Пивнева

ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ «ЭТНОВОССТАНОВЛЕНИЯ» У НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО ОБСКО-УГОРСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Историческое наследие Евразии и его современные смыслы».

На примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры исследуются современные институты и практики, производящие и поддерживающие этническую идентичность коренных малочисленных народов Севера (ханты и манси). Рассматриваются новые проявления этничности в качестве «товара» или «услуги». Обсуждаются вопросы о традиционных отраслях хозяйства и языке как факторах этнической идентичности. Делается вывод о том, что современные адаптационные стратегии аборигенов, связанные с этничностью, детерминированы политикой государственных органов. Вместе с тем, в отличие от советского периода, специфические практики «этностроительства» в современной России являются проявлением активности самих аборигенов.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; обские угры (ханты и манси); этническое возрождение; общественные организации; этнокультурные институты и практики.

В конце 1980-х гг. на фоне общей общественно-политической либерализации в стране коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС) были вовлечены в процессы «этнического возрождения», идейной базой которого стали призывы местной интеллигенции к поиску исторических корней, к ревитализации этнических культур и традиций. С тех пор проблемы, связанные с использованием этничности на социально-политической арене, не потеряли свою актуальность. Осмысление этих процессов важно как для социальной практики, так и с сугубо академической точки зрения. Каковы формы и механизмы, поддерживающие в условиях унификации жизни социокультурную дифференциацию локальных сообществ (этнические границы)? На чем они основаны? Как этничность превращается в ресурс и каким образом он используется? Как складываются отношения с властными структурами в деле «этностроительства»? Эти и другие вопросы находятся в числе актуальных исследовательских проблем этнологии/социально-культурной антропологии. В «этническом ренессансе» («этническом возрождении») видят средство борьбы за обладание материальными преимуществами [1. С. 91] и свидетельство поиска новых основ своей идентичности в условиях меняющегося мира [2, 3 и др.].

Цель данной статьи – на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО) рассмотреть некоторые социальные институты и практики, поддерживающие и производящие этническую идентичность коренных малочисленных народов (ханты и манси). Источником информации послужили полевые материалы автора, научная литература и публикации в СМИ.

Важной исходной методологической посылкой в контексте настоящего исследования является содержащееся в ряде научных публикаций положение о причастности государства, а также ученых к процессу «этнообразования» [4]. В прошлом теория этногенеза за-

частую становилась и его практикой. «Номенклатура малых народов сложилась из реальной этнографии, но с вкраплением политических и персональных предпочтений», – пишет А.В. Головнев [5. С. 3–12]. Отличие современной ситуации заключается в том, что теорией и практикой своего «этногенеза» занялись сами эти народы. Именно этот аспект происходящих сегодня в северных регионах социокультурных процессов находится в фокусе внимания автора.

В ХМАО начало процессов «этнического возрождения» связано с созданием общественной организации «Спасение Югры», нацеленной в своих действиях на консолидацию проживающих там аборигенов («коренная Югра»), сохранение этнической самобытности, языка и культуры этих народов. Первый президент ассоциации (ныне – депутат госдумы ХМАО–Югры) Т.С. Гоголева в присущей ей образной манере так вспоминает о начальном этапе этого общественного движения: «Все народы в 90-х гг. XX в. потянулись к своим корням, к истокам народной коллективной памяти. К чистому и надежному источнику. Научить хантов и манси быть самими собой – так бы я сформулировала основную задачу общественной организации “Спасение Югры”, родившейся 11 августа 1989 г. И с первых шагов практической деятельности организации – забота о том, как пробудить интерес и приобщить семью к восстановлению традиционных ценностей, как укрепить уважение к самим себе, приобщить к своей культуре детей и юношество» [6. С. 34].

В настоящее время в округе существует целая сеть общественных организаций, целью которых провозглашается развитие экономики и культуры этих народов. Наряду с ассоциацией «Спасение Югры» к ним относятся «Союз общин коренных малочисленных народов Севера», «Союз оленеводов-частников», «Союз мастеров традиционных народных промыслов», «Совет старейшин», «Молодежная организация обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа».

В округе появился также ряд новых государственных структур, занимающихся вопросами коренных малочисленных народов Севера (Институт прикладных исследований и разработок, Югорский государственный университет, Театр обско-угорских народов и др.). Многие актуальные вопросы современной жизни обских угров находят отражение на страницах газет «Ханты ясанг» (на хантыйском языке) и «Луима сэрипос» (на мансийском языке), в репортажах государственной телевизионной и радиовещательной компании «Югория». «Наличие таких государственных учреждений, где работают состоявшиеся люди из среды наших народов, несомненно, оказывает влияние на то, что число всевозможных инициатив в городе растет. Все это формы поддержания нашего единения», – считает Т.С. Гоголева [7].

Особо следует сказать об Ассамблее коренных малочисленных народов Севера – специальном институте представительства интересов этих народов в окружной Думе. Ее деятельность содействует прохождению региональных законов, касающихся положения коренных малочисленных народов Севера, финансированию различных программ по их социально-экономическому развитию, грантовой поддержке этноориентированных проектов (подробнее см.: [8. С. 143–153]). Необходимо заметить, что особые права и социальные преференции способствуют формированию в обществе аборигенов так называемой правовой (статусной, списочной) идентичности. «Для некоторых из них, особенно теряющих свои права на природные ресурсы в ходе промышленного освоения, именно правовой статус становится единственным определяющим фактором этнической идентичности. При этом для некоторых <...> этнонимы, за которыми скрывается особая культура, теряют свое значение» [9. С. 385]. Вместе с тем в различных слоях аборигенного сообщества продолжается поиск базовых основ своей этнической идентичности.

Существует устойчивое мнение о тесной связи самобытной этнической культуры коренных малочисленных народов Севера с традиционными видами хозяйственной деятельности, связанными с природой. Для хозяйства коренных народов Северного Приобья в конце XIX – начале XX в. были характерны комплексные формы природопользования, сочетавшие охоту, рыболовство, животноводство (в форме оленеводства и скотоводства). За ними и сегодня в округе признана роль «этнообразующих» и «этносохраняющих». Мероприятия «по обеспечению защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов КМНС» осуществляет Управление традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, которое является структурным подразделением Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В округе получили государственную поддержку проекты, способствующие развитию традиционной хозяйственной деятельности (се-

верное оленеводство, сбор дикоросов, рыболовства и охотпромысел. Особое значение придается развитию частного оленеводства (в частности, предусмотрено обеспечение оленями тех, кто имеет определенный опыт работы в данной отрасли). В качестве примера можно привести инициированный Т.С. Гоголевой проект с поэтичным названием «Новый Олений дом», который призван вернуть оленеводство в мансийские семьи, живущие в предгорье Северного Урала.

Примечательно, что в последние годы в ХМАО увеличивается число организаций, желающих заниматься традиционной хозяйственной деятельностью. Так, в 2010 г. в округе было зарегистрировано 58 такого рода организаций с общей численностью работающих 1 301 чел., в 2015 г. – уже 100 организаций и 1 633 чел. В качестве целей своей деятельности они декларируют «сохранение, развитие и популяризацию традиционных видов деятельности, промыслов, самобытной культуры обских угров». Кроме реализации продукции традиционной хозяйственной деятельности (дикоросы, пушнина, мясо диких животных, боровой дичи), они занимаются организацией мероприятий этнокультурного характера, в том числе национальных праздников, предоставлением туристических услуг (организация рыбалки и охоты, иных досуговых мероприятий) и пр.

В последние годы большое внимание в округе уделяется развитию этнотуризма. Специалисты продумывают возможность вовлечения коренного населения в эколого-этнографическую туристическую деятельность; на различных конференциях обсуждают темы организации туристического бизнеса, создания турпродукта этнографической направленности, основ «электронной коммерции». На проходящих в Ханты-Мансийске ежегодных выставках «Югра-Тур» значительная часть экспозиций принадлежит представителям национальных общин, которые активно участвуют в развитии туриндустрии округа: приглашают гостей на стойбища, создают сувенирную продукцию и готовят местные деликатесы. Кедровые орехи, муксун и одежда с этническим орнаментом – эти товары хорошо известны и за пределами ХМАО и являются неотъемлемой частью туристического бренда Югры. В округе регулярно проводится фестиваль ремесел финно-угорских народов. Художественные традиции хантов и манси служат источником вдохновения при создании разнообразных образцов сувенирной продукции. При этом наряду с аутентичными появляются все новые и новые формы с использованием северных мотивов: чехлы для телефонов, магнитные наклейки для холодильников, брелоки для ключей, зажигалки и пр.

Таким образом, в современном обществе, в котором потребление становится новой идеологией, этничность коренных малочисленных народов Севера начинает проявляться в принципиально новом качестве – образы и символы этнической культуры используются как ресурс для достижения экономических целей, становясь

неотъемлемой составляющей «продукта», «товара» или «услуги».

Полевые материалы показывают, что часть аборигенов (прежде всего представители среднего и старшего возраста) ориентирована на традиционные виды деятельности, для них отсутствие возможности рыбачить, охотиться, пасти оленей означает потерю традиционного образа жизни. Однако реалии сегодняшнего дня (прежде всего – промышленное освоение края) делают неизбежной миграцию коренных жителей в города и их переход на новые формы занятости. Лишь малая часть современных хантов и манси продолжает вести традиционное хозяйство (оленоводство, рыболовство, охота), с которым связывают сохранение этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов Севера. В настоящее время в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, как указано в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (утверждена Постановлением Правительства ХМАО – Югры от 27 мая 2011 г. № 138-п), проживают 30 894 человека из числа коренных малочисленных народов Севера, из них традиционный образ жизни в границах территорий традиционного природопользования ведут только около 3 тыс. чел.

Сегодня мнение о том, что этническая самобытность северян прежде всего должна реализовываться в традиционных формах хозяйствования, соседствует с пониманием невозможности обеспечения в современном мире приемлемых условий существования только на базе традиционной модели: «Сейчас прямую связь между сохранением культуры и занятиями традиционными отраслями хозяйства уже вряд ли можно проследить <...>. Вряд ли они могут служить базой для воспроизводства этничности. Деятельность такая только подспорьем может быть. На самом деле можно сохранять через другие формы – образование в первую очередь» [7].

Одна из попыток «этновосстановления» через образование – экспериментальная культур-антропологическая школа в с. Казым, которая просуществовала с 1991 по 1998 г. В дальнейшем некоторые идеи и разработки этой школы легли в основу других проектов. Своеобразной формой приобщения подрастающего поколения к этнической культуре обских угров и «погружения в языковую среду» стали так называемые этнические стойбища, совмещающие летний отдых детей с познавательной деятельностью. Первый такой центр «Мань Ускве» («Маленький городок») был организован в 1994 г. на территории Березовского района по инициативе ассоциации «Спасение Югры», Березовского научного фольклорного фонда манси и этнографического центра «Саранпауль» для «укоренения детей в родной культуре», а также «знакомства с культурами родственных финно-угорских народов».

Следует заметить, что международному сотрудничеству, особенно с родственными финно-угорскими народами, в деле «этновосстановления» придется осо-

бое значение. «Думаю, что в этом великая мудрость родственной финно-угорской семьи, поставившей задачу – сосредоточить усилия самих обских угров, региональной власти на сохранении и развитии ключевых символов этничности: исконной культуре и родных языках. Нам дан шанс приостановить и предотвратить печальную тенденцию по их утрате» [6. С. 40].

Этнические языки в условиях «асимметричного взаимодействия» утрачивают свою функциональную роль, поскольку вытесняются не только из производственной сферы, но и из бытового общения. Сегодня абсолютное большинство представителей обско-угорских народов свободно владеет русским языком. В ходе переписи 2010 г. из 18 801 проживающего в ХМАО ханты (это число включает только указавших владение языками), владеющего хантыйским языком, оказалось 3 268 чел., русским – 18 757 чел. В числе 10 969 манси, владеющих мансийским, – 682 чел., русским – 10 966 чел. [10]. Язык сегодня не может служить объективным критерием, на основе которого проводятся границы между этническими группами. Однако для этнической идентификации он имеет зачастую символическое значение, как субъективное представление, идея, на основе которой индивид ассоциирует себя с этнической, языковой группой [11].

Для постсоветской политики идентичности характерно продолжение деятельности государственных учреждений и организаций культуры, которые, как в советское время, ориентированы на поддержку художественной самодеятельности и народного художественного творчества. Вопросы, относящиеся к сфере культуры коренных народов Севера, находятся в ведении Департамента культуры ХМАО. Для сохранения и воспроизводства народных традиций в г. Ханты-Мансийск создан Центр культуры и искусства народов Севера с филиалами. Регулярно проводятся «этнические» слеты, выставки-показы национальной одежды, спортивные состязания по северным видам спорта. Реализация этнокультурных проектов происходит при государственной поддержке в форме грантов (их финансирование предусмотрено в целевых программах автономного округа). За счет грантов издаются диски с песнями на родных языках обских угров, создаются мультфильмы, восстанавливаются и фиксируются традиционные технологии и пр. Для популяризации идей этники широко используются современные интернет-технологии.

В последние годы большое значение придается реконструкции народных праздников, среди которых у обских угров особое место занимают «Медвежьи игрища»: «В народе всегда понимали: сохраняются Медвежьи игрища – сохраняется культура» [6. С. 31]. В 2010 г. «Медвежьи игрища» вошли в число главных победителей международного конкурса «Семь чудес финно-угорского мира», который прошел на базе сайта Инфоцентра FINUGOR. А в 2016 г. этнографический музей под открытым небом «Торум маа» приступил к

реализации сетевого культурно-образовательного проекта «Этноакадемия обских угров» с целью создания обучающих центров для возрождения этой обрядовой традиции. В рамках проекта проходит организация обучения по программе наставничества «Мастер – ученик». В настоящее время в округе обсуждается вопрос о включении «Медвежьих игрищ» в список шедевров нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. Таким образом, события прошлого посредством традиции включаются в обстановку настоящего. Происходит поиск ритуалов, церемоний, которые связывают группу с прошлым, а также нацелены на «рутинизацию» новых обрядов. Эти процессы хорошо вписываются в концепт «изобретения традиций» – новое время с его стремительными изменениями нуждается в найденных в прошлом ориентирах [12].

Поскольку многое в сфере этнической культуры уже утрачено, большое внимание уделяется реконструкции традиционных элементов культуры на основе имеющихся этнографических публикаций и новых материалов, полученных в среде «носителей традиций». Плодотворную работу в этом направлении ведут исследователи из числа

самых хантов и манси, которые взяли на себя задачу изучения собственной этнической культуры. Их профессиональная деятельность стала новым мощным фактором конструирования этнической самоидентификации.

Исходя из вышесказанного можно отметить, что на постсоветском пространстве историко-культурное наследие коренных малочисленных народов Севера стало мощным фактором этнической мобилизации, превратилось в важный экономический и политический ресурс. Адаптационные стратегии аборигенов, связанные с этничностью, детерминированы политической государственными органами. Вместе с тем, в отличие от советского периода, в котором этничность КМНС конструировалась преимущественно с помощью государства, в современной России специфические практики «этностроительства» являются проявлением активности самих аборигенов, которая не в последнюю очередь связана с мировым движением коренных народов. Доминирование публичных каналов трансляции этничности говорит о том, что этническая культура сегодня воспроизводится в новых формах, в основном усилиями профессионалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 89–112.
2. В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / отв. ред. Е.А. Пивнева, Д.А. Функ. М.: Наука, 2005. 216 с.
3. Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011. 670 с.
4. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2005. Вып. 11. С. 144–167.
5. Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.
6. Гоголева Т.С. О ценностях коренной Югры. Статьи, исследования, размышления: сборник материалов по вопросам коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 52 с.
7. Полевые материалы автора. г. Ханты-Мансийск, 2010 г.
8. Айпин Е.Д. О некоторых аспектах социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М.: Изд-во Совета Федерации, 2013. С. 143–153.
9. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 2101 с.
11. Хабенская Е.О. «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1 (9). URL: www.kazanfed.ru, свободный.
12. Уроки истории. XX век. URL: <http://urokiistorii.ru/media/book/1208>, свободный.

Pivneva Elena A. The Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: pivnel@mail.ru

INSTITUTIONS AND PRACTICES OF “ETHNO RECOVERY” AMONG THE PEOPLES OF WESTERN SIBERIA (BASED ON THE OB-UGRIC MATERIALS).

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug; Ob Ugrians (Khanty and Mansi); ethnic revival; public organizations; ethnic and cultural institutions and practices.

The article based on the author's field materials, scientific literature and media publications on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra studies modern institutions and practices, producing and maintaining ethnic identity of Numerically Small Indigenous peoples living there (Khanty and Mansi). What are the forms and mechanisms of social and cultural differentiation of local communities? How does ethnicity turn into a resource and how is it used? These and other questions are the focus of author. At the end of the 1980s, against the background of the general public and political liberalization in the country, the indigenous peoples of the North were involved in the processes of "ethnic revival", the ideological base of which were the local intellectuals' calls to search for historical roots and to the revitalization of ethnic cultures and traditions. In the case of "ethno recovery" historical and cultural heritage of the indigenous peoples acquired great importance and has become a powerful factor in ethnic mobilization. The study showed that in modern society where consumption becomes a new ideology, indigenous peoples of the North ethnicity begins manifesting itself in a fundamentally new quality – the traditional images and cultural symbols are used as a resource to achieve the economic goals, becoming an integral part of "product", "goods" or "services". Currently the opinion that the ethnic identity of the northerners must first of all be implemented in traditional forms of management adjoins in the public and scientific discourse with understanding that acceptable social existence which is based only on traditional model is impossible. Great role in the "ethnic recovery" is given to Education and Science. The author makes the conclusion that modern Aboriginal adaptation strategies related to ethnicity are determined with public authorities' policy. However, in contrast to the Soviet period, the specific practices of "Ethnoconstruction" in modern Russia are manifestation of the activity of the aborigines themselves, which is at least connected with the international movement of indigenous peoples. The domi-

nance of public broadcasting channels ethnicity suggests that ethnic culture today is reproduced in new forms, mainly through the efforts of professionals.

REFERENCES

1. Ivanov, A.M. (1994) Etnopoliticheskaya situatsiya v respublike Sakha (Yakutiya) [The ethno-political situation in the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: Sokolova, Z.P. (ed.) *Narody Severa i Sibiri v usloviyakh ekonomicheskikh reform i demokraticheskikh preobrazovaniy* [North and Siberian peoples in terms of economic reforms and democratic change]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology. pp. 89-112.
2. Pivneva, E.A. & Funk, D.A. (eds) (2005) *V poiskakh sebya: Narody Severa i Sibiri v postsovetsskikh transformatsiyakh* [In search of self: The Arctic and Siberia in the post-Soviet transformation]. Moscow: Nauka.
3. Guboglo, M.N. & Dubova, N.A. (eds) (2011) *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V.A. Tishkova* [The phenomenon of identity in contemporary humanities: The 70th anniversary of Academician V.A. Tishkov]. Moscow: Nauka.
4. Sokolovskiy, S.V. (2005) Institutions and practices of ethnicity construction. In: Piskoppel, A.A., Rokityansky, V.R. & Shchedrobitsky, L.P. (eds) *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethnomethodology: problems, approaches, concepts]. Moscow: RAS. pp. 144-167.
5. Golovnev, A.V. (2012) Etnichnost': ustoychivost' i izmenchivost' (opyt Severa) [Ethnicity: stability and variability (the experience of the North)]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2. pp. 3-12.
6. Gogoleva, T.S. (2007) *O tsennostyakh korennoy Yugry. Stat'i, issledovaniya, razmyshleniya: Sbornik materialov po voprosam korennykh malochislennykh narodov Severa* [On the values of the indigenous Yugra. Papers, studies, reflections: A collection of materials on indigenous peoples]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist.
7. Pivneva, E.A. (2010) *Polevyye materialy* [The field materials]. Khanty-Mansiysk: [s.n.].
8. Aypin, E.D. (2013) O nekotorykh aspektakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya korennykh malochislennykh narodakh Severa v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre [Some aspects of the socio-economic development of indigenous peoples in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra]. In: Khorolya, D.O. (ed.) *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii* [Current status and the development of the indigenous peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation]. Moscow: Federation Council. pp. 143-153.
9. Novikova, N.I. (2014) *Okhotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oilers: Research in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
10. The State statistics Committee. (2012) *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010* [The results of the national census of 2010]. Vol. 4. Moscow: Statistika Rossii.
11. Khabenskaya, E.O. (2004) "Rodnoy yazyk" kak etnicheskii simvol [The mother tongue as an ethnic symbol]. *Kazanskiy federalist – Kazan Federalist*. 1(9). [Online] Available from: www.kazanfed.ru.
12. Kolyagina, N. (2010) *Izobretenie traditsii» pod redaktsiey Erika Khobsbauma i Terensa Reyndzhera* ["The invention of tradition" edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger]. [Online] Available from: <http://urokiistorii.ru/media/book/1208>.

УДК 39:304.44(=112.2)(571.1)
DOI 10.17223/19988613/43/19

О.М. Рындина

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПО РОССИЙСКИМ НЕМЦАМ НАРЫМСКОГО КРАЯ)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.*

На основе полевых этнографических материалов, собранных в 2013–2016 гг. в Александровском, Парабельском и Колпашевском районах Томской области, рассматривается проблема трансформации культуры российских немцев в условиях депортации. Делается вывод о её хронологически разных уровнях. В 1940-е гг. она преследовала цель физического выживания этнического сообщества, шла в рамках культуры этноса и во многом опиралась на нетрадиционные способы. В 1950-е гг. охватила сферу этнической культуры и сопровождалась возрождением её отдельных элементов.

Ключевые слова: российские немцы; депортация; Нарымский край; адаптация; этническая культура.

Основатель адаптационно-деятельностного подхода к культуре Э.С. Маркарян её исходной и предпосылочной функцией определил адаптивную, направленную на сохранение живых систем безотносительно к уровню их организации [1. С. 36]. При этом исследователь ввёл понятие «исторически данной культуры» как исторически выработанного способа существования, благодаря которому возникает культурное многообразие человечества. Одной из наиболее устойчивых форм этого многообразия им определяется этническая культура [2. С. 40, 47]. Детализация сопряжённых понятий привела к разграничению «этнической культуры», вбирающей в себя «индивидуальное, своеобразное сочетание различных элементов культуры», и «культуры этноса» как совокупности способов жизнедеятельности, которые обеспечивают функционирование этноса как социального организма и лишены неповторимости и своеобразия [3. С. 53]. Проблема соотношения указанных сфер культуры требует учёта социально-политического контекста как важнейшего фактора сохранения либо нивелирования этнокультурного своеобразия. Данное положение в полной мере применимо к трансформации этнической культуры российских немцев в условиях депортации.

Одним из мест, куда направляли переселенцев из Республики немцев Поволжья и Украины, стал образованный в мае 1932 г. Нарымский округ, который включал территорию семи современных северных районов Томской области. Миграционный поток состоял из нескольких волн разной интенсивности. На 1930-е гг. приходится выселение сюда «кулаков» и «врагов народа». На осень 1942 г. пришлось вторичная депортация немцев для обеспечения рабочими руками лесной и рыбной отраслей хозяйства. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край было вывезено 15 тысяч человек [4. С. 433]. Они и составили основу немецкой диаспоры, сформировавшейся на территории края. Незначительно пополнили её численность лица, попавшие под репатриацию.

Легитимизированный механизм депортации включал в себя меры по обеспечению переселенцев жильём, пищей, работой. На деле всё, кроме работы, было отдано на откуп самим переселенцам, которые оказались на грани физического выживания, поскольку хлебного пайка, продуктов и зарплаты, выдаваемых соответственно на лесозаготовках, в колхозах и на рубзаводах, катастрофически не хватало. Особенно тяжёлым стало время с осени 1942 по осень 1943 г., пока не созрел первый урожай картошки на посаженных переселенцами огородах. В экстремальных условиях на первый план вышла «предпосылочная» функция культуры – функция физического выживания этнической общности.

При этом задействованными оказались все «подручные средства», нетрадиционные ни для этнической культуры, ни для культуры этноса. Во-первых, продавали или обменивали на продукты всё привезённое с собой из Поволжья или с Украины: костюмы, пуховые подушки, одеяла, музыкальные инструменты, кольца, швейные машинки. Во-вторых, измождённые на работе, истощённые от постоянного недоедания матери в свободное от работы время занимались с местными жителями обрабатывать огороды, копать картошку, доить коров и в качестве платы за труд получали продукты. В-третьих, дети становились няньками, нередко ходили по дворам и просили подавание. *«Из-за плохого знания русского языка и немецкого акцента <...> нередко прогоняли и называли “фашисткой”, но встречались и такие, кто подавал хлеб, варёную или сырую картошку. Кто чаще подавал, к тем <...> чаще и ходила»* [5. С. 105]. Приходилось ребятишкам побираться и по помойкам: *«собирали и ели выброшенные косточки от рыб. Летом варили лебеду и крапиву, их в деревне не росло – всё сорвали и съели»*¹. Весной тайком перекапывали поля с картошкой, пытались найти в земле оттаявшие клубни, из которых пекли лепёшки. В-пятых, ещё одним способом избежать голодной смерти стал активный летом сбор в лесу дикоросов. Порой незнание особенностей местной флоры оборачивалось трагическими последствиями. *«Весна 1943 года была го-*

лодной, поэтому, когда пошли грибы сморчки, люди обрадовались, стали собирать их и варить, но не знали, как правильно готовить. <...> Агафья рассказывала, что когда попробовала воду, то она показалась ей вкуснее, чем куриный бульон, как будто молоком заправлена. Но что-то удержало её, и она съела немного грибов. Спасло родственников то, что Роман ловил рыбу, щук и окуней, обменивал их на молоко <...> и отпаивал молоком и кормил ухой своих отравившихся родственников и знакомых. <...> Они выжили, но много людей умерло» [6].

Не лучше обстояло дело и с одеждой: она либо пришла в негодность по причине изношенности, либо была выменена на продукты. Ходили, в чём придётся. Нередко дети не посещали школу по причине отсутствия тёплой одежды и обуви. Радостью становились платья, сшитые из старых списанных простыней, «шахтёрские ботинки» с пришитыми к ним матерью голенищами из мешка. «Ходить в них было очень хорошо, тепло, но приходилось плотно обматывать голенища, чтобы обувь не сваливалась» [7. С. 75]. Из-за отсутствия зимней обуви нередко были случаи обморожения ног. Традиционная немецкая одежда осталась лишь в воспоминаниях: «бабушка всегда ходила дома в платье и фартуке» и повсюду возила с собой узелок «на последний час» с новым ситцевым платьем. Запомнились и юбки, подбитые для объема ватой [8. С. 121].

В экстремальных условиях средством адаптации стали и хозяйственные традиции, свойственные немецкой культуре – навыки земледелия и огородничества. Летом 1943 г. переселенцы активно раскорчёвывали землю под огороды и сажали картошку, точнее очистки от неё, порой тщательно сохранённые. «Баба Катя с их матерью Францисой пешком в апреле ходили в Могочино, на другой лесоучасток – Бугор (за 50 км), где обменяли костюм дяди Иосифа, предпоследнего сына бабушки Кати, на мешок картошки. Укрыв всякими тряпками, везли картошку днём, когда становилось теплее, боялись заморозить. Переночевали на плотнице Заломное. <...> Довезли картошку в сохранности. И хотя есть было нечего, баба Катя не давала эту картошку, сказав, что она предназначена для посадки» [6].

Отличительной чертой немецких женщин сами они указали умение скроить и сшить одежду: «Мама ночь посидит, а утром её дочь уже щеголяет в новом платье» [9]. Это умение пригодилось в Сибири хотя бы для частичного решения проблемы с одеждой, а порой превращалось и в источник дохода. «Не зря Роман с Карлом таскали в эвакуации швейную машинку. Тася, жена начальника Бескупского, узнала, что баба Катя умеет шить и попросила её смастерить для мужа брюки-галифе. Баба Катя сначала отказывалась, но потом согласилась. Перелицевав старый, сделала новый костюм, который очень понравился начальнику. И ей стали делать заказы даже из Колпашева. Бабушка сначала отказывалась: вдруг не понравится, но потом согласилась. Стала шить вещи на заказ, получая за

это отрезки тканей, небольшие деньги. На них мать Франциза закупала на базаре в д. Могочино, в 50–60 км от 32-го квартала, чёрную муку для оладий, жир, иногда свиное мясо» [6].

Востребованными в Нарымском крае оказались архаические традиции, пребывавшие в этнической культуре в рецессивном состоянии. Так, все собеседники сообщали об оставленных в Поволжье и на Украине деревянных или кирпичных домах. В Нарыме зафиксирован случай возрождения традиции постройки жилища из дёрна – «пластянки». «Сначала семью поселили у хантов в срубном доме. Позднее Альберт построил из дёрна свой. Лопатой нарезал дёрн на прямоугольные куски, срезал траву, перевернул каждый кусок, подравнивал землю. Затем вкопал 4 столба по углам будущего дома, посередине поставил 3 опоры под балки. Между столбами из пластин дёрна выложил стены, обмазал их глиной, смешанной с навозом, а внутри – ещё и илом. Пол укрепил илом с навозом. Внутри соорудил нары» [10. С. 72]. К.В. Чистов определил подобную вторичную форму традиции как регенерированную, т.е. изжитую, но восстановленную под влиянием каких-либо факторов [11. С. 50].

Регенерированная форма вторичной традиции массово проявила себя при сооружении «землянок», как называют их информаторы. Речь идёт о полуземлянках, сооружаемых сразу по прибытии в Нарымский округ. Она представляла собой «вырытую в земле яму, земляные стены укрепляли и над ними возводили дощатые стены, в которых имелось небольшое окошечко для прохождения света. На дощатые стены опиралась двускатная крыша, тоже из досок. Пол полуземлянки посыпали песком, на зиму старались его утеплить, стелили сено или солому. Внутреннее обустройство состояло из нар, на которых спали, подстилая солому или сено. Позже стали изготавливать своеобразные матрасы – мешки, набитые той же соломой или сеном. Солому в мешках приходилось часто менять, так как она быстро сбивалась. К незатейливым атрибутам мебели относились скамейки, сделанные своими руками» [12. С. 113]. Зимой окна затягивали «бычьим пузырьём». Зафиксированы и сведения о полуземлянке, наземную часть которой составляли два венца сруба, в которых вырубалось окно. Сооружались полуземлянки преимущественно женскими и детскими руками, как правило, на несколько семей.

Этническая культура оказалась сохранённой главным образом в памяти переселённых российских немцев. На основе воспоминаний родителей конструировался образ родины и в сознании детей, в малолетнем возрасте привезённых в Нарымский край. По словам повзрослевших и уже состарившихся детей, их родители рисовали жизнь в Поволжье исключительно как «хорошую», «обеспеченную», «в достатке». Колхоз непременно характеризуется как «богатый», располагавший всем в изобилии: «поля имел большие, не было видать им конца и края. С них собирали много зерна,

целые горы». Земля, как главный гарант достатка, в Поволжье была такая, что на ней *«всё родилось на славу. Стоило только бросить семечко, как оно тотчас же выросло»* [13. С. 7]. Воспоминания о голодных годах в Поволжье и на Украине эпизодичны. Произошла явная мифологизация образа покинутой родины. Представляется, что её причиной стала необходимость в психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте. Избирательная память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем. Психологическая адаптация к новым условиям проходила мучительно, и у первых поколений так и не завершилась полностью. Образно это неразорванное состояние с прошлым рисует пронзительная картина, воссозданная одним из наших собеседников. *«Когда пароход, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали назврьд, ежегодно оицущая безысходность разрыва с большой землёй и малой родиной – Поволжьем»* [14. С. 100].

В обрядовой сфере этническая культура пребывала в латентной форме. Ёлки, поставленные накануне «немецкого» Рождества и украшенные самодельными игрушками, стали, пожалуй, единственной формой её проявления. Элементом этнической культуры, который продолжал активно функционировать, оставался немецкий язык. Он был представлен в Нарымском округе диалектами и служил надёжным средством внутри-, а в местах компактного проживания немцев и межсемейного общения. Старшее поколение депортированных немцев, как правило, даже не понимало русского языка. Межпоколенной трансляции языка способствовало и сохранение конфессиональных традиций, хотя они и свелись к чтению священных книг, которые в обязательном порядке брали с собой в Сибирь, и молитвам.

По мере преодоления послевоенных трудностей, либерализации политики по отношению к депортированным народам, из экстремального состояния постепенно выходила не только культура этноса, но начали возрождаться и элементы этнической культуры. Применительно ко второй половине 1950-х гг. указанные процессы уже хорошо фиксируются в Нарымском крае.

После войны старались обзавестись собственным жильём: строили небольшие срубные дома, размером иногда 4х4,5 м, с двускатной крышей, к ним примыкали бревенчатые или дощатые сени. Здесь сразу поселилась немецкая аккуратность. *«В доме часто белили, особенно печь, следили за порядком, тщательно заправляли кровать и следили за её опрятным видом: красиво складывали подушки, крахмалили наволочки, пользовались накидушками. Полы были деревянными»* [15].

В 1950–1960-е гг. разраставшиеся немецкие семьи переселялись и в более просторные дома, двух-, а позднее и четырёхкомнатные. Характерную планиров-

ку немецкого дома задавало расположение печи, выдвинутой к середине. Её стенки намечают расположение комнат: боковые – прихожей и кухни, задняя – спальни и гостиной. Печь пользовалась особым вниманием хозяек: она должна была выглядеть всегда опрятно и аккуратно, поэтому её часто белили. В немецком доме именно печь и кровать задавали тон интерьеру и являлись его безусловными доминантами. Отношение к кровати нашими информаторами признано чертой немецкой ментальности. *«Её заправляли, как будто совершали ритуал: на матрас ровненько стелили два-три одеяла, обязательно выпускали узорные края подзоров. Мама специально заказывала их. Красивое покрывало было предметом семейной гордости. <...> На заправленную кровать никому не позволялось садиться, чужим не разрешалось спать на стоявших в доме кроватях»* [9].

Чертой немецкого подворья в Нарымском крае стало соединение под одной крышей дома и летней кухни, чтобы вход в них был надёжно защищён от непогоды. Расположение хозяйственных построек обнаруживает два варианта: рядное, параллельное или перпендикулярное дому, и Г-образное, примыкающее к нему. Немецкая хозяйственность проявилась и во внутреннем обустройстве стаек, тщательно спланированных с учётом разных пород домашнего скота и санитарных условий.

Нормализация питания возродила в нём традиции немецкой кухни. Наиболее показательным в ней стало блюдо, зафиксированное в трёх вариантах приготовления и имеющее четыре названия. Наиболее часто употребляемое название – «штрудель». Тесто, замешанное на соде, раскатывали в лепёшку, смазывали маслом, скатывали в рулет, разрезали на ломтики и клали поверх тушащейся с мясом капусты. Второе название блюда – «Strombes». Различие касается лишь способа приготовления теста – на простокваше. Второй вариант блюда – «квикельте»: ломтики рулета из теста, замешанного на простокваше, тушили, уложив поверх картофеля. Третий вариант – «штрюли», или «штрудель»: поверх тушащейся капусты кладут не ломтики рулета, а галушки из теста на простокваше или соде. Ещё одним любимым блюдом и по сей день является «Kraut und Prei» – тушёная со свиными рёбрышками и чесноком капуста, которую клали поверх картофельного пюре. Выпечка также чётко очерчивает специфику немецкой кухни, прежде всего «Riewelkuche» – пироги, посыпанные крошкой из муки, масла и сахара, главное блюдо во время праздничного застолья. Популярны и поныне «кребли» наподобие хвороста. Их пекли к чаю. Правда, чай, согласно немецкой традиции, старались по возможности заменить киселём, компотом, какао. Нетрадиционность чая сказалась и в том, что по праздникам варили компот.

Возрождённый вариант обрядовой сферы, хотя и оказался серьёзно урезанным, тем не менее сохранил немецкий колорит. К немецким праздникам информаторы отнесли Рождество и Пасху («Ostern»).

Рождество превратилось в главный символ немецкой культуры в Нарымском крае и состояло из двух частей: Сочельник, приходившийся на 24 декабря, и собственно Рождество, отмечаемое 25 декабря. На Сочельник ставили ёлку, для которой в трудное время дети делали игрушки из бумаги, украшением становились и пряники, домашняя выпечка. В качестве праздничного блюда готовили «ривелькухе» и «цукеркухе» с посыпкой из сахара. Вечером семья собиралась за столом. Дети читали молитвы на немецком языке, разученные с бабушкой, и получали за это подарки. Обычно *«встречали Крискинди – женщину в белом наряде, с лицом, закрытым тюлем. <...> Стоя перед ней, ребяташки читали молитву, а она расспрашивала, как ребёнок себя ведёт – слушается или не слушается. Если бабушка говорила, что не слушается, то на этот случай был приготовлен прутик, могло и прутиком попасть»* [16]. Если с рождественской феей приходил «Пельцникель» с цепью, в вывернутой шубе, то он брал на себя функцию наказания непослушных детей. Получив подарки, дети ложились спать. Взрослые, уложив детей, собирались у кого-либо в доме или в семейном кругу и отмечали Рождество. Вечером в Сочельник собирались и члены лютеранской общины, молились, ставили ясли, в которых родился Иисус Христос.

В рождественскую ночь или рано утром молодёжь и ребяташки колядовали. *«Стреляли возле дома из ружья, заходили к хозяевам, декламировали благопожелания на немецком языке, в ответ получали выпечку, конфеты. Рядились в вывернутые меховые куртки. Хозяева ждали ряженых, и если они не заходили, то это считалось плохим знаком – год будет тяжёлым»* [17]. В каждой деревне у ряженых был свой заводила, который знал особые песни и стихотворения для этого действия и руководил на празднике сверстниками.

Новый год заметно уступал по значимости Рождеству. Основным праздничным действием являлось славение: группами обходили дома, пели особые песни на

немецком языке, стреляли в воздух. Вечером устраивали у кого-нибудь застолье или совершали семейную трапезу.

Символом немецкой Пасхи стал пасхальный заяц. *«Про него говорили: он дарит подарки и красит яйца. Заяц их оставлял, а дети ходили и искали, во дворе или дома, в зависимости от погоды. На самом деле прятала бабушка, а дети находили конфеты и крашеные яйца. Бабушка говорила, что утром на Пасху обязательно должен быть солнечный зайчик, что он – символ самой Пасхи»* [Там же]. Для подарков от пасхального зайца дети клали шапки под кровать и у порога, оставляли корзинки. Праздничное застолье предполагало наличие «ривелькухе», предварительную уборку в доме, чтобы всё было белым и чистым.

Поскольку в 1950-е гг. ещё было живо старшее поколение немцев, депортированных в Нарымский округ, то немецкий язык продолжал служить средством семейного общения. Со временем благодаря энтузиазму верующих лютеран начали формироваться общины: в Александровском – вокруг Ивана Юнемана, в Тогура – Франца, в Новоникольском – Фридриха Функа, ставшие центрами сохранения этнических традиций, особенно в обрядово-праздничной сфере.

Итак, депортация российских немцев в Нарымский округ привела к нивелировке в годы Великой Отечественной войны этнической культуры. Исключение составили язык и вероисповедание. Основопологающей стала проблема физического выживания, решаемая в рамках культуры этноса и во многом нетрадиционными средствами. По мере стабилизации экономической и политической ситуации началось возрождение элементов этнической культуры российских немцев, связанных с жилищем, пищей и обрядовой сферой. Факторами, способствовавшими ревитализации этнических традиций, стали компактность проживания, язык и конфессиональная ситуация. Процесс физической адаптации был дополнен культурной.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Полевые материалы автора. М.Ф. Греф (Вельш), с. Новоникольское Александровского района, 2016.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и её жизнеобеспечивающей подсистемы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 17–40.
2. Маркарян Э.С. Этнические культуры в общей системе локального разнообразия человечества // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 40–53.
3. Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 53–60.
4. Герман А.А. Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 401–443.
5. Ситников В.А. Суровые испытания (о Трифоновой (Вагнер) Полине Петровне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 104–107.
6. Малахова Г.Р. Трудный путь семьи Батц // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).
7. Ефремова В.С. Сильная натура (о Луговской (Шпедер) Екатерине Алексеевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 74–77.
8. Кротова С.А., Ситников В.А. Веков пронзающая нить (о Шпомер (Пауль) Марии Эдуардовне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 119–122.
9. Сысоева М.С., Рындина О.М. Две «мясорубки» (о семье Баймлер) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).

10. Рындина О.М. «Оставайся хозяином!» (об Альберте Генриховиче Симоне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Александровский район. Томск, 2014. С. 71–75.
11. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 304 с.
12. Кретьева С.А. Преодолевая трудности (о Целуйко (Пауль) Фриде Яковлевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 112–116.
13. Рындина О.М. Юдоль российских немцев Парабелы // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 6–18.
14. Рындина О.М. Последний паром, или Ода о матери (о Райсе Фёдоровне Фёдоровиче) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 96–100.
15. Галактионова Е.А. Соединил Тогур (о Чичигиной (Кильман) Фриде Георгиевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).
16. Сысоева М.С. Никуда я из Сибири не поеду (о Горн (Фейлер) Лидии Германовне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).
17. Рындина О.М. Родовое поместье (о Зауэре Антоне Антоновиче) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016 (в печати).

Ryndina Olga M. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

ADAPTIVE POTENTIAL OF ETHNIC CULTURE (ACCORDING TO THE DATA FROM RUSSIAN GERMANS OF NARYM TERRITORY).

Keywords: Russian Germans; Deportation; Narym Territory; physiological and cultural adaptation; ethnic culture.

The problem of the transformation of ethnic culture in the extreme socio-political situation is viewed in the article, based on field materials of the author and participants of ethnographic expeditions to Alexandrov, Kargasovsky, Parabel and Kolpashevsky districts of the Tomsk region, took place in the years 2013–2016. The problem is investigated in relation to the culture of the Russian Germans who were deported to Narym Territory at different times, but mostly in the secondary deportation at the autumn of 1942. The process of adaptation to difficult conditions of the Great Patriotic War and in the post-war are reconstructed. The proposed division of the national historiography of culture on "ethnic culture" and "culture of ethnos" is used to explain uncovered adaptation processes. Non-traditional ways of the self-sustaining of deported Germans are reviewed. The role of the traditional occupations during the adaptation process: agriculture and trucking, as well as tailoring are emphasized. Updating the archaic traditions that were in the parent culture in the recessive state - "plastyanka" (small residential or auxiliary building made up of sod) and half-dugouts are demonstrated. The loss of ethnic and cultural traditions in the post-war decade are observed. The German traditions in the house (role of an oven in a plan of the house, oven and bed in the interior) and household building (parallel, perpendicular, and L-shaped arrangement in relation to the house, fusion constructions in a row), food (prevalence of starchy foods, vegetable and meat ingredients, the most typical dishes - «Strudel», «Kraut und Prei», «Riewelkuche») are identified. Renewed in the Narym territory German holidays - Christmas and Easter - are determined. The author made a conclusion about chronologically different levels of adaptation. It was aimed at the physical survival of the ethnic community; it was under the ethnic culture and relied on unconventional for it in 1940-ies. In 1950-ies adaptation involved the ethnic culture and was accompanied by a revival of its individual elements, primarily related to housing, food and ritual sphere. Factors contributing to ethnic and cultural adaptation became compact resettlement of the deported Russian Germans, the active functioning of the mother language and the preservation of religion.

REFERENCES

1. Markaryan, E.S. (1983) K obshchey kharakteristike kul'tury i ee zhizneobespechivayushchey podsystemy [On the general characteristics of the culture and its sustaining subsystems]. In: Markaryan, E.S. (ed.) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [The culture of sustenance and ethnicity]. Erevan: Armenian SSR AS. pp. 17–40.
2. Markaryan, E.S. (1983) Etnicheskie kul'tury v obshchey sisteme lokal'nogo raznoobraziya chelovechestva [Ethnic cultures in the general system of local human diversity]. In: Markaryan, E.S. (ed.) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [The culture of sustenance and ethnicity]. Erevan: Armenian SSR AS. pp. 40–53.
3. Arutyunov, S.A. & Melkonyan, E.L. (1983) Kul'tura zhizneobespecheniya v etnicheskikh sistemakh [The culture of sustenance and ethnicity]. In: Markaryan, E.S. (ed.) *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [The culture of sustenance and ethnicity]. Erevan: Armenian SSR AS. pp. 53–60.
4. German, A.A. (2009) Deportatsiya sovetskikh nemtsev iz evropeyskoy chasti SSSR [Deportation of Soviet Germans from the European part of the USSR]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of the Germans in Siberia]. Omsk: OGIK muzeya. pp. 401–443.
5. Sitnikov, V.A. (2015) Surovye ispytaniya (o Trifonovoy (Vagner) Poline Petrovne) [Severe trials (about Trifonova (Wagner) Polina Petrovna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 104–107.
6. Malakhova, G.R. (2016) Trudnyy put' sem'i Batts [The hard way of the Batts]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
7. Efremova, V.S. (2015) Sil'naya natura (o Lugovskoy (Shpeter) Ekaterine Alekseevne) [The strong nature (about Lugovskaya (Shpeter) Ekaterina Alekseevna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 74–77.
8. Kretova, S.A. & Sitnikov, V.A. (2015) Vekov pronzayushchaya nit' (o Shpomer (Paul') Marii Eduardovne) [The percing thread of time (about Shpomer (Paul) Maria Eduardovna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 119–122.
9. Sysoeva, M.S. & Ryndina, O.M. (2016) Dve "myasorubki" (o sem'e Baymler) [Two "grinders" (The Baimlers)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
10. Ryndina, O.M. (2014) "Ostavaysya khozyainom!" (ob Al'berte Genrikhovichе Simone) ["Remain master!" (About Albert H. Simon)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Aleksandrovskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Aleksandrovskoye District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 71–75.
11. Chistov, K.V. (1986) *Narodnye traditsii i fol'klor* [Folk traditions and folklore]. Leningrad: Nauka.

12. Kretova, S.A. (2015) Preodolevaya trudnosti (o Tseluyko (Paul') Fride Yakovlevne) [Overcoming difficulties (about Tseluyko (Paul) Frida Yakovlevna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112-116.
13. Ryndina, O.M. (2015) Yudol' rossiyskikh nemtsev Parabeli [The vale of Russian Germans of Parabel]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 6-18.
14. Ryndina, O.M. (2015) Posledniy parokhod, ili Oda o materi (o Rayse Fedore Fedoroviche) [The last steamboat, or Ode of Mother (about Rice Fedor Fedorovich)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Parabel'skiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 96-100.
15. Galaktionova, E.A. (2016) Soedinil Togur (o Chichiginoy (Kil'man) Fride Georgievne) [Connected by Togur (about Chichigina (Kilmann) Frida Georgievna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
16. Sysoeva, M.S. (2016) Nikuda ya iz Sibiri ne poedu (o Gorn (Feyler) Lidii Germanovne) [I will not leave Siberia (about Gorn (Feiler) Lydia Germanovna)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).
17. Ryndina, O.M. (2016) Rodovoe pomest'e (o Zauere Antone Antonoviche) [The ancestral home (about Sauer Anton Antonovich)]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v etnokul'turnoy palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskiy rayon* [Russian Germans in the ethno-cultural palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk: Tomsk State University. (In print).

В.М. Кимеев

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕНЕССАНС И МИФОТВОРЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ ПРИТОМЬЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-11-42003.

Анализируются современные теоретические подходы к пониманию природы ревитализационных процессов у этнополитической элиты тюркоязычных шорцев, телеутов и сибирских татар. У них наиболее приемлемым стал этнокультурный неотрадиционализм, проявляющийся в ориентации сознания на включение традиционных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений этноса в модернизационные процессы для обретения целостности во времени и пространстве. Перспективы сохранения этнокультурного наследия реально просматриваются в двух экомузеях – «Тазгол» в Горной Шории и «Чолкой» в Беловском районе. Именно экомузеи стали одной из форм сохранения первичного этнокультурного пространства, природной и этнокультурной среды как взаимосвязанных частей единого целого, поддержание экологического равновесия между людьми, средой и памятниками наследия, сохранение национальной самобытности населения.

Ключевые слова: этнокультурный неотрадиционализм; мультиренессанс; мифотворчество; экомузеи.

Необратимые, как недавно казалось, изменения в традиционной культуре малочисленных сибирских этносов побудили представителей их национально-политических элит, в основном городских жителей, к идее о необходимости реанимации утраченного первичного культурного пространства и сохранения фрагментов их историко-культурного наследия. Поразительно, но общераспространённой практикой у современных аборигенов Сибири становится мифотворчество и конструирование при активной поддержке региональных властей разного профиля нового этнокультурного пространства, условно названного в философских кругах вторичным [1. С. 10]. Основные формы первичного этнокультурного пространства как современных коренных малочисленных народов Притомья – шорцев, телеутов, татар-калмаков, так и сибирских казаков значительно деформированы, а чаще всего безвозвратно утрачены. Вторичное же пространство обычно конструируется лидерами фольклорных коллективов и профессиональными дизайнерами другой национальности при значительной финансовой поддержке местных властей и зачастую имеет отдаленное отношение к первичному пространству. Затем посредством «возрожденных» фольклорных праздников и региональных фестивалей, широко разрекламированных в прессе, элементы вторичного этнокультурного пространства легитимизируются и обретают в сознании их создателей черты традиционности. Процесс формирования такого вторичного этнокультурного пространства с 1990-х гг. иногда стал именоваться в прессе, административных отчетах и научной литературе «национально-культурным возрождением».

В российской этнологии комплексный анализ ревитализационных процессов в контексте сохранения историко-культурного наследия малочисленных общностей Притомья подробно не предпринимался. Частично одного из аспектов этой проблемы касались

И.В. Октябрьская и Е.В. Самушкина, рассмотревшие в ряде работ символические и соционормативные срезы этнополитического движения в южносибирских республиках [2, 3], а также Г.В. Грошева, в работе которой описываются формы национально-государственного строительства в Республике Хакасия [4].

Современные социокультурные трансформации у коренных народов Сибири в зависимости от целей и задач конкретного исследования именуются «этнический ренессанс», «этнический неотрадиционализм» [5. С. 205–207], «социокультурный неотрадиционализм» [6. С. 93; 7. С. 20], «мультиренессанс» [8], «архаизация общества» [9. С. 37].

Так, перерождение тувинского общества в условиях кризиса прежних идентичностей объясняется неосознанным стремлением «к архаическому социокультурному наследию» в хозяйстве (его натурализация и возрождение ценностного значения скота) и социальной сфере (клановость и воссоздание семейно-родовых объединений). Она полагает, что неотрадиционализм принципиально отличается от предлагаемой ею концепции архаизации общества осознанным, целеполагающим поведением масс, сохраняющих и использующих традиции, сформировавшиеся в разные исторические периоды. Напротив, в архаизации этот период един для всех тувинцев и приходится на время складывания «социокультурного комплекса кочевничества Центральной Азии», т.е. на первые века нашей эры [Там же. С. 19].

Из всех этих теорий для коренных народов Притомья наиболее приемлемой оказался этнический, или этнокультурный, неотрадиционализм, который проявляется в ориентации сознания, в основном городских жителей, «на включение традиционных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений этноса в модернизационные процессы для обретения этносом целостности во времени и пространстве»

[5. С. 205]. Исходя из этого, явно выделяются такие формы неотрадиционализма, как этнополитический (съезды шорского и телеутского народов с выбором совета ассоциаций как этнополитических общественных организаций); этноэкономический (восстановление традиционных форм природопользования); этноэкологический (сакрализация священных мест); этнокультурный (конструирование новой обрядности и ценностей с включением традиций); этноконфессиональный (религиозный синкретизм с неотэнгрианством); этнопедагогический (укоренение новых семейных традиций в воспитании детей) [Там же. С. 206–209].

Неоднократные попытки реанимации утраченных досоветских форм социальной структуры, как, например, институт паштыков и старейшин из-за урбанизированного образа жизни подавляющего числа шорцев, телеутов и калмаков, так и остались на бумаге в виде решений и списков выбранных паштыков. Мифологизируются по большей части новое религиозное мировоззрение, праздничная хореографическая культура, сценический костюм, традиционная праздничная кухня.

Новосибирские этносоциологи полагают, что «социокультурный неотрадиционализм можно рассматривать как условие благополучного развития отдельных народов...», он «характеризует единство, меру традиции и новации» [8. С. 93]. По мнению С.А. Мадюковой, традиция может адаптироваться к новым условиям, «не переставая быть традицией <...>, она обретает новые формы и способы существования», поэтому понятие «неотрадиционализм» вполне применимо к современной ситуации» [7. С. 10]. В ряде работ фактически ставится знак равенства между понятиями «сохранение» и «возрождение» [6. С. 96; 7. С. 11].

Необходимым условием сохранения традиционной культуры является её непрерывная межпоколенная передача, что отчасти сохраняется у телеутов и калмаков, но почти полностью утрачена у шорцев городского населения, давно ассимилированных в общероссийской среде. Только микролокальные сельские группы шорцев таежных поселков продолжают отчасти сохранять традиционные формы природопользования и элементы дошаманистских культов. Поэтому уверенность региональных властей в сохранении и возрождении пусть в измененном виде национальных традиций у всех шорцев и телеутов не соответствует действительности.

После многолетней советизации трех предыдущих поколений шорцев, телеутов и калмаков вряд ли можно ожидать сохранения каких-то прежних традиций, составлявших некогда первичное этнокультурное пространство. При участии Ассоциации шорского народа, созданной на I съезде в 1990 г., главами администраций разных уровней в основном для городских шорцев ежегодно проводятся областные национальные мероприятия: «Спартакиада коренных малочисленных народов Кузбасса», «Ольгудек-Пайрам», «Чыл-Пажи» (Новый год), «Малтык» (ружье), конкурс «Кен-кыс» (шорская красавица), «Элим» (детский фестиваль, детская Спар-

такиада), «Торбоковские чтения», «Каратаг» (детская языковая деревня). Элементы возрождения традиционных религий – неошаманизма и неотэнгрианства, проявляются на театрализованных праздниках Ольгудек-Пайрам, Мылтык, Пардакай, Чыл-Пажи, которые носят скорее декоративно-развлекательный характер и щедро спонсируются местными постсоветскими властями – бывшими идеологами атеизма – для поддержания очередной установки правящей партии: «Кузбасс – регион согласия!». Обрядовая часть на этих современных праздниках представляет синкретический комплекс, состоящий из фрагментов дошаманистских культов, шаманских театрализованных камланий перед публичной, православного христианства (например, «телеутский» праздник «Ильин день»), пережитков советской идеологии в виде речей руководителей местных и областных властей с награждением организаторов праздников, включая «шаманов», почетными грамотами и памятными подарками.

В большинстве из современных социально-философских теорий мало уделяется внимания ведущей роли лидеров национально-политических элит и местных властей в конструировании новой обрядности и мировоззрения под прикрытием мнимого этнокультурного ренессанса в современном ландшафте. Определенные перспективы сохранения этнокультурного наследия и традиций пока просматриваются только в составе двух экомузеев под открытым небом: «Тазгол» в Горной Шории и телеутском «Чолкой» в Беловском районе. Как показал опыт, именно экомузеи являются одной из форм сохранения первичного этнокультурного пространства, их главными задачами являются сохранение и оптимальное развитие природной и этнокультурной среды как взаимосвязанных частей единого целого, поддержание экологического равновесия между людьми, природной средой и памятниками, сохранение национальной самобытности местного населения, создание системы саморегуляции социальных отношений. Создание экомузеев в местах компактного проживания аборигенных этнических общностей стало одним из катализаторов возрождения этнического самосознания. Но в то же время это происходит не в массовом порядке и не по указанию сверху. Экомузей актуализирует этнокультурное наследие, причем главными действующими лицами в данном процессе становятся местные жители. Экомузей как экспериментальная площадка позволяет прогнозировать развитие этнокультурных процессов [10].

Одной из важных и часто оставляемых без научного внимания остается проблема соотношения понятия «возрождение традиционной культуры» с современными ревitalизационными процессами. Восстанавливаемая первичная этнокультурная среда у городских шорцев, телеутов и калмаков искусственно поддерживается органами культуры местной власти только среди участников фольклорных коллективов и не может ретранслироваться на сельских жителей. В этой связи по-прежнему не решена проблема

создания эффективной и понятной самим коренным сельским жителям системы сохранения этнокультурного наследия в местах их компактного проживания.

Для таких дисперсно расселенных этнических общностей с комплексным хозяйством, как, например, сельских шорцев, очень трудно определить (сконструировать?) единые для всех этнолокальных групп традиции, возрождение которых в настоящее время демонстрируется фольклорными ансамблями. Здесь интересен другой момент: с 1990-х гг. между представителями национальной интеллигенции происходил «взаимообмен традициями», в результате которого у тех же шорцев появляются абсолютно не свойственные им культурные элементы. Например, хакасская коновязь, необходимая в степи, но неуместная в таёжной местности, каменные насыпи обо/овоо, исторически распространенные у алтайцев, тувинцев и монголов. И, как следствие, новация установки коновязей и обо в национально-политическом дискурсе удревняется и становится, по мнению интеллигенции, составной частью традиционного культурного комплекса.

Выступая, как отмечалось выше, в качестве экспериментальной площадки, экомузей становится одним из мест проявления мобилизированной этничности. Так, в поселке Усть-Анзас Таштагольского района в действующем экомузее «Тазгол» неоднократно устраивались празднования юбилея поселка, во время которых собиралось огромное количество прежних жителей, большей частью приехавших из г. Таштагол и п. Шерегеш. Данная мобилизация проявляется здесь как минимум в двух аспектах: вторичные явления неокамланий городской шаманки из ансамбля «Чыл-тыс» на центральной поляне экомузея и переосмысление большинством роли наследия в повседневной жизни местных жителей, наследие становится одним из инструментов манифестации этничности.

Подводя итог, можно отметить наличие огромного количества теоретических наработок, использование которых с известной долей помогает оценить калейдоскоп аспектов так называемого национально-культурного возрождения и сформулировать свое понимание данных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попков Ю.В. Государственная национальная политика Российской Федерации: концептуальные установки и проблемы // Этносоциологию – молодым : матер. Междунар. школы молодых этносоциологов / под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск, 2012. Вып. 2. С. 9–17.
2. Октябрьская И.В. Общественное движение в Республике Алтай: традиционализм и проблема мобилизации этничности (конец XX – начало XXI века) / И.В. Октябрьская, Е.В. Самушкина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 1). С. 98–108.
3. Самушкина Е.В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия (конец XX – начало XXI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 32 с.
4. Грошева Г.В. Хакассий этнос в системе российского федерализма (1990-е – 2000-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. 28 с.
5. Анжиганова Л.В. Этнокультурное пространство Республики Хакасия: основные проблемы, противоречия и субъекты развития // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность / под ред. М.А. Жигуновой, Е.М. Данченко. Омск : Полиграфический центр КАМ, 2011. С. 201–214.
6. Иванова С.А. Феномен социокультурного неотрадиционализма: к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 93–97.
7. Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских народов Южной Сибири) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008. 22 с.
8. Попков Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм в этносоциальном развитии : избр. тез. выступлений участников Междунар. семинара «Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии» (г. Петрозаводск, июнь 2011 г.) // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3. С. 93–94. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3780-tezisy.html, свободный.
9. Ламажаа Ч.К. Архаизация в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 41 с.
10. Кимеев В.М. Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. Томск, 2008. 452 с.

Kimeev Valeriy M. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: Kimeev@mail.ru

ETHNOCULTURAL RENAISSANCE AND MYTHMAKING IN THE MODERN RITUALS OF THE PEOPLES OF PRETOMYA.

Keywords: ethnocultural neotraditionalism; multiresistant; mythmaking; ecomuseum.

The article analyzes the current theoretical approaches to understanding the nature of revitalization processes of the Turkic peoples of Tom River region prevailing mainly in the environment of ethno-political elite of the Turkic-speaking Shors, Teleuts, and Siberian Tatars. Among the indigenous peoples of Tom River region the most acceptable was ethnic or ethnocultural neotraditionalism in the mindset of urban residents «with the inclusion of traditional values, forms of activity, social relations of ethnicity in modernization processes for attaining ethnic group integrity through time and space». One of the important and often left without scientific attention remains the problem of the correlation of the concept of «the revival of traditional culture» with modern revitalization processes. The primary ethnic and cultural environment of urban Shors, Teleuts and Kalmyks is restored and artificially supported by local authorities for culture only among the members of folk groups and cannot be relayed on rural residents. In this regard, the problem of creating efficient and understandable for the indigenous rural people system of preservation of ethnic and cultural heritage in places of their compact residence is not solved. After years of Sovietization of the three previous generations of Shors, Teleuts and Kalmyks it is hardly possible to expect maintaining any old traditions that once formed the primary ethnic and cultural space. Elements of the revival of the traditional religions of neoshamanism and neotengriism, manifested at the theatrical festivals of Algadec-Pyram, Miltek, Pataki, Cyl-Pages are more decorative and entertaining, generously sponsored by the local post-Soviet authorities – the former ideologists of atheism, for maintaining a directive of the ruling party: «Kuzbass – region of consent!». Prospects of preservation of ethnocultural heritage and traditions really visible only in the two ecomuseums under the open sky: «Tazgol» in Mountain Shoriya and Teleut «Calkoy» in Belovo district. Eco-

museums are one of the form of preservation of primal ethnic and cultural space, their main tasks are preservation and optimum development of natural and ethnic and cultural environment as interrelated parts of a whole, the maintenance of environmental balance between humans, the natural environment and monuments, the preservation of national identity of local population, creation of a system of self-regulation of social relations.

REFERENCES

1. Popkov, Yu.V. (2012) Gosudarstvennaya natsional'naya politika Rossiyskoy Federatsii: kontseptual'nye ustanovki i problemy [The state national policy of the Russian Federation: Concepts and problems]. In: Popkov, Yu.V. & Erokhina, E.A. (eds) *Etnosotsiologiya – molodym* [Ethnology for the young]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 9-17.
2. Oktyabrskaya, I.V. & Samushkina, E.V. (2006) Obshchestvennoe dvizhenie v Respublike Altay: traditsionalizm i problema mobilizatsii etnichnosti (konets XX–nachalo XXI veka) [Social movement in the Republic of Altai: Traditionalism and the problem of ethnicity mobilization (the late 20th – early 21st centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. History, Philology*. 5(3-1). pp. 98-108.
3. Samushkina, E.V. (2008) Simvolicheskie i sotsio-normativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizheniya Respubliki Altay, Respubliki Tyva, Respubliki Khakasiya (konets XX – nachalo XXI v.) [Symbolic and socio-regulatory aspects of modern ethno-political movement of the Republic of Altai, Tyva Republic, the Republic of Khakassia (the late 20th – early 21st centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
4. Grosheva, G.V. (2003) *Khakasskiy etnos v sisteme rossiyskogo federalizma (1990-e – 2000-e gg.)* [The Khakass ethnos in the system of Russian federalism (1990s – 2000s)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
5. Anzhiganova, L.V. (2011) Etnokul'turnoe prostranstvo Respubliki Khakasiya: osnovnye problemy, protivorechiya i sub'ekty razvitiya [The ethnic and cultural space of the Republic of Khakassia: The main problems and contradictions of the subjects]. In: Zhigunova, M.A. & Danchenko, E.M. (eds) *Naselenie Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost'* [The population of Siberia: Ethnic relations, education and cultural identity]. Omsk: KAM. pp. 201-214.
6. Ivanova, S.A. (2006) Fenomen sotsiokul'turnogo neotraditsionalizma: k postanovke problemy [The phenomenon of social and cultural neotraditionalism: to the problem]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik Novosibirsk State University. Philosophy*. 4(2). pp. 93-97.
7. Madyukova, S.A. (2008) *Sotsiokul'turnyy neotraditsionalizm v obryadakh zhiznennogo tsikla (na primere zhenshchin tyurkskikh narodov Yuzhnoy Sibiri)* [Sociocultural neotraditionalism in the life cycle rituals (a case study of Turkic women in Southern Siberia)]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Popkov, Yu.V. (2011) Sotsiokul'turnyy neotraditsionalizm v etnosotsial'nom razvitii [Sociocultural neotraditionalism in ethno-social development]. *Novye issledovaniya Tuva – The New Research of Tuva*. 2–3. pp. 93-94. [Online] Available from: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3780-tezisy.html.
9. Lamazhaa, Ch.K. (2011) *Arkhaizatsiya v period sotsial'nykh transformatsiy (sotsial'no-filosofskiy analiz tuvinskogo fenomena)* [Archaization during social transformation (A social-philosophical analysis of the Tuva phenomenon)]. Abstract of Philosophy Doc. Diss. Moscow.
10. Kimeev, V.M. (2008) *Ekomuzeyi Pritom'ya v postindustrial'nom obshchestve: genesis, arkhitektonika, funktsii* [Ecomuseums of the Tom region in the post-industrial society: Genesis, architectonics, functions]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

УДК 391/395
DOI 10.17223/19988613/43/21

М.А. Жигунова, Е.А. Коптяева

НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ КАК ВАРИАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 14-50-00036).

С применением междисциплинарного подхода анализируются национально-смешанные браки и брачные установки современных жителей Сибири различных национальностей, выявляются влияющие на них факторы. Авторы приходят к выводу о том, что национально-смешанные браки можно рассматривать как своеобразный индикатор межэтнических отношений, важный канал обмена этнокультурной информацией и как среду формирования новых этнокультурных традиций. Приводятся основные модели формирования этнического самосознания и этнокультурной идентичности в национально-смешанных семьях. Подчеркивается, что в настоящее время этническая принадлежность не является решающим фактором при выборе брачного партнера, а национальная самоидентификация не имеет кардинального влияния на поведенческую составляющую этнокультурной идентичности. В то же время, начиная с конца 1990-х гг., наблюдается увеличение влияния религиозной идентичности. **Ключевые слова:** национально-смешанные браки; межэтнические контакты; этнокультурная идентичность; брачные установки; городское население.

Современный период времени характеризуется как этнокультурный парадокс: с одной стороны, идут процессы глобализации, установления и укрепления кросскультурных связей, с другой – катализация этнокультурной идентичности, стремления доказать свою этническую и культурную индивидуальность. Под этнокультурной идентификацией (идентичностью) нами понимается осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнокультурной общности. Национально-смешанные браки являются наиболее ярким примером проявления поведенческой составляющей. Готовность или неготовность общества принять сам факт возможности смешанного брака в целом и некоторых членов этого общества в частности является определенным маркером этнокультурной идентичности. Особую актуальность эта проблематика приобрела в настоящее время в связи с необходимостью формирования нового подхода к развитию культурной сферы и создания единого духовного пространства, необходимого для укрепления общегражданской российской идентичности.

В данной работе анализируются национально-смешанные браки и брачные установки людей различных национальностей, выявляются влияющие на них факторы, основные модели формирования этнического самосознания и этнокультурных характеристик (на примере Омска). Выбор этого города в качестве поля исследования обусловлен многонациональным составом его жителей (более 120 национальностей) и пограничием с Казахстаном. Перманентные контакты с представителями соседнего государства выступают своего рода катализатором собственной самоидентификации. Значительная численность и гетерогенность городского населения, неоднородность его социального, этнического и конфессионального состава, недостаточная изученность вызывают определенные трудности в исследовании заявленной темы. В данной работе ис-

пользованы методы и данные истории, философии, социологии, этнологии, этносоциологии, психологии, культурологии, демографии, статистики.

Интерес к изучению межэтнических браков возник достаточно давно. Особенно актуальной была эта тема в советское время, когда в рамках государственной политики осуществлялась попытка создания новой исторической общности – советский народ. Рост национально-смешанных браков в этот период был обусловлен политикой интернационализации и углублением процессов экстенсивной урбанизации. Увеличение миграционной подвижности населения, а следовательно, этнической и социально-культурной мозаичности, способствовало «размыванию» этнического самосознания, усилению установок на межэтническое общение. Данный вопрос поднимался в трудах многих ученых различных специальностей. Для нас наибольший интерес представляют работы Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколова, З.Л. Сизоненко, А.В. Топилина [1–4], а также недавно изданный сборник научных статей «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» [5]. Из имеющихся работ, посвященных межнациональным бракам города Омска, опубликована совместная статья М.А. Жигуновой и В.В. Реммлера, но в ней основное внимание уделяется русским и украинцам.

Наше исследование базируется на материалах, собранных в результате историко-этнографических и этносоциологических исследований 2000–2016 гг., статистических источниках (включая данные отделов ЗАГС). Опросы проводились методом интервьюирования и анкетирования (как очного индивидуального, так и заочного (онлайн-опрос)). При обработке данных учитывалась национальная, половозрастная и религиозная принадлежность респондентов. Собранные материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Досто-

евского и Музее народов Сибири Омского научного центра СО РАН. В рамках изучения современных этнических процессов М.А. Жигуновой проводилось изучение установок на межнациональное общение, выявление предпочитаемых брачных партнеров, наличие родственников различных национальностей в семьях современных омичей.

В 2007 г. ею был разработан специальный опросник, посвященный семье и свадьбе. В нём содержались как прямые вопросы, предлагающие респонденту описать свои представления о свадьбе, так и вопросы, отвечая на которые респондент косвенно выражал свои этнические установки (например, о влиянии национальной и религиозной принадлежности супругов на заключение брака).

С 2013 г. к изучению межнациональных отношений, в том числе и межнациональных браков в г. Омске, приступила Е.А. Коптяева. Ее исследования охватили широкие слои населения, от учащихся средне-специальных и высших учебных заведений до представителей пенсионного возраста, но основное внимание уделялось молодому поколению омичей. Акцент на молодежную возрастную группу связан с тем, что позиция молодежи – это в том числе и отражение установок родителей, учителей и т.д. Соответственно, исследование этнических установок молодого поколения является хорошей возможностью выявить бытующие в обществе стереотипы, так как в данной возрастной промежуток наблюдается определенное ориентирование на социальную группу, к которой человек принадлежит. «В процессе социализации под воздействием семьи, школы, малых групп, средств массовых коммуникаций и т.п. у индивида вырабатываются социально-профессиональные ориентации, склонности и установки» [6. С. 41]. Кроме того, изучение брачных и этнических установок молодежи является хорошей возможностью выявить бытующие в обществе стереотипы, так как «младшие возрастные группы отличает в большей мере, чем зрелых людей, черно-белое восприятие действительности» [7. С. 119].

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории г. Омска проживают 1 413 226 человек. Самыми многочисленными из них являются русские – 1 207 414 человек, казахи – 42 054, украинцы – 30 418, татары – 24 284, немцы – 21 709 [8]. Нашим исследованием были охвачены представители азербайджанской, армянской, белорусской, грузинской, еврейской, казахской, латышской, литовской, молдавской, мордовской, немецкой, польской, русской, татарской, украинской, узбекской, цыганской, чеченской, чувашской, эстонской и других национальностей. Учитывая, что более 80% современного населения города Омска относят себя к русским, наиболее массовые исследования проводились среди них.

Согласно сведениям отделов ЗАГС, в 2013–2015 гг. в Омске ежегодно регистрируется 12–13 тыс. браков. Среди них выявить точное количество межнациональных не предоставляется возможным, поскольку графа

«национальность» в документах упразднена. Но, исходя из анализа проведенных опросов, а также сведений сотрудников отделов ЗАГС (выявляющих такие браки, исходя из фамилий брачующихся), можно утверждать, что около 20% современных браков заключаются людьми разных национальностей. Наиболее активный возраст для вступления в брак среди мужчин – 25–29 лет, для женщин – 18–24 года. Подавляющее большинство опрошенных омичей считают, что главным поводом для вступления в брак является любовь (далее идут материальная выгода и беременность невесты, поиск стабильности, регулярный секс и др.). Слово «семья» чаще всего вызывает позитивные ассоциации: родители, дети, бабушки-дедушки, супруги, дом, уют, семейный очаг, любовь, поддержка, общность интересов, ответственность.

Данные исследований М.А. Жигуновой 2000–2016 гг. свидетельствуют о том, что в семьях 73% опрошенных русских омичей имеются близкие родственники других национальностей, чаще всего – украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, чувашской, польской, армянской, еврейской. По мнению 52% опрошенных, «национальность при вступлении в брак не имеет значения, лишь бы человек был хороший да любили друг друга». Интересно, что среди русских процент ответивших таким образом существенно превышал количество ответов среди представителей других национальностей.

С точки зрения национальной самоидентификации, межнациональные браки имеют колоссальное влияние. Если в мононациональной среде вопрос об этнокультурной и национальной идентичности практически не ставится, то в межнациональном браке возникают определенные противоречия. Дети, рожденные в таких браках, вынуждены выбирать, к какой национальности и соответствующей культурной традиции себя отнести. В последние годы основанием для определения национальной идентичности все чаще выступают не этнические корни, а именно культура. Нередко при опросах встречаются люди, которые отвечают так: «Я родился и воспитан в русле русской культуры, поэтому считаю себя русским независимо от национальности моих родителей».

Варианты этнической самоидентификации, противоречащие происхождению, встречаются довольно часто. Так, зачастую потомки белорусов в Сибири считают себя русскими. Называют себя русскими дети из украинско-немецких, белорусско-казахских и других семей, где родители принадлежат к различным народам. С каждым годом растет число лиц, затрудняющихся четко определить свою этническую принадлежность («не знаю, никакой», «трудно сказать, много в нас всякой крови намешано») либо указывающих смешанную и множественную идентичность («метис», «гибрид», «полурусок», «полукровка», «наполовину русский – наполовину татарин», «русский казах», «русская хохлушка», «русский, но по крови – белорус», «по

паспорту немец, но считаю себя русским» и др.). Среди основных критериев этнической идентичности респондентами чаще всего указываются национальная принадлежность родителей и родственников, а также язык и культура, территория проживания и личные ощущения (*чувствую, что я русский по духу, потому что душа у меня русская*). Зачастую под русскими понимаются все, кто родился и проживают в России, говорит на русском языке и является, по сути, носителем русской культуры. Таким образом, необходимо особо отметить объединяющие и консолидирующие функции русской культуры для всех граждан нашей страны [9. С. 341–342].

Изучая отношение к самому явлению межэтнического брака, респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?», «Считаете ли Вы для себя возможным вступление в межэтнический брак?», «Как бы Вы отнеслись к тому, если бы Ваш (потенциальный) сын женился на представительнице другой национальности?», «Выразите свое мнение о ситуации, если бы в межэтнический брак вступила Ваша (потенциальная) дочь». При помощи вопросов о брачных установках для собственных детей предполагалось свести к минимуму возможные попытки респондентов соответствовать принятому в обществе образу «толерантного человека», в соответствии с которым человеку предписывается отсутствие негативного отношения к иной культуре, а точнее – с наличием позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия собственной [10. С. 10].

Исследования Е.А. Коптяевой проводились в 2013–2015 гг. среди русских, украинцев и казахов. Ответы русских мужчин можно разделить на две группы: респонденты, которые положительно или нейтрально относятся к межэтническим бракам (77%), и респонденты, указавшие на негативное отношение к таким бракам (33%). Следующий вопрос предполагал изучение возможности вступления в межэтнический брак самого опрашиваемого (58% ответили положительно, 42% выразили отказ). Когда речь зашла о возможности такого брака для детей, то большинство (67%) отрицательно восприняли данный вариант, 25% положительно отнеслись к такой версии и 8% не смогли дать однозначного ответа на данный вопрос. Во второй группе ответы были противоположны: для себя респонденты такой брак признавали невозможным, в то время как для детей подобный союз не исключался (8% от общего массива). Большинство русских женщин (89%) охарактеризовали это явление как положительное или нейтральное, 11% высказались отрицательно. Отвечая на вопрос о возможности межэтнического брака лично для себя, 50% высказались против, 38,4% признали вероятной такую возможность, остальные оказались не готовы дать односложный ответ. При обобщении полученных данных было выяснено, что группа ответов, в которых дается одинаково положительное отношение к

межэтническому браку как для себя, так и для своих детей, составляет 38,4%. Часть ответов, в которых высказано одинаково негативное отношение к явлению межнационального брака, составляет 3,8%.

Казахские мужчины высказали достаточно позитивное отношение к межнациональному браку: 67% охарактеризовали его как положительное явление, 23% продемонстрировали свое нейтральное отношение, 16% высказались против. Что касается личного отношения, то 50% респондентов считают для себя приемлемым заключение подобного брака, 33% высказали нейтральное отношение, категорически не приемлют для себя 17% отвечающих. Когда вопрос коснулся брачных союзов для их детей, расклад данных в целом продублировал тот, что был получен при анализе ответов на предыдущий вопрос: 50% ответили, что положительно смотрят на возможный брак детей с представителями другой национальности, 33% не придали никакого значения национальной принадлежности брачного партнера для своих детей, 17% указали, что этот фактор будет иметь для них значение. Стоит отметить, что большинство опрошенных были молодые мужчины в возрасте до 30 лет. Казахские женщины оказались более консервативными в данном отношении. Около половины (52%) считают межнациональный брак негативным явлением, характеризуя его как «размывание своего народа», 31% относятся к нему положительно, 17% проявили нейтралитет. Отвечая на вопрос о возможности межнационального брака для себя, 64% дали отрицательные ответы, чаще всего объясняя это запретом старших родственников, 33% – нейтральные («все может быть», «наверное», «национальность не имеет значения») и 3% ответили, что межнациональный брак для них возможен и/или желателен. Большинство казахских женщин (66%) считает, что не стали бы препятствовать браку своего ребенка с представителем другой национальности, 17% заявили, что данная ситуация неприемлема, 17% проявили нейтралитет.

Украинские мужчины, отвечая на вопрос о своем отношении к межэтническим бракам, по большей части высказали нейтральное или равнодушное отношение – 55% ответов, 45% отвечающих высказали резко негативное отношение к феномену межэтнического брака. Общая масса ответов на вопрос о приемлемости межнациональных браков лично для респондента разделилась на две равные группы. Половина опрошенных дала положительный ответ, 50% ответили, что не приемлют подобного брака для себя. Украинские женщины продемонстрировали более лояльное отношение к межэтническим бракам. Большинство (42%) охарактеризовали подобный брак как позитивное явление, но с оговоркой, что партнер не должен принадлежать к вероисповеданию, отличному от их собственного. Чуть меньше (38%) заявили о своем нейтралитете и 20% высказали свое осуждение. Отвечая на вопросы о возможности межнационального брака конкретно для себя, женщины по большей части продемонстрировали положи-

тельное отношение – 65%, но с уточнениями, что желаемый партнер должен иметь схожее вероисповедание и происходить из стран Европы, Америки. Категорически против подобной возможности высказались 35%. Большинство (65% мужчин и 98% женщин) указали, что согласились бы на межнациональный брак для своего (гипотетического) ребенка.

Таким образом, треть респондентов (29%) не смогли высказать какое-либо однозначное отношение к такому явлению, как межнациональный брак. Большинство (47%) охарактеризовали его как позитивное явление. Но также имеются и противники заключения браков между представителями разных национальностей. Следует указать, что многие отмечали существенную разницу между браком с представителем схожей по истории, культуре, религии национальности и другим. Как правило, предпочтение отдается наиболее близким в этнокультурном и религиозном отношениях партнерам. Появились в вариантах ответов и расовые характеристики (*«выдал бы дочь за представителя европеоидной расы»*). Большинство опрошенных не считают национальную принадлежность решающим фактором при заключении брачного союза, более значимым является религиозная принадлежность. Так, около 50% опрошенных считают, что для удачного семейного союза важным является принадлежность супругов к одной религии: «Одна религия, одна культура, одни традиции и обряды».

Итак, можно сделать следующие выводы. Существенное влияние на межэтническую брачность оказывают расселение и численность контактирующих этносов, особенности их жизнедеятельности и культуры, частоты межэтнических контактов, миграционная активность. Также значимыми факторами являются уровень урбанизации, степень гетерогенности и открытости контактирующих народов, их языковая, культурная и религиозная близость, установки на межэтнические контакты. На территории Омска в миграционных потоках основную роль играют мужчины. Как правило, выходцы из различных регионов Азии и Кавказа вступают в брачные связи с представителями славянских народов. Среди потомков мигрантов и национально-

смешанных семей отмечается более высокий уровень межэтнической брачности. В целом в настоящее время чаще русские женщины (а не мужчины, как на ранних этапах сибирской истории) вступают в брак с партнером другой национальности. В силу различных причин в таком браке либо русская женщина перестраивается под традиции другой культуры (учится готовить блюда национальной кухни, осваивает обычаи и обряды, принимает религиозную веру мужа), либо разные этнические культуры мирно сосуществуют, причудливо переплетаясь. Национально-смешанные браки можно рассматривать как своеобразный индикатор межэтнических отношений, а также как важный канал обмена этнокультурной информацией и как среду формирования новых этнокультурных традиций. В таких семьях складывается особая микросреда, создающая благоприятные условия для межэтнического общения и формирования соответствующих положительных установок.

В национально-смешанных семьях формируются, по крайней мере, три основные модели поведения: 1) «размывание» этнического самосознания, утрата этничности одного из брачных партнеров, создание предпосылок для дальнейшей культурной ассимиляции; 2) сочетание этнокультурных характеристик контактирующих этносов с существенной разницей в их культуре, религии, языке и двойственность этнического самосознания; 3) выработка принципиально новых, своеобразных гибридных форм, характерных лишь для национально-смешанных семей, формирование новой субэтнической идентичности [11. С. 19]. Национально-смешанные браки испытывают сильное воздействие со стороны ряда экономических, демографических, социальных и этнокультурных факторов, но и сами оказывают на них существенное влияние. Этническая принадлежность не является решающей при выборе брачного партнера. Соответственно, национальная самоидентификация не имеет кардинального влияния на поведенческую составляющую этнокультурной идентичности. В то же время, начиная с конца 1990-х гг., наблюдается увеличение влияния религиозной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробужева Л.М., Сусоколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований СССР) // Советская этнография. М. : Наука, 1981. С. 11–23.
2. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М. : Мысль, 1987. 142 с.
3. Сизоненко З.Л. Межнациональная семья в крупном городе // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 140–145.
4. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 76–88.
5. Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности : сб. науч. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 296 с.
6. Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2004. 504 с.
7. Сикевич В.З. Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. 152 с.
8. Национальный состав населения Омской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. Всероссийская перепись населения 2010. Итоги. URL : http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010, свободный (дата обращения: 05.06.2016).
9. Жигунова М.А. Этнокультурная идентичность русских: современные проблемы изучения и сохранения // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М. : Наука, 2011. С. 337–350.
10. Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М. : ИАЭ РАН, 2002. С. 10–34.

11. Жигунова М.А., Реммлер В.В. Этнические процессы в современном сибирском городе (на примере национально-смешанных браков Омска) // *Этнография Алтая и сопредельных территорий* : матер. междунар. науч. конф. Барнаул : АлтГПУ, 2015. Вып. 9. С. 17–20.

Zhigunova Marina A. Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia). E-mail: marizh.omsk@mail.ru; *Koptyaeva Ekaterina A.* Complex Research Department of Regional Problems of Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russia). E-mail: kati_sch139_bp@mail.ru

NATIONAL MIXED MARRIAGES AS A VARIATION OF ETHNOCULTURAL IDENTITY.

Keywords: national mixed marriages; interethnic contacts; ethnocultural identity; marriage installations; urban population.

Authors of this article using interdisciplinary approach analyze national mixed marriages and marriage aims of modern Omsk residents of various nationalities; reveal the factors influencing them. This article is based on the field materials collected in historical, ethnographic and ethnosociologic researches of 2000–2016 and also on the statistical and demographic data. The modern period of time can be characterized as ethnocultural paradox: on the one hand there are processes of globalization, establishment and strengthening the crosscultural communications; on the other hand – a catalyzing of ethnocultural identity, aspiration to prove the ethnic and cultural identity. National mixed marriages are the most striking example of manifestation of a behavioural component. Willingness or unavailability of society to accept the fact of a possibility of interethnic marriage is a certain marker of ethnocultural identity. This perspective now has acquired special relevance due to the need of formation of new approach to development of the cultural sphere and creation of the uniform spiritual space necessary for strengthening of all-civil Russian identity. National mixed marriages can be considered as a peculiar indicator of the interethnic relations, and also as the important channel of an exchange of ethnocultural information and as the environment of formation of new ethnocultural traditions. In the national mixed families there is a special microenvironment creating favorable conditions for interethnic communication and formation of the corresponding positive aims. In the article the main models of formation of ethnic consciousness and ethnocultural characteristics in the national mixed families are given. The territory of Omsk belongs to zones of active interethnic contacts. In Omsk live representatives of more than 120 nations. In present time about 20% of all registered marriages are interethnic. National mixed marriages experience strong influence from a number of economic, demographic, social and ethnocultural factors and have significant effect on them. Now the ethnic origin is not a determinative factor in a choice of the marriage partner. Respectively, national self-identification has no cardinal influence on a behavioural component of ethnocultural identity. At the same time, since the end of the 1990th the increasing influence of religious aspect of identity has being observed.

REFERENCES

1. Drobizheva, L.M. & Susokolov, A.A. (1981) *Mezhetnicheskie otnosheniya i etnokul'turnye protsessy (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniya SSSR)* [Inter-ethnic relations and ethno-cultural processes (a case study of ethno-sociological research in the USSR)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 11–23.
2. Susokolov, A.A. (1987) *Mezhnatsional'nye braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR]. Moscow: Mysl'.
3. Sizonenko, Z.L. (2007) *Mezhnatsional'naya sem'ya v krupnom gorode* [An interethnic family in a big city]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 140–145.
4. Topilin, A.V. (1995) *Mezhnatsional'nye sem'i i migratsiya: voprosy vzaimovliyaniya* [Interethnic families and migration: Issues of mutual influence]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 76–88.
5. Funk, D.A. et al. (eds) (2015) *Chelovek v menyayushchimsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istoriii i shvremennosti* [A person in a changing world. Issues of identity and social integration in the history and modernity]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Cherednichenko, G.A. (2004) *Molodezh' Rossii: sotsial'nye orientatsii i zhiznennye puti (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Russian youth: Social orientation and ways of life (a sociological research)]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
7. Sikevich, V.Z. (1996) *Russkie: "obraz" naroda (sotsiologicheskii ocherk)* [The Russians: The "image" of the people (a sociological survey)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
8. The Federal State Statistics Service of Omsk region. (2010) *Natsional'nyy sostav naseleniya Omskoy oblasti* [The national composition of the population of Omsk Region]. [Online] Available from: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010. (Accessed: 5th June 2016).
9. Zhigunova, M.A. (2011) *Etnokul'turnaya identichnost' russkikh: sovremennyye problemy izucheniya i sokhraneniya* [The Russian ethno-cultural identity: Contemporary problems of study and preservation]. In: Guboglo, M.N. & Dubova, N.A. (eds) *Fenomen identichnosti v sovremennoy gumanitar-nom znaniy: k 70-letiyu akademika V.A. Tishkova* [The phenomenon of identity in contemporary humanities: The 70th anniversary of Academician V.A. Tishkov]. Moscow: Nauka. pp. 337–350.
10. Lebedeva, N.M. (2002) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya etnicheskoy identichnosti i tolerantnosti v polikul'turnykh regionakh Rossii i SNG* [Theoretical and methodological foundations of the study of ethnic identity and tolerance in multicultural regions of Russia and the CIS]. In: Lebedeva, N.M. (ed.) *Identichnost' i tolerantnost'* [Identity and Tolerance]. Moscow: Institute of Archeology and Ethnography RAS. pp. 10–34.
11. Zhigunova, M.A. & Remmler, V.V. (2015) [Ethnic processes in the modern Siberian city (a case study of mixed marriages in Omsk)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and cross-border regions]. Proc. of the International Conference. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 17–20. (In Russian).

С.А. Попова

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ И «ТАНЦЫ ДУХОВ [БОГОВ]» В ВЕЖАКАРАХ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Предметом настоящего исследования является описанный и изученный В.Н. Чернецовым периодический медвежий праздник в поселении Вежакары, куда съезжались посланцы с определённых территорий хантов и манси. Сами носители культуры называли эти праздники 'большими [главными] танцами' или «духов [богов] танцами». Описывается содержание обрядов, являются их мифологическая подоплёка и социальные функции: как механизма этнической консолидации и функционирования фратрии и рода. Рассматриваются трансформация и угасание «съездов» в прошествии столетия.

Ключевые слова: медведь; мифология; первопредки; духи-покровители; периодические обряды.

Для изучения периодических обрядов Валерий Николаевич Чернецов совершил две командировки в Вежакары. Обе поездки были результативными. В первой (декабрь 1936 – январь 1937 г.) он присутствовал как на периодических «играх» *Яныг йикв* в Вежакарах, так и на спорадических медвежьих праздниках манси и хантов Северной Сосьвы и Средней Оби, где описал танцы и зарисовал главных исполнителей. Позднее (1948) он сделал киносъёмки танцев на медвежьем празднике [1. С. 3].

В процессе непосредственного наблюдения церемоний Валерий Николаевич отмечает, что роль медведя в периодических обрядах *Яныг йикв* не главная: «Обряды <...> напоминают в общих чертах “медвежий праздник”, но имеют в то же время несравненно более крупный масштаб», а Вежакары он определяет как «место съездов членов фратрии Пор» [2. С. 38]. Для нашего исследования выделим эти две составляющие, где, по выражению В.Н. Чернецова, «медвежий обряд <...> может быть полезным при выяснении этногенетических вопросов истории народов Приобья» [1. С. 4].

Если с этой точки зрения рассматривать и сопоставлять его материалы, то обнаруживается, что в периодических обрядах *Яныг йикв* нашли отражение процессы формирования обско-угорских народов и представления, имеющие отношение к древнему социуму и коллективной обрядности.

Например, из мифологических текстов северной группы манси известно, что начало жизни в землях, где они проживают, положили дети *Торум'*а 'Верхний бог'. Отец спустил [с неба] своих детей на остров, окружённый тёплым/горячим морем в наказание за то, что они стали ему перечить, и оставил их там выживать. Дети проявили мудрость, сумели вызвать холодный Северный Ветер, море застыло, и они разошлись каждый на свою мифологическую территорию. Здесь их стали почитать как выдающихся первопредков. Всего их шесть, пять сыновей и одна дочь, – это на Пелыме *Полум-Торум*; в верховьях Северной Сосьвы *Нярас-Най-Эква*; на средней Сосьве *Тагт-Котиль-Ойка*; в низовье Северной Сосьвы (обские манси) *Ай-Ас-Ойка*, на Сыгве (Ляпине) *Нёр-Ойка* и *Тэк Отыр*. Как отмечает извест-

ный исследователь мансийского языка Е.И. Ромбандеева, «огромные территориальные владения первоначальных духов-покровителей совпадают с регионами диалектных групп северного наречия» [3. С. 57].

Каждый из первопредков, за исключением *Нёр-Ойк'*, имеет зооморфную ипостась (манс. *пуныг*). Маркируя процесс формирования новой территориальной общности, избранное животное обожествляли (религия) и мифологизировали (мировоззрение), наделяя сакральной символикой. В обыденной жизни придание статуса определённому виду животного выделяло каждое территориальное объединение.

Развитие этногенетических процессов шло на фоне межплеменных столкновений. Следы этого являются городища, погребения воинов, героический фольклор. Из героического фольклора манси известно, что все шестеро, включая сестру, были *най-отыр'*ами (букв. богатырка-богатыри) и военачальниками, ходили в завоевательные походы со своими воинами как на ближние, так и дальние расстояния. *Най-отыр'*ы – это другая, антропоморфная ипостась территориальных первопредков.

Некоторые из них за подвиги и благие деяния заслужили [от отца *Торум'*а] статус бога, например Пелымский, Нижнесосьвинский (Обской) и богини – Верхнесосьвинская. В первую очередь именно в честь этих первоначальных духов и богов отмечались периодические обрядовые празднества, именуемые «танцы духов/богов», и как минимум в шести (мансийских) объединениях.

Маркерами территориальных границ каждой диалектной группы северных манси выступали естественные «священные комплексы» в верхнем и нижнем течении основных рек (Пелым, Лозьва, Лэпля, Северная Сосьва, Обь). Обычно – это священная (манс. *ялын*) гора или озеро, возвышенность или река, а то и вместе – гора/возвышенность – озеро – река.

В мифологии и обрядовой практике каждый из первопредков имеет особую священную территорию с обустроенным святилищем, узнаваемую атрибутику, сказание о его жизни и подвигах, призывную песню или мелодию, танец. Наличие главного святилища

определяет центр территориального объединения: «крупный религиозный центр, куда на поклонение святыням съезжались жители из разных мест» [4. С. 42]. В перечне типов мансийских святилищ оно классифицируется как «культовое место территориальной группы, <...> объединяющее всё население, независимо от его фратриальной принадлежности» [5. С. 126].

Святилище обычно находится вдали от поселения, здесь имеется специальная постройка (манс. *ура*), в ней находятся антропоморфная фигурка и атрибуты духа/божества, кострище, перекладыны для шкур жертвенных животных и т.д. Главный обряд проводится на этом месте, и участие в нём принимают только мужчины. Церемония сопровождается обновлением «одеяний», «кормлением/угощением» божества, дарованием ему прикладов и других приношений, совершением жертвоприношения животных (манс. *йир*). Люди обращаются с просьбами (манс. *пойкил*) и надеются на его божественное покровительство и помощь, поскольку, по представлениям манси, именно он несёт всю ответственность за миропорядок на закреплённой «в первоначальные времена» за ним территории и благополучной жизни людей, проживающих в его владениях.

Далее обряды продолжают в поселении, где главное внимание уделяется воинским почестям духа/божества. М.А. Лапина, этнограф, представитель из рода хранителей *Тэк Отыр*'а, пишет: «Танцевальные церемонии были посвящены в основном военной тематике, и они предназначались как “от войн заслоняющие танцы”, где основной атрибутикой было военное снаряжение, а меч или сабля выставлялись как воинские реликвии во время танцев» [6. С. 403]. На протяжении нескольких дней исполнялись танцы с саблями, мечами, а также эпические и героические песни и предания.

Важность и актуальность подобных «съездов» определяются с учетом консолидации разрозненных групп в крупные этнические объединения. Здесь на первый план выдвигаются цели и задачи социального характера – это необходимость формирования у каждого члена коллектива общей системы ценностей, набора норм, законов и поведенческих установок, свойственных культуре данной этнической группы. Достижение поставленной цели проявляется в обычае проводить обрядовые праздники в системе, т.е. периодически (их цикличность составляла семилетние периоды). Отличительная черта периодических церемоний – неизменная связь с природным переходным состоянием в периоды солнцеворота от зимы/холод к лету/тепло, и наоборот. Переходное состояние в природе обостряет конфликтные ситуации, поэтому оно является подходящим временем для проведения обрядов, призванных разрядить и снять напряжённость.

Помимо того, что объединение было территориальным, оно носило родовой характер. Родство (кровное, территориальное, по духу) являлось залогом существования локальных культур обских угров [7. С. 143]. Одна из главных целей периодических съездов – под-

тверждение родства по общему первопредку (манс. *пуныг щирыл/торум щирыл* по духу/по богу) [8. С. 94].

В общих чертах это выглядело так. Каждое большое объединение включало множество мелких семейно-родовых коллективов-поселений, и каждый из них имел своего родового духа-предка [9. С. 151]. К назначенному для сборов времени представители родов выезжали со своими семейно-родовыми духами-предками. В зимний период везли на отдельных санях, а в летний на специально изготовленных плотах, «в гости» к предку высшего ранга – территориальному. По пути их следования, в поселениях, если какая-либо родственная семья не могла выехать на «съезд», то для неё совершался ритуал. К антропоморфной фигурке духа-предка привязывали подаренный *сынтор* 'шейный платок [шейная ткань]', взамен этой семье отдавали платок, который уже какое-то время был на «шее» *пуныг*. Таким образом выражается родство [8. С. 94]. Всё, что касалось родового предка (определяющие атрибуты; обряды; *тан* 'мелодия'; *кайсов* 'призывная молитва'; *кастул латынг* 'речитатив'; *йикв* 'танец'), относилось к святыням рода и было сакрализовано, представители других родов, женщины и непосвящённые юноши не должны были видеть и слышать их.

Прибыв в центр территориального объединения, представители родов совершают ряд обрядовых действий на главном святилище и устраивают *Яныг йикв* 'Большие [главные] танцы' в честь главного первопредка.

Яныг йикв – это лишь одна часть съездов, которая дополняется периодическим медвежьим праздником. Для его объяснения вновь возвращаемся к семейно-родовым поселениям. Каждое мансийское поселение состояло из родственников разных поколений, т.е. между собой все считались *акв рут махум* 'люди одного рода'. Здесь также возникает вопрос маркировки коллективов, но в большей мере из-за потребностей в сфере хозяйствования. Священным предком семейно-родовой территории представлялся *Павыл Ойка* 'Поселения Мужчина'. Он выступал в роли первопредка рода и представлялся, как и территориальный, в зооморфном образе – *пуныг* и антропоморфном – *най-отыр*. Поскольку *пуныг* является *опариц* 'дедом-предком' жителей посёлка, между его жителями нельзя заключать браки, так как они *акв рут*, *акв опариц* 'один род [с] одним предком'. *Най-отыр*, где *най* 'выдающаяся женщина/героиня, богатырка', *отыр* 'богатырь, выдающийся воин, культурный герой'. *Най-отыр*'ы представляются как выдающиеся предки и почитаются как кровные родственники *акянув-акванув* 'наши дедушки-бабушки'. Здесь также брачные отношения попадают под запрет. Из наблюдений следует, что род вырождается, если постоянно совершаются браки внутри рода (инцест), что вынуждает часть народа мигрировать. Но родственные связи не теряются, они поддерживаются празднично-обрядовыми церемониями в периоды всеобщих сборов.

Реальность выживания семьи и рода требовала моделирования коллектива. При запрещении браков внутри

одного рода возникает необходимость создания некоего объединения, в котором должно было состоять несколько родов (дуальные половины). Для обских угров, предположительно, подобными объединениями были фратрии [2. С. 20–41; 10. С. 105–119]. В данной связи следует отметить, что мансийское общество делилось на группу людей *пор* (*пор махум*) с мифологическим предком в образе медведя (*Торев*) и группу людей *мош* (*мош махум*) предком в образе богини *Калташ* [9. С. 186].

Со сменой территорий (переселения) и в социальной сфере – деление на группы, в том числе *пор* – *мош*, – периодические обряды дополнительно приобретают характер демонстрации принадлежности к той или иной фратрии. В этот период в актуальных верованиях и мифологии на первый план выступает символ-образ «медведь». Медведь также приходится сыном/дочерью *Нуми Торум*’а, но младшим из плеяды духов/богов и появляется на территории проживания манси самым последним. Для северной группы манси характерен вариант мифов о спуске с Верхнего мира на Землю медведицы. Её, как и старших детей, отец отправил вниз за непокорность ислушание, но уже не на остров в тёплом море, а на болото с кочкарником и зарослями черёмухи и шиповника, что соответствует нынешней территории проживания манси. Здесь, на болотисто-таёжной части медведица (позже медведь) также получает статус первопредка объединения людей *пор*.

Функции медведя отличаются от функций старших мифологических территориальных первопредков. На него возлагается ответственность за людей *пор* везде, где бы они ни расселились, т.е. его влияние повсеместно. Можно предположить, что его символическое предназначение обусловлено очередным витком переселений, возвращающим к первоначальному времени, когда на новые территории отселяются дети территориальных первопредков. В этом смысле для нас показательна история сыновей бога Пелымской территории *Полум Тõрум*’а, имеющая непосредственное отношение к Вежакарам. В одном из преданий говорится о трёх его сыновьях, которых он спускает в устье р. Соракт (Ляпинская территория) и они расходятся на предназначенные им места: Верхнее Нильдино, Ломбовож и Вежакары, которые становятся центрами новых объединений. Исторически складывается так, что в цене объединение родственников по материнской линии – у манси, а по отцовской – у ханты. Сыновья же *Полум Торум*’а навсегда остаются охранителями основания дороги до лестницы к дыре (дверям) в Верхний Мир, откуда якобы их спустил отец. Они, как и отец, могут принимать образ *Консынг Ойк*’и, букв. Когтистый мужчина, т.е. медведь. Возможно, поэтому в Вежакарах во время «плясок духов/богов» в честь территориального первопредка обских манси, бога *Ай Ас Ойк*’и, несколько дней отводилось медведю. Но это были не медвежьи танцы (манс. *уй йикв* ‘зверя танцы’), а *пумыг йикв* ‘духа [медведя] танцы’ [8. С. 93].

Поскольку медведь – самый младший из мифологических первопредков и появляется довольно поздно, то

представляется, что для него дополнительно устраивались представления, чтобы показать все события, происходившие до него, в том числе и старших духов/богов.

Для периодических обрядов *пумыг йикв* специально медведя не добывали, поскольку они посвящались мифологическому предку. Тем не менее присутствие духа (манс. *пумыг*) являлось обязательным условием, и он символически «восседал» на почётном месте в так называемой обрядовой позе, т.е. его шкура вместе с головой, уложенной на передние лапы. Для объёмности шкуру набивали сухой травой и сворачивали, в таком виде она и хранилась. Для *пумыг йикв* (позже и *уй йикв*) в каждом территориальном центре имелся специальный *яныг кол* ‘большой [священный] дом’, или *йиквын кол* ‘танцевальный дом’ (в этнографической литературе его называют «общественный дом», «дом для плясок», «культовый дом»), в котором также хранились и соответствующие для плясок святыни. В слово *йикв* ‘танец’ В.Н. Чернецов вкладывает следующее значение: «...хочу подчеркнуть, что понимаю это слово как изображение действием, подобно мансийскому – драматизированный танец, игровое (действенное) изображение» [11. С. 24].

В период празднеств перед медведем исполняются песни, разыгрываются различные представления-*тулыглап*’ы, основное содержание которых связано с магическими действиями в отношении зверей, птиц и рыб, для воздействия на природу, для счастья и удачи в промысле; бытовые сцены. Посредством священных представлений происходит общение с предками, в том числе и антропоморфного облика. На протяжении всего праздника проводятся очистительные ритуалы.

Другая, не менее важная функция медведя, – блюститель порядка. Медведю мифологически предписано быть судьёй и хранителем клятвы. Здесь его главная обязанность – следить за порядком и исполнением установленных традицией обычаев, норм и правил, в том числе строгое соблюдение семейно-брачных отношений, территориальных притязаний, обязательное участие в периодических обрядах, и каждые семь лет возить вежакарского *пумыг* «в гости к отцу» – Пелымскому богу.

События предыдущего столетия ускорили ломку старого патриархального уклада. Система «съездов» на периодические церемонии в том виде, в каком застал её В.Н. Чернецов, теряет свою актуальность в связи со сменой социальных условий, таких как ослабление родственных связей, утрата форм деления на брачные группы и перехода на новые формы хозяйствования.

В настоящее время периодические обряды, связанные с «плясками духов [богов]», утрачены как отжившие своё время. Они были необходимы на определённом этапе, когда шло формирование северных манси и хантов, как консолидирующий механизм в процессе сложения древних социальных групп обских угров. Тем не менее в обычаях и обрядах недавнего прошлого и уже в наше время можно обнаружить новые культурные формы, в которых сохраняется система «съездов». Разница в том, что она трансформирована в существу-

ющие этнокультуры манси и ханты, а не в их первоначальной форме – членов фратрии *пор*. Также они встречаются в открепленных от периодических обрядах – спорадических медвежьих праздниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров / пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 49 с.
2. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–40.
3. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 207 с.
4. Мартынова Е.П. «Разных земель люди», «разных городков люди»: этногенетические процессы в Северном Приобье по материалам этнографических исследований // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое / отв. ред. Я.А. Яковлев. Ханты-Мансийск ; Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 34–50.
5. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986. 192 с.
6. Лапина М.А. Танцевальные традиции тегинских хантов // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Екатеринбург : НППМ Волот, 2006. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное исследование. С. 401–405.
7. Перевалова Е.П. Везхакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) / Этнокультурное наследие народов Севера России: к юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой / отв. ред. Е.А. Пивнева. М. : Август Борг, 2010. 304 с.
8. Попова С.А. Роль периодического медвежьего праздника *Яныг йикв* в формировании социума северных манси // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 89–100.
9. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
10. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983. 325 с.
11. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 63 с.

Popova Svetlana A. Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russia). E-mail rusinapopova@yandex.ru

V.N. CHERNETSOV AND "THE DANCES OF SPIRITS [GODS]" IN THE VEZHAKARAKH: A LOOK THROUGH A CENTURY".

Keywords: bear; mythology; progenitors; spirits patrons; periodic ceremonies.

V.N. Chernetsov (1905–1970) paid the main attention to studying of culture of the Mansi (Voguls). A specific place in his researches is held by an ethnographic phenomenon of Ob Ugrians that is the Bear holiday. He was the first who noticed and marked out its feature that is the division on sporadic and periodical. The research subject is the periodical Bear holiday of Ob Ugrians in the Vezhakary village. In Valery Nikolaevich's opinion, Vezhakary was a "congresses" place of phratry of Por members; and a holiday form is a cycle of the special ceremonial actions. He named those gatherings according to the ethnical terminology: Mansi's *Yanyg jikv* are "big [main] dances" and Mansi term "Pupyg jikv", Khanty terms "Lungkh yak", "Emyng yak", "Tongkh yak" mean the dances of spirits [gods]. Chernetsov had made two expeditions in Vezhakary for more detailed studying of periodic ceremonies. Valery Nikolaevich noted that a bear role is not the main in periodic ceremonies, though in key features the ceremonies reminded sporadic Bear holiday, but at the same time had larger scale. More than ninety years had passed after the first Chernetsov acquaintance with the Bear holiday. This determines the work aim, which is to compare by the example of Vezhakary periodic ceremonies of the century ago with nowadays mansi once and to introduce new information for scientific use. Now the periodic ceremonies of bear worshipping and spirits dances are lost, as outdated. They were necessary at the certain stage of northern mansi and khanty formation, as a consolidating mechanism for constructing of social groups of ancient Ob Ugrians. Nevertheless, new cultural forms, those preserve "congress" system remains can be found in the near past and nowadays customs and ceremonies. The difference is in transformation of that system from its initial appearance (the gatherings of phratry of Por members) into existing mansi and khanty ethnical cultures. Some remains also occur in the sporadic Bear holiday, no longer belonging to the periodic ceremonies. Research is focused on studying of traditional culture of mansi, and also on an origin and transformation of some its components.

REFERENCES

1. Chernetsov, V.N. (2001) *Medvezhiy prazdnik u obskikh ugrov* [The bear festival of the Ob-Ugric people]. Translated from German N.V. Lukina. Tomsk: Tomsk State University, 2001. 49 s.
2. Chernetsov, V.N. (1939) Fratrial'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [The Phratric principle of the Ob Ugra society]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 20-40.
3. Rombandeeva, E.I. (1993) *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [The history of Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (folklore and rituals)]. Surgut: Severnyy dom.
4. Martynova, E.P. (2012) "Raznykh zemel' lyudi", "raznykh gorodkov lyudi": etnogeneticheskie protsessy v Severnom Priob'e po materialam etnograficheskikh issledovaniy ["Peoples from different lands", "peoples from different towns": Ethnogenetic processes in the Northern Ob based on the ethnographic research]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Sibirskie ugry v ozherel'e subarkicheskikh kul'tur: obshchee i nepovtorimoe* [Siberian Ugrians among the subarctic cultures: Common and unique]. Khanty-Mansiysk; Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–50.
5. Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (1986) *Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [The Mansi religion. Sacred spaces (the 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Lapina, M.A. (2006) *Tantseval'nye traditsii teginskikh khandov* [Dance traditions of Teginsk Khanty]. In: Redin, D.A. (ed.) *Tri stoletiya akademicheskikh issledovaniy Yugry: ot Millera do Shteynitsa* [Three centuries of Yugra academic research: From Miller to Steinitz]. Ekaterinburg: Volot. pp. 401–405.
7. Perevalova, E.P. (2010) *Vezhakarskiy kul'tovyy kompleks (transformatsiya traditsii i perspektivy sokhraneniya)* [Vezhakarsky cult complex (transformation of tradition and conservation perspectives)]. In: Pivneva, E.A. (ed.) *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii* [Ethnic and cultural heritage of the peoples of the Russian North]. Moscow: Avgust Borg.
8. Popova, S.A. (2015) *Rol' periodicheskogo medvezhego prazdnika Yanyg yikv v formirovani sotsiuma severnykh mansi* [The role of periodic Yanyg yikv bear festival in the formation of the northern Mansi society]. *Vestnik ugrovedeniya*. 1(20). pp. 89–100.
9. Lukina, N.V., Ryndina, O.M. & Markov, G.E. (1983) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [The sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Sokolova, Z.P. (1983) *Sotsial'naya organizatsiya khandov i mansi v XVIII–XIX vv.: Problemy fratrii i roda* [The social organization of the Khanty and Mansi in the 18th – 19th centuries: Problems of phratry and and genus]. Moscow.
11. Chernetsov, V.N. (1970) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [Rock Art of the Urals]. Abstract of History Doc. Diss. Moscow.

УДК 395.3
DOI 10.17223/19988613/43/23

Н.А. Тадина, Т.С. Ябыштаев

ТЕЛЕНГИТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОМУ РЕНЕССАНСУ

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 15-11-04003а(р)

«Традиции и инновации родовой потестарности алтайцев в контексте этносоциальных процессов в Республике Алтай».

Утверждение возрожденного зайсаната как итога этнокультурного ренессанса у теленгитов, этнотерриториальной группы южных алтайцев, происходит через практику установки памятников родовым лидерам прошлого – улаганскому родоначальнику кёбёков Ярынаку и последнему чуйскому зайсану Очурдяпу. Определены место памятника в этнокультурной жизни региона и специфика его восприятия в условиях полиэтнической среды, в которых этническое общество обращается к прошлому для понимания настоящего.

Ключевые слова: теленгиты; зайсан; памятник; родовое сознание.

Регион расселения теленгитов охватывает Улаганский и Кош-Агачский районы Республики Алтай и представляет пример этнокультурного взаимодействия трёх этнических общностей – теленгитов (3,6 тыс. чел.) как этнотерриториальной группы южных алтайцев, русских (1 тыс. чел.), являющихся здесь этническим меньшинством, и диаспоры казахов (10 тыс. чел.) [1], самой крупной и имеющей полуторавековой период проживания. В начале 1990-х гг. алтайские казахи обрели неудачный опыт возврата в Казахстан и в своём этническом возрождении стали тяготеть к исламу. Местные русские проживают в основном в крупных сёлах – районном центре с. Кош-Агач, с. Улаган. Большинство их уехало в постсоветский период, закрылись предприятия – ртутный рудник в с. Акташ Улаганского района, геологоразведочная партия в с. Курай Кош-Агачского района и пр. [2. С. 66–71].

Одним из важных итогов этнокультурного ренессанса у теленгитов явилось возрождение должности зайсана – главы рода сёока. На протяжении более двух десятилетий сородичи выбирают своего зайсана на родовых собраниях. В Республике Алтай известен зайсанат, включающий 15 зайсанов наиболее многочисленных и распространённых родов сёоков [3. С. 292]. В этнической идентификации теленгитов возрождённая должность зайсана утверждается посредством практики установки памятников родовым лидерам прошлого. В июне 2013 г. по инициативе зайсана тёлёсов Акай Кине и при поддержке районного отдела культуры в Улаганском районе, у слияния рек Чулышман и Башкаус вблизи Телецкого озера, был поставлен памятник Ярынаку (Ярынак), родоначальнику теленгитского сёока кёбёк, подразделения «ак кёбёк», жившему в XVII в. [4] (рис. 1, 1). В преддверии 150-летия вхождения теленгитов в состав России в июле 2014 г. в с. Кокоря Кош-Агачского района был поставлен памятник зайсану Чуйской волости Очурдяпу Мандаеву из сёока ак кёбёк (1828–1898) [5] (рис. 1, 2).

С целью определения места памятника в этнокультурной жизни региона и специфики его восприятия в условиях полиэтнической среды нами был взят тезис о том, что этническое общество обращается к прошлому для понимания настоящего. Введены в научный оборот предания, опубликованные в региональных сборниках, газете «Алтайдын чолмоны», газете Кош-Агачского района «Чуйские зори» и газете Улаганского района «Улаганнын солундары» (Новости Улагана), ставшие одним из источников изучения проблемы в сопоставлении собранного полевого и фольклорного материала.

Важным фактором установления памятника зайсану прошлого явилось сохранение сведений о местах формирования и расселения родов сёоков. Среди теленгитов Кош-Агачского района преобладает сёок кёбёк, а Улаганского района – сёок тёлёс. Сёок тёлёс – самый многочисленный и встречаемый почти во всех районах Республики Алтай род, сформировался в Улаганском районе, а именно в окрестности Телецкого озера. Не случайно русские переселенцы назвали озеро Телецким («озеро тёлёсов»). Регион формирования тёлёсов не ограничивался прителецкой тайгой, а охватывал прилегающую тайгу Абакан, простирающуюся до р. Енисей в Хакасии. О тёлёсах Л.П. Потапов писал следующее: «...их охотничьи угодья в то время выходили за пределы Горного Алтая, распространяясь на верховья Абакана, что запечатлелось в их религиозных представлениях, связанных с культом гор. Память о старинной промысловой территории зафиксирована у них, даже у проживающих в центральном Алтае, в почитании божества Абакана как священного их покровителя» [6. С. 67].

О своеобразии родового состава Улаганского и Кош-Агачского районов сложена легенда, записанная С.П. Швецовым в Улагане в ходе переписи 1897 г.: «Некогда существовало два брата и у них были дети – девять сыновей у первого и четыре у второго. Первые носили имена: Кобок, Сагал, Копчак, Ябак, Иркыт, Тонгуан, Мундус, Кергил и Монгол; сыновья второго – Теолёс, Оргончи, Алмат и Тетыдас. Два старших сына – Кобок и Теолес – Ярынак и Тельбек приняли под-

данство Китая и были зайсанами. От их тринадцати братьев пошел народ, составляющий в настоящее время две Чуйские волости и распадающийся на тринадцать сеоков: потомки первых девяти братьев образуют II Чуйскую волость, а вторых четырех братьев – I волость» [7. С. 113–114].

Историческая память как основа социальной, культурной и этнической идентичности связана с ценностями поколений и включена в образы жизненного пути известной личности. По преданию, родоначальник кёбёков Ярынак (Ярынак) был рождён с отметиной – родимым пятном на лопатке, что предопределяло в нём воина [8.

С. 73]. Повествуется, что «Аба-Ярынак отстоял свой род и свою землю от врагов»: в его времена прекратились нападения тувинцев, называемых алтайцами «сойон», казахов, прозванных «кыргын», и монголов «могол». Испытавшие трудности находили приют в горах Алтая, где, набрав силу, продолжали свой путь. Для сородичей Ярынака «воды Алтын-Кёля – Золотого озера были местом водопоя, а становище имели на Ак-Чолушпе (в долине р. Чулышман)» [9. С. 114]. Ярынак был похоронен у слияния рек Башкаус и Чулышман между 7 берёз, давших месту название «Ала Кайын» [Там же. С. 124], где ему установлен памятник (рис. 1, 1).

Рис. 1. Памятники родовым лидерам теленгитов: 1 – родоначальнику кёбёков Ярынаку (Улаганский район), URL: http://www.listock.ru/index.php?option=com_oldsite_handler&id=3&page_id=38470; 2 – зайсану Чуйской волости Очурдяпу Мандаеву (Кош-Агачский район) URL: <http://altaistika.ru/8/>

Собиратель и издатель теленгитских легенд поэт и публицист Б.Я. Бедюров в 1979 г. в с. Кош-Агач записал от К. Очурдяпова: «Мы, ак-кёбёки, происходим от славного Ярынака, все мы свою родословную исчисляем, начиная с него. Это он первым укрепился на берегах Алтын-Кёля и долине Ак-Чолушпы, отстояв эти

земли для нас, своих потомков. Мой род пошёл от одного из его сыновей – Бюдюгеша. Сыном Бюдюгеша был Бёдё, сын Бёдё – Тесегеш, сын Тесегеша – Чычкан, сын Чычкана – Мандай, сын Мандая – Очурдяп, сын Очурдяпа – Макайла, сын Макайла – Чындый, сын Чындыя – я, Кадыр» [Там же. С. 114].

Имена зайсанов выступают ориентирами в хронологии исторических событий, говоря о которых, называют зайсана, управлявшего в то время. Потомки Ярынака до Очурдяпа были наследственными зайсанами рода ак-кёбёк. По преданию, первым зайсаном ак-кёбёков был избран сын Ярынака Кёбёгёш, унаследовавший от отца силу и родимое пятно на лопатке. После него зайсанство стало наследственным званием у его потомков. При зайсане Чычкане и Мандае теленгиты приняли подданство Российского государства. Первым в верховье р. Чуи переселился зайсан Мандай и вместе с ним спустились остальные роды сёоки. Из теленгитских легенд следует, что поначалу они ещё не обитали в Чуйской степи. Первыми появились ак-кёбёки, занявшие пастбища ранее живших здесь дербетов, переселённых маньчжуро-китайским властям на восток за хребты Сайлюгема, за линию пограничных караулов. Ранее они жили в долине Чулышмана, и их оттуда, видимо, потеснили телесы, спасавшиеся от походов Петра Сабанского и переправившиеся с северного на южный берег Алтын-Кёля (Телецкого озера) [10. С. 29].

После присоединения алтайцев к России в 1756 г. теленгиты на протяжении столетия оставались в положении двоеданцев, выплачивая дань Российской и Цинской империям. Последняя контролировала пограничные регионы, в которых родовые главы тёлёсов Улаганского нагорья и сёока ак кёбёк бассейна р. Чуи, являясь китайскими подданными, получили право наследственного зайсанства. После подписания Чугучакского договора в 1864 г. российско-китайская граница в южной части Горного Алтая стала проходить по водоразделам рек Чуи, Аргута, Башкауса и Катунь.

Важным фактором восприятия установленных памятников родоначальнику и зайсану ак кёбёков явилась актуализация родовых преданий. В газетных статьях К.А. Бидинова, основателя «Историко-этнографического музея теленгитов Чуи» в с. Кокоря Кош-Агачского района, популяризуются сведения о периоде двоеданства, когда родовые главы тёлёсов Улаганского нагорья и сёока ак кёбёк бассейна р. Чуи получили право наследственного зайсанства [11. С. 11]. Приняв подданство России, у теленгитов I Чуйскую волость (Улаганский район) представляли тёлёсы, II Чуйскую волость (Кош-Агачский район) – кёбёки. При зайсане II Чуйской волости – Очурдяпе Мандаеве – поднимались острые проблемы землеустройства и сохранения территории проживания теленгитов. Роль зайсана Очурдяпа была важна в налаживании торговых связей между купеческим г. Бийском и с. Кош-Агач, ставшим торговым центром в пограничном регионе. В годы его зай-

санства казахи, переселившиеся из Прииртышья и пограничных районов Китая, получили разрешение на поселение в Чуйской степи и плоскогорье Укок (Кош-Агачский район) [12. С. 12].

В этнической памяти кош-агачских казахов достойным уважения считается сын Калдеке «свободный зайсан» Абдолда (Абдульдо) Калдыкин, глава подрода сарыкалдак-кулжабай рода найман. По сведению А.Н. Самойловича, зайсан теленгитов II Чуйской волости Очурдяп «назначал от себя неофициального, без печати, старшину казахов» [13. С. 3]. На рубеже XIX–XX вв. казахи были поэтапно приняты в российское подданство и прикреплены ко II Чуйской волости. По статистическим данным С.П. Швецова, казахов было 1 123 человека, из них 560 мужчин и 563 женщины [7. С. 33]. По официальному землеустройству, проведённому в 1912 г. Алтайским округом, правый берег р. Чуи отводился теленгитам, а переселившимся казахам – левобережье, где в 1912–1913 гг. была создана Казахская волость [14. С. 165]. Волостной старшиной, называемым в народе по-прежнему зайсаном, был избран сын Абдолды Шакырт кажы, получивший официальный статус и печать главы. Заимствование кош-агачскими казахами алтайского титула «зайсан» объясняется тем, что этнической основой как алтайцев, так и казахов остаётся родовая структура. Род называется «суёк», как у алтайцев «сёок», в отличие от казахстанского названия «ру». Такая «близость культур» указывает на включённость алтайских казахов в центрально-азиатскую этнокультурную общность [15. С. 136].

В результате проведённого исследования было заключено, что возрождённый зайсанат у теленгитов актуализируется посредством установки памятников родовым лидерам прошлого. Памятный знак родоначальнику Ярынаку в Улаганском р-не назван в народе «кезер таш», что означает «резной, обработанный, отёсанный камень» по сходству с древнетюркским изваянием. Установленная стела зайсану Чуйской волости в Кош-Агачском районе называется «кёжё таш» в значении «памятный пограничный знак»: «Теленгиты изваяние называют кёшё-таш или кёшё-агаш, в зависимости от того, какой материал был использован для создания памятника: камень – таш или дерево – агаш» [9. С. 69–70]. В теленгитских памятниках заключён обобщённый образ прошлого – либо характерные черты богатыря, либо прорисовка внешности потомка ак кёбёк, взятая за типичный облик чуйского зайсана. Сохранение теленгитских преданий способствует появлению памятных знаков историческому прошлому в условиях этнокультурного ренессанса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население Республики Алтай / Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org>
2. Тадина Н.А. Алтайцы, русские, казахи – три этнических образа в этнокультурном взаимодействии в Республике Алтай // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы конф. Барнаул : АлтГПА, 2011. Вып. 8. С. 66–71.
3. Ябыштаев Т.С. Памятники родоначальнику и зайсану Чуйской волости // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 292–295.

4. В Улаганском районе установлен памятник легендарному герою Кайракан-Дьяранак / Министерство культуры Республики Алтай [сайт]. URL: <http://www.culture-altai.ru/index.php/deyatelnost/site-administrator/80-all-news/947-v-ulaganskom-rajone-ustanovlen-pamyatnik-legendamomu-geroyu-kajrakan-darynaku.html>, свободный (дата обращения: 04.06.2016).
5. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу // Тезисы XVII Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий» [сайт]. URL: <http://zsaek.tsu.ru>
6. Потапов Л.П. Алтайские телёсы в этническом отношении // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 53–71.
7. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Барнаул : Типолит. Гл. упр. Алт. окр., 1900. Т. 1: Кочевники Бийского уезда, вып. 1. 561 с.
8. Очурдяпов К. Воспоминания о Ярынаке // Эл-Алтай: литературно-художественный альманах. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское книжн. изд-во «Уч Сюмер», 1988. С. 71–75.
9. Алтайские исторические предания Ойротской эпохи / сост. Б.Я. Бедюров. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2014. 205 с.
10. Шерстова Л.И. История не пишется, история рассказывается... // Алтайские исторические предания Ойротской эпохи. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2014. С. 23–32.
11. Бидинов К.А. Тадыштардан ла Очуряптан таркаган ук-төс // Улаганнын солундары (Улаганские новости) (с. Улаган, Республика Алтай). 2013. 23 мая (№ 21). С. 11.
12. Бидинов К.А. Очурдяп Мандаев – зайсан II Чуйской волости // Чуйские зори (с. Кош-Агач, Республика Алтай). 2013. 9 окт. (№ 41). С. 12.
13. Самойлович А.Н. Казаки Кош-Агачского аймака Ойротской автономной области // Казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. 25 с.
14. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе её хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
15. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Зайсан в народной памяти кош-агачских казахов // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2015 г.: этнография, устная история. Павлодар : ИППИ ; Барнаул : АлтГПУ, 2016. Вып. 11. С. 132–137.

Tadina Nadeshda A. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia). E-mail: ntadina@yandex.ru; Yabyshataev Tengis S. Institute for Advanced Studies and Professional Retraining of Education Workers of the Republic of Altai (Gorno-Altai, Russia). E-mail: teng7891@mail.ru

TELENGIT MONUMENTS TO ETHNO-CULTURAL RENAISSANCE.

Keywords: telengits; zaisan; a monument; a tribal consciousness.

The Telengits, an ethno-territorial group of southern Altai, live in Ulagansky and Kosh-Agach district of the Altai Republic where Russians are an ethnic minority, and the Kazakhs – the largest diaspora. Ethno-cultural renaissance resulted in revival of Telengit zaisan's (head of the clan-Seok) position. Its strengthening takes place due to practical installation of monuments to tribal leaders of the past. In June 2013 in Ulagansky district on the initiative of the telēs zaisan Akai Kine there was erected a monument to Yarynak (Jarynak), the founder of Köböк Seok, who lived in XVII century. On the eve of the 150th anniversary of the Telengits' entry to Russia in July 2014, in the village of Kokorya (Kosh-Agach district) was put up a monument to Ochurdyap Mandaev (Seok ak Köböк), Chui Volost zaisan in XIX century. In order to determine the monument place in ethno-cultural life of the region and specifics of its perception in multiethnic environment there was used an idea that ethnic society turns to the past to understand the present. Traditions published in regional newspapers and anthologies were put into scientific circulation. As the legend runs, the Telengits came from the valley of the Chulyshman (Ulagansky district), where lived Yarynak, the founder of Telengit Seok Köböк. His descendants headed by Mandai moved to Chui steppe and were hereditary zaisans of II Chui volost (Kosh-Agach district). Zaisans' names serve historical marks: the last Zaisan Ochurdyap pointed out issues of land management and conservation of the Telengits' territory, the conversion of Kosh-Agach into a trading center of the frontier region. While Ochurdyap was the zaisan the Kazakhs who moved from the Irtysh and the frontier areas of China, were permitted to settle. The research results showed that the revived Telengits' zaisanat is updated by installing monuments to the tribal leaders of the past. The monument to clan leader Yarynak (Ulagansky District) is called "Kaeser Tash", meaning "hewn stone" due to similarity with an ancient statue. Stele to a Chui volost zaisan in Kosh-Agach District is called "kēzhē tash" meaning "boundary stone / stone monument." Telengit monuments give a generalized image of the past – features of the hero, or drawing of the appearance of ak Köböк descendant as a typical face of Chui zaisan. Saving Telengit traditions contributes to appearance of landmarks of historical past in ethno-cultural renaissance conditions.

REFERENCES

1. Wikipedia.ru. (n.d.) *Naselenie Respubliki Altay* [The population of the Republic of Altai]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%90%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9. (Accessed: 4th June 2016).
2. Tadina, N.A. (2011) [Altaians, Russians, Kazakhs – three ethnic images in ethnic and cultural interaction in the Republic of Altai]. *Etnografiya Altaya i soprodel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and Cross-Border Regions]. Proc. of the Conference. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 66–71. (In Russian).
3. Yabyshataev, T.S. (2016) Pamyatniki rodonachal'niku i zaysanu Chuyskoy volosti [Monuments to the founder and zaisan of Chui Volost]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Conservation and study of Altai cultural heritage]. Barnaul: Altai State University. pp. 292–295.
4. Ministry of Culture of the Republic of Altai. (2013) *V Ulaganskom rayone ustanovlen pamyatnik legendarnomu geroyu Kayrakan-D'yanaku* [A monument to the legendary hero Kayrakan-Dyanaku is erected in Ulagansky district]. [Online] Available from: <http://www.culture-altai.ru/index.php/deyatelnost/site-administrator/80-all-news/947-v-ulaganskom-rajone-ustanovlen-pamyatnik-legendamomu-geroyu-kajrakan-darynaku.html>. (Accessed: 4th June 2016).
5. Tadina, N.A. & Yabyshataev, T.S. (2016) [Telengit monuments to ethno-cultural renaissance]. *Vostok i Zapad: problemy sinkhronizatsii etnokul'turnykh vzaimodeystviy* [East and West: Synchronization of Ethno-Cultural Interactions]. Proc. of the 17th West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. [Online] Available from: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%9D%D0%90_%D0%AF%D0%B1%D1%8B%D1%88%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2_%D0%A2%D0%A1.PDF. (Accessed: 4th June 2016). (In Russian).
6. Potapov, L.P. (1987) *Altayskie telesy v etnicheskom otnoshenii* [Altai Telengits in terms of ethnicity]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Problemy proiskhozhdeniya i etnicheskoj istorii tyurkskikh narodov Sibiri* [Problems of origin and the ethnic history of the Turkic peoples in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 53–71.
7. Shvetsov, S.P. (1900) *Gornyy Altay i ego naselenie* [The Altai Mountains and its people]. Vol. 1. Barnaul: Altai Region Typography.

8. Ochurdyapov, K. (1988) Vospominaniya o Yarynake [Recollections of Yarynak]. In: *El-Altay. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh* [E-Altay. A Literary Almanac]. Gorno-Altaysk: Uch Syumer. pp. 71-75.
9. Bedyurov, B.Ya. (ed.) (2014) *Altayskie istoricheskie predaniya Oyrotskoy epokhi* [Altai historical legends of the Oirot age]. Novosibirsk: Geo.
10. Sherstova, L.I. (2014) Istoriya ne pishetsya, istoriya rasskazyvaetsya... [History is not written, it is told . . .]. In: Bedyurov, B.Ya. (ed.) *Altayskie istoricheskie predaniya Oyrotskoy epokhi* [Altai historical legends of the Oirot age]. Novosibirsk: Geo. pp. 23-32.
11. Bidinov, K.A. (2013) Tadyshardan~ la Ochurjaptan~ tarkagan uk-tös. *Ulagannyn solundary* [Ulagan News]. 23rd May. pp. 11.
12. Bidinov, K.A. (2013) Ochurdyap Mandaev – zaysan II Chuyskoy volosti [Ochurdyap Mandaev – the second zaisan of the Chui Volost]. *Chuyskie zori*. 9th October. pp. 12.
13. Samoylovich, A.N. (1930) Kazaki Kosh-Agachskogo aymaka Oyrotskoy avtonomnoy oblasti [Cossacks of Kosh-Agach aimag, Oirot Autonomous Region]. In: *Kazaki. Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy* [Cossacks. Materials of the research expedition commission]. Leninrgad: USSR AS.
14. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* [Interethnic relations in West Siberia in the course of its economic development. The 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Tadina, N.A. & Yabyshtaev, T.S. (2016) Zaysan v narodnoy pamyati kosh-agachskikh kazakhov [Zaisan in the folk memory of Kosh-Agach Cossacks]. In: Demin, M.A. & Shcheglova, T.K. (eds) *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae. 2015 g.: etnografiya, ustnaya istoriya* [Field studies in Irtysh, Ob and Upper Altai. 2015. Ethnography and oral history]. Pavlodar: Altai State University. pp. 132-137.

УДК 39 (391.7)
DOI 10.17223/19988613/43/24

Н.О. Тадышева

СИМВОЛИКА ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Статья подготовлена в рамках проекта «Взаимодействие природы и общества в традиционных цивилизациях Центральной Азии по Научно-прикладной программе Республиканского научного центра по изучению традиционных цивилизаций Центральной Азии».

На основе полевых материалов автора и научных публикаций рассматривается значение женских украшений в традиционной алтайской культуре. Предпринята попытка анализа возрастного и социально-статусного облика носителя украшения. Автор приходит к выводу о сложной семантике и магическо-религиозным функциям женских украшений в традиционной алтайской культуре – охранительной, множительной, благопожелательной, которые отражают идеи плодovitости в контексте сохранения алтайским населением некоторых архаических черт традиционного мировоззрения.

Ключевые слова: традиционная культура; устойчивость; изменчивость; женские украшения.

Необходимо отметить, что семантика апотропеического содержания украшений оказывает влияние на их функционирование в традиционной культуре. Сакральное, ритуально-культовое значение оберега-украшения превосходит его эстетическую роль в традиционной культуре. Любая вещь, созданная человеком, обладает как утилитарными, так и символическими свойствами. Украшения же содержат минимум «вещности» и максимум знаковости [1. С. 63–88]. В алтайский традиционный набор женских украшений входили головные, накосные (*шанкы, жыламаи*), ушные (*сырга*), шейно-нагрудные, наспинные (*шалтырак, шымырак*), поясные (*белјуш, калта*), кольца и перстни, браслеты.

Современные полевые материалы свидетельствуют о сохранении сакрального значения украшений, придаваемого женщинами-алтайками. Магическо-религиозная смысловая нагрузка украшений актуализируется при изменении женщиной ее статуса – после того как женщина вышла замуж, стала матерью. Женщина, родившая и вырастившая детей, не может быть пустой – *куру болбос*, что предусматривает обязательное ношение украшений (ПМА 1–3).

Также информанты упоминали о том, что украшения оберегают человека от сглаза. По представлениям алтайского населения, они обладают особыми свойствами, способными предохранять, защищать человека от бед и сглаза. Охранительная функция украшений была одной из самых главных. Украшения по своему материалу или форме обладали магической охранной силой, в связи с этим в колыбели новорожденной девочки должен быть оберег (талисман) – это *сырга* (сережка), *топчы* (пуговица), *јинји* (бусы), *јркене* (бисер), а у мальчика – *ок јаа* (лук), *јебе* (наконечник стрелы лука). Традиционно использовались украшения из бронзы, серебра, кожи, войлока, с большей охотой приобретаются сейчас в магазинах и они, и украшения из золота. Но в то же время прописывается, что в возрасте после 50 лет предпочтения нужно отдавать украшениям из серебра, а не из золота

(ПМА 2). Видимо, это связано с лечебными свойствами серебра и, может быть, здесь наблюдается влияние бурханизма, при котором белый цвет является сакральным. В настоящее время мастеров по изготовлению традиционных украшений из золота и серебра в регионе нет, но продукция мастериц из войлока, кожи пользуется спросом у населения.

По-разному сегодня объясняются значения украшений. Определенное место занимают представления о серьгах. Встречались несколько объяснений обязательного ношения сережек. Так, существует поверье, что если у женщины уши не были проколоты, то в мире предков (после смерти) уши прокалывать будут «хвостом черной змеи» (ПМА 1, 3). Также считается, что через отверстие на мочке ушей уходит сглаз, не оставаясь в женском теле (ПМА 1). Время прокалывания ушей также регламентировано. Лучше всего их прокалывать, когда нет перелета птиц, видимо, этот период имеет определенное значение в традиционном календаре, так как детей отучать от грудного вскармливания предлагается также в данное время.

Дарение сережек *таайы* (дядей по матери) во время «*койу кӧчӧ*» (букв. «густая перловка», здесь празднование ребенку одного года) или во время празднования 12-летия племяннице считается *байлу* (сокровенный) подарком.

По традиционным нормам поведения, в семье должны жениться или выходить замуж по старшинству. Если младшие опередили, то они должны подарить старшей сестре серьги. Данное действие объясняется тем, что младшие таким образом могут забирать счастье сестры и, преподнося подарок, искупают свою вину [2. С. 113].

Существует мнение, что благодаря своей форме кольцо *курчап јат* (букв. опоясывает, здесь возводит защиту) человека. Пожилая женщина, имеющая детей, внуков, должна носить перстень с камнем «*костј јјстјук*» (букв. кольцо с глазом) (ПМА 1). Считается,

что если на пальцах женщины, доящей корову, нет колец, то вымя коровы может заболеть. Матери необходимо носить хотя бы одно кольцо для того, чтобы не болели дети (ПМА 3).

В современной похоронно-поминальной обрядности также отражено сакральное значение украшений. В сопроводительный инвентарь не кладут украшения из золота. Считается, что золото в мире предков будет тяжелой ношей для умершего.

Раньше пуговицы, бусы и бисер, раковины моллюска каури и другие украшения, как правило, подносились новорожденному родственниками и знакомыми семьи. По народному поверью, наибольшей магической силой обладали ракушки моллюска каури, по своей форме они напоминают глаз, поэтому считалось, что это украшение способно уберечь от сглаза. Круглой пуговице приписывали силу дарить долголетие. Бусины и бисер считались символами многодетности и богатства. Сначала их прикрепляли к дужке колыбели, а позже использовали при изготовлении *шалтрак*'а – оберег-погремушки. К *шалтрак*'у пришивали пуговицы, когти, раковины каури, бабки. При трении предметов *шалтрак*'а издавался шорох, звон, чтобы домашние всегда могли знать по звуку, где находится ребенок. В наспинные украшения входили зубы животных, мешочки с собачьей шерстью (ПМА 1). Во время исследования не встретилась информация об изготовлении и использовании *шалтрак*'а. Видимо, в новых условиях применение оберег-погремушки изменилось. Детские обереги используют и сейчас, но они скрыты от посторонних глаз, а функция погремушки, очевидно, исчезла за ненужностью, так как в большинстве современные семьи отличаются малодетностью и всегда ребенок находится под присмотром взрослых.

Еще в XVIII в., описывая внешний облик населения Горного Алтая, путешественники обращали внимание на накосные украшения. Так П. Шангин, совершивший поездку в долину р. Кана в 1786 г., писал, что «женщина плетет две-три косы, девки носят много кос и сзади украшают их змеиными головками» и множеством подвесок, вплетенных в косы [3. С. 100].

Накосные украшения девушек добрачного возраста состояли из шести нитей с желтыми и голубыми стеклянными бусами и раковинами каури. Длина такого накосника доходила до 30 см. Девочек до брачного возраста называли «сырмалу бала» (букв. «имеющая причёску “сырмал”»). Эта причёска была довольно сложной: делался косой пробор, чёлка заплеталась в три косички, при этом одна из них укладывалась на левую, вплетая височные косички. Из волос на затылке заплетали несколько косичек.

С наступлением брачного возраста, когда девушке исполнялось 15–16 лет, её причёску украшали накосным убранством «*шанкы*», которое состояло из раковин каури, вплетаемых в каждую косичку специальными шнурами, продетыми через металлическую петельку круглой выпуклой пуговицы. Их скрепляли закол-

кой, а также пропускали под матерчатую опояску, концы которой, в отличие от способов ношения мужчинами, спускались сзади вместе с *шанкы*, доходящей до пят. Существует поверье, что характерный звук трения раковин каури друг о друга отпугивал болезни и неприятности. Девушку, носившую такое накосное украшение, называли «*шанкылу бала*» (букв. «девушка с украшением *шанкы*», здесь речь идет о девушке на выданье) (ПМА 3).

Замужней женщине полагалось носить две косы *тулун*. Обряд заплетения кос является обрядом перехода и проводился во время свадебного ритуала [2. С. 119]. В косы вплетали накосники-шнуры, оканчивающиеся тяжёлым украшением-раковинами каури – *йыламыш*, нашитыми в три или четыре грани на основу. Они также обильно украшались орнаментированными бляшками *сакузын*, серебряными накосниками, исполненными в технике филигрании, часто с инкрустированными в них цветными или даже полудрагоценными камнями, ожерельями, составленными из бус, цветных камней, стекла.

В современное время накосные украшения практически исчезли из повседневной жизни. Хотя есть упоминание о них в героических эпосах: «Шестьдесят две раковины [в косах] о поясицу ударяются. <...> Несказанно красивой девушкой Алтын-Күскү была» [4. С. 417], а также в обращении в *алкышах* (благопожеланиях) *jarлыкчы* (служитель бурханизма): «Оберег-сакузын (женское накосное украшение в виде серебряной бляшки с вставными камнями из сердолика и кораллов) радугой сияющее место очистит, от злой нечисти уберезет на переднем углу (жилища) берегающий владычествующий Ак-Бурхан золотой дух» [5. Л. 82]. Эти примеры говорят о значительной роли, которую накосные украшения играли в прошлом в мировоззрении народа.

Традиционные накосные украшения сегодня носят только девочки дошкольного и младшего школьного возраста. В алтайской традиции считается необходимым украсить волосы девочек: «*Кыс баланын бажын кара жүргүспей jat*» («букв. Голова девушки не должна быть черной, здесь без украшений»).

Чегедек – это особая безрукавная распашная, с разрезом ниже талии одежда, которую носили замужние женщины. Она шилась из бархата, шелка, сукна и толстых хлопчатобумажных тканей. Проймы рукавов, горловина, края полочек *чегедек*'а выкладывались цветными нитками в цвета радуги шириной в 3 см или обшивались парчой. Сбоку на *чегедек* нашивалось литое металлическое украшение *белжүш*, к которому привязывали платок, связку ключей, *калта* (кисет), зашитые в кусочки кожи пуповины детей, по которой всегда можно было узнать их количество и пол. Воротник платья обшивали пуговицами, бисером, индийскими раковинами. Создавалось такое ощущение, будто у *чегедек*'а есть ворот. Платье и *чегедек* обильно украшались аппликациями, вышивками по вырезу ворота, вдоль борта, рукавов и подола.

Безусловно, традиционный костюм алтайской женщины за последнюю сотню лет претерпел серьезные изменения, но многовековые традиции, архаические представления и в наши дни сохраняются в традиционной одежде: *уштуктар* (язычок рукава, закрывающий руку невестки), *канаттар* (крылья). А женский кисет *калта* перешел из традиционного аксессуара в современный и используется в качестве чехла для мобильного телефона.

Отдельного внимания требуют изменения, коснувшиеся *белжүш* – женского поясного украшения, состоящего из кожаных или войлочных мешочков с пуповинами ее детей, украшенные бусинами. В настоящее время, с одной стороны, актуализировалось его сакральное значение – посторонним не показывают *белжүш*, а с другой стороны, мешочки под пуповины изготавливают и продают мастерицы декоративно-прикладного искусства.

Как рассказывают информанты, хранение пуповин имеет давнюю традицию. В с. Сугаш Усть-Коксинского сначала пуповину заворачивали в ткань, а спустя некоторое время (иногда год) мать ребенка шила мешочки из кожи овцы. Фасон мешочков для девочек и мальчиков различался. Для девочек он имел ром-

бовидную или треугольную форму, наподобие игольников, для мальчиков – в виде сосуда, но имелись и другие варианты. Мешочки с пуповинами обязательно дополнялись снизками из бус, раковинами каури (для девочек), дисками из перламутра (топчи), в него вкладывались зерна ячменя (*арба*) (ПМА 1).

В с. Яконур Усть-Канского района объяснили, что долгое время пуповину просто так не держат. Вместе с пуповиной кладут *арчын* (можежеватель), ячмень, шелковую ниточку, пулю. Все складывают в кожаный мешочек и зашивают. Формы мешочков отличаются по полу ребенка; у девочек квадратные, у мальчиков треугольные. Мешочек украшают бисером и хранят у матери (ПМА 3).

Анализ символики женских украшений показал, что в современной алтайской культуре украшения выполняют эстетические, утилитарные, этно-знаковые, социально-знаковые и магическо-религиозные функции. Социально-знаковые функции украшений отражают гендерный, возрастной и социально-статусный облик его носителя: по-прежнему в женских украшениях сохраняется и маркировка возрастной дифференциации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция 2009 г. Информанты – Ажанарова Тогунчи Кыпчаковна, 1926 г.р., *сёдок кыпчак*, место рождения и проживания с. Кырлык Усть-Канского района Республики Алтай; Керексибесова (Сансарова) Мандык Бадаевна, 1929 г.р., *сёдок кёжбёк*, место проживания с. Сугаш Усть-Коксинского района Республики Алтай (место рождения с. Талда Онгудайского района).
ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция 2012 г. Информанты – Сорошева Унчукпас Бапаевна 1930 г.р., *сёдок кёббёк*, место проживания с. Каракол Онгудайского района Республики Алтай (место рождения с. Верх-Мута Усть-Канского района); Тоедов Эчиш Нокорович, 1933 г.р., *сёдок очы*, место рождения и проживания с. Келей Усть-Канского района, Республика Алтай.
ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция 2013 г. Информанты – Антрадонова Мария (Кине) Идруковна, 1932 г.р., *сёдок очы*, место рождения и проживания с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай; Гледенова Уркене Сагайчиновна, 1930 г.р., *сёдок тодош*, место рождения и проживания с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры : сб. ст. Л., 1989. С. 63–87.
2. Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2011. 176 с.
3. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. 288 с.
4. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М. : Наука, 1973. 474 с.
5. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 82.

Tadysheva Natalya O. S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics (Gorno-Altaysk, Russia). E-mail: tadisheva@mail.ru
THE SYMBOLISM OF WOMEN'S ADORNMENTS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE ALTAI POPULATION OF THE ALTAI REPUBLIC.

Keywords: traditional culture; sustainability; variability; jewellery / adornments.

Modern field materials indicate the preservation of the sacred significance attached to adornments by the Altai women. The magical and religious value of adornments becomes actual, when a woman changes her status – after getting married and becoming a mother. The woman, who gave birth and raised children, can not be empty – *kuru bolbos* that provides for the obligatory wearing of adornments. Today there exist various explanations of the significance of adornments. The idea about the earrings takes a certain place. The researcher came across several explanations for the obligatory wearing of earrings. Thus, there is a belief that if the ears of the woman were not pierced before her death they would be pierced with "the tail of a black snake" after her death in the world of the ancestors. It is also believed that all the malefice leaves a woman's body through the hole in the ear lobe. Regarding the ring it is believed that due to its shape it makes a circle thereby building a defence. An elderly woman with children and grandchildren has to wear a ring with a stone - "an eyed ring". A mother should wear at least one ring lest her the children should be sick. In modern funeral and memorial ritualism the sacred significance of jewellery is also reflected. Golden jewellerys are not put in the accompanying implements. It is believed that gold is a heavy burden for the deceased in the world of the ancestors. Nowadays plait adornments have almost disappeared from everyday life. Although the mentioning them in heroic epics as well as appealing to them in good wishes reveals the important role that the plait adornments played in the past worldview of the people. Traditionally plait adornments today are worn only by the girls of a pre-school and primary school age. In the Altai tradition it is considered to be necessary to decorate the girls' plait, "Head of a girl should not be without adornments". Changes that affected *beljish*, women's waist decoration, composed of leather or felt bags with the umbili-

cal cords of their children, decorated with beads, are required a special attention. Currently, its sacred significance has been actualized – on the one hand, *beljyish* is not to be demonstrated to strangers, but on the other hand, the bags for umbilical cords are produced and sold by masters of decorative art. Analysis of the symbolism of women's adornments revealed that they have an aesthetic, utilitarian, ethnical and symbolic, social and symbolic and magical and religious functions in the modern Altai culture. Social and symbolic function of adornments reflects gender, age and social status of their wearer's personality, still women's adornments store the marking of age differentiation.

REFERENCES

1. Bayburin, A.K. (1989) Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya veshchey [Semiotic aspects of the functioning of things]. Mylnikov, A.S. (ed.) *Etnograficheskoe izucheniye znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of the iconic cultural assets]. Leningrad: Nauka. pp. 63-87.
2. Tadysheva, N.O. (2011) *Vliyaniye khristianizatsii na semeynyy obryadnost' korennoy naseleniya Gornogo Altaya* [The impact of Christianization on family rites among the indigenous population of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Typography.
3. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Baskakov, N.A. (ed.) *Maaday-Kara. Altayskiy geroicheskiy epos* [Maadai-Kara. Altai heroic epic]. Moscow: Nauka.
5. *The Archives of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*. Fund 15. List 1.

А.И. Терюков

АНТАЛ РЕГУЛИ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ В ПОИСКАХ ПРАРОДИНЫ ВЕНГРОВ

Рассматриваются история развития идеи финно-угорского родства и роль венгерского ученого Антала Регули в решении проблемы поиска прародины венгров. Дается описание научных результатов его экспедиции на Северный Урал: создание этнографической карты Северного Урала с указанием мест расселения манси, хантов, ненцев и коми-зырян. А. Регули были собраны значительные материалы по фольклору и этнографии этих народов, которые сыграли решающую роль в решении проблемы родства венгров с обскими уграми. Его исследование изучения обских угров становится приоритетом в венгерской исторической и лингвистической науке.

Ключевые слова: финно-угроведение; финно-угорское родство; венгры; обские угры; изучение Северного Урала.

Антал Регули (Antal Reguli, 1819–1858) – венгерский филолог, этнограф, путешественник. Родился 13 июля 1819 г. в городе Зирц области Веспрейм (Zirc, Veszprém megye) в семье адвоката. В 1828–1834 гг. учился в гимназии г. Секешфехейвар (Sthuhlweissenburg – по-немецки, Székesfehérvár – по-венгерски); в 1834–1836 гг. изучал право и философию в Академии Дьере (Gyer); в 1836–1839 гг. – в Университете г. Пешта, также в Будапештском университете (1836–1839) [1; 2. S. 301–306; 3. С. 268–294; 4. С. 400–406].

По-видимому, именно в это время А. Регули познакомился с сочинениями своих земляков – Яноша Шайновича «Доказательство. Язык венгров и лопарей тождествен» и Самуэля Дьярмати «Сродство языка венгерского с языками финского происхождения, грамматически доказанное» [5, 6]. Эти исследователи впервые попытались научно (на уровне грамматики) обосновать идею родства венгров с обскими уграми. Но фактических данных у них не было. Вообще, для венгров проблема поиска прародины была весьма актуальна. Научной сообщество этой страны осознавало, что венгры не автохтонное население той территории, которую они называли Венгрией, что они пришли на эту землю. Однако вопросы когда, как, откуда и кто был их ближайшим сородичем по языку остаются открытыми. Поэтому венгры с незапамятных времен интересовались этой проблемой [7; 8; 9. С. 237–246].

Вновь интерес к этой проблеме возник в начале XIX в. Он был обусловлен, с одной стороны, развитием науки, возникновением идеи финно-угорского родства, с другой – ростом национального самосознания венгров. Эта проблема была центральной в национальной мобилизации, консолидации мадьярской гуманитарной научной элиты. Программа решения этой проблемы концентрированно была высказана еще в 1807 г. Михаилом Балугьянским, известным юристом и государственным деятелем, состоящим на службе в России, выходцем из Венгрии (он был статс-секретарем при императоре Николае I) [10]. Он одним из первых в Венгрии заявил о том, что прародину венгров надо искать в России. В частности, М. Балугьянский писал: «Я живу в столице той державы, откуда наши предки отправились в путь, и

у меня нередко появляется желание: было бы хорошо, если бы была возможность наконец правильно определить происхождение венгров. <...> Есть кто считает, что венгры происходят от живущих в российской державе вогулов, другие считают – от остяков, башкирцев или других народов. Иногда по Волге отдельные люди из этих народов попадают в Петербург, но я их понимаю так же мало, как финнов. <...> Мы не можем ожидать выяснения вопроса нашего происхождения ни от русских, ни от немцев, ни от французов. Наши ученые черпали только из ручьев, а не из источников. Необходимо объехать Россию, познать названные Анонимусом реки и горы, научиться финскому и родственным ему языкам, если мы хотим познать действительное наше происхождение. <...> Какое широкое поле было бы для ученых Венгрии, если оказалось бы возможным кому-либо из них объехать исключительно в этих целях могучую русскую империю» [11. S. 214–215]. Одним из первых, кто внял этим словам и отправился в Россию, был А. Регули.

В 1839–1841 гг. А. Регули предпринял большое путешествие по Германии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции и Финляндии, в ходе которого познакомился с идеей финно-угорского родства. Эта поездка подтолкнула его серьезно заняться проблемами поиска прародины венгров, а также истоков и родственных связей венгерского языка, чему он и посвятил оставшуюся жизнь [12. S. 17–28].

В это время большое влияние на него оказал Адольф И. Арвидссон (A.I. Arwidsson, 1791–1858), финский историк, публицист и общественный деятель [13]. А. Регули встречался с ним в Стокгольме, куда А.И. Арвидссон был вынужден в 1823 г. эмигрировать из Финляндии, после того как был уволен в 1822 г. из Академии Або (Университета Турку), где он был доцентом истории. А.И. Арвидссон принадлежал к первому поколению финских общественных деятелей, которых называли «Або-романтиками», или «ранними будителями», и входил в небольшую группу университетской молодежи 1810–1820 гг., поставившую своей целью просвещение финского общества, стимулирование в ее рядах активности в создании финской нацио-

нальной культуры на финском языке и, в конечном счете, финской нации [14. С. 60–67].

Кроме него, в этот кружок входили И.Л. Рунеберг, Э. Леннрот, И.В. Снельман, А.И. Шегрен, много сделавшие для развития финской культуры, в том числе для разработки идеи финно-угорского родства. Для представителей «первого национального пробуждения» было характерно отношение к языку и нации, народу kansakunta как к неделимому единству, а сам языковой признак считался основополагающим. Об этом свидетельствует высказывание А.И. Арвидссона: «Пока наш родной язык сохраняется, мы чувствуем себя как народ. Если же язык отцов утрачивается, то и народ исчезает. Все, кто говорит на одном и том же языке, образуя естественную, неделимую общность, их связывает внутренняя связь души и мысли, что сильнее и крепче, чем все внешние связи. Язык образует духовную, страна – только материальную границу, но первая сильнее, так как дух значит более, чем материя» [15. S. 275].

Одновременно для представителей «национального пробуждения» Финляндии было характерно негативное отношение к иностранным культурам, в первую очередь к западной. Например, они считали, что «южные» культуры не подходят для северных народов [16. С. 21–22]. Поэтому финские романтики, как и представители этого течения в Европе, были приверженцами патриархальных нравов, национальной старины, прошлых форм культуры и т.д. Это стало идеологической основой для изучения народной культуры и поиска идей для формирования национального самосознания в прошлом, «золотом веке человечества», который часто противопоставлялся времени «дикого» капитализма.

А. Регули в 1839 г. едет в Гельсингфорс (Хельсинки) и изучает здесь финский, шведский и саамский (лопарский) языки. Его познания в финском языке были столь основательны, что он даже был приглашен в качестве лектора в Александровский университет в Гельсингфорсе. Одновременно он с помощью М.А. Кастрена знакомится с основами лингвистики и этнографии финно-угорских народов. Здесь он одновременно становится членом Финского научного общества.

В Финляндии А. Регули принимает решение совершить путешествие по северу Скандинавии и России, так как, по его мнению, «только в России он сможет найти доказательство того, что венгры не являются последними представителями потерянной народности и что в мире еще проживают родственные им народы». В своем письме в Будапешт он высказал четкую мысль, что, по его мнению, венгры, в отличие от монгольских и турецких языков, гораздо ближе к финно-угорским народам. А. Регули писал, что в его распоряжении имеются многочисленные доказательства этого факта. «Лингвистические цели связаны с историческими и этнографическими целями. Когда мы убедимся в языковом родстве, нужно обсудить и этнографические вопросы, для которых также необходимы серьезные исследования» [17. Р. 3–4].

Во время подобной экспедиции венгерский ученый собирался изучать внешний вид, ремесло и промыслы, хозяйство, образ жизни, характер, одежду, обычаи, верования (суеверия), мифологию и древности (археологию) разных народов. Здесь ощутимо влияние его консультанта – М.А. Кастрена, который примерно в это время пришел к выводу об урало-алтайском родстве и поставил вопрос о необходимости проведения сравнительно-исторического исследования финно-угорских и тюркских языков. Частью такого большого и тщательного обследования мог стать план А. Регули. Но этому значительному проекту не суждено было осуществиться, ему помешали сначала болезнь исследователя, а затем отсутствие денег. Эти проблемы постоянно преследовали А. Регули и вносили существенные изменения в его планы. Все свои поездки до этого времени А. Регули совершал при финансовой поддержке своих родителей и друзей. Но этого было недостаточно, чтобы осуществить такой широкоформатный проект. Поэтому он неоднократно обращался в Венгерскую академию наук, которая один раз выделила всего 200 гульденов. На эти деньги ему удалось лишь ненадолго съездить в Лапландию, на Север Финляндии.

11 июня 1841 г. А. Регули прибыл в Санкт-Петербург, где прожил более двух лет. Здесь он начал собирать различный материал по венграм и обским уграм. А. Регули работал в Библиотеке и Архиве Академии наук, Императорской Публичной библиотеке. Здесь он постиг основы современных антропологических исследований, технику создания слепков из гипса, превосходно выучил русский язык и изучил всю литературу, посвященную территории Урала, а также занимался исследованием марийского, мордовского и коми языков. В Петербурге он познакомился с известными русскими учеными Российской академии наук. Встретился с антропологом и естествоиспытателем, академиком К.Э. Бэром (Karl von Bear), председателем Этнографического отдела Русского географического общества. К.Э. Бэр не только помог А. Регули воплотить его планы в жизнь, но и нашел спонсоров и деньги для молодого человека, жизнь которого была затруднена финансовыми проблемами. К. Бэр оказал сильное влияние на формирование научных воззрений Регули, о чем свидетельствует и тот факт, что молодой ученый во время своего сибирского путешествия писал К. Бэру со всех станций, сообщая о проделанной работе, проблемах и своих планах [18].

Теоретически А. Регули исходил из идеи, что образ жизни любого народа определяется в первую очередь природными условиями места обитания. В качестве примера он привел самодийские народы, показав процесс распространения и ответвления этого народа. Самодийские народы распространились до Северного Ледовитого океана на севере и Енисея на востоке. В процессе кочевания они делились на отдельные ветви и народы, в результате чего изменялись их образ жизни, хозяйство и вся культура. Формулировка этого принци-

па стала новаторством в то время, когда еще не существовало такой отдельной самостоятельной науки, как этнография, не были разработаны методы описания и сравнения этнографических явлений. По мнению А. Регули, финские народы, как и самодийские, распространялись от Алтая вдоль рек Обь и Иртыш на север и запад. Он считал прародиной финно-угорских народов Алтайские горы, «где наши отцы, как алтайские сойоты, были храбрым конным народом» [19. С. 5].

На севере, приспосабливаясь к изменившимся природно-географическим условиям, предки финно-угров постепенно начали терять конное хозяйство, превратились в народы, занимающиеся охотой и рыболовством. Не умаляет значения научного подхода А. Регули даже то, что сегодня мы можем отметить гораздо больше нюансов в этих этногенетических процессах и этнографических вопросах.

Получив стипендию Венгерской академии наук, он возвратился в Петербург и поздней осенью 1843 г., наконец, отправился в новое путешествие, на этот раз к местам обитания хантов и манси на Северном Урале. Выехав из Соликамска 21 ноября 1843 г. по исторической Верхотурской дороге, А. Регули перевалил водораздел Уральских гор и направился вдоль восточного склона хребта на север, к р. Сосьве. Далее он с помощью своего учителя и проводника посетил все стойбища манси, позднее места обитания хантов, ненцев, добрался до берегов Ледовитого океана и завершил основную часть своего путешествия в Березове. 3 марта 1845 г. А. Регули уехал из Берёзова по Оби и Иртышу в Тобольск, откуда через Екатеринбург и Пермь отправился в Казань [20. С. 103–109; 21. С. 146–151].

25 августа 1846 г. А. Регули вернулся в Санкт-Петербург. Русское географическое общество сообщило о возвращении из экспедиции «известного венгерского путешественника Антала Регули. Регули провел около 8 месяцев в краю между Обью и Печорой и, странствуя между тамошними инородцами, коих он изучал язык и нравы, записывая все, что слышал, и отмечал направление рек и гор, он успел приобрести весьма подробные сведения о местной географии» [22]. Во время своего путешествия А. Регули контактировал с академиком К. Бэром, который публиковал в русской академической печати выдержки из его писем [23]. В течение трех лет своего путешествия по России (1843–1846) Антал Регули обследовал территорию в 385 тыс. кв. км и проехал дорогу длиной почти в 30 тыс. км. Во время утомительных поездок он много раз болел, страдал от нервической лихорадки, головных болей, которые к концу поездки только усилились.

С сентября 1845 по январь 1847 г. по поручению Русского географического общества, будучи уже серьезно больным, А. Регули составляет в Петербурге «Этнографическо-географическую карту области Северного Урала» с объяснительной запиской [24]. Она была составлена им не только для Географического общества, но и для его собственных этнографических исследова-

ний. На 16 листах он с помощью топографов Горного ведомства нанес подробные обозначения региона между 58–70° с.ш. и 72–80° в.д.

Исследователь отметил, что для составления карты его основными источниками были: 1) сведения, полученные от «туземцев, и 2) на собственных наблюдениях, сделанных при всех возможных случаях» [25. С. 159–175]. На этой карте впервые достоверно были нанесены этнические границы расселения коми-зырян, ненцев, хантов и манси, что крайне важно для выявления истории проживания и миграций этих народов в этом регионе. По мнению Агнеш Кережи, так как А. Регули придерживался мнения, что народ является полноценным, пока живет его язык, на своей карте он указал лишь те мансийские и хантыйские поселения, где еще говорили на мансийском и хантыйском языках. Он также обозначил границы территорий, где занимались сельским хозяйством и животноводством, обширных лесов. Исследователь отметил каждое поселение, населенное манси и хантами, а также одиночно стоящие дома вместе с именами людей, проживающих там, даже указал местонахождения чумов ненцев и коми-зырянских оленеводов с обозначением маршрутов их летних перекочевок. Эта подробная карта не только облегчила в будущем положение других исследователей, которые, находясь в этих местах, гораздо легче могли найти мансийские семьи, ведущие кочевой образ жизни, но и хорошо раскрыла закономерности сезонных передвижений оленеводов, правила выделения земельных участков и некоторые другие элементы структуры этого общества.

Данная карта до настоящего времени является одним из главных результатов путешествия А. Регули, ибо его интерес к идее финно-угорского родства после возвращения в Венгрию постепенно угасает. Несмотря на то что в его распоряжении был огромный уникальный материал, необходимый для установления языкового родства венгров, а также, что он объездил почти все народы финно-угорской языковой группы, он не написал никакой обобщающей работы. Он не подготовил этнографического описания этих народов, остались необработанными, даже без расшифровок, большая часть записанных им мансийских песен и полное собрание хантыйских текстов. Тем не менее он выполнил свою главную задачу – доказал родство венгров с обскими уграми. Его современник П.С. Савельев отмечал, что «он приехал в Россию пламенным юношей, с утопией, общою для мадьярским ученым, найти здесь непременно *первоначальное отечество* языка своих предков, а возвратился на родину зрелым филологом, с убеждением, что колыбель языка, спустя тысячу лет, не отыщешь, и что не на это надо употребить время, а на то, чтобы по данным языков определить существующую в настоящее время степень их взаимного родства» [26. С. 432–435].

Труды А. Регули являются аксиомой современного финно-угроведения. Тем не менее научное наследие А. Регули еще ждет своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Папай Й. Памяти Антала Регули. Сургут : АИИК «Северный Дом», 1993. 56 с.
2. Stipa G.J. Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. Helsinki. 1990. Vol. 206. S. 301–306.
3. Агнеш Кережи. Этнографическая деятельность Антала Регули // Сибирский сборник. К юбилею Е.А. Алексеенко. СПб., 2010. С. 268–294.
4. Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб., 2011. 513 с.
5. Sajnovics J. Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponum idem esse. Hafnaas, 1770. 106 p.
6. Gyarmathi S. Affinitas linguae hngaricae cum lingvis fennicae originis grammaticae demonstrata. Gottingen, 1799. 380 s.
7. Szamota I. Régi magyar utazók Európában. 1532–1770 [Древние венгерские путешественники в Европе. 1532–1770. На венгерском языке]. Nagybecskerek, 1892. 394 s.
8. Györfy Gy. A magyarok előderül és a honfoglalásról [О предках венгров и об обретении родины. На венгерском языке]. Budapest, 1975. 374 s.
9. Тарди Л. Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash Studies. Budapest, 1982. С. 237–246.
10. Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1768–1847). Биографический очерк. СПб., 1882.
11. Tardi L. Balugyánszky Mihály. Budapest, 1954. S. 214–215.
12. Kodalányi J. Antal Regyli // Glaubenswelt und Folklore der sibirische Völker. Budapest, 1963. S. 17–28.
13. Таркиайнен К. Адольф Ивар Арвидссон // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. 100 suomalaista pienoiselämäkertaa venäjäksi / под ред. Тимо Вихавайнена (Timo Vihavainen) ; пер. с фин. И.М. Соломеша. Хельсинки : Общество финской литературы: С. 71–72.
14. Карху Э.Р. Малые народы в контексте истории. Петрозаводск, 1999. 255 с.
15. Jutikkala E. Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. 406 s.
16. Шлыгина Н.В. История финской этнографии. М., 1995. С. 21–22.
17. Voigt Vilmos. A brief account of more than two hundred years of teaching Folklore and Ethnography (in cluding Cultural Anthropology) at Hungarian universities // Acta Ethnographica Hungarica. 2004. № 49. P. 181–210.
18. Антал Регули. Календарий. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. Путешествие по России. Петербург – Урал – Петербург / Рукописная копия оригинала: В.Г. Карелин. Перевод с немецкого на венгерский: Барбара Бецнер. Рецензент немецкого перевода: Жофия Коватш. Перевод с венгерского на русский: Н.С. Болотова. Указатели: Энико Сий. Редактор: Энико Сий. Будапешт : ТИНТА, 2008. 74 с.
19. Páray József. Reguly Antal eml ékezete [Памяти Антала Регули. На венгерском языке]. Budapest, 1905. 28 s.
20. Архипова Н.П. С берегов Дуная на север Уральских гор. Путешествие Антала Регули // Природа. 1978. № 11. С. 103–109.
21. Карелин В.Г. Географические открытия венгра А. Регули на Урале // Известия Российской Академии наук. Серия географическая. 1996. № 5. С. 146–151.
22. Отчет о деятельности Русского географического общества за 1846–1847 гг. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1849. Кн. 3. С. 1–19.
23. Bulletin de la Classé historico-philologique de l'Academie Imperiale des Sciences de Sankt-Petersburg. T. 1. S. 297–300, 349–351; T. 2. S. 122–126, 205–206.
24. Reguly A. Ethnographisch-geographische Karte der nördlichen Uralgebiete, entworfen auf einer Reise in der Jahren 1844/1845. SPb., 1846. Оригинал карты хранится в библиотеке Русского географического общества. Инв. Номер 278, к. 17774.
25. Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И. Кеппену от 21 января 1847 г. // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1849. Кн. 3. С. 159–175.
26. Савельев П.С. Этнографические труды мадьярской академии и г. Регули // Географические известия Императорского Русского географического общества. 1850. Вып. 3. С. 432–435.

Teryukov Alexander I. Peter the Great Museum of Antropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS (S-Peterburg, Russia). E-mail: tsan@kunstkamera.ru

ANTAL REGULI: BETWEEN THE WEST AND EAST IN SEARCH OF THE ANCESTRAL HOME OF THE HUNGARIANS.

Keywords: Finno-Ugric studies; Finno-Ugric relatives; the Hungarians; the Ob Ugrians; studying of the Northern Urals.

The scientific community of Hungary were aware that Hungarians are not indigenous population of the territory, which they called Hungary, that they came to this land. Therefore, the Hungarians since time immemorial had interested in this problem. Renewed interest in this problem arose in the early nineteenth century. It was due, on the one hand, the development of science, the emergence of the idea of Finno-Ugric kinship and, on the other hand, growth of national consciousness, the awareness of the Hungarians themselves as a separate nation and understanding its history. This issue was Central to national mobilization, the consolidation of Magyar humanitarian scientific elite. A major part in this problem solution was played by Antal Reguly, which became interested in this problem. A number of Hungarian public figures believed that the urheimat had to be sought in the East, in Russia. His stay in Sweden and Finland, communication with prominent Finnish scientists Adolf Arvidsson and Mathias Castren, studying the Finnish language only strengthened his desire to travel to Siberia. Being in Saint-Petersburg in 1841–1842 Antal Reguly was learning Russian language, communicating with academicians Carl Baer and Peter Keppen, improving his knowledge in physical anthropology, linguistics, history, and cartography. At the same time Reguly was planning an expedition and searching for expedition funding. Received a Hungarian Academy of Sciences scholarship, Antal Reguly returned to St. Petersburg in the late autumn of 1843, and finally went to a new journey to the habitats of Khanty and Mansi in the Northern Urals, which lasted up to 1845. He was the first Hungarian scholar who visited the region. He was able to visit almost all ethnolinguistic groups of Mansi, Khanty, Nenets. During this voyage substantial material on these peoples folklore and ethnography, that played a crucial role in solving the problem of Hungarians kinship with the Ob Ugrians were gathered. One of the most important scientific results of his expedition was the creation of ethnographic maps of the Northern Urals showing the locations of settlement, Mansi, Khanty, Nenets and Komi-Zyryans, and of their migrations, etc. Since Reguly's travel, the study of Ob-Ugric people became a priority in the Hungarian historical and linguistic science. After him the Hungarian scholars become frequent guests in the Urals and Western Siberia.

REFERENCES

1. Papay, Y. (1993) *Pamyati Antala Reguli* [In the Memory of Antal Reguly]. Surgut: Severnyy Dom.
2. Stipa, G.J. (1990) Finnish-ugrische Sprachforschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus [Finnish-Ugric Language Research. From Renaissance to Neopositivism]. *MSFOu*. 206. pp. 301–306.

3. Kerezhi, A. (2010) Etnograficheskaya deyatel'nost' Antala Reguli [Antal Reguli's ethnographic activities]. In: Fedorova, E.G. (ed.) *Sibirskiy sbornik. K yubileyu E.A. Alekseenko* [Siberian collection. On the anniversary of E.A. Alekseenko]. St. Petersburg: RAS. pp. 268-294.
4. Teryukov, A.I. (2011) *Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi* [History of ethnographic study of the Komi peoples]. St. Petersburg: RAS.
5. Sajnovics, J. (1770) *Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponium idem esse*. Hafnaas: [s.n.].
6. Gyarmathi, S. (1799) *Affinitas linguae hvngaricae cum lingvis fennicae originis grammaticae demonstrata*. Gottingen: Dieterich.
7. Szamota, I. (1892) *Régi magyar utazók Európában. 1532–1770* [Ancient Hungarian travelers in Europe. 1532–1770]. Nagybecskerek. (In Hungarian).
8. Györfly, Gy. (1975) *A magyarok elődei és a honfoglalásról* [About the ancestors of the Hungarians and of the acquiring the home country]. Budapest: OSIRIS KIADÓ KFT.
9. Tardi, L. (1982) *Rannie vengerskie puteshestvenniki v Povolzh'e* [Early Hungarian travelers in the Volga region]. Budapest: [s.n.]. pp. 237-246.
10. Baranov, P.I. (1882) *Mikhail Andreevich Balug'yanskiy, stats-sekretar', senator, taynyy sovetnik (1768–1847). Biograficheskiy ocherk* [Mikhail Balugianskii, Secretary of State, Senator, Privy Councillor (1768–1847). A Biographical Sketch]. St. Petersburg: [s.n.].
11. Tardi, L. (1954) *Balugvászky Mihály* [Mikhail Balugianskii]. Budapest: [s.n.]. pp. 214-215.
12. Kodálányi, J. (1963) Antal Regyli [Antal Reguli]. In: Diószegi, V. (ed.) *Glaubenswelt und Folklore der sibirische Völker* [The world of faith and folklore of the Siberian peoples]. Budapest: Akadémiai Kiadó. pp. 17-8.
13. Tarkiainen, K. (2004) Adolf Ivar Arvidsson [Adolf Ivar Arvidsson]. In: Vikhavaynen, T. (ed.) *Sto zamechatel'nykh finnov. Kaleydoskop biografii* [One hundred wonderful Finns. A kaleidoscope of biographies]. Translated from Finnish by I.M. Solomeshcha. Helsinki: Finnish Society of Literature. pp. 71-72.
14. Karkhu, E.R. (1999) *Malye narody v kontekste istorii* [National minorities in the context of history]. Petrozavodsk: [s.n.].
15. Jutikkala, E. (1964) *Geschichte Finnlands* [History of Finland]. Stuttgart: Alfred Kroner Aus Leipzig Und Carl Henschel Asu Berlin.
16. Shlygina, N.V. (1995) *Istoriya finskoy etnografii* [The history of Finnish ethnography]. Moscow: [s.n.]. pp. 21-22.
17. Voigt Vilmos. (2004) A brief account of more than two hundred years of teaching Folklore and Ethnography (including Cultural Anthropology) at Hungarian universities. *Acta Ethnographica Hungarica*. 49. pp. 181-210.
18. Reguli, A. (2008) *Kalendarium. Dnevnik vengerskogo puteshestvennika-issledovatelya s 29 sentyabrya 1843 g. po 5 marta 1846 g. Puteshestvie po Rossii. Peterburg – Ural – Peterburg* [Kalendarium. A Diary of a Hungarian traveler and researcher from September 29, 1843 till March 5, 1846. A Travel to Russia. Petersburg – Urals – Petersburg]. Translated from German into Hungarian by B. Betsner. Translated from Hungarian into Russian by N.S. Bolotova. Budapest: TINTA.
19. Pápay, J. (1905) *Reguli Antal eml ékezete* [In the Memory of Antal Reguli]. Budapest: [s.n.].
20. Arkhipova, N.P. (1978) S beregov Dunaya na sever Ural'skikh gor. Puteshestvie Antala Reguli [From the banks of the Danube in the north of the Ural Mountains. A. Reguli's travel]. *Priroda*. 11. pp. 103-109.
21. Karelin, V.G. (1996) Geograficheskie otkrytiya vengra A. Reguli na Urale [Geographical discoveries of a Hungarian A. Reguli on the Urals]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 5. pp. 146-151.
22. Russian Geographical Society. (1849) Otchet o deyatel'nosti Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1846–1847 gg. [The activities of the Russian Geographical Society for 1846–1847]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 3. pp. 1-19.
23. *Bulletin de la Classe historique-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersburg* [Historical and Philological Bulletin of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. pp. 297-300, 349-351.
24. Reguli, A. (1846) *Ethnographisch-geographische Karte der nördlichen Uralgebiete, entworfen auf einer Reise in der Jahren 1844/1845* [An ethnographic-geographical map of the northern Urals designed on a journey in 1844/1845]. St. Petersburg: [s.n.].
25. Reguli, A. (1849) Perevod pis'ma vengerskogo puteshestvennika g-na Reguli k chлену Russkogo geograficheskogo obshchestva akademiku P.I. Keppenu ot 21 yanvarya 1847 g. [Translation of a Hungarian traveler's letter Mr Reguli to the member of the Russian Geographical Society Academician P.I. Keppen on January 21, 1847]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 3. pp. 159-175.
26. Saveliev, P.S. (1850) Etnograficheskie trudy mad'yarskoy akademii i g. Reguli [Ethnographic works of the Magyar Academy and Mr Reguli]. *Geograficheskie izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 3. pp. 432-435.

УДК 316.45:39(571.16)
DOI 10.17223/19988613/43/26

3. Надь

ВАСЮГАН НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ: ХАНТЫ ИЛИ ОСТЯКИ?

На примере васюганских хантов показывается, как этническая группа может исчезнуть, а затем снова появиться в локальных дискурсах, т.е. как аборигенное население может затеряться между социально-бытовым и этническим дискурсами. На протяжении прошлого века васюганские ханты сначала маргинализировались, а затем из бытовой группы без какого-либо политического, культурного и хозяйственного веса они превратились в этническую группу, обладающую весьма серьезным потенциалом. Процесс развивается в двух неразрывно связанных друг с другом направлениях – в направлении патримонизации и травматизации.

Ключевые слова: ханты; культурная травма; патримонизация; культурная память.

В своей статье я хотел бы рассказать о репрезентации в публичном дискурсе васюганских хантов, проживающих на территории Томской области, что является главной темой моих последних исследований. Прежде всего обратим внимание на вопросы, возникающие в связи с употреблением слов «ханты» и «остяки».

Люди, которых исследователи обычно выделяют как группу «васюганских хантов», сами никогда не называют себя «хантами». Говоря на русском языке (а васюганский диалект сейчас уже, в сущности, никто не употребляет в повседневной коммуникативной практике), они совершенно естественно называют себя «остяками»; и точно так же называет их и окружающее нехантыйское население. Таким способом местные жители терминологически отделяют себя от хантов, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа, которых они называют либо просто «хантами», либо «ханты-манси». В то же время «остяками» они называют также и селькупов, проживающих на территории Томской области, которые, по их словам, «такие же остяки, как и мы, только говорят на другом языке». Следовательно, нельзя однозначно утверждать, что используемые наукой этнические категории в полной мере применимы к обозначаемым этими категориями группам и что местная категоризация во всем соответствует научной [1]. Более того, сказанное выше ставит под сомнение и то, что местное население использует те же классификационные единицы, что и научная терминология, поскольку, как видим, языковые различия с их точки зрения индифферентны, тогда как определяющую роль играют такие факторы, как образ жизни, общность территории проживания или сознание того, что они являются представителями местного коренного населения. Ввиду этого в дальнейшем я намеренно буду употреблять термин «остяки» по отношению к коренному меньшинству территории Васюганья.

Демографическая ситуация Томской области обусловлена прежде всего систематическими выселениями 1930-х и 1940-х гг., когда на территории проживания «остяков» были депортированы огромные массы переселенцев, преимущественно русских, немцев и жителей

стран Прибалтики. В 1960-х гг. произошел резкий всплеск трудовой миграции, вызванный бурным ростом нефтяной и газовой промышленности, что лишь ускорило тот процесс, в результате которого местные «остяки» практически растворились в пришлом, «не остяцком» населении. В Новом Васюгане, главном объекте моих исследований, основанном в 1933 г., на 2014 г. численность населения составляла 2 579 человек, из них «остяков» около 100 человек, что едва достигает 4% от общего числа населения¹. По данным переписи населения 2010 г., на территории Каргасокского района, к которому относится и Новый Васюган, численность хантов составляет 192 человека, т.е. 0,88%, тогда как на всей территории Томской области с населением свыше 1 млн человек их число не достигает 720 человек, что составляет всего 0,07% от общей численности населения [2].

На официальном сайте Нового Васюгана² нигде не упоминается тот факт, что в селе живут «остяки». В «паспорте поселения», размещенном на портале, отсутствуют данные относительно национальности жителей. Ни в общих сведениях о Новом Васюгане, ни в краткой исторической справке не говорится о том, что село построено на территории, где раньше жили «остяки». Такое же «умолчание» обнаруживается и при рассмотрении гербов, официальных плакатов, изданий Нового Васюгана. То есть официальный облик села не учитывает факта существования «остяков».

«Невидимость» аборигенного населения наблюдается и в творчестве местных писателей и поэтов, таких как Василий Борзцов [3] или Сергей Дорофеев [4], а также в произведениях так называемой нефтяной романтики, например Петра Шаповалова [5] или барда Юрия Зоннова. Несмотря на очевидную привязанность авторов к своему краю, в текстах эта территория изображается как враждебная, безлюдная, непроходимая глухомань, которую пришлось покорить, отвоевать у тайги, чтобы создать необходимые условия для жизни русского человека. То есть нигде не говорится о том, что этот край прежде был населенным: на частном уровне глухая, безлюдная тайга была преобразована в благоприятную для человеческой жизни территорию, а

на политическом уровне бесплодная с хозяйственной точки зрения тайга – в крупный народнохозяйственный ресурс.

Лес воспринимается как противоположность цивилизации. С этой точки зрения присутствие «остяков», по сути дела, не играет существенной роли, так как в противоположность русскому человеку они не цивилизовали, не гуманизировали тайгу, как раз напротив, тайга «натурализовала» их. До выселений «остяки» считались скорее частью природы, чем членами современного общества. Такие особенности, как образ жизни, близкий к природе, отсутствие производства, «первобытность» (в советском понимании) представляли их как неотъемлемую часть леса, чуждую цивилизации. Таким образом, с точки зрения «безлюдности», «необитаемости» территории присутствие «остяков» не имеет значения.

«Остяки» занимают весьма незначительное место в публичных сферах области и района. Как в институциональной политике памяти, так и в популярной памяти (popular memory), которые ни в коем случае не следует смешивать с форумами научной историографии, в качестве предпосылки «подлинной» русской истории выступают почти исключительно археологические культуры. То есть носителями «дорусской» истории являются не местные «коренные» народы, а археологические культуры.

Одной из причин невидимости «остяков» является представление, сформировавшееся в локальном обществе по отношению к ним. В общественном мнении села, района и области «остяки», в сущности, выступают в качестве не этнической, а социально-бытовой группы, которая противопоставляется так называемому русскому образу жизни.

Это противопоставление имеет нейтральные оценочные компоненты, например представление о тесной связи «остяков» с лесом, тайгой. Образ жизни «остяков» основан преимущественно на рыболовстве и охотничьем промысле и, безусловно, тесно связан с таёжной жизнью. Это суждение остается в силе вопреки тому, что жизненный уклад «остяков» на практике почти не отличается от русских, ведущих лесной образ жизни. Можно сказать, что тайга и лес занимают весьма важное место в самоопределении обеих групп, разница в том, что «остяки» практически отождествляются с тайгой, считаются ее органичной частью, тогда как «не остяки» легко отделимы от леса, они «чужаки», только приходящие в лес, но не живущие в нем. Между лесом и «остяцким» обществом существует некая метафорическая связь: *настоящий* «остяк» тот, кто живет в лесу, жить *по-настоящему* значит жить в лесу, промысля охотой и рыбной ловлей. В отличие от этого, с точки зрения русских, лес воспринимается как непредсказуемая, враждебная среда. Для «остяков» лес является неотъемлемой частью жизни, тогда как для русских это либо «зона отдыха», предоставляющая различные виды развлечений типа охоты на уток или пик-

ника с шашлыком, либо способ добычи средств к жизни, основанный на принципе строгого хозяйственного расчета, который поддерживается до тех пор, пока не теряет свою рентабельность [6].

Более значимыми являются, однако, отрицательные коннотации, связанные с «остяками» как социально-бытовой группой: в восприятии местного населения «остяки» выступают преимущественно как культура бедности, как маргинальная культура. Это представление усиливается также тем, что прежние хантыйские поселения, которые на сегодняшний день уже почти полностью опустели, нередко становятся приютом опустившихся или разыскиваемых полицией людей, по тем или иным причинам вынужденных покинуть Новый Васюган. «Остяцкие поселения» со временем стали упоминаться как «поселения уголовников и алкоголиков», что также укрепило представление об «остяках» как «уголовниках и алкоголиках».

После всего вышесказанного необходимо снова обратиться к вопросу о различиях в употреблении слов «остяк» и «хант». Как мы видели, в местном русском словоупотреблении термин «остяк» отражает скорее бытовую, чем этническую категорию, тогда как слово «хант», напротив, больше связано с понятием этничности. Тем не менее такое разделение не совсем однозначно. Слово «остяк» используется исключительно в обиходной речи и никогда не употребляется в рамках политического дискурса ни в социальных вопросах, ни в вопросах культуры. Термин «хант», напротив, выступает в качестве этнической категории как в общероссийских статистиках, так и в законодательных текстах. Так называемые коренные этносы, к которым относятся «ханты» и «селькупы», обладают особым правовым статусом, обеспечивающим различные льготы. В то же время, в отличие от общепринятого словоупотребления, люди, называющие себя «остяками», воспринимают это понятие однозначно как этническую категорию, отличающую их не только от большинства общества, но и от хантов, проживающих на территории ХМАО.

Отношение со стороны общества к «остякам» как маргинальной культуре бедности исключает возможность включения их судьбы и проблем в этнический дискурс, что могло бы обеспечить им доступ к политическим, экономическим и культурным ресурсам. В сложившихся обстоятельствах единственную возможность выхода на публичную арену этнические предприниматели видят в приобщении «остяков» к городскому понятию экзотичности, что означает показать себя таким образом, чтобы население обратило на них внимание и стало относиться к ним с любопытством и симпатией. Местные меньшинства, однако, должны приложить усилия, чтобы соответствовать понятию экзотичности, так как это качество, как правило, с ними не ассоциируется. Дело в том, что с начала XX в. культура «остяков» мало чем отличается от культуры «русских», следовательно они и тогда уже не соответствовали критерию экзотич-

ности. Прототип «сибирства» и «аборигенности» воплощается здесь, прежде всего, в группе эвенков, что ярко отражается как в популярной культуре, так и в местной художественной литературе, например в произведениях Решетко [7] и Шелудякова [8].

Тем не менее на территории области все же известны «ханты», отвечающие требованию экзотичности. Эти «ханты», однако, идентифицируются здесь не с местными «остяками», а с коренным населением Ханты-Мансийского автономного округа. Так, например, в музее г. Стрежевой³ в одном из выставочных залов помещена отдельная экспозиция, посвященная «хантам», однако материал выставки собран не на территории соседнего Васюганья или Александровского района, а в Нижневартовском районе, также расположенном по соседству. Образ жизни коренного меньшинства родной области, как видно, недостаточно архаичен, экзотичен, выразителен для того, чтобы быть представленным в экспозиции.

По этой причине основное стремление объединений национальных меньшинств области должно быть направлено на то, чтобы при помощи сценической культуры, предметов народного творчества включить местные национальные меньшинства в дискурс об экзотичности и сделать их видимыми, предлагая таким образом новую интерпретацию вместо прежнего представления о люмпенизированной культуре. Этноэстрадная культура пользуется большим спросом на рынке, на основе этого можно организовать проекты, получать гранты. Другим эффективным способом изменения этнического дискурса является этнотуризм, представляющий местное коренное население опять-таки как лесную, природную культуру, но на этот раз с использованием этнических категорий [9]. В этом контексте коренные жители представлены как люди, которые живут в гармонии с природой, которые могут служить примером для современной экологической мысли и помимо этого предоставляют посетителям возможность для отдыха и приключений.

Несмотря на все усилия этнических предпринимателей, в памяти области этнический дискурс не является определяющим. Это обстоятельство находится в соответствии с демографическими показателями. Согласно данным переписи населения 2010 г., 92,05% населения области назвали себя русскими по национальности [2]. В этой этнически однородной среде в силу раздробленности и низкой численности этнических меньшинств их политический потенциал весьма незначителен, в политическом дискурсе о памяти ключевую роль играют не этнические вопросы, а исторические травмы.

Наиболее глубокой исторической травмой, занимающей основное место в политике идентичности Томской области как отдельной единицы, является период сталинских репрессий. Точное количество депортированных установить невозможно, но, по некоторым оценкам, доля репрессированных и их потомков на се-

годняшний день превышает 70% общей численности населения области [10–12]. Вследствие этого современное самосознание области и района формируется на основе сталинских репрессий. Ужасы депортации, о которых на протяжении многих десятилетий нельзя было говорить, в настоящее время играют особую роль в конструировании местной идентичности; это действительно драматическое событие претворилось в культурную травму, как понимает этот термин Дж. Александер [13]. Согласно сформировавшемуся в последнее время «господствующему нарративу» (master narrative), переселенцев в нечеловеческих условиях вывозили на территорию Нарымского края, оставляли на произвол судьбы, например на берегу Васюгана, где им приходилось без орудий и средств к существованию отвоевывать у враждебной природы, у тайги, необходимое жизненное пространство. Таким образом, на этой земле переселенцы были пионерами, которые помимо воли принесли культуру в этот безлюдный и пустынный край, ценой многих страданий покорили эту территорию и пожертвовали жизнью своих родных ради ее заселения. Страдание становится метафорой покорения, освоения края; страдание легитимизирует право на владение этой землей. В истории страданий переселенцев нет места коренным жителям. Повидимому, будь аборигенное население включено в нарратив памяти, переселенцы не могли бы выступать в роли покорителей этого края, и пережитые в прошлом страдания утратили бы свою значимость. Страдания, цивилизованная жизнь потеряли бы смысл, если бы оказалось, что до их прихода здесь уже жили люди, что враждебная тайга для других была домом. Именно поэтому память «коренного» населения должна быть отдалена от места страданий: в пространстве она ментально перемещается на территорию Югры, а во времени отодвигается в эпоху бронзы.

Данный анализ базируется преимущественно на материале, собранном мной во время полевых исследований 1990-х и 2000-х гг., но в период последних полевых исследований стали заметны и другие процессы. Прежде всего на территории района и Нового Васюгана наблюдается то, что активисты, формирующие память о выселениях и репрессиях, обратили внимание на «остяков». Точнее, в этой маргинальной социально-бытовой группе они обнаружили «хантов», т.е. ту этническую культуру. По этой причине в дальнейшем по отношению к ним я должен снова употреблять термин «ханты».

Во время последних полевых работ я заметил, что «остяки» иногда выступают в краеведческих мероприятиях нововасюганской школы, посвященных преимущественно народным мастерам и промыслам. Из этого видно, что презентация «хантов» как живых носителей этнического творчества отвечает требованиям, стереотипам большинства общества. Этот процесс неотделим от деятельности «культурных брокеров» национальных меньшинств, направленной на создание традиций, пат-

римонизацию и предлагающей «хантыйскую» культуру для общественного потребления.

Истории «хантыйских» семей появляются также в изданиях и конференциях, имеют своей целью сохранение памяти района. По-видимому, все-таки возможно создание нарратива, включающего «хантов» в память региона, несмотря на то что их прежняя изолированность не менее мотивирована. Включение «хантов» в локальную память и в данном случае базируется на основном моменте истории региона: на памяти о репрессиях. Все чаще говорят о том, что без опыта и помощи «хантов» переселенцы едва ли смогли бы выжить. «Ханты», пусть косвенно, но тоже стали жертвами репрессий, их прежняя жизнь также была полностью перечеркнута этими двумя роковыми десятилетиями XX в.: их деревни были разрушены, а затем ликвидированы, они потеряли свои охотничьи угодья.

Таким образом, и тот и другой – действительно и одинаково трагический – индивидуальный опыт, физическое и моральное изгнание так называемых «спецов» из родных мест, и символическое вытеснение из родного края, выпавшее на судьбу остяков, не исклю-

чают, а дополняют друг друга и равным образом могут стать частью господствующего нарратива травмы репрессий.

На примере васюганских хантов мы видим, как этническая группа может исчезнуть, а затем снова появиться в локальных дискурсах, т.е. как аборигенное население может затеряться между социально-бытовым и этническим дискурсами. На протяжении прошлого века васюганские ханты сперва маргинализировались, а затем из бытовой группы без какого-либо политического, культурного и хозяйственного веса превратились в этническую группу, обладающую весьма серьезным потенциалом.

Итак, процесс развивается в двух неразрывно связанных друг с другом направлениях – патримонизации и травматизации. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, господствующий нарратив культурной травмы легко трансформируется и вбирает в себя новые нарративы, если этого требуют интересы агентов; с другой стороны, повышение престижа, вызванное включением новых нарративов, создает благоприятные условия для патримонизации, предоставления данной культуры для общественного потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: http://www.novvas.tomsk.ru/content/obshhie_svedeniya

² URL: <http://www.novvas.tomsk.ru>

³ Муниципальный историко-краеведческий музей г. Стрежевого. URL: <http://www.museum.ru/M613>

ЛИТЕРАТУРА

1. Nagy Z. "Miféle hantik vagyunk mi?" A vaszjugáni hantik és a világ // *Közösség és identitás*. Budapest : L'Harmattan – PTE Néprajz Tanszék, 2002. P. 33–77.
2. Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html, свободный.
3. Борзцов В.Л. Переселенцы. Красноярск : Поликом, 2001. 168 с.
4. Дорофеев С. Семейная история. Б.г. 190 с.
5. Шаповалов П.П. Ручей : сб. стихотворений. Томск : Знамя Мира, 1997. 178 с.
6. Надь З. Лес: понятие ландшафта у хантов и русских Васюгана // Томский областной краеведческий музей. Материалы полевых исследований. Томск : Д-Принт, 2014. Т. XVIII. С. 243–249.
7. Решетко В. Черноводье. Томск : Красное знамя, 2007. 405 с.
8. Шелудяков А. Из племени кедра. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 320 с.
9. Шульбаева П.А. (сост.) Аборигенный экотуризм. Томская область. Путеводитель. М. : Россия, 2009. 106 с.
10. Красильников С. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЕН, 2003. 288 с.
11. Макшеев В. Спецы. Исследование. Томск : СК-Серии, 2007. 180 с.
12. Монголина Н.Г. Историческая справка о репрессиях 30–40-х гг. XX века. Очерк по истории сталинских репрессий // Гуманитарная экспедиция «Прощение и память 2006–2007 гг.» : сб. ст. Томск : Красное знамя, 2008. С. 8–14.
13. Alexander J.C. Toward a theory of Cultural Trauma // *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press, 2004. 326 p.

Nagy Zoltán. University of Pécs (Pécs, Hungary). E-mail: nagyzooli@gmail.com

VASYUGAN ON THE BORDER OF CENTURIES: KHANTIES OR OSTYAKS?

Keywords: khanty; cultural trauma; patrimonization; cultural memory.

The topic of my presentation covers the public discourses about the Vasyugan Khanties living in the territory of the Tomsk Oblast'. The Khanties are not visible in the public sphere of the *oblast'*. The official and popular memory – which must not be mixed up with the forums of the historical sciences – only mentions archeological cultures as precedents to "real" Russian history. Why are the indigenous people, the Khanties so hidden? There are at least two possible answers. First, there is a lack of exoticism as another cause for their invisibility: the prototype of "Siberianism", of "aboriginality" was and is embodied for the majority in both high literature and popular culture by the Khanties of the KhMAO and the Evenki. Thirdly in the memory of the *okrug* the key role is played by the deportations, the modern self-image of the region is being developed along repression process. In the "master narrative" of the deportations natives have no place: they would apparently lose the sense or significance of their suffering, if they acknowledged that before them the place had already been civilized, humanized. The concept of Khanties in local public discourse makes it hard for the Khanties to acknowledge their Khanty identity and to integrate the Khanty memories into a common collective remembrance. The population of the *oblast'* conceive of the Khanties as a special social group distinguished by their way of life, and not as an ethnic group. This conception has elements of neutral value such as the view on their close attachment to the forest and the taiga. The negative connotations associated with the "Khanty" as a life-style community are stronger, envisaging them as members of a poverty culture, in most cases a marginalized,

lumpenized culture. The Vasyugan Khanties epitomize how an ethnic group can become invisible, then visible again in the local discourse; how natives can be lost tossed between life-style and ethnic discourses. From a marginalized life-style group without political, cultural and economic potential the Vasyugan Khanties have become an ethnic group of considerable potential upon the deliberate or unintentional, direct or indirect influence of the scholarly sphere and some individual researchers. The process is going on along two inseparable lines, patrimonization and traumatization.

REFERENCES

1. Nagy, Z. (2002) "Miféle hantik vagyunk mi?" A vaszjugáni hantik és a világ [Khanty and the Vasyugan world]. In: Pócs, É. (ed.) *Közösség és identitás* [Community and identity]. Budapest: L'Harmattan – PTE Néprajz Tanszék. pp. 33-77.
2. The Russian State Statistics Committee. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Ofitsial'nye itogi s rasshirennymi perechnymi po natsional'nomu sostavu naseleniya i po regionam* [National Population Census 2010. Official results from the extended sets by the ethnic composition of the population and by regions]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html.
3. Borzetsov, V.L. (2001) *Pereselentsy* [Migrants]. Krasnoyarsk: Polikom.
4. Dorofeev, S. (s.a.) *Semeynaya istoriya* [Family history]. [s.n.].
5. Shapovalov, P.P. (1997) *Ruchey. Sbornik stikhotvoreniy* [The Creek. A Collection of Poems]. Tomsk: Znamya Mira.
6. Nad, Z. (2014) Les: ponyatie landshafta u khantov i russkikh Vasyugana [The forest: The concept of landscape in Khanty and Russian Vasyugan]. In: *Tomskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey. Materialy polevykh issledovaniy* [Tomsk Regional Museum of Local Lore. Materials of fieldwork]. Vol. 18. Tomsk D-Print. pp. 243-249.
7. Reshetko, V. (2007) *Chernovod'e* [Blackwaters]. Tomsk: Krasnoe znamya.
8. Sheludyakov, A. (1981) *Iz plemeni kedra* [From the cedar tribe]. Novosibirsk: West Siberian Book Publ.
9. Shulbaeva, P.A. (2009) *Aborigennyy ekoturizm. Tomskaya Oblast', Putevoditel'* [The aboriginal ecotourism. The Tomsk Region Guide]. Moscow: Rossiya.
10. Krasilnikov, S. (2003) *Serp i Molokh. Krest'yanskaya Ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [The Sickie and Moloch. The peasant exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.
11. Maksheev, V. (2007) *Spetsy. Issledovanie* [Specialists. A Research]. Tomsk: SK-Serits.
12. Mongolina, N.G. (2008) Istoricheskaya spravka o repressiyakh 30–40-kh gg. XX veka. Ocherk po istorii stalinskikh repressiy [Historical information about the repressions of the 1930-1940s. An essay on the history of Stalinist repressions]. In: Zarubina, V.M. (ed.) *Gumanitarnaya ekspeditsiya. Proshenie i pamyat' 2006–2007 gg.* [The Humanitarian Expedition "Remission and Memory 2006–2007"]. Tomsk: Krasnoe znamya. pp. 8-14.
13. Alexander, J.C. (2004) Toward a theory of Cultural Trauma. In: Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N. & Sztompka, P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.

УДК 39(57)
DOI 10.17223/19988613/43/27

И.Е. Максимова

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГЕНЕЗУ СЫМСКО-КЕТСКИХ ЭВЕНКОВ

Сымско-кетские (сымские, западно-сибирские) эвенки – локальная группа, сформировавшаяся в середине 30-х гг. XX в., в которую входили представители родов Баяки-Боярины, Баяки-Самаровы, Кему, Кильтыно, Кима, Танимо, Турумби, Чемба и Эгдырэ. В результате проведенных исследований была восстановлена целостность собранных Н.С. Розовым и Ф. Душем антропологических материалов, которые были дополнены архивными данными. Было выявлено, что роды, образовавшие в XX в. сымско-кетскую группу, кочевали в XVII – начале XX в. в междуречье Кети и Енисея (Турумби, Кильтыны), на обоих берегах Енисея в районе устья Ангары (Танимо, Кему, Кима), по Подкаменной Тунгуске (Чамба), в районе Илимпеи (Баяки).

Ключевые слова: сымско-кетские эвенки; Западная Сибирь; этногенез; Н.С. Розов.

Сымско-кетские (сымские, западносибирские) эвенки – локальная группа, сформировавшаяся в середине 1930-х гг. из милитского и питско-варагонского родов, кочевавших в XIX – начале XX в. по лево- и правобережью Енисея в пределах Анциферовской волости [1. С. 158–159]. Деление эвенков данного региона на группы, принятое в официальных документах XIX – начала XX в., соответствовало местам их выхода на сугланы (с. Ярцево и с. Усть-Пит) и не отражало реального родового состава. С точки зрения самих эвенков, в данную группу входили представители родов: Баяки-Боярины, Баяки-Самаровы, Кему, Кильтыно, Кима, Танимо, Турумби, Чемба и Эгдырэ.

Первые, и во многом случайные, материалы по антропологии сымско-кетских эвенков были получены Ф. Душем в 1921 г. [2], который обследовал девять мужчин и одну женщину из родов Баяки, Кему, Кима и Чамба, встреченных им на р. Подкаменная Тунгуска [3].

Впервые вопрос о целенаправленном антропологическом исследовании данной группы с выходом на проблемы этногенеза поставил Н.С. Розов в конце 1940-х гг. Судя по проведенной подготовительной работе, это была часть планируемого исследователем большого проекта по антропологическому изучению коренного населения региона [4]. Во время экспедиции 1950 г. в Верхне-Кетский район Томской области он посетил места компактного проживания эвенков (пос. Орловка, стоянка Проходной бор, пос. Максимкин Яр), где сделал значительное количество фотографий [5], провел антропологические измерения, которые были отражены в 38 антропометрических бланках [6], а также составил списки всех эвенков, проживающих в регионе. В дальнейшем эти данные были дополнены во время экспедиции 1952 г. на р. Васюган [7].

Все проведенные измерения были обработаны и сведены в таблицы [8]. Кроме того, Н.С. Розовым была составлена классификация эвенков данной группы по месту проживания и месту рождения. Судя по сделанным пометкам, Н.С. Розов предполагал исследовать этногенез каждого рода в отдельности. Полученные результаты были частично опубликованы [9, 10]. Соб-

ственные материалы он дополнил фотографиями из экспедиции А.П. Дульзона [11], проводившего в те же годы исследования на р. Кеть, и газетными вырезками, планируя, по-видимому, продолжать работу над данной темой. Однако начатое исследование не было им завершено, и большая часть материалов не была опубликована.

В дальнейшем возможностью антропологического изучения сымско-кетских эвенков активно интересовался В.А. Дремов. Однако реально приступить к этой работе он так и не смог. Его останавливали невозможность сбора остеологического материала (эвенки до 1950-х гг. не хоронили своих умерших на кладбищах), а также малочисленность и разрозненность группы. Предпринятая им попытка найти следы эвенкийского населения на р. Чулым не дала положительных результатов.

Таким образом, к 1980-м гг. все исследования в этом направлении были остановлены. Собранные Н.С. Розовым данные остались уникальным источником, который был разделен между различными фондами хранения (архив Кабинета антропологии, архив Музея археологии и этнографии Сибири (МАЭС), фотофонд МАЭС). Часть фотографий с краткими пояснительными сведениями была представлена на сайте Кабинета антропологии исторического факультета ТГУ [12].

В результате проведенных в последние годы работ была восстановлена целостность собранных Н.С. Розовым материалов. Недостающие фотографии были восполнены по сохранившимся негативам. Результаты (полевые дневники, подготовительные документы, отчеты, фотографии, негативы) были обобщены в базе данных, созданной в системе Moodle [13], которая позволяет проводить поиск как по названию источника, так и по именам людей, которые были обследованы в ходе экспедиций Н.С. Розова.

Г.М. Василевич первой обратилась к изучению этногенеза данной группы с «этнографических позиций» [14–16]. Она записала родословные эвенков, которые отражали их родственные связи за последние 150–200 лет [17]. Результаты ее исследовательской деятельности невозможно переоценить. Однако

Г.М. Василевич ставила перед собой задачу изучения культуры всего этноса, а не подробного анализа материала по одной локальной группе. Возможно, поэтому вопрос достоверности собранных родословных остался открытым.

В 1980-х гг. В.А. Туголуков [18] провел колоссальную работу по изучению этногенеза эвенков Западной и Средней Сибири, основанную на большом количестве архивных источников. Такая глобальная задача, естественно, не предполагала исследование истории отдельных семей.

Автором данной статьи была предпринята попытка обобщить материалы, собранные антропологами и этнографами, и дополнить их данными архивных источников, среди которых сведения из ревизских сказок конца XVIII в. [19], метрических (около 300 единиц) [20–22] и похозяйственных книг [23, 24], с целью восстановления этногенеза каждого из родов, вошедших в состав сымско-кетской группы.

Самые ранние письменные источники, которые удалось использовать для исследования, относятся к концу XVIII в. В ревизских сказках этого периода указывались, в том числе, люди, которые родились в конце XVII в. и умерли с момента прежней ревизии. Период с начала XIX в. достаточно полно охвачен метрическими книгами и исповедными росписями, что позволяет проследить родственные связи между лицами, указанными в ревизских сказках, и их потомками. Таким образом, родословные отдельных семей прослеживаются с 1690-х гг. до настоящего времени.

Эти данные были сопоставлены с родословными, записанными в 1931 г. Г.М. Василевич. Выяснилось, что при расчете разницы в поколениях в 30 лет совпадения имен и родственных связей было настолько значительным, что исключало элемент случайности.

К сожалению, удалось проанализировать не все родословные, так как в доступных для исследования архивах не сохранились данные VI–IX ревизий и переписей конца XIX – начала XX в. Многие эвенки крестились только в начале XX в., поэтому по данным метрических книг невозможно восстановить полный родовой состав. Кроме того, эвенки достаточно «легкомысленно» относились к русским именам, поэтому один и тот же человек в различных документах мог именоваться по-разному. Наконец, предки эвенков, кочевавших в конце XIX в. на левобережье Енисея, в конце XVIII в. могли кочевать в совершенно другом месте, что требует исследования ревизских сказок из всех смежных районов и является чрезвычайно трудоемкой работой.

Было установлено, что в конце XVIII – начале XIX в. основным центром «притяжения» эвенков на левобережье Енисея было с. Маковское на р. Кеть. В районе Мелецкого острога, несмотря на созвучие его названия с названием группы, следов присутствия эвенков не найдено.

В конце XIX – начале XX в. существовало два места постоянных выходов значительных групп эвенков дан-

ного района: Ярцево на р. Енисей и Максимкин Яр на р. Кеть. Кроме того, отдельные семьи эвенков регулярно посещали Назимово (на р. Енисей), Нарым, Парабель, больницу в пос. Молчаново на р. Обь [25. С. 168, 248], обживали верховья р. Тым, навещались в бассейн Васюгана [Там же. С. 65, 181, 200] и даже ездили за покупками в Томск [Там же. С. 238]. Значительная группа эвенков, практически безоленных, кочевала в районе Кемчуга (приток Чулыма) [26]. Некоторые эвенки ходили на заработки в район северо-енисейских приисков (т.е. на правобережье Енисея). В таких условиях представители группы, осознавая свое родство, не воспринимали себя как отдельную территориальную общность.

Кроме того, по данным ревизских сказок конца XVIII в., в состав «тунгусов» входили фамилии, которые в XIX–XX вв. принято относить к остякам (селькупам). Например, Алексей Карелин назван «тунгусом» в документах 1789 г. [27. Л. 38 об.–40], Евстрат Карелин – 1851 г. [28. С. 2 об.–3]. Взаимобрачных отношений на этот период между Карелиными и «классическими» тунгусами не зафиксировано; в этнографических данных также нет упоминаний о том, чтобы современные эвенки считали Карелиных более близкими к себе, чем остальные селькупские семьи. Не исключено, что Карелины могли держать оленей и кочевать вместе с тунгусами, поэтому и были отнесены к ним, а не к безоленным «остякам». Практика содержания оленей нетунгусским населением с передачей оленей в стада эвенков для совместного выпаса была распространена на Кети вплоть до 1950-х гг. На р. Сым таким же образом поступали старообрядцы [29].

В то же время ряд фамилий, которые в XVIII – начале XIX в. значились «остяками» (например, Толстых), в XX в. оказались приписаны к «тунгусам». Однако в этом случае были зафиксированы воспоминания информаторов о том, что эти семьи стали «эвенками» относительно недавно, как правило, в силу житейских обстоятельств.

Несмотря на неполноту полученных данных, с достаточно большой долей уверенности можно констатировать, что в состав сымско-кетских эвенков вошли представители следующих групп:

1. Рода Кильтыно и Турумби, кочевавшие в конце XVII в. в междуречье Кети – Енисея в районе с. Маковское. Крестились раньше других эвенков, более других групп были подвержены влиянию русской культуры.

2. Рода Танимо, Кему, Кима, кочевавшие с конца XVII в. на лево- и правобережье Енисея в междуречьях Енисей – Чулым, верховьях Кети, с выходами на Сым и Пит. До начала XX в. сохраняли брачные связи и тесные культурные контакты с эвенками Ангарты, с которыми они крестились в одних и тех же храмах, вместе работали на приисках и выходили в одни и те же населенные пункты. В результате только часть эвенков, относившихся в XIX в. к питскому роду, вошла в состав сымско-

кетских эвенков и частично в XIX в. перешла на Васюган. Другая часть группы смешалась с ангарскими и южно-подкаменно-тунгусскими эвенками.

3. Род Чамба, кочевавший в XVIII в. в районе Подкаменной Тунгуски, а в XIX – начале XX в. – на р. Сым. Имел тесные культурные связи с эвенками Подкаменной Тунгуски, которые выражались, с одной стороны, во взаимобрачных отношениях, с другой – в воспоминаниях о военных походах «на ту сторону Енисея».

4. Род Баяки, кочевавший в XVIII–XIX вв. на севере Туруханского края и имевший брачные связи и тесные культурные контакты с эвенками Илимпеи. По полевым данным, еще в начале XX в. его представители могли совершать «походы за невестами» в Илимпею, причем брали себе жен не только из тунгусок, но и из «остячек».

При таком сложном родовом составе численность группы всегда была невелика и по самым оптимистическим подсчетам не превышала в начале XX в. 600 человек [18. С. 248]. Сами эвенки на этот же период называли гораздо меньшие цифры: «На этом месте (земле) четыре рода живут. Р. Чамбал тридцать будет не будет человек. Р. Баяки восемь семей есть: в одной семье четверо мужиков есть, в одной двое; в одной трое было бы – маленькие. Р. Кималь четыре семьи есть. Потом Кемоль четыре семьи – семь мужиков, четыре семьи...» [25. С. 52–53]. Исходя из неоднородности родового состава группы, становится понятным, почему, например, знаменитые «шаманские» фольклорные тексты, в большом количестве записанные Г.М. Василевич на Сыме [30], были известны на Васюгане и Орловке только в самых общих чертах.

В 30-х гг. XX в. начинается активная деятельность по социалистическому строительству среди малочисленных народов Сибири. Было сформировано два центра, в которых велась работа с западносибирскими эвенками: фактория Монокон-Бологон на р. Сым и простейшее производственное объединение им. Беляевских на р. Кеть. В сымской фактории эвенки жили на одной территории с русским старожильческим населением, которое играло основную роль в организации деятельности этой фактории. Этому способствовало множество факторов: грамотность русского старожильческого населения, стремление к отстаиванию своих интересов, отсутствие культурного и языкового барьера. Влияние эвенкийского населения на принятие административных решений было весьма невелико.

Объединение им. Беляевских было организовано полностью по национальному признаку. В результате проведения землеустроительных работ была выделена значительная территория по р. Орловке, с которой было выселено старообрядческое население. Весь этот участок был поделен между эвенкийскими оленеводческими бригадами, сформированными по родственному принципу. Большая часть административных должностей

была занята также эвенками, которых активно вовлекали в общественную деятельность. Русскими были только специалисты (врачи, учителя, ветеринары) [31. С. 471].

Таким образом, в объединение им. Беляевских были созданы чрезвычайно благоприятные условия для сохранения эвенками своей культуры. Поэтому сюда съезжаются семьи с Васюгана, Тыма, Чулыма, Сыма. Как закономерный итог, с начала 1940-х гг. сымско-кетская группа начинает осознавать себя как единое целое. Прежнее деление по родам воспринималось прежде всего как деление по фамилиям. В то же время сохранялись представления о существовавших некогда лингвистических и этнокультурных различиях.

Например, эвенков, переселившихся с Чулыма, называли «крещены», так как их предки были крещены еще в середине XVIII в. Бояриных и Самаровых относили к одному роду – Баяки, «хотя они и не родственники». Материалы метрических книг полностью подтверждают эту информацию: Боярины преимущественно крестились в пос. Ярцево, Самаровы – в пос. Дубчес, и первоначально значились «сумароковскими» тунгусами (от названия населенного пункта Сумароково на Енисее). Через Дубчес и Тым они перекочевали на Васюган, где их прозвище превратилось в фамилию. В начале 1950-х гг. часть их перешла на Кеть, часть перекочевала вниз по Оби в Тюменскую область. На Васюгане осталось лишь несколько семей, которые еще в 1980-х гг. помнили о том, что их предки были проводниками у русских в районе Енисея.

Лихачевы, проживавшие на Кети, также знали о существовании двух «ветвей» своего рода («на Васюгане живут наши Лихачевы, но они нам не родня»). Архивные данные подтвердили, что Лихачевы в XVIII в. кочевали в верховьях Кети–Чулыма. В дальнейшем часть их осталась в этих же местах, совершая выходы в район Север-Енисейских приисков. Другая часть перешла на левобережье Оби в районе Молчаново – Тунгусово и далее по Васюганским болотам дошла до бассейна р. Демьянки, где ее представители встречались в начале XX в. [32]. Часть их в дальнейшем поселилась в этих местах [33], практически потеряв связь с сымско-кетской группой. В 1970-х гг. эвенки, проживающие по р. Васюган и Кеть, уж ничего не знали о них.

После упразднения в середине 1950-х гг. производственного объединения им. Беляевских эвенки расселились по различным населенным пунктам региона и постепенно утратили навыки оленеводческого ведения хозяйства. Последние кочевые семьи исчезли в начале 1980-х гг.

Таким образом, сымско-кетские эвенки имеют сложный этнокультурный состав. Это позволяет предполагать, что тщательный анализ и сопоставление антропологических, этнографических, лингвистических и фольклорных данных в пределах данной группы может помочь вычленивать составляющие, связанные с культурным наследием отдельных родов, и восстановить их этно- и культурогенез.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1906. Т. XXXI, ч. 1, вып. 1. Тунгусы собственно. 177 с.
2. Аксенова Г.А. Происхождение кетов по данным антропологии: история вопроса, новые материалы // Вестник антропологии. 2013. № 1 (23). С. 20–58.
3. Душ Ф. Записки по антропологии енисейцев и тунгусов в районе Подкаменной Тунгуски. Май–июнь 1921 г. // Архив Красноярского краевого краеведческого музея. Оп. 1. Д. 2424.
4. Материалы Н.С. Розова, 1950–1952 гг. // Архив Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Ф. 324.
5. Фотоальбомы по селкупам и эвенкам. Фотофонд Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 321, 323.
6. Антропометрические бланки. Архив кабинета антропологии Томского государственного университета.
7. Дневники экспедиции 1950 и 1952 гг. Архив кабинета антропологии Томского государственного университета.
8. Сопоставительные таблицы антропометрии. Архив кабинета антропологии Томского государственного университета.
9. Розов Н.С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 6. С. 71–91.
10. Розов Н.С. Материалы по антропологии населения Причулымья // Материалы по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1961. С. 387–396.
11. Списки негативов из научных экспедиций А.П. Дульзона // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р.1763. Оп. 1. Д. 157.
12. Фотоизображения представителей коренных народов Сибири. URL: http://www.if.tsu.ru/kranion/etn_a.htm, свободный.
13. Источники по этнографии и истории сымско-кетских эвенков. Антропологические данные. URL: <http://moodle.tsu.ru/course/view.php?id=2289>, свободный.
14. Василевич Г.М. Отчет о командировке к сымским тунгусам Туруханского края в VI–IX 1930 г. Системы рек Сыма и Дубчеса // Архив Академии Наук. Ф. 135. Оп. 2. Д. 76.
15. Василевич Г.М. Сымские тунгусы // Советский Север. 1931. № 2. С. 132–152.
16. Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский Север. 1931. № 10. С. 133–145.
17. Василевич Г.М. Родословные сымских тунгусов. Туруханский край. 1930, 23 // Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 22. Оп. 2. Д. 17.
18. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М. : Наука, 1985. 285 с.
19. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 277. Оп. 1. Д. 434; Ф. 909. Оп. 1. Д. 6. Д. 9; Ф. 910. Оп. 1. Д. 7.
20. ГАКК. Ф. 182, 198, 239, 277, 325, 391, 394, 397, 427, 725, Р2453.
21. ГАТО. Ф. 170, 527.
22. Енисейский городской архив. Ф. Р273.
23. Верхне-кетский райгосархив Томской области. Ф. 35, 39, 46.
24. Енисейский районный архив. Оп. 2. Д. 2–10, 12, 16, 18.
25. Рычков К. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени (Хоюнское наречие). 276 лист // Архив Института восточных рукописей (СПб.) Ф. 49. Оп. 1. Д. 6^а.
26. Рычков К. Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии племени (Барханское наречие). 531 лист // Архив Института восточных рукописей (СПб.) Ф. 49. Оп. 1. Д. 6^а.
27. Исповедальные росписи прихожан Маковской Покровской, Усть-Кемской Спасской церквей 1789. 80 л. // ГАКК. Ф. 819 Енисейское духовное правление. Оп. 1. Д. 7.
28. Ревизские сказки на тунгусов Вехнечумской управы Анциферовской волости Енисейского округа Енисейской губернии. 1852. Ф. 160. Оп. 3. Д. 542.
29. Казакевич О.А. Традиционная культура эвенков глазами старообрядческого населения Сыма // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 344–347.
30. Василевич Г.М. Материалы по фольклору сибирских эвенков // Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л. : Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смиловича, 1936. С. 1–146.
31. Проект землеустройства Орловского туземного сельсовета Колпашевского района // Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 49.
32. Шухов И.Н. Материалы по изучению племенного состава населения и его быта в Тарском округе // Архив Академии наук. Ф. 135. Оп. 2. Д. 341.
33. Адаев В.Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации (бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 125–135.

Maksimova Irina E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: imaxi59@mail.ru

ARCHIVAL DATA AS A SOURCE FOR THE ETHNOGENESIS OF THE SYM-KET EVENKS.

Keywords: Sym-Ket Evenks; Western Siberia; ethnogenesis; N.S. Rozov.

The Sym-Ket (Sym, West-Siberian) Evenks is the local group formed in the mid-1930s from the Milit and Pit-Varagon clans. These clans roamed the left and right banks of the Yenisei River within the Antsifer Volost in the 19th – early 20th centuries. From the perspective of the Evenks themselves, this group included representatives of the following clans: Bayaki–Boyariny, Bayaki–Samarovy, Kemu, Kiltyno, Kima, Tanimu, Turumbi, Chemba, and Egdyre. The purposeful anthropological study of this group as a research problem was firstly initiated by N. S. Rozov in the late 1940s. Later, V. A. Dremov took an active interest in the possibility to study the Sym-Ket Evenks from an anthropological point of view. However, he could not begin this study. By the 1980s, the research in this direction was stopped. The data collected by N. S. Rozov remained the unique source, but they were scattered among different archives. Due to the research efforts undertaken in the last years, the integrity of the data collected by N. S. Rozov was restored. They were supplemented by anthropological records by F. Dush, census data (so called revision lists) of the late 18th century, parish registers (about 300 units), and a significant number of photographs. The clans whose descendants would form the Sym-Ket group in the mid-20th century were found to be divided into three branches in their localized habitation sites in the 17th – early 20th centuries: 1. The clans who roamed the interfluvial area between the Yenisei and Chulym rivers, in the headwaters of the Ket River, on the Sym and Peta rivers. 2. The clans who moved from the Podkamennaya Tunguska River to the north and migrated to the Ket River in the 19th – the early 20th centuries. 3. The clans who came from Turukhansk and the Ilimpei River in the 18th–19th centuries. Due to the restoration of kinships, some genealogies can be traced to the late 17th century. A number of families whose representatives identified themselves as the Evenks in the early 20th century had been registered as “Ostyaks”. Other families whose representatives had been registered as the “Tungus” in the 18th century identified themselves as the Selkups in the 20th centuries. Therefore, the Sym-Ket Evenks are of a more complex ethnocultural composition than previously thought. The findings obtained

from the analysis of the archival data, in combination with the restored findings by N. S. Rozov, make it possible to continue with his efforts and to further study the ethnogenesis of the Sym-Ket Evenks.

REFERENCES

1. Patkanov, S. (1906) Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov [Geography and statistics of Tungus tribes in Siberia on the basis of the 1897 Census and other sources]. In: *Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii* [Records of the Russian Geographical Society, Department of Ethnography]. 31 (1-1).
2. Aksyanova, G.A. (2013) Proiskhozhdenie ketov po dannym antropologii: istoriya voprosa, novye materialy [The origin of Kets according in terms of anthropology: The background and new materials]. *Vestnik antropologii*. 1(23). pp. 20-58.
3. Dush, F. (1921) Zapiski po antropologii eniseytshev i tungusov v rayone Podkamennoy Tunguski. May-iyun' 1921 g. [Notes on anthropology of the Yenisey ostsaks and Tunguses near the Podkamennaya Tunguska. May-June 1921]. *The Archive of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore*. List 1. File 2424.
4. Rozov, N.S. (1950–1952) Materialy, 1950–1952 gg. [Materials of 1950–1952]. *The Archives of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University*. File 324.
5. Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia. (n.d.) Fotoal'bomy po sel'kupam i evenkam [Photoalbums on the Eveny and Selkups]. 321, 323.
6. *The Archives of the Tomsk State University Anthropology Office*. (n.d.) Antropometricheskie blanki [Anthropometric forms].
7. *The Archives of the Tomsk State University Anthropology Office*. (1950, 1952) Dnevniky ekspeditsii 1950 i 1952 gg. [Expedition diaries dated by 1950 and 1952].
8. *The Archives of the Tomsk State University Anthropology Office*. (n.d.) Sopostavitel'nye tablitsy antropometrii [Comparative anthropometry tables].
9. Rozov, N.S. (1961a) Antropologicheskie issledovaniya korennoho naseleniya Zapadnoy Sibiri [Anthropological studies of Western Siberian indigenous population]. *Voprosy antropologii*. 6. pp. 71-91.
10. Rozov, N.S. (1961b) Materialy po antropologii naseleniya Prichulyum'ya [Materials on the anthropology of the Chulym population]. In: *Materialy po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Materials on the history of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 387-396.
11. *The State Archives of Tomsk Region (GATO)*. (n.d.) Spiski negativov iz nauchnykh ekspeditsiy A.P. Dul'zona [Lists of negatives from A.P. Dulzon's expeditions]. Fund R.1763. List 1. File 157.
12. Tomsk State University, Historical Faculty. (n.d.) Fotoizobrazheniya predstaviteley korennykh narodov Sibiri [Photos of the Siberian indigenous peoples]. [Online] Available from: http://www.if.tsu.ru/kranion/etn_a.htm.
13. Chernyak, E.I. (n.d.) Istochniki po etnografii i istorii symsko-ketskikh evenkov. *Antropologicheskie dannye* [Sources of anthropology and history of the Evenk of the Sym-Ket group. Anthropological data]. [Online] Available from: <http://moodle.tsu.ru/course/view.php?id=2289>.
14. Vasilevich, G.M. (n.d.) Otchet o komandirovke k symskim tungusam Turukhanskogo kraya v VI–IX 1930 g. Sistemy rek Syma i Dubchesa [Reports to the trip to the Sym Tungus of Turukhansk Region in 1930. The systems the Sima and Dubchesa rivers]. *The Archive of the Academy of Sciences*. Fund 135. List 2. File 76.
15. Vasilevich, G.M. (1931a) Symskie tungusy [The Sym Tunguses]. *Sovetskiy Sever*. 2. pp. 132-152.
16. Vasilevich, G.M. (1931b) K voprosu o tungusakh, kochuyushchikh k zapadu ot Eniseya [On the Tungus migrating to the west of the Yenisei]. *Sovetskiy Sever*. 10. pp. 133-145.
17. Vasilevich, G.M. (1930) Rodoslovnye symskikh tungusov [Genealogy of the Sym Tungus]. *The Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Fund 22. List 2. File 17.
18. Tugolukov, V.A. (1985) *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tungus (Evenks and Evens) in the Central and Western Siberia]. Moscow: Nauka.
19. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (n.d.) Fund 277. List 1. File 434.
20. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (n.d.) Funds 182, 198, 239, 277, 325, 391, 394, 397, 427, 725, R2453.
21. *The State Archives of Tomsk Region (GATO)*. Funds 170, 527.
22. *The Yenisei City Archive*. Fund R273.
23. *The Upper-Ket District State Archives of Tomsk Region*. Funds 35, 39, 46
24. *The Yenisei District Archive*. List 2. Files 2–10, 12, 16, 18.
25. Rychkov, K. (n.d.) Materialy po izucheniyu tungusskogo yazyka, fol'klora i etnologii plemeni (Khojonskoe narechie). 276 list [Materials for the study of the Tunguska language, folklore and ethnology (The Hojonsk dialect)]. *The Archives of the Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg)*. Fund 49. List 1. File 6b.
26. Rychkov, K. (n.d.) Materialy po izucheniyu tungusskogo yazyka, fol'klora i etnologii plemeni (Barhahanskoe narechie) [Materials for the study of the Tunguska language, folklore and ethnology (The Barhahan dialect)]. *The Archives of the Institute of Oriental Manuscripts (St. Petersburg)*. Fund 49. List 1. File 6a.
27. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (1789) Ispovedal'nye rospisi prikhozhan Makovskoy Pokrovskoy, Ust'-Kemskoy Spasskoy tserkvey 1789 [Confessional paintings of the parishioners of Makovskaya Intercession, Ust-Kem Saviour Churches in 1789]. Fund 819. List 1. File 7.
28. *The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)*. (1852) Revizskie skazki na tungusov Vekhnechumskoy upravly Antsiferovskoy volosti Eniseyskogo okruga Eniseyskoy gubernii. 1852 [Revision lists on Tungus of the Vekhnechumskoe parish council of Antsiferov Yenisei district, Yenisei province]. Fund 160. List 3. File 542.
29. Kazakevich, O.A. (2010) [The Evenk traditional culture as viewed by the Old Believers from the Sima]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 15th International West-Siberian Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 344-347. (In Russian).
30. Vasilevich, G.M. (1936) Materialy po fol'kloru sibirskikh evenkov [Materials on the Siberian Evenk folklore]. In: Alkor, Ya.P. (ed.) *Sbornik materialov po evenkiyskomu (tungusskomu) fol'kloru* [The collection of materials on the Evenks (Tungus) folklore]. Leningrad: Institute of the North Peoples. pp. 1-146.
31. *The Archives of Tomsk Regional Museum of Local Lore*. (n.d.) Proekt zemlevedoustroystva Orlovskogo tuzemnogo sel'soveta Kolpashevskogo rayona [The draft of the land and water management in Orlovsky Indigenous Village Council, Kolpashevo District]. Fund 1. List 3. File 49.
32. Shukhov, I.N. (n.d.) Materialy po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya i ego byta v Tarskom okruge [Materials for the study of tribal composition of the population and its way of life in Tara District]. *The Archives of the Academy of Sciences*. Fund 135. List 2. File 341.
33. Adaev, V.N. (2010) Etnolokal'nye modeli i individual'nye strategii ekologicheskoy adaptatsii (bassey n. Dem'yanka, 1930–1980-e gg.) [Ethnolocal models and individual environmental adaptation strategies (The Demyanka basin, 1930–1980s.)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2(27). pp. 125-135.

УДК 393.05
DOI 10.17223/19988613/43/28

Ю.И. Ожередов

РИТУАЛЬНОЕ ВТЫКАНИЕ ОРУЖИЯ У СЕЛЬКУПОВ И ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

В настоящей работе рассмотрен редкий, но эффектный ритуал, следы которого выявлены в ходе исследований погребально-поминальной обрядности локально-диалектной группы нарымских селькупов «шиешгула». В ходе стационарных исследований в двух комплексах обнаружены воткнутые в дно могилы и в ритуальный столб наконечники стрел, оставленные в результате выстреливания из лука с целью магического отвращения «злых сил», персонифицированных душами умерших. Изучение обрядовой практики народов Евразии от древности до этнографического времени выявило истоки данного обряда в III тыс. до н.э. Память о данном способе отвращения потусторонних сил зафиксирована в ведийских текстах II тыс. до н.э., оставленных культурой ариев, оказавшей заметное влияние на мировоззрение народов Сибири.

Ключевые слова: Приобье; селькупы «шиешгула»; ритуальные стрелы.

Междисциплинарное изучение погребальной и поминальной обрядности селькупов приобско-нарымской локально-диалектной группы «шиешгула» показало заметное многообразие ритуальных форм, материализованных в конструкциях и предметах церемоний [1, 2]. Исследование ритуалов через их материальные остатки на сегодняшний день стало первостепенной задачей, решаемой путем семиотического анализа находок в контексте их обрядового предназначения.

В настоящей работе предпринято исследование ритуальной роли двух наконечников стрел из захоронений Кустовского курганного могильника с левобережья Нарымского Приобья.

В одноактном кургане № 16, у нижней челюсти кремнированного на месте захоронения подростка был найден образец наконечника из тонкой пластины медного сплава. Радиоуглеродная дата древесных углей определила сооружение кургана в пределах 1430–1640 гг. (скорее ближе к конечной, нежели к начальной дате). На наконечнике сохранился фрагмент древка, обмотанного суровой нитью, убеждающий в том, что найдены остатки полной стрелы. Подобные наконечники известны в ряде хантыйских и в трех селькупских памятниках II тыс. По данным А. Каннисто, стрела с медным наконечником хранилась в колчане каждого охотника в качестве апотропея на случай внезапной встречи с «лесным духом» [3. С. 158]. Медные наконечники стрел и медные ружейные пули высоко ценились, так как медь, по традиционным воззрениям, — металл, обладающий магической способностью поражать нечистую силу. Однако и другие острые предметы, в том числе стрелы из любого другого материала, также были страшны для злых духов [4. С. 101].

Особенность кустовской находки заключается в том, что она обнаружена не в колчанном наборе, а отдельно, в воткнутом положении, в контексте активного участия в погребальном ритуале. Пластина волнообразно деформирована в поперечном сечении, что указывает на мощный толчок в продольном направлении, который мог появиться при резком ударе наконечника

о препятствии [Там же. С. 84. Рис. 1, 8; 5. С. 76. Рис. 3, 8; 6. С. 161]. Вероятной причиной имеющейся деформации наконечника стало следствие выстрела в дощатое днище погребения.

Наконечник из кости найден на стволе поминального столба, рухнувшего на вершине кургана № 5 в конце XVI–XVII вв. Артефакт лежал на поверхности несколько выше середины длины столба. Анализ обстоятельств находки дает основания предполагать, что наконечник некогда вонзился в столб будучи насаженным на стрелу. И хотя следов насада на древко в этом случае не сохранилось, предположение подтверждается необычностью появления наконечника на поверхности столба. Версия о том, что его положили на столб после обрушения последнего, не выдерживает критики, так как в незакрепленном состоянии он бы самостоятельно не удержался на овальной поверхности, пока столб целиком не ушел в насыпь. Следовательно, изначально он был воткнут, а в дальнейшем, под действием естественного разрушения дерева, в котором находился, и тяжести земли, постепенно принял горизонтальное положение.

Наиболее ранний (II тыс. до н.э.) опыт ритуального втыкания оружия (и орудий) в погребальном и поминальном обрядах Сибири зафиксирован В.И. Матющенко в Ростовкинском могильнике. В 5 захоронениях (5, 8, 24, 30, 33) из 37 расчищенных было обнаружено по одному или несколько жертвенных копий, кельтов и ножей, воткнутых в ходе поминок в материк или в погребенную почву. В дно погребения № 2, где далее оказалась голова умершего подростка 9–10 лет, вонзили бронзовый нож со скульптурной группой из лыжника, прикрепленного поводом к коню [7. С. 8, 64, 66 и др.]. Аналогичный обычай втыкания оружия отмечен на культурно родственном Турбинском могильнике и в ряде погребений географически далекой от турбиносейминского круга памятников глазковской культуры [8. С. 178; 9. С. 148].

Ритуал с вонзенным оружием продолжил свое бытование в I тыс. до н.э. В частности, в пазырыкском

кургане № 1 памятника Ак-Алаха-3 вытаял воткнутый кинжал [10. Рис. 17]. По результатам исследований В.В. Горбунова стало известно, что в кулайском могильнике Обские Плеса II, в захоронении собаки «были вертикально воткнуты два костяных наконечника» [11. С. 157].

Сибирские примеры как нельзя точно вписываются в общевразийскую канву поминальных ритуалов. Точно так же поступали в III тыс. до н.э. при захоронении царей Древнего Ура в Месопотамии, где в усыпальнице Мес-калам-дуга был составлен целый ряд из воткнутих медных копий [12. С. 181]. В культурах других периодов случаи втыкания оружия отмечены в могилах Танаиса, в скифских курганах [13. С. 115–116], в погребениях Дванского могильника в Грузии [14. С. 229].

В таежной зоне Западной Сибири традиция втыкания продолжается в памятниках II тыс. вплоть до этнографической поры. Такие факты отмечены В.И. Семёновой на поздних средневековых могильниках Юганского Приобья [15. С. 184], а антропологом В.А. Дремовым «стоящие» ножи и топор встречены в могилах XIX в. Усть-Балыкского хантыйского кладбища в Сургутском Приобье [16. С. 318, 322].

Семантика данного ритуала до сих пор не находит в археологической литературе однозначного толкования. В.И. Матющенко по случаю своей оригинальной находки не нашел нужным высказывать какие-либо гипотезы в литературной или другой документированной форме. При описании погребального и поминального ритуалов он ограничился лишь несколькими очень важными наблюдениями: «...территория могильника посещалась близкими, оставлявшими у могил определенные приношения. В тех случаях, когда у могилы оставлены бронзовые орудия и оружие, они оказывались воткнутих в землю, а не просто положены» [7. С. 64]. Относительно ножа, находившегося в погребении 2, автор раскопок заметил: «Так, в могиле 2 под черепом обнаружен нож со скульптурной группой. Нож был воткнут в дно могилы вниз острием, после чего уложен прах умершего» [Там же. С. 66].

Трактовку данного ритуала находим в целом ряде публикаций. Академик В.В. Бартольд рассматривал этот ритуал как средство предохранения могил от осквернения людьми [17. С. 60], а О.В. Обельченко считает, что опасность для умерших исходит не от людей, а от злых духов [18. С. 176]. Не совсем определенная по смыслу трактовка семантики данного ритуала проходит через ряд работ М.Ф. Косарева. Со ссылкой на обско-угорские и обско-самодийские традиции, коми-пермяцкие представления о нижнем мире, строках из карело-финской «Калевалы» и русском эпосе автор объясняет этот ритуал «как одну из поздних вариаций зарывания» или в другом случае – «как разновидность зарывания». При этом наиболее эффективно втыкание предметов и людей (вбивание Ивана-богатыря в землю) происходит в «нечистых» местах, к которым в полной

мере относятся кладбища, близко подступающие к потустороннему миру [8. С. 178; 9. С. 148]. Следовательно, любое втыкание – это стремление погрузить (отправить) в иной, загробный мир или умертвить. В отличие от других авторов, В.И. Семенова считает, что «Наконечники стрел и ножи, воткнутые вертикально около могильных ям, связаны с ритуалами поминок и воздания воинских почестей» [15. С. 184].

Многогранное толкование содержится в работах Л.Н. Ермоленко, избравшей в качестве источника мифологию южно-сибирских и центрально-азиатских (тюркских) народов. Основываясь на сюжетах из эпических текстов, автор предлагает несколько вариантов ответа на данный вопрос: 1) «действия богатырей (втыкание оружия в землю. – Ю.О.) могут быть трактованы как ритуал жертвоприношения, где жертвой являются убитые враги»; 2) «...втыкание в землю есть чудодейственный акт»; 3) «... символизирует убийство врага»; 4) «...акт дарения-адорации»; 5) «...в некоторых случаях втыкание оружия есть жест миролюбия»; 6) «...действия с оружием следует рассматривать как ритуальные, проделав их, Бора успешно охотится» [19. С. 196–198].

Автором представлен диапазон трактовок от крайних полюсных (символ убийства – символ миролюбия) до акта «жертвоприношения» и общих нейтральных (чудодейственный акт, ритуальное действие). Не касаясь последних, не требующих комментариев, скажем несколько слов о других вариантах (за исключением самого последнего примера). С точки зрения сибирской этнографии, трикстер Бора смог успешно охотиться лишь после ритуального приношения местным духам зверей, охоты и т.п. Следовательно, его действие относится к жертвоприношениям, о которых говорит автор в первом пункте и в случае с дарением-адорацией (приношения богам). Независимыми от других остаются варианты символизации смерти врага и акта миролюбия. Вероятно, они могут быть объединены в контексте зарывания в землю в интерпретации М.Ф. Косарева.

В одном случае это отправление в потусторонний мир (смерть биологическая) как прекращение жизни, в другом – отправление в потусторонний мир (зарыть оружие войны), как прекращение действия (смерть функциональная). Последнее напоминает символическое отправление в землю томагавка у индейцев Северной Америки, означающее завершение военного конфликта. Назовем условно оба эти направления магической ликвидацией опасности. Кроме этого, остается еще один ритуальный вектор, направленный на жертвоприношение потусторонним персонажам, влияющим на реальную жизнь. После группировки ритуальных действий и смыслов ритуалы объединились в две группы: ориентированные на ликвидацию врагов и на умиротворение духов. Если со вторым вполне все понятно, то первые пребывают в области мифопоэтического иносказания, скрывающего духовную состав-

ляющую героев. Нанести окончательное поражение противнику в бою означало уничтожить его душу. Именно это становилось главным мотивом сдирания скальпов или рубке голов поверженных врагов и использовании их черепов в виде драгоценных магических трофеев. В традиционном представлении именно голова является хранилищем души, передающейся по наследству. Поэтому утративший ее человек теряет жизнь окончательно и бесповоротно [8. С. 165, 171].

Новый круг трактовок и смыслов, а также уточнение их векторов магического воздействия открывают этнографические источники северо-сибирских народов. Ярким образцом, разъясняющим суть ритуала втыкания, явился обычай хантов, названный «втыкание ножей вокруг себя на поминках, против душ мертвых» [20. С. 147]. Говорящее за себя название ритуала дает, на мой взгляд, исчерпывающую интерпретацию ритуала втыкания, обладающую универсальным межэтническим свойством, одинаково распространяющимся на северные и южные народы, при том, что форма ритуала может отличаться, сохраняя при этом его суть. Так, например, для изгнания духа умершего шорцы после похорон пускали стрелы в углы жилища [21. С. 205], а буряты для защиты жениха и его дома от чужеродной женщины (ее духов) перед приходом невесты вонзали стрелу или нож в столб внутри юрты [22. С. 281–282].

Помимо случаев втыкания оружия в погребальных ритуалах археология дает примеры аналогичных процедур на святилищах. На святилище Усть-Полуй в Западной Сибири найдены воткнутое в землю наконечники из бронзы и кости [23. С. 18, 20, 23, 26, 27], а в европейской зоне в комплексе германского святилища

В в. на Нидамском болоте изучена символическая изгородь, выстроенная из тридцати мечей и одного копья [24. С. 143]. Этнографическое тому свидетельство находим на мансийском святилище Чохрынь-ойки, где ножи обязательно втыкали в дерево или землю [15. С. 184].

По данным этнографии, у сибирских охотников из разных этнических групп дожил вплоть до Нового времени обычай принесения жертвенных стрел на святилища местных божеств путем стрельбы по священным деревьям [25. С. 444]. В контексте данного сообщения становится вполне объяснимым наличие костяного наконечника на жертвенном столбе-дереве из Кустовского могильника. Стрела, принеся данный наконечник, могла играть двоякую роль: жертвенного приклада и одновременно апотропея, отвращающего души умерших от живых людей, удерживающего их возле могил на родовом кладбище.

В свете приведенных примеров втыкание оружия в похоронных обрядах представляется фактическим или имитационным выстрелом из лука, броском копья, ударом ножа или топора на поражение духов умерших. Уже ведийские народы верили, что духа можно пронзить стрелой [26. С. 77]. Со временем представления скотоводов органично влились в мировоззрение народов тайги [27, 28]. Даже при затмении луны ханты считали нужным вонзить против «злых сил» два ножа и стрелу [29. С. 184].

Ритуалы с оружием, направленным на борьбу с ирреальными силами и поиск способов умиротворить добрых духов-покровителей, в конце концов идейно сблизили обитателей большей части Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- Ожередов Ю.И. К проблеме разнообразия в погребальном обряде южной группы палеоселькупов «шиешгула» // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции / отв. ред. М.П. Чёрная. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 168–172.
- Ожередов Ю.И. Некоторые особенности погребального обряда позднесредневековых селькупов Нарымского Приобья // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2009. С. 79–86.
- Каннисто А. Материалы к мифологии вогулов / пер. Р.А. Моссиенко. Новосибирск, 1988.
- Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 310 с.
- Ожередов Ю.И. Локально-диалектная группа «шиешгула»: идейный контекст археологических источников (XVI–XVII вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 359 с.
- Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Ярзуткина А.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыт прочтения). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2013. 264 с.
- Матюшенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 136 с.
- Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М. : Ладога-100, 2003. 352 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.
- Церен Э. Библийские холмы. М. : Правда, 1986. 480 с.
- Спицин А.А. Курганы скифов-пахарей // Известия Археологической комиссии. Пг., 1918. Вып. 65. С. 56–84.
- Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника // Советская археология. М. ; Л., 1949. Вып. XI.
- Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
- Рындина О.М., Ожередов Ю.И., Боброва А.И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 412 с.
- Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1921. Т. 25. С. 55–76.
- Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М. : Наука, 1992. 256 с.
- Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 288 с.
- Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. 424 с.

22. Веселовский Н.И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1921. Т. 25. С. 273–292.
23. Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард : ГУ ЯНАО «Северное издательство», 2012. 59 с.
24. Шнеевайс Й. Магические и культовые действия древних германцев (V в. до н.э. – V в. н.э.) // «Научный центр изучения Арктики». Археология Арктики / отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. С. 137–145.
25. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 592 с.
26. Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. М. : Вост. лит., 1999. 240 с.
27. Ожередов Ю.И. «Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: посмертная посуда // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. 2. С. 120–132.
28. Ожередов Ю.И. «Ведийские» ритуалы у народов Западной Сибири // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е.Е. Кузьминой / отв. ред. В.И. Молодин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 505–511.
29. Материалы по фольклору хантов / ред. М.И. Сваровская. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 216 с.

Ozheredov Yuri I. Tomsk City Museum (Tomsk, Russia). E-mail: nohoister@gmail.com

WEAPON IN THE RITUALS OF THE SELKUPS AND ANCIENT TRADITIONS OF EURASIA.

Keywords: The Ob river; the Selkups; Shieshgula; ritual arrows.

The diversity of burial traditions followed by the Narym Selkups and one of their dialect groups Shieshgula represents an interesting area for research. The remains of the burial constructions and ritual artifacts allow us to piece together their functions and the manner they were employed. It thus gives us a wider perspective on the worldview shared by the traditional population of Siberia and the neighboring territories. It is hoped that this article explains a specific burial tradition of sticking different types of weapon in the ground of the burial site as well as in the burial constructions. The interest to this topic was sparked by the examination of the burial complex in Kustovo where a copper and an ivory arrow tips were found stuck in the ground and in the burial pole. Multiple written materials from the 19th to the early 21st century provide many examples of this tradition carried out on the vast territories of Eurasia. For instance, at Mesopotamian necropolises sticking ritual copper spears was practiced from the 3d millennium BC. In Siberia similar rituals with spears, knives and other weapons took place later in the 2d millennium BC. Deciphering the meaning of these rituals and establishing their geographical boundaries became the main goal of this study. Important information about the semantics of the ritual is provided by the ethnographic materials related to the Khanty and Mansi people. They always carried out such rituals at the cemeteries and sanctuaries devoted to the local deities. According to the written materials from the 19th century, the Khanty and Mansi hunters who went to the forest often took arrows with copper tips. Copper was believed to be an honorable metal that could fight demons. At the same time evil spirits were afraid of any sharp objects, such as the arrows. Any finds of the weapon stuck at the burial place signifies a performance of the purging rituals, that meant to clean the place from the evil spirits. The Khanty gathered at the burial places from time to time for mourning and performing a ritual of sticking knives around themselves, against the souls of the deceased. This helped to protect their houses from the visits of the spirits. Similar rituals took place at Khanty funerals. In their views, if a weapon pierced a grave, the spirit of the deceased could never escape. At some sanctuaries the arrows would be shot at the trees as a form of sacrifices for local “hosts” of the forest, rivers, lakes, valleys and etc. The semantics of the burial poles is closely connected to the trees. Therefore the arrows found at Kustovo burial site served two purposes, that are the protection from the spirits and offering a sacrifice for a local deity.

REFERENCES

1. Ozheredov, Yu.I. (2008) K probleme raznoobraziya v pogrebal'nom obryade yuzhnoy gruppy paleosel'kupov “shieshgula” [On the diversity in the funeral ceremony of the “Shieshgula” southern Paleoselkups]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnykh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and cross-border regions: Problems of interpretation and reconstruction]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 168–172.
2. Ozheredov, Yu.I. (2009) Nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obryada pozdnesrednevekovykh sel'kupov Narymskogo Priob'ya [Some features of the burial rite of late medieval Selkups on the Narym Ob]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Sibirskiy sbornik-1: Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Siberian collection-1: Burial rites in Siberia and cross-border regions]. Book 2. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 79–86.
3. Kannisto, A. (1988) *Materialy k mifologii vogulov* [On the mythology of Voguls]. Translated from Finnish by R.A. Mossienko. Novosibirsk: State Public Research Library.
4. Ozheredov, Yu.I. (1999) Sakral'nye strely yuzhnykh sel'kupov [Sacred arrows of southern Selkups]. In: Chernyak, I. (ed.) *Priob'e glazami arkheologov i etnografov* [The Ob region viewed by archaeologists and ethnographers]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Ozheredov, Yu.I. (2006) *Lokal'no-dialektnaya gruppy “shieshgula”: ideyny kontekst arkheologicheskikh istochnikov (XVI–XVII vv.)* [The local dialect group “shieshgula”: The ideological context of archaeological sources (the 16th – 17th centuries)]. History Cand. Diss. Barnaul.
6. Koroussenko, S.I., Ozheredov, Yu.I. & Yarzutkina, A.A. (2013) *Mifologiya sibirskikh tatar v simvolakh obrazov i veshchey (opyt prochteniya)* [Mythology of the Siberian Tatars in the symbols and images of things (an interpretation)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
7. Matyushchenko, V.I. & Sinitsyna, G.V. (1998) *Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska* [The burials of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kosarev, M.F. (1991) *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnaya sreda* [The ancient history of Western Siberia: Man and the environment]. Moscow: Nauka.
9. Kosarev, M.F. (2003) *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam* [The pagan worldview: A case study of Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow: Ladoga-100.
10. Polosmak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The Ukok Riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
11. Gorbunov, V.V. (1996) Ritual'nye zakhoroneniya zhivotnykh kulayskoy kul'tury [Ritual burials of animals in the Kulai Culture]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Pogrebal'nyy obryad drevnykh plemen Altaya* [The funeral rite of the Altai ancient tribes]. Barnaul: Altai State University. pp. 156–166.
12. Tseren, E. (1986) *Bibleyskie kholmy* [The Biblical hills]. Moscow: Pravda.
13. Spitsin, A.A. (1918) Kurgany skifov - pakharey [Mounds of the Scythian ploughers]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii*. 65. pp. 56–84.
14. Makalatiya, S.I. (1949) Raskopki Dvanskogo mogil'nika [Excavations of the Dvansky burial]. *Sovetskaya arkheologiya*. 11.
15. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [Medieval burials on the Ob near Yugansk]. Novosibirsk: Nauka.
16. Ryndina, O.M., Ozheredov, Yu.I. & Bobrova, A.I. (2008) *Khanty Salymskogo kraya: kul'tura v arkheologo-etnograficheskoy retrospektive* [The Salym Khanty: Culture in terms of archaeology and ethnography]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Bartold, V.V. (1921) K voprosu o pogrebal'nykh obryadakh turkov i mongolov [On the funeral rites of the Turks and Mongols]. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 25. pp. 55–76.

18. Obelchenko, O.V. (1992) *Kul'tura antichnogo Sogda. Po arkheologicheskim dannym VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [The culture of ancient Sogd. According to archeological data of the 7th century BC – 7th century]. Moscow: Nauka.
19. Ermolenko, L.N. (2008) *Izobrazitel'nye pamyatniki i epicheskaya traditsiya po materialam kul'tury drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii* [Art monuments and epic tradition based on the culture of ancient and medieval Eurasian nomads]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
20. Kulemzin, V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and Nature in the Khanty beliefs]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Veselovskiy, N.I. (1921) Rol' strely v obryadakh i ee simbolicheskoe znachenie [The arrow in the rites and its symbolic value]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 25. pp. 273-292.
23. Gusev, A.V. & Fedorova, N.V. (2012) *Drevnee svyatilishche Ust'-Polui: konstruktii, deystviya, artefakty. Itogi issledovaniy planigrafii i stratigrafii pamyatnika: 1935–2012 gg.* [The ancient sanctuary of Ust'-Polui: Design, actions, artifacts. The results of the research planigraphy and stratigraphy of the monument: 1935–2012]. Salekhard: Severnoe izdatel'stvo.
24. Shneevayss, Y. (2012) Magicheskie i kul'tovye deystviya drevnikh germantsev (V v.do n.e.– V v.n.e.) [Magical and religious activities of the ancient Germans (the 5th century BC – 5th AD)]. In: Fedorova, N.V. (ed.) *Nauchnyy tsentr izucheniya Arktiki. Arkheologiya Arktiki* [The Arctic Research Centre. Archaeology of the Arctic]. Ekaterinburg : Delovaya pressa. pp. 137-145.
25. Sternberg, L.Ya. (2012) *Pervobytnaya religiya v svete etnografii: Issledovaniya, stat'i, lektzii* [Primitive religion in the light of ethnography: studies, articles, lectures]. Moscow: LIBROKOM.
26. Elizarenkova, T.Ya. (1999) *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and things in the Rig Veda]. Moscow: Vostochnaya literatura.
27. Ozheredov, Yu.I. (2013) "The Vedic rituals" with peoples of West Siberia: posthumous dishes. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2. pp. 120-132. (In Russian).
28. Ozheredov, Yu.I. (2014) "Vediyskie" ritualy u narodov Zapadnoy Sibiri ["Vedic" rituals of the peoples of Western Siberia]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arii stepey Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh* [The Arians in Eurasian steppes: the Bronze Age and Early Iron Age in the Eurasian steppes and cross-border regions]. Barnaul: Altai State University. pp. 505–511.
29. Svarovskaya, M.I. (ed.) (1978) *Materialy po fol'kloru khantov* [Materials on the Khanty folklore]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК: 94(470.54/.56+470.58)
DOI 10.17223/19988613/43/29

Г.Х. Самигулов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОНИМОВ В КАЧЕСТВЕ НАЗВАНИЙ ГРУПП ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯСАЧНЫХ ВОЛОСТЕЙ: ЗАУРАЛЬЕ XVII в.

Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 33.2644.2014к.

Рассматривается использование этнонимов для обозначения ясачного населения: в Туринском и Тюменском уездах ясачных называли «татары», а в Уфимском уезде – «башкиры», в Верхотурском – «вогулы». Подобный подход позволяет объяснить ряд «темных» моментов в документах XVII в., в частности обозначение представителей одного рода различными этнонимами и «исчезновение» населения ряда ясачных волостей Верхотурского уезда.

Ключевые слова: Башкиры; вогулы; татары; ясачное население; ясачные волости; уезды.

Моя точка зрения относительно значения слов «башкиры», «вогулы» и «татары» в документах местного делопроизводства XVII в. была представлена в работе [1]. Слово «вогулы» в XVII в. выступало не только в качестве этнонима, но и в качестве обозначения ясачных людей Верхотурского уезда, вне зависимости от их этнической принадлежности. Обозначением ясачного населения в Туринском и Тюменском уездах было слово «татары», а в Уфимском уезде – «башкиры» [Там же]. Упомянутую публикацию можно считать вступлением к настоящей статье, в которой я несколько дополню изложенное ранее данными по другим (помимо Верхотурского) уездам, а также попытаюсь дать ответы на следующие вопросы: каким образом появлялись ясачные волости, состоящие из представителей одной родовой группы в разных уездах Урала и Зауралья; как обозначались в документах местных приказных изб представители одной и той же родо-племенной группы в разных уездах? И связанный с этим вопрос: как объяснить «исчезновение» в XVII в. населения некоторых ясачных волостей по Чусовой, в верхнем течении рек Уфа и Исеть из документов Верхотурского и Тобольского уездов? Мои изыскания местами будут иметь почти тезисный «характер», поскольку объем публикации не позволяет давать развернутые объяснения.

Уточним некоторые моменты, прежде чем перейти непосредственно к содержанию: 1. Ясачная волость подразумевала группу населения, платящего ясак. В отношении тюркского населения Урала и Сибири ясачные волости изначально формировались на основании улусов – владений родовой группы [2. С. 84–85]. 2. Поскольку практически все тюркское население Урала и Зауралья было скотоводческим, то улусы родоплеменных групп зачастую имели две части: зимнюю и летнюю, которые могли быть разнесены достаточно далеко. При формировании системы уездов система хозяйствования местного населения во внимание не принималась, и разные части одного улуса/волости

могли оказаться в составе разных уездов. Так, одна часть улуса, терсяк, располагалась по р. Чусовой ниже р. Утка, по р. Ревда и до Аятского озера [3. С. 345–346; 4; 5. С. 30; 6. Л. 205–206]. Вторая часть территории этой же волости находилась на Исети: «вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк» [7. С. 47]. Сызгинская волость: северная ее часть располагалась в верхнем течении р. Уфа и по ее притокам – Саране, Сардаге, Юве [8. Л. 1; 9], в Верхотурском уезде, а вторая часть – на восточном склоне Уральского хребта к северо-востоку от оз. Аргазы и р. Миасс [10], т.е. в Уфимском уезде. Таких волостей, разделенных между уездами, было больше, но для задач статьи приведенных примеров достаточно.

Туринский уезд был создан несколько позже Верхотурского, после основания г. Туринска (Епанчина) в 1600 г. Фактически ясачное население по Туре до этого времени платило подати в Тюмень, в 1600–1601 гг. произошло разделение этого населения между Верхотурским и Туринским уездами. Разделили сферы влияния по р. Тагил: жившие на Тагиле и вверх по Туре платили ясак в Верхотурье, жившие вниз по Туре от Тагила – в Туринск [11. С. 397].

Если еще в 1600–1601 гг. ясачное население по Туре называли и татарами, и остяками, и вогулами [11. С. 374, 378, 384–385, 397], то впоследствии происходит размежевание. 1645 г., октябрь, отписка царю верхотурского воеводы Стрешнева: «...прежде де сего у них ссоры и спору меж ими, Туринского и Верхотурского уездов у ясачных людей, о пашенных землях и о сенных покосех и о рыбных ловлях и о звериных промыслах и о всяких угодах никакого не бывало, и ясачные де люди, Туринского острогу Татаровя и Верхотурского уезду Вогуличи, всякими промыслами промышляли, где кому сручно, меж собою смесицею» [12. С. 23]. Составлен этот документ был по поводу конфликта, возникшего при размежевании территорий Верхотурского и Туринского уездов – туринские ясачные тата-

ры, «Енгильдейко Колмаков с товарищи», заявили, что подтверждать существующие межи не будут и потребовали включения в состав Туринского уезда земель по р. Нице по устью р. Реж, с Невьянской волостью, Ницынской, Ирбитской, Белослудской и Ощепковой слободами. Основная аргументация заключалась в том, что все это угоды туринских ясачных людей, а не Верхотурского уезда [12. С. 23]. Соответственно, когда верхотурский воевода писал о «Туринского острогу татаровях» и «Верхотурского острогу вогуличах», он имел в виду представителей одной и той же группы, разделенных границей уездов. Это подтверждается содержанием той фразы из документа, где сообщается, что раньше ясачные люди этих уездов хозяйствовали, где кому удобно, «меж собою смесицею».

В том, что раньше не было никаких споров о границах двух уездов, верхотурский воевода лукавил – в 1620 г. туринские ясачные татары разных юрт били челом туринскому воеводе Д. Милославскому на верхотурского жильца Артемия Бабинова, который поставил деревню на устье р. Реж. Территории по Нице и Реже ясачные татары описывали как свои охотничьи угоды, где «живут и лесуют звери: лоси и соболи, и лисицы, и в речках бобры...» [13. С. 296].

Приведенный пример показывает, что ясачное население Туринского уезда обозначалось словом «татары», в то время как родственное население в Верхотурском уезде называлось «вогулами». Этот вывод подтверждается наблюдением Б.О. Долгих: «Наши источники с 20-х годов XVII в. называют людей, плативших ясак в Туринский уезд, только татарами» [6. С. 34]. Ясачное население Тюменского уезда, так же, как и Туринского, обозначалось словом «татары» [13. С. 394–395; 14. Л. 169 и др.]

Как уже было сказано выше, ясачное население Уфимского уезда в XVII в. обозначалось словом «башкиры». Иначе говоря, в состав сословной группы ясачных башкир могли входить люди различной этнической принадлежности. Такая ситуация была показана на примере Верхотурского уезда [1], поэтому здесь ограничусь одним, но весьма характерным примером, который привел в одной из своих статей Б.А. Азнабаев: «...просьба Тогая Белякова от 1620 г. В своей челобитной он называет себя “казанским чувашенином Зюрейской дороги деревни Берсю”, однако указывает на то, что “...в Уфинском уезде в Юрминской волости вотчина моя от дедов и прадедов потому, что я, государь, башкирец и с той вотчины плачу ясак на Уфе с юрминскими башкирцами”» [15. С. 25]. При таком подходе, когда для обозначения ясачного населения в разных уездах использовались разные этнонимы, неизбежно возникали коллизии, когда представители одного рода, проживавшие в разных уездах, в документах (и не только в документах) носили разные «имена». Выше уже было показано, что ясачное население по р. Тура, представлявшее некую единую общность, оказалось разделено на «Туринского уезда татар» и «Верхотур-

ского уезда вогуличей». Но в этом случае мы говорим о достаточно обобщенной группе Туринских ясачных людей, и не знаем даже – относились они к одной родовой группе (улусу) или к нескольким. Гораздо более выразительно это проявляется, когда речь идет о представителях одного рода, проживавших на территории разных уездов.

Наверное, наиболее ярким примером в этом отношении являлись терсяк. В Верхотурском уезде вплоть до последней трети XVII в. их называли вогулами [3. С. 346, 375–376; 16. С. 165–166]; в Тюменском уезде терсяк (как и все прочие ясачные) именовались ясачными татарами [13. С. 449, 455; 14. Л. 170]. В Уфимском уезде представителей рода терсяк обозначали как «башкир». Это можно выяснить при сопоставлении документов. В достаточно известных документах «Сыска и досмотра Ивана Полозова» перечислены некоторые башкирские селения Южного Зауралья, в том числе «от Китайского острогу по мере в 10-ти верстах живут башкирцы Россан-бек с товарищи в 10-ти юртах, а от тех юрт в дву верстах у озера Коклану живут башкирцы Росланбек с товарищи в 10-ти юртах <...> а от тех юрт в 5-ти верстах живут башкирцы Якшинбетко с товарищи в 5-ти юртах...» [17. С. 85]. В 1768 г. терсяки Исетской провинции подали челобитную в Сибирскую губернскую канцелярию, где объясняли, что некоторые из башкир, перечисленных в сыске И. Полозова, – их родственники: «...из них, просителей, сотнику Чирикову Розсамбек дед, Ибрай Сабанов(у) Разсланбек дядя, Тапу Илгинееву Икшимбетко дед же родных...» [18. Л. 92].

Иначе говоря, проживавшие в конце XVII в. на территории Уфимского уезда представители племени терсяк обозначались как башкиры. На оз. Маян и на р. Исеть обозначено расположение терсяков Уфимского уезда и в 1667 г. [17. С. 197–198]. Есть упоминания о Терсяцкой волости Уфимского уезда и в документах Верхотурской приказной избы, в частности в отписке воеводы верхотурского уфимскому коллеге по поводу жены, ушедшей от татарина в Уткинскую волость к отцу в «Уфинскую волости в Терсютские волости» от 7188 (1679–1680) г. [19. Стб. 228–228 об.] Судя по обращению к уфимскому воеводе, под словами «Уфинскую волости» подразумевался Уфимский уезд.

Ситуация обозначения ясачного населения разных уездов как «башкир», «вогулов» и «татар» существовала не только в XVII в. Фактически, претерпевая изменения, эта схема дожила до революции 1917 г. и отмены сословной системы в России. И эта система сыграла свою роль в формировании идентичности зауральских башкир и тюменско-туринских татар. Но вот о тюркоязычных вогулах после XVII в. практически не упоминается. Точнее, упоминания о «вогулах» Верх-Уфимских, Терсяцкой или Чусовской волостей практически исчезают из документов к концу XVII в. В литературе имеются два варианта объяснения этого факта: 1) уход населения этих волостей за пределы уезда

[20. С. 8–10]; 2) передача государством этих волостей из Верхотурского в Уфимский уезд [15. С. 75]. Представляется, что процесс носил совершенно другой характер. Тюрки никуда не уходили из волостей в верховьях Исети, по Чусовой или в верховьях Уфы – это были их вотчинные земли, и было бы очень странно оставить их еще до начала массированного давления русских переселенцев. Но как же произошло, что ясачное население этих волостей исчезло из документов Верхотурской приказной избы? Всё достаточно просто: это население просто сменило «приписку», т.е. люди стали писаться «башкирами» Уфимского уезда, но никакой передачи территорий не происходило. Верхотурская приказная изба просто не учитывала население, которое стало платить ясак в Уфу, поскольку эти люди не являлись податным населением Верхотурского уезда. Очень хорошо иллюстрирует этот процесс цитата из документа 1648 г.: «сказывал де им ясашной татарин Денметько Терсяк, а прежде сего он ясак плачивал на Тюмень, а ныне де он платит ясак на Уфу...» [13. С. 613]. В документе не говорится, что он переселился в Уфимский уезд, Денмет просто стал платить ясак не в Тюмень, а в Уфу. Как оказалось, такое происходило не только с отдельными людьми, но и с населением целых волостей.

Наиболее полно прослеживается подобная история на примере Сынянской волости, которая располагалась в верхнем течении Исети и по ее притокам – Сысерти, Уктусу, Синаре. Первоначально Сынянская волость входила в состав Тюменского уезда [21. С. 7]. Позже, с образованием Верхотурского уезда (1598), вошла в его состав, «сынянцы» Верхотурского уезда упоминаются еще в 1623 г. [13. С. 432]. К 1635 г. сынян перешли в уфимский ясак. При этом они не сменили место жительства, и по-прежнему Сынянская волость располагалась в верхнем течении Исети и по ее притокам Уктусу, Сысерти, Синаре. Но сынян (сынянцы) считали, что живут «Уфимского уезда Сибирской дороги Сенирянской волости» [22. Л. 81 об.] Там же, в верховьях Исети, они жили и в 1663 г., когда у них укрывались тюменские ясачные татары Киньрской волости и терсяки с р. Реж из Верхотурского уезда [14. Л. 216]. В 1670 г. земли в верхнем течении р. Исеть перешли в ведение Тобольского уезда [23. Стб. 348–354; 24. Стб. 192–197], но на подведомственности сынян это никак не сказалось, они по-прежнему платили ясак на Уфу. В 7205 (1697–1698) г. жители Сынянской волости направили челобитную в Уфимскую приказную избу: «...да на их же вотчинников земли поселились русские многие люди четыре слободы Ремянская (Арамилская. – Г.С.), Камышенка, Колчедан, и Багаряк и в тех слободах населено дворов по триста и по четыре ста и больше...» [22. Л. 80].

Таким образом, сынян жили на своих вотчинных землях, при этом территориально их угодья относились сначала к Тюменскому, с 1598 г. – к Верхотурскому, а с 1670 г. – к Тобольскому уезду, а сами они примерно с рубежа 1620–1630-х гг. платили ясак в Уфу. И называ-

ли сынян башкирами, или башкирскими татарами. Соответственно, ни для администрации Верхотурского уезда, ни, позже, для руководства Тобольского уезда их не существовало. Поэтому мы не видим сынян в середине – второй половине XVII в. в документах ясачного сбора Верхотурской и Тобольской приказных изб.

По такой же схеме происходил «уход» ясачного населения Терсяжской, Верх-Чусовской и Верх-Уфимских волостей Верхотурского уезда. Терсяжская волость действительно практически не упоминается в документах Верхотурской приказной избы с 1660-х гг. Та же ситуация и с тремя другими упомянутыми волостями. Но это вовсе не означает, что население куда-то ушло со своих земель. Приведу фрагмент описания границ Челжеутской (Салзатской, Сальютской) волости из документа 1735 г.: «...до озера Болтой Чусовское тож и около того озера по левую сторону чрез Урал камень на большую дорогу что лежит из Екатеринбурха на Кунгур и по большой дороге семь верст <...> на большую дорогу лежащую из Екатеринбурга в Горной Щит к речке Сынарян Шитовской исток тож, от дороги немного вверх по левую сторону речки Сынарян, от речки Сынарян круто влево чрез луга на дорогу лежащую из Горного Щита в Арамилскую слободу, и по дороге чрез гору березником до лугов на правой руке от дороги верстах в двух близ речки Арамилы виден камень Ракал называемые палатки тож...» [25. Л. 94–94 об.]. Но есть и описание границ этой же волости 1673 г., которое мало отличается от приведенного по локализации территории, но автор документа оперировал менее узнаваемыми названиями, хотя названия Чусовая и Арамил (Аремыль) вполне понятны [26. Л. 139–140]. Фактически, территория Салзатской волости Сибирской дороги Уфимского уезда включала в себя земли Верх-Чусовской и Чусовской ясачных волостей Верхотурского уезда.

Вовсе не из «пустоты» возникают в XVIII в. башкирские волости: Шигирская, Кушинская и Сызгинская в верхнем течении р. Уфа, Терсяжская по Чусовой и Ревде [4, 9]. Терсяжская сохранила свое название с XVII в., поскольку практически единственная из всех ясачных волостей Верхотурского уезда называлась по наименованию родового подразделения, составлявшего ее. А Сызгинская, Шигирская и Кушинская соотносятся с Верх-Уфимскими и, видимо, Бисертской волостью Верхотурского уезда. И еще один момент, который бы хотелось отметить: описанная схема перехода групп населения в ведомство соседнего уезда, не покидая своей территории, вовсе не означает, что не было случаев физического ухода отдельных людей и групп ясачного населения в другие уезды. Но и в этих случаях мы можем предположить переход в другую часть родового улуса, оказавшуюся после введения российской административной системы на территории другого уезда.

Сословное понятие «вогулы» в Верхотурском уезде размывалось не только благодаря процессам «ухода»,

как физического, так и административного, ясачного населения в ведение соседних уездов, но и в силу того, что слишком различные в культурном и хозяйственном отношении группы населения с трудом поддавались осмыслению как нечто единое. Уже в последней трети XVII в. тюркское ясачное население Верхотурского уезда все реже обозначается в документах как «вогулы». Ясачные люди Уткинской, Бисертской волостей названы в документах татарами, причем как в челобитных, так и в воеводских отписках [19. Стб. 228–233; 27. Стб. 263–272]. Хотя еще встречается упоминание вогуличей Чусовской волости [28. Стб. 195]. В начале XVIII в. русские, платившие яsak, уже не фигурировали в документах как ясачные вогулы. Таким образом, в Верхотурском уезде использование этнонима «вогул» в качестве обозначения сословной группы ясачного населения постепенно сходило на нет, и к началу XVIII в. сословное значение термина «вогул», если и не совпадало с этническим, то стремилось к этому.

Сделаем краткие выводы: 1. В XVII в. существовала система обозначения ясачного населения в разных уездах Урала и Зауралья с помощью этнонимов.

В Верхотурском уезде ясачное население называлось «вогулы», вне зависимости от этнической принадлежности, в Уфимском – «башкиры», в Тюменском и Туринском уездах – «татары». 2. Эта система сохраняется и в последующее время, кроме Верхотурского уезда, где сословное понятие «вогулы» к началу XVIII в. «сжалось» и уже не включало в себя тюркское и славянское ясачное население. 3. В рамках этого подхода получает объяснение исчезновение из документов ясачного сбора Верхотурской приказной избы после 1660-х гг. населения Верх-Чусовской, Верх-Уфимских, Терсякской волостей и отсутствие в ясачных книгах Верхотурской, а позже Тобольской приказной избы населения Сырнянской волости. Вопреки существующим точкам зрения это население не покинуло свои родовые угодья, и эти волости не были официально переданы в ведение Уфимского уезда. Большая часть населения этих волостей перешла из верхотурского ясака в уфимский, не меняя территории проживания. При этом земли этих волостей по-прежнему оставались в составе Верхотурского и, частью, Тобольского уездов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самигулов Г.Х. «Этнонимы» как социальные термины: Зауралье XVII века // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия). URL: <http://zsaek.tsu.ru>
2. Самигулов Г.Х. К изучению исторической географии территорий по Исети и Пышме XVII века // Вестник Пермского университета. 2016. Серия: История. Вып. 1 (32). С. 84–95.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. III. 598 с.: ил.
4. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 59. Оп. 7. Д. 115.
5. Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск, 2007. 224 с.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7.
7. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 623 с.
8. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 297. Оп. 2. Д. 88.
9. ГАСО. Ф. 59. Оп. 15. Д. 16.
10. ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 2236.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири. 3-е изд. М., 2005. Т. I. 630 с.: ил., карта.
12. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1842. Т. IV: 1645–1676. 587 с.
13. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. 796 с., карта.
14. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8.
15. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства: (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) Уфа, 2005. 228 с.
16. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. III. 1613–1645. 501 с.
17. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. 629 с.: ил.
18. ГАПК. Ф. 177. Оп. 2. Д. 121.
19. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1111. Оп. 1. Д. 240.
20. Байдин В.И., Грачев В.Ю., Коновалов Ю.В., Мосин А.Г. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: ООО «Грачев и партнеры», 2011. 68 с.
21. Буцинский П.И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 353 с.
22. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.
23. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 150.
24. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 306.
25. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 644.
26. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 385.
27. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 312.
28. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 262.

Samigulov Gayas H. South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: Gayas_@mail.ru

USAGE OF ETHNIC GROUPS NAMES AS DESIGNATIONS OF THE YASAK POPULATIONS AND RELATED PROBLEMS OF THE STUDY OF THE YASAK VOLOST HISTORY: TRANS-URALS DURING XVIIITH CENTURY AD.

Keywords: Bashkirs; Voguls; Tatars; yasak population; yasak volost; uyezd.

The article concerns the problem related to the source study as well as the social and ethnic history of the Urals and Siberia: what is a meaning of conceptions of the “Bashkir”, “Vogul” and “Tatarin” in the XVII century documents? Source analysis demonstrates that the terms, on the one hand, were as a name for ethnic groups; on the other hand, they were used for the designation of the yasak population in the different uyezds. So, in Verkhoturysky uyezd the yasak population was designated as “the Voguls”, in Ufa uyezd – as “the Bashkirs”, in Tura and Tyumen uyezds as “the Tatars”. The yasak population was not ethnically homogeneous even in the same uyezd. It was

especially clear in Verkhoturyskiy uyezd where the Turks constituted substantial proportion of the yasak population but there were a small amount of the yasak Slavs and, certainly, the native Voguls (the Mansi people). All of them were designated as “the yasak Voguls” in the Verkhoturyskiy uyezd documents. At the same time, the Turkic population of Verkhoturyskiy uyezd maintained the close relations to the Turks from Ufa and Tyumen uyezds. The point is that the clan lands of some Turkic clans turned out to be divided between different uyezds. For example, a part of the Tersyak clan lands fell into Verkhoturyskiy uyezd, a part – into Ufa uyezd and a part – in Tyumen one. Correspondingly, some of representatives of the Tersyak clan were named as “Voguls” in the documents, some – as “the Bashkirs” and some – as “the Tatars”. This is only one example but it clearly demonstrated that we should not interpret the terms in the 17 century AD documents as the name of ethnic groups solely. The interpretation of ethnic (or, at least, the language one) affiliation of the specific groups of the yasak population is possible only by means of the complex analysis of the documents, including the later period. Some authors wrote that the yasak people of Synryanskaya, Tersyaksкая, Ayatskaya and Verkhne-Ufimskaya volosts of Verkhoturyskiy uyezd left their territories in the different periods, and the lands remained unsettled. Due to the analysis of broader documental sources, it becomes quite clear that the population of these volosts did not leave anywhere; they simply started paying their yasak in Ufa instead Verkhoturyskiy. They lived in the territory of the Verkhoturyskiy uyezd but they were recorded as the yasak people of Ufa uyezd. In the other words, they stopped to be “the Voguls” and became “the Bashkirs” and information about them could be found in the Ufa uyezd documents. The comprehension that some of names of the ethnic groups were used in Russia as the terms for designation of the estate groups allows us to interpret more correctly some archive sources.

REFERENCES

- Samigulov, G.Kh. (2016) [“Ethnonyms” as social terms: Trans-Urals in the 17th century]. *Tezisy XVII Mezhdunarodnoy Zapadnosibirskoy arkhologo-etnograficheskoy konferentsii* [Abstracts of the 17th International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference]. Tomsk. April 20–22, 2016. [Online] Available from: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B.pdf. (In Russian).
- Samigulov, G.Kh. (2016) K izucheniyu istoricheskoy geografii territoriy po Iseti i Pyshme XVII veka [Studying the historical geography of the territories on the Iset and Pyshma in the 17th century]. *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald*. 1(32). pp. 84–95.
- Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- The State Archives of Sverdlovsk Region* (GASO). Fund 59. List 7. File 115.
- Svistunov, V.M., Menshenin, N.M. & Samigulov, G.Kh. (2007) *Pervye demidovskie zavody na Yuzhnom Urale* [The first Demidov's plants in Southern Urals]. Chelyabinsk: RAS.
- The Joint State Archives of Chelyabinsk Region* (OGACHO). Fund I-172. List 1. File 7.
- Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The clan and tribal structure of the peoples in Siberia in the 17th century]. Moscow: USSR AS.
- The State Archives of Perm Region* (GAPK). Fund 297. List 2. File 88.
- The State Archives of Sverdlovsk Region* (GASO). Fund 59. List 15. File 16.
- The State Archives of Sverdlovsk Region* (GASO). Fund 59. List 3. File 2236.
- Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: RAS.
- Russian Archeological Commission. (1842) *Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissii* [Historical Acts collected and published by the Archeological Commission]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.].
- Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 2. Moscow: RAS.
- St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences*. Fund 21. List 4. File 8.
- Aznabae, B.A. (2005) *Integratsiya Bashkirii v administrativnyuyu strukturu Rossiyskogo gosudarstva: (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.)* [Integration of Bashkortostan in the administrative structure of the Russian state (the late 16th – early 18th centuries)]. Ufa: [s.n.].
- Russian Archeological Commission. (1841) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissii* [Historical Acts collected and published by the Archeological Commission]. Vol. 3. St. Petersburg: [s.n.].
- USSR Institute of History. (1936) *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. Moscow; Leningrad: RAS.
- The State Archives of Perm Region* (GAPK). Fund 177. List 2. File 121.
- The Russian State Archive of Ancient Documents* (RGADA). Fund 1111. List 1. File 240.
- Baydin, V.I., Grachev, V.Yu., Kononov, Yu.V. & Mosin, A.G. (2011) *Uktus, Uktusskiy zavod i ego okrestnosti v XVII–XVIII vv.* [Uktus, Uktusskiy plant and its surroundings in the 17th – 18th centuries]. Ekaterinburg: Grachev i partnery.
- Butsin, P.I. (1889) *Zaselenie Sibiri i byt eya pervykh nasel'nikov* [The population of Siberia and the life of its first settlers]. Kharkov: Tip. Gubernskago pravleniya.
- The State Archives of Sverdlovsk Region* (GASO). Fund 24. List 1. File 1092a.
- The Russian State Archive of Ancient Documents* (RGADA). Fund 111. List 1. File 150.
- The Russian State Archive of Ancient Documents* (RGADA). Fund 111. List 1. File 306.
- The State Archives of Sverdlovsk Region* (GASO). Fund 24. List 1. File 644.
- The State Archives of Sverdlovsk Region* (GASO). F. 24. List 1. File 385.
- The Russian State Archive of Ancient Documents* (RGADA). Fund 1111. List 1. File 312.
- The Russian State Archive of Ancient Documents* (RGADA). Fund 1111. List 1. File 262.

УДК: 81.373
DOI 10.17223/19988613/43/30

Л.А. Аболина, Р.Ю. Федоров

ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ БЫТОВАНИЯ ПРОЗВИЩ СЕЛА АТИРКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На основе обобщения полевых этнографических материалов исследованы особенности бытования деревенских прозвищ на примере с. Атирка Тарского района Омской области. Рассмотрены социально-экономические и психологические факторы, оказывающие влияние на формирование и функциональные значения прозвищ. Опираясь на конкретные примеры, в статье исследованы особенности деревенских прозвищ, отражающих специфические личностные качества их носителей, прозвища, происходящие от фамилий, школьные «клички». Выявлены особенности формирования прозвищ у представителей отдельных этнолокальных групп.

Ключевые слова: ономастика; деревенские прозвища; село Атирка; Омская область.

В отечественной науке интерес к прозвищам возник в конце XIX в. на фоне общего развития этнографии. Одним из первых фундаментальных исследований на эту тему стал «Словарь древнерусских личных и собственных имен» Н.М. Тупикова, который давал широкое представление о бытовании древнерусских прозвищ и формировании на их основе фамилий [1]. Другой известной работой на эту тему стала вышедшая в 1891 г. книга А.И. Соколова «Русские имена и прозвища в XVII в.» [2]. В это же время появляется ряд публикаций в журнале «Живая старина», в которых были описаны и подвергнуты анализу прозвища, бытовавшие в аграрной среде Европейской России и Урала [3, 4].

Изучение прозвищ в качестве самостоятельного раздела ономастики начало развиваться в нашей стране во второй половине XX в. В этот период стало появляться все больше работ, посвященных различным аспектам методологии изучения прозвищ и вопросам их классификации. Среди них важными вехами стало издание монографий А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного», С.Б. Веселовского «Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии», «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской и ряда других пионерных исследований [5–7].

На этом фоне стало появляться все больше работ, в которых были исследованы национальные, региональные и субкультурные особенности формирования прозвищ [8–10]. Так, например, А.Н. Кушкова исследовала деревенские прозвища в качестве социально-психологического феномена [11], Ю.Б. Воронцова подробно рассматривала механизмы возникновения коллективных прозвищ [12]. Работы одного из авторов статьи посвящены исследованиям природы прозвищ в аграрной среде ряда регионов Сибири [13, 14]. Благодаря этим исследованиям было отмечено, что расцвет образования и бытования прозвищ приходился в России на Средние века и в целом завершился в результате узаконенной регламентации православных личных имен и установления трехчастной формы идентификации в XVIII в.: имя, отчество, фамилия. Несмотря на

это, неформальные прозвища не только продолжают сохранять стойкость бытования, но и приобретают свои новые особенности, созвучные с социокультурными процессами в современном обществе. Это свидетельствует о неослабевающей актуальности их исследований. Особое значение прозвища играют в жизни закрытых коллективов (образовательные и исправительные учреждения, армия, профессиональные сообщества), где подобная неформальная идентификация индивида коллективом имеет целый ряд специфических функций (социальная стратификация, выделение этнической, географической или профессиональной принадлежности, акцентирование индивидуальных качеств человека, психологическая разгрузка и др.). В этом плане социальная организация жизни сельской общины всегда имела много общего с особенностями функционирования закрытых коллективов. В первую очередь это было связано с тем, что для деревни характерен ограниченный и устоявшийся круг социальных контактов, при которых жизнь каждого человека проходит на виду у соседей и невольно получает их субъективные характеристики и оценки. Данная ситуация особенно характерна для оказавшихся на периферии современного социально-экономического развития небольших деревень. Именно к таким населенным пунктам сегодня относится село Атирка, на примере которого авторы сделали попытку исследовать разнообразие прозвищ, причины их появления и роль, которую они выполняют в жизни местного социума.

Село Атирка Тарского района Омской области находится в 70 км от районного центра г. Тары и в 370 км от областного центра, г. Омска. Село было основано в 1856 г. переселенцами из Вятской губернии, в 1899 г. была построена церковь, в 1920 г. организован колхоз «Смелый пахарь», в 1927 г. был построен маслозавод, в 1960 г. — овощесушильный цех [15. С. 8–9]. До конца 1980-х гг. жизнь в селе кипела и население прибывало, так как многие деревни, находящиеся в менее выгодном положении, были ликвидированы, а их жители, разбирая свои дома, перевозили их в Атирку. С начала 1990-х гг. в селе наметилась тенденция к со-

крашению численности населения. По состоянию на 2009 г. в Атирке проживали 909 человек [15. С. 8]. Сегодня Атирка выделяется среди других сел характерным говором и многообразием удивительных прозвищ, не застывших во времени, а возникающих и меняющихся вместе с течением незатейливой деревенской жизни.

Все промышленные предприятия в Атирке в 1990-е гг. были закрыты, и люди, оставленные на произвол судьбы, теперь снова живут натуральным хозяйством, охотой, рыбалкой и собирательством, легальной и не совсем легальной заготовкой и продажей леса. Казалось бы, живут одиночно, но на самом деле вся их деятельность объединена в один живой механизм, где наряду с традиционными фольклорными мотивами формирование прозвищ все чаще инициируется далекой от реалий сельской жизни телекультурой. *«Моль живет с Бумером. Ну, как моль – бледная, невыразительная. 48 лет ей уже, а все-то спрашивает: “А сколько вы мне дадите?” Утюг, он же Ландух, от фамилии Латышев – это Наташки Маугли “бойфренд”»* [Здесь и далее курсивом выделены фрагменты рассказов информаторов, записанные Л.А. Аболиной в 2013–2015 гг.; орфография и пунктуация сохранены. – Прим. авт.].

Более пристальное исследование прозвищ выявило не только определенные закономерности их возникновения, но и целый ряд архаизмов в этом процессе. До перехода к христианским именам детям давались имена в зависимости от фантазии родителей, которая воспитывалась веками внутри древнерусской культуры и укладывалась в патриархальный жизненный уклад. Детей рождалось много и очень много умирало (*«Бог даў – Бог узяў»*) – так говорили потомки белорусских переселенцев, проживающие в Атирке), потому детские имена были незатейливы: Первуша, Третьяк, Шестак, Жданко, Поздей. Среди сегодняшних прозвищ еще присутствует подобный единичный случай: *«Веронику Буковскую – Булдыга зовут, это родной батька всем дочкам сам клички дал: у Вальки – Ведьма, у Витальки – Пузо, можа маленький когда был пузатый»*.

Съехавшиеся в Атирку после регулярных «укрупнений» и «улучшений» люди из деревень Князевка, Красный Яр, Тунзы, Кумлы, Боган и др. в основном являются потомками белорусских переселенцев. Это заметно по особому говору информаторов. Большинство их предков поселились в Тарском районе во времена Столыпинской реформы. Именно в культуре белорусов лучше сохранились элементы древнеславянского языка и традиций. В их языке фамилии соответствует слово «прозвішча» [16. С. 194].

Прозвища первой четверти XX в. более архаичны: жену обычно звали по имени или прозвищу мужа. Личные женские прозвища стали активно появляться лишь во второй четверти XX в. Про выходцев из д. Князевки рассказывает Г. Зуева: *«В Князевке, край деревни “Минский” был, остальные со средней Волги,*

татары, их край “Казанский”. Тетя Маруся Анухова – Анушиха, или еще Манька Ванькина, по мужу. Кулик – Толька Зуев, потому что птичка зуй из породы куликов, жена – Куличиха. Азариха одну звали, Азаров муж. Хутора по фамилии называли, два брата на Васильевском хуторе жили. А детей звали ласково: Василёк, Ольгутка, Аксюха (Настя). Еще прозвища в деревне по деду были: Мутков Трофим – ребята Трофимовы. Родовые прозвища по имени деда – тоже древняя традиция. «Тетя Маруся Козлова была – никогда козливой не называли, меня никто не назвал ни разу Гулькой, даже в Князевке, где выросла – уважение к семьям было. Среди баб своя деревенская этика. Одну бабушку почему-то Пашига звали – утром рано вставала и сразу пошлагала куда-то; говорили: “блудливая как Пашигина корова”. Осуждали, было такое, социальный упрек, так скажут с укором, как рукой махнут: “А что про её говорить!” и все понятно».

Про соседнюю деревню рассказывает В.Н. Спиченок, ныне тоже проживающая в Атирке. *«В Красном Яре жили белорусы, это сразу видно по женским прозвищам: Париучиха – Париукова жена. Антониха, Мигалиха, Силивеиха. Не все по фамилиям, есть просто Анютка – Козловская А.В. Также традиция: у белорусов принято использовать уменьшительно-ласкательные имена, некоторых так зовут до старости. Еще местность часто называли по прозвищам: дед Ермолай – Ермоловы пашины, которые разрабатывали Мигалевские. Семкина пристань – Мигаль Семен, он заготавливал там лес. Михайловы пашины – Буракова М.Н. Приехали в 1903 г. с Могилевской губернии Мигали, Щебеты. Есть Иванюшкина пристань на берегу Шиша. Первые жители поселились там в 1897 г. до основания Красного Яра, Иван с женой, жили они на берегу Шиша, их звали Иванюшка и Порунечка, видимо они так друг друга называли. Рядом, в нескольких километрах была деревня Усюльган, жили там разные люди: Гришка черненький – Г.Г. Ботвинкин, Кнотичиха-Бородачиха. Машенька – Эмс Мария, тоже всю жизнь так и звали Машенька, Анечка – Андреева Анна, все так звали и дети и взрослые. Вот в Атирке Захаренко (Сасова) Варвара, зовут когда Варачка, а так чаще: Сасиха».*

В Князевке, Красном Яре и Усюльгане до переселения в Атирку были распространены все виды прозвищ, характерных для белорусской традиции. Среди них выделяется целый пласт имен-прозвищ, которые вопреки общепринятому изменению с возрастом на уважительное имя-отчество оставались до старости в уменьшительно-ласкательной форме. По нашим наблюдениям, у белорусских переселенцев гораздо дольше оставались в употреблении архаичные прозвища.

В 1930–1940-х гг. мотивация образования прозвищ сильно изменилась: они начали выполнять функцию психологической разгрузки, пересекаясь с такой формой фольклора, как частушки. Недаром повсеместно пик образования прозвищ приходился на «колхозные»,

предвоенные годы, отличавшиеся, с одной стороны, творческим раскрепощением, распространением грамотности, а с другой – тяжелым физическим трудом, жестокой политикой и процветающей несправедливостью [13, 14]. Об этом рассказывает приехавшая из такой деревни Кислицына (Козлова) Е.Ф. 1934 г.р.: «А потом, когда колхоз начинался, люди не шли в колхоз, – тогда все отбирали, самих увозили на болото и бросали и умирали так. Еще зерно возили сушить в овины, чтоб план сдать, ездили женщины, план сдадут, еще везут. Одни женщины мешки заносили вверх 60–70 кг, девочки не могли занести. А когда сдал на семена, а остальное себе на трудодни – мешок, два получится, – как жить не знали. Умирали, если болезнь какая придет – в Пологрудово надо ехать, а далеко. “Об угол головой не ударишься”, ой тяжело жили. Это были голодные военные и послевоенные годы».

В 1960–1970 гг. в период активного развития деревни, улучшения социально-бытовых условий был замечен некоторый спад в образовании новых прозвищ, хотя старые активно использовались [13. С. 64–73]. Происходили перемены в политике, а в соответствии с ними менялись и местные «герои». Яркой иллюстрацией того времени служит песенка из детского фольклора, которую распевали атирские ребята в начале 1970-х гг.:

*«Куба, отдай наш хлеб,
Куба, возьми свой сахар,
Куба, Хрущева давно у нас нет!
Куба, иди ты на ...!».*

1990-е гг. неожиданно перечеркнули несколько десятилетий напряженного труда в стремлении к счастью и благополучию. Наступила разлука, и началась борьба с ней. Другая жизнь – другие образы. Сегодня бытование прозвищ создает своеобразный фольклорный образ деревни. Прозвища даже не придумываются, они органично вырастают из жизни, лишая ее того драматизма, внося некий примиряющий, нейтральный смысл и придавая замирающей сельской жизни недостающую бурную событийность: «Саенка Ирка, а которая в магазине работает. Как увидел ее – ну смех берет! Сразу вспоминаю: **Юра-черт** – погоняло, “медвежатник” был, сейф открывал, сидел. У него супруга, Полина. Они с мужиком Иркиным пахали где-то на полях, блины ему настряпала, поклада у сумку. А **Утюг** послал его в речку за водой (далековато оттуль), чтоб чай вскипятить, а сам все блины в его сумке съел и дохлого бурундука в сумку на последний блин положил, а другим накрыл. А тот приходит, – раз в сумку: “О, бурундук! Блины съел и сам здох!”. “Бурундуком” с тех пор и зовут». «Про Полю, про ягоню: тетя Нина Латышева, жили наискосок, а они пили, не просыхали. Ну, с перепоя или с чего, тая вышла на улицу совсем голая, а эта бабуля стоит через дорогу и кричит: “Полинка, чаго это ты голая!?” – “Якая-ж я голая – я у плауках!”, – “А, ти видала ты тые плауки?”». А больше, у атирских мужчин в образах – животный мир процвета-

ет. И это не удивительно, ведь лес, охота, рыбалка – основной, порой единственный источник существования: «О! **Розовый** куда-то попер с **Куропаткой**, где-то у ягоды они... Вот, Куропатка – Надежда М., Зуй прозвал, – похожа, маленькая и бегаёт так шустро. **Капалуха** – тоже полненькая, толстенькая, Раиса Е. **Заяц** – Александр П.: голос писклявый. **Роньжа** – медсестра, Людмила как приехала, сразу окрестили по внешности: нос горбатый длинный – Ронжа, птичка такая, подруга сойки. **Цырковая лошадь** – Александр: ногу сломал, не поехал в больницу, срослась неправильно, идет как лошадь теперь, марширует. Дима **Чалый** по коням с армии спец, собирался всё на север, но так и не уехал – **Северянин** теперь!».

Любая произошедшая в деревне история может стать источником второго прозвища. Поэтому порой трудно самим разобраться, как лучше: Черт или Утюг, Чалый или Северянин.

«А сколько Кольки – **Сальнику** лет уже (он Санников) – сорок восемь? Как с **Зуем** на рыбалку поедут раньше, Зуй сидеть будет, а он грести будет, он же **Шпирёнок** раньше был, а теперь – **Киллер**. Когда Зуй с ним охотился, он переспал с его Ниной и тот хотел его убить, бежал по дереуне, убить-не убил, а вот теперь Киллер. **Солдатка** – Татьяна Н.: собиралась идти в армию, «у солдаты» да так и не ушла. **Охупкин** – Женя Обухов – дров как-то попросил охупку. **Борона** – Николай Л., а супруга **Боронесса**. **Летчик** – Виктор М.: то на тракторе, то на комбайне летал по деревне!».

Приезжие быстро включаются в общую игру: «**Махачкала** – Нальгиев, ингуши они: «Куда поехал? – в Махачкалу, через Дербент, за сахаром!» Украинцев традиционно хохлами зовут. Любители политики оперируют знакомыми образами: «На Заимке, живет **Чубайс** – Виктор В., похож на “Чубайса”. **Никсон** – Захаренко, из-за плаща: у него сидели, ти пили, ти што, и плащ какой-то надели на яго, ну как Никсон – президент, значит. Отец был “Никсон”, а теперь во его сын тоже “Никсон”». Часто прозвище передается по наследству, а иногда мотивом становится образ жизни или внешнее сходство: «У одной учительницы муж носит очки – значит, **Профессор**. А **Маугли** – женщина-алкашка – образ жизни такой, что месяцами не появляются на улице, одичают, потом выйдут, как «Маугли». **Чалый** – Рудэнко, старого зовут: кино было про воров, во там “Чалый”. **Чекотило** – Петр Ф.: анекдоты про женщин всё такие рассказывал. **Пани Моники** – Людка Дашкевич, тоже по виду».

Самым распространенным мотивом, как и 300 лет тому назад, становятся выдающиеся черты характера, внешности и привычки: Новиков Мишка – **Шаленый**: на молоковозе летал сильно и на Яве гонял, как ошалелый, прокатил одного, так тот чуть соскочил: «Лучше б я пешком пошел!» **Плюшкин** – Василий Михайлович, все подряд собирал. **Шевяк** – Александр М.: коней много было, ходил, пинал шевяки – допинался. **Четуш-**

ка – Галина, маленькая такая и пьет. Не остаются незамеченными часто употребляемые слова и выражения: **Портретик** – Анатолий М., а присказка у него такая была: «Милый ты мой, портретик!» Соседи молодые жили на углу – **Солнышки**, обращались друг к другу – «Солнышко». А есть ещё **Супруги**, тоже называют друг друга «супруга», «супруг».

Прозвища от фамилий – своеобразные «вторичные» прозвища – в Атирке распространены в разных вариациях: **Сидор** – Петров А., ну, потому что «Петров, Сидоров...». Москвин Александр – **Маскарад**: просто совпадает так фамилия с именем. Федор Захарович – **Фидерзейн**: созвучно с немецким словом. Коля Малеев – **Малезик** и сын его Малезик. Журавлевы – **Журавли**. Учителя Стошина, по фамилии, звали – **Сотня**. Савченко звали – **Сова**. Чайкин – **Чайник**, три ребенка – все «чайники».

Распространены и школьные «клички»: Ваня Зув, долго **Фаня** был, потому что в школе подписывая тетрадку, букву перепутал. **Максим** – заикался, как пулемет: «А ты блин, ти-ти, а ты дрофа ха-ха». **Удод**, **Удодик** – как еще в школе учился: «На коробке белки-стрелки, на коробке – удод». Удодика уже нету, он повесился. **Морозик** – во втором классе прибегает к однокласснику радостный: «В школу не надо идти, – мороз!». Сам съезжился: «Ой, морозик!». Школа в

Атирке является основным очагом культуры: «Сейчас в школе пресекаем, чтоб не дразнили. Учителя друг друга зовут просто по отчеству: Витальевна, Викторовна – и уважительно, и по-свойски, хотя у некоторых учителей тоже бывают прозвища. Учительницу одну, очень скупую на оценки, звали **Скряга**. Немецкий вел лысый учитель, так и звали – **Лысый**, а историка звали **Виннипук**: за внешнее сходство».

Подводя итоги исследования, стоит упомянуть и об отношении к прозвищам в селе – далеко не всем обладателям они нравятся, некоторые обидные и неблагозвучные употребляются только «за глаза»: Вот еще **Дрищ** был, понос значит – слишком шустрый, Сашка-дрищ, а большинство опрошенных информаторов считают, что прозвища возникают в основном «от безграмотности». Однако для этнографа прозвища являются важными устными источниками, заключающими в себе информацию о многих прошедших и существующих этапах развития определенных локальных сообществ. Они являются своеобразными лаконичными характеристиками индивидов, отражающими мировоззрение, житейский опыт и юмор народа. Поэтому по особенностям прозвищ исследователь может выявить и реконструировать многие социокультурные процессы, происходящие в жизни деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь, 2004. 904 с.
2. Соколов А.И. Русские имена и прозвища в XVII в., собранные А. Соколовым. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. 19 с.
3. Балов А.В. Великорусские фамилии и их происхождение // Живая старина. 1896. № 2. С. 157–168.
4. Шустиков А.А. Прозвища крестьян деревень Хмелевской, Бережок тож Кадниковского уезда // Живая старина. 1899. № 4. С. 526–528.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
6. Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
8. Никулина З.П. Лексико-семантические структурные особенности отфамильных детских прозвищ // Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1972. С. 63–66.
9. Давыдова К.Н. Современные прозвища в говорах Красноярского края // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. 1972. С. 159–161.
10. Шулунова Л.В. Прозвища в антропонимии бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. 96 с.
11. Кушкова А.Н. Деревенские прозвища: к вопросу о характере, бытовании и социальных функциях (по полевым материалам Белозерского р-на Вологодской обл.) // Антропологический форум № 11 Online, 2009. С. 1–32.
12. Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: Аст-пресс книга, 2010. 448 с.
13. Аболина Л.А. Прозвища Култучан // Тальцы. 2008. № 1 (31). С. 60–73.
14. Аболина Л.А. Прозвища жителей Тункинской долины как дополнительный источник по изучению этнокультурного формирования населения // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. к 50-летию Л.В. Татауровой. Омск: Издатель-Полиграфист, 2015. С. 67–79.
15. Населенные пункты Тарского района Омской области. Тара, 2009. 60 с.
16. Беларуская-Рускі слоўнік. Мінск: Аверсэв, 2003. 372 с.

Abolina Larisa A. NPO «Archaeological design and researches» (Irkutsk, Russia). E-mail: larisa-abolina@yandex.ru; Fedorov Roman Yu. Tyumen State University (Tyumen, Russia); Earth Cryosphere Institute Siberian Branch of RAS (Tyumen, Russia). E-mail: E-mail: r_fedorov@mail.ru

THE LIVE TRADITION OF NICKNAMES IN THE VILLAGE OF ATIRKA: SOCIAL, ECONOMICAL FACTORS AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS.

Keywords: onomastics; rural nicknames; Atirka; Omsk region.

The Middle Ages were the period of most active creation and using of nicknames in Russia. This period ended with the official prescription to use only orthodox personal names and establishment of a three-part form of identification: a name, a middle name, a surname, which happened in the 18th century. Despite it, informal nicknames do exist nowadays and they gain new features, connected with the sociocultural processes in modern society. It shows us the special relevance of researching this area. Nicknames are especially important in the lives of the closed communities (educational and correctional facilities, army, professional communities) where such informal identification of the individual from the side of the community has a number of specific functions (social stratification, allocation of ethnic, geographical or professional origins, emphasis of individual qualities of the person, psychological release, etc.). In this regard the social organization of life in the rural community had much in common with the functioning of the closed communities. First of all it is

caused by the fact that rural dwellers had a limited and settled circle of social contacts and the life of each person passed in full view of the neighbors, who gave their personal characteristics and estimates. This situation is typical for the small villages which found themselves on the fringes of the modern social and economic development. The village of Atirka of Tarsky district in the Omsk region is of this type of settlements, and through its example the authors of this article tried to investigate the variety of nicknames, the reasons of their appearance and their place in life of the local society. The article reviews the special features of the rural nicknames reflecting the personal qualities of their bearers, nicknames coming from surnames, school "nicknames" through particular cases. We also revealed some peculiarities of creating nicknames in different ethnolocal groups. In particular, we found out that descendants of the Belarusian migrants living in of Atirka used archaic nicknames much longer than Russian old residents, for whom since 1930–1940 such nicknames played the role of psychological release, intertwining with such form of Russian folklore as "chastushka". In spite of the fact that most of the surveyed people consider that nicknames generally come "from ignorance", for the ethnographer they are important oral sources, that contain information about the passed and existing stages of development of certain local communities. They may be considered as peculiar brief characteristics of the individuals reflecting the philosophy, the background experience and the humour of people. That is why studying the nicknames the researcher can reveal and reconstruct many sociocultural processes in rural life.

REFERENCES

1. Tupikov, N.M. (2004) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Old Russian personal proper names]. Moscow: Russkiy put'.
2. Sokolov, A.I. (1891) *Russkiya imena i prozvischa v XVII v. sobrannyya A. Sokolovym* [Russian names and nicknames in the 17th century collected by A. Sokolov]. Kazan: Imperial University.
3. Balov, A.V. (1896) Velikorusskie familii i ikh proiskhozhdenie [Russian names and their origin]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 157-168.
4. Shustikov, A.A. (1899) *Prozvischa krest'yan dereven' Khmelevskoy, Berezhok tozh Kadnikovskogo uezda* [Nicknames of peasants in Khmelevskaya, Berezhok and Kadnikovsky Uezd]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 526-528.
5. Superanskaya, A.V. (1973) *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moscow: Nauka.
6. Veselovskiy, S.B. (1974) *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvischa i familii* [Onomastikon: Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow: Nauka.
7. Podolskaya, N.V. (1978) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [A Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka.
8. Nikulina, Z.P. (1972) Leksiko-semanticheskie strukturnye osobennosti otfamil'nykh detskikh prozvisch [Lexico-semantic structural features of children's family nicknames]. In: Golev, N.D. (ed.) *Teoreticheskie voprosy russkogo yazyka i ego govorov* [Theoretical questions of the Russian language and its dialects]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 63-66.
9. Davydova, K.N. (1972) *Sovremennye prozvischa v govorakh Krasnoyarskogo kraia* [Modern nicknames in the dialects of the Krasnoyarsk Territory]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoy dialektologii* [Lexical and grammatical issues of Siberian dialectology]. Tomsk: Tomsk State University. pp.159-161.
10. Shulunova, L.V. (1985) *Prozvischa v antroponomimii buryat* [Nicknames in Buryats' anthroponymy]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ.
11. Kushkova, A.N. (2009) *Derevenskie prozvischa: k voprosu o kharaktere, bytovanii i sotsial'nykh funktsiyakh (po polevym materialam Belozerskogo r-na Vologodskoy obl.)* [The rustic nicknames: The nature, existence and social functions (a case study of Belozersky district, Vologda Region)]. *Antropologicheskii forum - Forum For Anthropology And Culture*. 11. pp. 1-32.
12. Vorontsova, Yu.B. (2010) *Slovar' kollektivnykh prozvisch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: Ast-press kniga.
13. Abolina, L.A. (2008) *Prozvischa Kultuchan* [The Kultuchan Nicknames]. *Tal'tsy*. 1(31). pp. 60-73.
14. Abolina, L.A. (2015) *Prozvischa zhitel'ey Tunkinskoy doliny kak dopolnitel'nyy istochnik po izucheniyu etnokul'turnogo formirovaniya naseleniya* [Nicknames of the Tunka Valley residents as an additional source for the study of the formation of ethnic and cultural population]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist. pp. 67-79.
15. Anon. (2009) *Naseelennyye punkty Tarskogo rayona Omskoy oblasti* [Populate localities of Tara district, Omsk region]. Tara: [s.n.].
16. Bulyka, A.M. (ed.) (2003) *Belarushka-Ruski slojnik* [Belorussian – Russian Dictionary]. Minsk: Aversev.

А.А. Ким-Малони, А.А. Ким

МАГИЧЕСКАЯ ОХОТА С ЛЕСНЫМИ ДУХАМИ ПО ДАННЫМ СИБИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Селькупский материал статьи был частично представлен на 11-й Международной конференции по обществам охотников и собирателей - CHAGS XI (сентябрь 7–11, 2015, Вена) и частично финансирован Национальным научным фондом США (the National Science Foundation travel grant PLR 1550260).

Предлагаемая статья посвящена междисциплинарному изучению сходных фольклорных сюжетов о магической охоте представителей трех аборигенных народов Сибири с лесными людьми-духами. Фольклор селькупов, хантов и кетов демонстрирует отсутствие четких границ между обыденностью и сверхъестественностью. Лесные духи воспринимались реальными партнерами по охоте и сексу. Сравнение сюжетов говорит о возможном общем источнике основной сюжетной линии и индивидуальных деталях фольклора отдельных этнических групп.

Ключевые слова: междисциплинарное исследование; фольклор; лингвистика; этнография; аборигенные народы Сибири.

Современные гуманитарные науки ориентированы на междисциплинарные и сравнительно-сопоставительные исследования, которые часто связываются с определенным ареалом. Эти тенденции обеспечивают более достоверное объяснение культурных феноменов. Предлагаемая работа посвящена сравнительному междисциплинарному изучению сходных фольклорных сюжетов о магической охоте представителей трех народов обско-енисейского ареала – кетов, селькупов и хантов – со сверхъестественными существами, называемыми лесными людьми, или духами. Фольклор, этнографические и языковые данные этих трех народов неоднократно являлись объектом сопоставительного изучения [1–4].

Сюжеты об охоте являются центральными в обществах охотников, рыболовов и собирателей, коими являлись (и до сих пор отчасти являются) кеты, селькупы и ханты. Поскольку охота была основным обеспечением их жизнедеятельности, многие ее аспекты пронизаны ритуалами, романтикой и магией. Общая сюжетная линия магической охоты включает знакомство аборигенного охотника (мужчины или женщины) с человекообразным сверхъестественным существом – лесным мужчиной или лесной женщиной, затем их сожительство и в результате этого необыкновенное везенье в охоте. Эти истории, рассказанные часто о вполне конкретных людях (даже с указанием имен или фамилий), заканчиваются в основном печально: союз по разным причинам распадается, а охотничий фарт пропадает. Имеются варианты сюжетов, повествующие о смерти человека-охотника или его переход в сверхъестественный мир к своему сожителю-духу. Эти рассказы отличаются от сказок, так как воспринимаются как реальность.

В повествования о магической охоте вплетаются многие культурные элементы, представляющие интерес для этнографов: перед встречей лесная женщина устраивает охотнику испытания. У селькупов мужчина должен сделать семь костров из дров двух пород (пихтовых – мужских – для себя и еловых – женских – для

лесной женщины) и зажарить мясо белки, которое делит согласно селькупской традиции – переднюю часть для себя, заднюю часть для нее. В фольклоре кетов мясо делится на три части и лесной дух берет себе среднюю – реберную – часть. Это мясо охотник должен уберечь от зверей, и только тогда лесная женщина покажется. Далее могут следовать и другие испытания на хитрость, например, охотник должен проследить, чтобы под шубой-постелью не оказалось капкана. Проверяется терпение охотника – он лишь на третий день может взять связку соболей или белок, лежащих на земле. В селькупском фольклоре присутствуют элементы мифа о созидании животных. Когда лесная женщина расчесывает волосы, то вместо вшей с ее головы валятся в разные стороны белки и соболя [5. С. 199–201]. У хантов, манси и кетов лесные духи могут поселиться в доме людей-охотников в качестве «чудесного супруга», иногда даже второго, если до этого уже была семья [6. С. 449–450; 7. С. 135–137].

Самое большое количество вариантов сюжета о союзе людей с лесными духами мы находим у кетов. В кетском фольклоре присутствуют отличные от селькупов мифологические элементы: лесной дух-мужчина, *кайгусь*, обучает свою человеческую подругу всему ритуалу медвежьего праздника. Именно в кетском фольклоре рассказывается о происхождении лесного духа – *кайгуся*, сына медведя и женщины. В других сюжетах кайгусь – женщина, хозяйка пушных зверей в двух ипостасях – зверя (белки или соболя) и женщины, одетой в беличью или соболиную шубку. Имеются тексты, отражающие конфликт между родными и сверхъестественной партнершей охотника. В кетских текстах отец охотника, возмущенный молчанием жены сына – Кайгусь, прячет поварежку, в результате чего Кайгусь обжигает свои руки. У манси в роли обидчицы лесной женщины выступает первая жена охотника. Обиженные лесные женщины покидают людей, забирая удачу охотника [6. С. 449–450; 7. С. 131].

Как показывает аборигенный фольклор, лесные духи или люди обладают тройственной натурой: антропоморфной, зооморфной и сверхъестественной. Антропоморфные черты отражают внешний вид мужчины или женщины, человеческое поведение и деятельность. В селькупском фольклоре (Тым) лесная женщина предстает как высокая (на Оби, наоборот, рост у нее маленький) красавица с волосами до пят, в дорожных одеждах из меха. По данным из Тыма и Кёнга, лесная женщина носит на голове белый платок, а на ногах – белые чирки. Она ходит на лыжах, подбитых мехом, а на поясе подвешивает беличь шкурки [5. С. 199]. Зооморфные черты проявляются в способности трансформаций в животных (белка, соболь, лось, олень) или в обладании отдельными зооморфными деталями, такими, как, например, звериный нюх, рожки, шерсть или звериные ноги. Наблюдаются тесные взаимоотношения между лесными людьми и необычными животными: у селькупов – с соболем с белой шеей, белкой с золотой лентой или пестрой белкой, маленькой черной собачкой, медведем, рассомахой. У хантов это соболь с желтым (золотым) кольцом на шее. У кетов это черный или пестрый соболь, пестрая белка, медведь. Эти животные выполняют функцию спутника и помощника лесного человека [5. С. 199; 6. С. 449–450; 7. С. 135–137]. Сверхъестественные черты включают способность быть невидимыми для людей; превращаться в животное, человека или духа; способность оживать человека, моментально перемещаться в пространстве, возможность внезапно исчезать, если эти существа видят, что за ними наблюдают люди; власть над животными; возможность наградить охотника удачей или отнять ее; вызывать смерть охотника. Рассказы о магической охоте романтизировали процесс добывания дичи, стирая границы между сверхъестественным и обыденным миром.

Лесные мужские или женские духи приобретают антропоморфные черты, становясь партнером по охоте и сексу для аборигенных народов, которые ищут свой охотничий фарт (в селькупском языке есть для этого термин *kijne*). Происходит взаимный обмен с людьми-охотниками: охотничий фарт предоставляется за партнерство и сексуальные услуги и может иметь разные формы: наличие дичи в больших количествах и ее легкая добыча, иногда охотнику нужно только подобрать дичь с тропы; сверхъестественные способности охотника и возможность понимания поведения животных и их языка. Охотники получают удачу в обмен на специфические обязательства, которые отражены в особом поведении, табу и ритуалах: жертвоприношения хозяину леса; содержание охотничьей амуниции подальше от женщин; запрет на употребление охотничьего ножа для домашних нужд; запрет собакам подходить к дичи; неразглашение охотничьих планов и избегание передачи охотничьего опыта устным путем. Селькупская традиция воспитания и передачи охотничьего мастерства основана на правиле «наблюдай молча и делай, как я, но по

своему» [8. С. 87]. В селькупском и угорском фольклоре в отношении взаимобмена могут вовлекаться дети. Если в результате сожителства у женщины рождается ребёнок, то лесной человек забирает ребенка (возможно, с матерью).

В фольклоре кетов понятие «удача» не только связано с благоволением лесного человека-духа, но и маркируется той же лексемой – *Qajgu, s*. Так же, как и у селькупов, чтобы обеспечить охотничью удачу, охотнику нужно было выполнить все необходимые ритуалы и правила. Если люди что-то нарушали, то удача покидала их. Например, мужчина терял свою удачу, если его жена не соблюдала обряда очищений и была неаккуратна [9. С. 176]. В отличие от селькупского и угорского фольклора, в кетском фольклоре отражен конфликт между удачливым охотником и его братьями за привилегию обладать Кайгусь. Коварные братья убивают охотника, чтобы завладеть Кайгусь и приобрести удачу. Однако Кайгусь не дается в руки братьев, покидает жилище, а затем оживает своего супруга и уводит его в свой мир [Там же. С. 139].

Таким образом, охотничий фарт базируется на принципе взаимности (the principle of reciprocity), при этом вовлекаются две группы участников – охотников и сверхъестественных существ. Принцип взаимности описан как часть корейской идеологии 'kut' (кут) и понимается как «практика дарения и приобретения» или «дай и получи взаимно» [10. С. 8]. В отличие от корейской традиции, в описываемых культурах Сибири шаман как посредник исключается из взаимодействия.

Лингвистические данные вносят важные уточнения, например позволяют определить пол персонажей и их сверхъестественный статус. В селькупском и обско-угорских языках названия сверхъестественных существ строятся по единому принципу: лесной – ADJ/леса – GEN + мужчина/женщина (букв. женский человек), второй компонент может иметь определение, указывающее на сверхъестественность персонажа, например селькупское *lōsɨl'* (*lōsy* 'дух черт, дух'): селькупы *Mačɨl' qur* (Напас), *Mažɨyol qur* (Чижапка) – лесной мужчина, *Mad'el nelgup* (Чижапка), *Massuj neiqum* (Кеть, Обь), *Mačɨn nejd*, *Mačɨl' lōsɨl' ima* (Тым); ханты и манси *Mis-χu*, *Wont-ku*, *Unχu*, *Wor-χum* – лесной мужчина, *Mis-nɜ*, *Wont-nɜ*, *Unnɜ*, *Wor-nɜ* – лесная женщина. В угорских названиях фигурируют различные первые компоненты: *Mis* – лес, *Wont* – тайга, *Wor* – лесистая береговая полоса реки, *Un* < *unal* – метка, знак [11].

Как видно из примеров, угорские именованья отражают детали ландшафта. Имя аналогичного кетского персонажа также двухкомпонентно: *Qajgu, s* (**qaj* 'гора', 'высокий берег реки' + **ku, s* 'дух' [5. С. 199–201; 12. С. 180; 13. С. 111; 14].

Общая черта фольклора трех народов – связь противоположных полов людей и духов, может фиксировать-

ся соответствующими лексемами, например в селькупском и обско-угорских языках используются родственные лексемы для обозначения женщины и мужчины: селькупы, ханты, манси *ne* – ‘женщина’, селькупы *qur*, ханты *χu* – ‘мужчина’. В кетском фольклоре имя персонажа может получить дополнительный компонент *a²m* ‘мать’: *Qajgusam*, < *qajgus* + *a²m* ‘кайгусь-мать’, позво-

ляющий определить род [14]. (Примеры предоставлены американским лингвистом-кетологом Эдвардом Вайдой, Западный Вашингтонский университет, Беллингхем.)

Мотивы, встречающиеся в фольклоре о магической охоте, представлены в таблице. Сравнение мотивов в фольклоре кетов, селькупов, хантов и манси позволяет сделать вывод о более полном представлении сюжета у кетов.

Мотив	Кеты	Селькупы	Ханты	Манси
Сопровождение лесного духа зверем-спутником необычной окраски	+ Пестрая белка, спереди завязки, на шее – лямка; пестрый соболь	+ Белка с золотой лентой; маленькая черная собачка	+ Соболь с желтым кольцом	–
Подготовка к встрече лесного духа: мужское ложе из пихтовых веток, женское – из еловых	+	+	–	–
Угощение лесной женщины мясом белки или соболя	+ Разделка тушки на три части: лесная женщина берет ребра	+ Разделка тушки на две части: лесная женщина берет заднюю часть	–	–
Испытание мужчины-охотника щекоткой	+	+	–	–
Другие испытания	+ Проявление терпения	+ Проявление терпения; обнаружение капканов	–	–
Конфликт с родней человека из-за молчания лесного духа	+ С отцом охотника	–	–	+ С первой женой охотника
Убийство охотника родней из-за охотничьего форта	+ Старшими братьями охотника	–	–	–
Бегство лесной женщины после убийства партнера-человека с последующим оживлением партнера	+	–	–	–
Наказание одного из персонажей за неисполнение традиций	+ Первая жена охотника погибла при бегстве с Кайгусь, так как брала с собой вещи: наперсток или шкурки; Кайгусь обманул своего отца и погиб	–	– Охотник обманул лесного человека, поэтому лесной человек не смог отпустить охотника домой пораньше; наказание охотника за упрямство	–
Присвоение общего ребенка лесным духом	–	+	+	+

Итак, магическая охота с лесными духами – это сибирская охотничья традиция, отраженная в фольклоре и основанная на желании охотников быть удачливыми посредством установления отношений взаимобмена со сверхъестественными существами. Сравнение фольклорного материала позволяет сделать выводы о возможном общем источнике описанного сюжета, возможно, какой-то автохтонной куль-

туры ареала, которая нашла отражение в единой сюжетной линии фольклора разных народов ареала. Специфические детали могли сформироваться в отдельных культурах уже позднее. Как демонстрирует наш сравнительный материал, разные науки могут удачно дополнять друг друга, способствуя более глубокому и системному пониманию рассматриваемых явлений языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pusztay J., Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische). Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1995. Bol. 43. 132 s.
2. Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / А.Ю. Фильченко, О.С. Потанина, Е.А. Крюкова, В.Ю. Глазунов, А.В. Байдак, Н.Л. Федотова, Н.П. Максимова, В.М. Гусев, В.М. Лемская, Д.М. Токмашев, Ант. А. Ким. Томск : Ветер, 2010. 336 с.
3. Ким А.А. Классификация хантыйского прозаического фольклора. Томск : ТГПУ, 2015. 168 с.
4. Вайда Э.Д., Ким-Малони А.А., Ким А.А. Лингвокультурная интерпретация метаморфозы в фольклоре народов обско-енисейского ареала // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 2. С. 55–64.
5. Мифология селькупов / ред. В.В. Напольских. Санкт-Петербург : Наука ; Новосибирск, 2004. 382 с.
6. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост. Н.В. Лукина. М. : Наука, 1990. 568 с.
7. Мифы, предания, сказки кетов / сост. Е.А. Алексеенко. М. : Вост. лит., 2001. 343 с.
8. Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю., Головин А.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2011. 315 с.
9. Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л. : Наука, 1967. 258 с.

10. Hyun-key Kim Hogarth, Kut: Happiness through reciprocity. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1998. 264 с.
11. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск : Томский госпедуниверситет ; Изд-во НТЛ, 1996. 348 с.
12. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск : Томский госпедуниверситет ; Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
13. Khanty Mythology. Editors-in-Chief Anna Leena Siikala, Vladimir Napolskikh, Mihály Budapest: Hoppál. Akadémiai Kiadó; Helsinki : Finnish Literature Society, 2006. 241 с.
14. Vajda E., Werner H. Etymological Dictionary of the Yeniseian Languages. Munich : Lincom, 2016. (в печати)

Kim-Maloney Alexandra A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: alexandrakim@hotmail.com; *Kim Antonina A.* Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia); Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: kima@inbox.ru

MAGIC HUNT WITH THE FOREST SPIRITS ACCORDING TO SIBERIAN FOLKLORE DATA.

Keywords: interdisciplinary research; folklore; linguistics; ethnography; indigenous people of Siberia.

The article focuses on interdisciplinary study of one folklore plot among three indigenous peoples of Siberia: Selkup, Khanty and Ket. Some stories reflect beliefs in the magic hunt with forest spirits among most native peoples of Siberia. These stories differ from fairy tales because they were perceived as real events. Forest spirits also called “forest people” are imagined anthropomorphic creatures establishing a balance of reciprocity based on business and sexual relationship with hunters. It is possible to present information on forest spirits describing their appellation, appearance, and functions. According to the indigenous folklore, forest spirits or people are threefold creatures as they have anthropomorphic, zoomorphic and supernatural features. Anthropomorphic features reflect man-like or woman-like appearance, human behavior and activities. Zoomorphic features reflect a possibility to transform into an animal (squirrel, sable, moose, or deer) or to possess zoomorphic details like horns or fur. Supernatural features include the ability to transform; to disappear instantly if they see that they are being looked at; they can make all animals disappear; they can make a hunter to acquire or lose his/her hunting luck. The stories on the magic hunt romanced hunting activities by eliminating borders between sacred and profane. Forest male and female spirits acquired anthropomorphic features while serving as hunting and sexual partners to indigenous peoples of both sexes who persuaded their hunting luck (the Selkup term *kine*). This luck could include a few different forms: abundant animals at hunter’s trail and easy and successful kill, or just picking game up; supernatural hunting skills and understanding animals’ behavior and language. The hunters acquire *kine* in exchange for specific obligations that are reflected in behavioral patterns, taboo, and rituals: making offerings to the host of the forest; keeping hunting gear away from women; avoiding talking about hunting plans and transmitting hunting skills orally. Siberian hunting luck is based on the principle of reciprocity involving two groups of participants - hunters and supernatural creatures. Thus, the magic hunt with forest spirits is a Siberian hunting tradition reflected nowadays in folklore and based on a desire to be successful in hunting through a relationship of reciprocity with supernatural creatures. Commonalities in Selkup, Khanty and Ket folklore on the magic hunt lead to the conclusion that it originated from one and the same source.

REFERENCES

1. Pusztay, J. (1995) Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische) [Discussion contributions to fundamental linguistic research (The Protourals)]. In: Veenker, W. & Röhrborn, K. (eds) *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica* [Publications of the Uralo-Altaica Society]. Volume 43. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
2. Filchenko, A.Yu., Potanina, O.S., Kryukova, E.A., Glazunov, V.Yu., Baydak, A.V., Fedotova, N.L., Maksimova, N.P., Gusev, V.M., Lemskaya, V.M., Tokmashev, D.M. & Kim, A.A. (2010) *Annotirovannye fol'klornye teksty obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated folklore texts of the Ob-Yenisei language area]. Tomsk: Veter.
3. Kim, A.A. (2015) *Klassifikatsiya khantyyskogo prozaicheskogo fol'klora* [Classification of the Khanty prosaic folklore]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
4. Vajda, E.D., Kim-Maloni, A.A. & Kim, A.A. (2016) Linguo-cultural interpretation of metamorphosis in the native folklore of Ob-Yenisei area. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2. pp. 55-64. (In Russian).
5. Napolskikh, V.V. (2004) *Mifologiya sel'kupov* [Selkup Mythology]. St. Petersburg: Nauka.
6. Lukina, N.V. (1990) (ed.) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Khanty and Mansi myths, legends, fairy tales]. Moscow: Nauka.
7. Alekseenko, E.A. (ed.) *Mify, predaniya, skazki ketov* [Myths, legends, fairy tales of the Kets]. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Tuchkova, N.A., Glushkov, S.V., Kosheleva, E.Yu., Golovnev, A.V., Baydak, A.V. & Maksimova, N.P. (2011) *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkups. Essays on traditional culture and Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Alekseenko, E.A. (1967) *Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Kets. Historical and ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.
10. Hyun-key Kim, H. (1998) *Kut: Happiness through reciprocity*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
11. Mogutaev, M.K. (1996) *Khantyysko-russkiy slovar' (vasyuganskiy dialekt)* [The Khanty-Russian Dictionary (Vasyugan dialect)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, NTL.
12. Kim, A.A. (1997) *Ocherki po sel'kupskoj kul'tovoy leksike* [Essays on the Selkup cult lexicon]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, NTL.
13. Siikala, A.L. & Napolskikh, V. (eds) (2006) *Khanty Mythology*. Budapest: Hoppál; Akadémiai Kiadó; Helsinki: Finnish Literature Society.
14. Vajda, E. & Werner, H. (2016) *Etymological Dictionary of the Yeniseian Languages*. Munich: Lincom. (in print).

УДК 903.5 (572)
DOI 10.17223/19988613/43/32

А.Г. Козинцев

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛИНГВИСТИКИ, ПАЛЕОГЕНЕТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Обособление анатолийской ветви индоевропейской языковой семьи в V тыс. до н.э. трудно соотнести с экспансией степных (предположительно индоевропейских) групп на Балканы, а оттуда в Анатолию не ранее конца IV тыс. до н.э. Зато предположение о том, что энеолитические обитатели степи изначально говорили на неиндоевропейском языке, косвенно подтверждается данными всех рассмотренных дисциплин. Индоевропейский язык, видимо, был принесен на Северо-Западный Кавказ, а затем и в степь в домайкопскую эпоху (V тыс. до н.э.), до появления колесного транспорта, популяцией ближневосточного происхождения, смешение с которой привело к появлению кавказского компонента в генофонде степных групп.

Ключевые слова: индоевропейцы; индоевропейская прародина; индоевропейские миграции; энеолит.

Выводы генетиков о решающей роли «ямного» вклада в формировании генофонда людей культуры шнуровой керамики и позднейших европейских популяций [1, 2] – весомый аргумент в пользу теории степной прародины индоевропейцев. Дополнительными аргументами являются генетическая преемственность между носителями хвалынской и ямной культур, а также отсутствие каких-либо генетических указаний на миграцию в степь с запада [1, 3]. Еще до работ генетиков автохтонность ямного населения была доказана антропологами [4].

Однако события III тыс. до н.э., в частности «ямная» экспансия, не относятся к начальному этапу индоевропейской истории. Он отражен в лингвистических данных, а именно в признаваемой большинством лингвистов максимальной древности анатолийской ветви в пределах индоевропейской семьи. Согласно С.А. Старостину, хеттский язык обособился в V тыс. до н.э. [5]. Как примирить этот факт с автохтонностью степного населения? Связи Анатолии со степью могли осуществляться по двум коридорам – западному (балканскому) и восточному (кавказскому). Рассмотрим их по очереди (третий путь – закаспийский – кажется маловероятным).

Балканский коридор. На нем сосредотачивают внимание сторонники двух теорий индоевропейской прародины – степной и центральноевропейской. Первые постулируют миграцию носителей раннеэнеолитической суворовской культуры с Нижнего Дуная на юг во второй половине V тыс. до н.э. и связывают эту миграцию с распространением праанатолийского языка [6, ср.: 7].

Один из главных показателей экспансии степных племен – керамика с примесью дробленой ракушки, появляющаяся в степях еще в неолите, в начале VI тыс. до н.э. [8. С. 58, 63]. Исследователям Кукутень–Триполья она известна как тип «Кукутень С» [9. С. 42; 10–12]. Ее появление в трипольской среде связано с носителями скелянской культуры (близкой к суворовской), которые проникли туда с Нижнего Днестра на стадии Кукутень А3–А4 – Триполье VI (или даже в

конце стадии Прекукутень – Триполье А) во второй половине V тыс. до н.э. и принесли с собой чуждую этой культуре и более примитивную технологию изготовления посуды [11]. В первой половине IV тыс. до н.э. керамика с примесью ракушки появляется на Нижнем Дунае (культура Чернаводэ I), но лишь во второй половине IV – начале III тыс., на стадии Баден–Усатово–Езеро, она проникает на Балканы вместе с элементами степного погребального обряда [13].

Традиционным показателем индоевропейских миграций служит шнуровой орнамент на керамике. Как полагают, данная традиция зародилась в дереивской культуре Украины конца V – начала IV тыс. до н.э. [14. С. 103–104], а оттуда быстро проникла в ареал Кукутень–Триполье и далее на юг. Древнейшая разновидность шнурового узора – так называемая гусеничка – встречается на керамике Кукутень С. Время ее появления на Балканах, в комплексе Бубань–Сэлкуца–Криводол, примерно то же, что и в предполагаемом очаге возникновения, – ранний энеолит (конец V – начало IV тыс.) [13]. Однако в этот период она встречается там лишь изредка и обычно на сосудах местных форм, тогда как массовое ее распространение происходит только с конца IV тыс. [Там же].

Другие признаки предполагаемой миграции из степей спорны из-за проблем с хронологией. Это касается, в частности, каменных зооморфных предметов – так называемых скипетров – второй половины V тыс. до н.э. Их находят на огромной территории от Южного Приуралья до Македонии. Радиоуглеродные даты, многие из которых, полученные по костям, завышены из-за резервуарного эффекта (таковы даты хвалынских могильников) [15. Р. 482], не позволяют на их основании судить о том, где эти изделия возникли. В.А. Дергачев и Д. Энтони вслед за В.Н. Даниленко и М. Гимбутас считают, что скипетры распространялись с востока на запад – от хвалынского ареала к трипольскому, оттуда в Нижнее Подунавье (культура Чернаводэ I) и далее в Карпато-Балканский регион, в ареал комплекса Бубань–Сэлкуца–Криводол, а главным фактором их распространения была первая волна экспансии степных

скотоводов-кочевников в ареал оседло-земледельческих племен [7. С. 145–148; 15. Р. 234].

Приверженцы центральноевропейской теории придерживаются противоположного взгляда. Л.С. Клейн полагает, что скипетры были принесены с Дуная на Волгу «подвижными скотоводами с северо-запада» [16. С. 84–96, 372–378]. И.В. Манзура утверждает, что все элементы культуры, которые со времен В.Н. Даниленко и М. Гимбутас считались показателями экспансии степных племен на запад, на самом деле отражают миграцию земледельцев на восток [12]. Близкие взгляды высказывает Б. Говедарица, полагающий, что носители скипетров, переселившись из ареала Кукутень–Триполье в степь, превратились в местную элиту [17. S. 47]. Н.А. Николаева связывает скипетры с миграцией пастушеских племен раннебаденского круга вниз по Дунаю [18].

Центральноевропейской теории противоречат генетические данные о резком отличии степного населения от большинства изученных групп зарубежной Европы неолита и энеолита [1]. Это относится и к носителям культуры воронковидных кубков (КВК), которых иногда считают предками баденцев и ранними индоевропейцами. Контраст между степными группами и центральноевропейскими выявлен и по краниометрическим данным [4, 19]. Степные краниометрические параллели серии КВК из Осторфа [4] заслуживают внимания, но они единичны.

Нейтральную позицию в споре о скипетрах занимает Ю.Я. Рассакин, по мнению которого, этими предметами владели торговцы – посредники между земледельческими культурами и степными сообществами [20. Р. 102]. С.Н. Корневский и А. Булатович считают скипетры «межкультурными» предметами, не связанными с какой-либо конкретной группой [13. Р. 110; 21. С. 138]. Напрашивается параллель с гораздо более поздним «сейминско-турбинским транскультурным феноменом», также вызванным бурными событиями в истории Евразии, дальними миграциями и эстафетной передачей традиций [22. С. 269–287]. В раннем энеолите Балкан скипетры, подобно шнуровой керамике, крайне редки, керамика Кукутень С отсутствует, нет и черт степного обряда. По мнению А. Булатовича, говорить о присутствии там в эту эпоху каких-либо групп мигрантов с севера невозможно.

Итак, археологический материал позволяет заключить, что проникновение индоевропейских групп в Анатолию по балканскому коридору произошло не ранее рубежа IV и III тыс. до н.э. О том же свидетельствуют и самые ранние горизонты Трои [16. С. 84–88]. В Юго-Восточной Европе в это время существовал колесный транспорт. Этот факт документируется баденскими моделями повозок – а именно носителей баденской культуры Л.С. Клейн считает предками хеттов [16]. Чем же тогда объяснить, что в хеттском языке не было двух главных слов, обозначающих колесо в прочих индоевропейских языках (в тохарских одно из них

обозначало повозку)? [23. Ч. II. С. 719–720]. Д. Риндж считает данный факт, как и общий архаизм хетто-лувийских языков, свидетельством того, что данная ветвь отделилась от протоиндоевропейского ствола до того, как был изобретен колесный транспорт [6]. О том же свидетельствует и глоттохронология. Итак, анатолийцы были изолированы от прочих индоевропейцев с V тыс. до н.э. Балканский сценарий не дает объяснения этому факту, ведь археология свидетельствует не об одноразовой, дальней миграции, а о постепенном просачивании групп с севера в сторону Анатолии. Все это заставляет рассмотреть альтернативный сценарий – кавказский.

Кавказский коридор. Какие-то индоевропейские группы, в том числе предки хеттов, могли жить на Ближнем Востоке и до предполагаемой миграции с Балкан. Неиндоевропейский (хаттский) субстрат в анатолийских языках обычно считают свидетельством миграции индоевропейцев в Анатолию с запада. Но целый ряд лингвистических фактов указывает на то, что они прибыли туда с востока [23. Ч. II. С. 895–898].

С Ближнего Востока часть ранних индоевропейцев могла продвинуться и на север, в степь, по кавказскому коридору. В теориях ближневосточной прародины этот путь играет подчиненную роль: Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов придают главное значение закаспийскому маршруту, К. Ренфру – балканскому. Между тем движение с юга на север через Кавказ началось, судя по археологическим данным, еще в доиндоевропейскую эпоху – в начале неолита, если не раньше [8. С. 59; 24. С. 65–68]. О том, что кавказский маршрут сохранял значение и в более позднюю эпоху, свидетельствуют данные о контактах ранних индоевропейцев с семитами, картвелами [23. Ч. II. С. 870–880] и северокавказцами [25]. Эти связи документированы лучше, чем контакты протоиндоевропейцев с протоуральцами, вызывающие большие сомнения [6; 25; 26. С. 18–19, 27].

О движении населения из Закавказья в степи свидетельствует и генетика. В генофонде носителей ямной культуры (бесспорных индоевропейцев) недавно был обнаружен значительный аутосомный компонент кавказского происхождения. Впервые его нашли у представителей верхнепалеолитического и мезолитического населения Западной Грузии и обозначили аббревиатурой CHG (от “Caucasian hunter-gatherers”). Он резко отличается от того ближневосточного компонента (EF, от “Early farmers”), который был принесен ранними земледельцами из Анатолии на Балканы и распространился вплоть до Северной Европы [3, 28]. Компонент EF был отличительной чертой генофонда представителей «старой Европы» (в понимании М. Гимбутас), в том числе и людей КВК, и явно не имел отношения к индоевропейцам.

Все это заставляет вспомнить то, что индоевропейская речь была заимствована степным населением от носителей майкопской культуры IV тыс. до н.э., которые были предками хеттов [29]. В связи с вопросом о

прародине последних интересно, что, согласно М.В. Андреевой, майкопское искусство ближе к шимшарскому, чем к азиатскому [30]. Но компонент CHG проник в степь не в IV тыс., а раньше – его обнаружили и у людей хвалынской культуры V тыс. до н.э., а они, судя по генетическим и археологическим данным, были предками ямного населения [28]. Конечно, CHG мог проникнуть в степь еще раньше, но археологические данные позволяют предположительно отнести это событие именно к V тыс.

Особого внимания в данной связи заслуживают связи майкопских памятников Закубанья конца V тыс. до н.э. с хвалынскими, среднестоговскими и скелянскими, ведь именно в эту эпоху, предположительно, обособилась азиатская ветвь. Исключительно важен памятник с детальной стратиграфией – крепость Мешоко, где прослежено постепенное и технологически естественное изменение керамики от высококачественной тонкостенной, свидетельствующей о миграции с Ближнего Востока еще в майкопское время, ко все более грубой с накольчато-жемчужным орнаментом ([31] и мои неопубликованные данные). Последняя могла изготавливаться местным населением – возможно, носителями одного из северокавказских языков. Но заимствования из протокавказского в протоиндоевропейский произошли, видимо, раньше – еще на Ближнем Востоке [25].

В средних слоях Мешоко найдены несколько фрагментов керамики с примесью дробленой ракушки. Она украшена оттисками зубчатого штампа, реже жемчужинами, и близка типу Кукутень С (см. выше). В майкопской крепости Свободное керамика с примесью дробленой ракушки преобладает [32]. Связи майкопских памятников со скелянскими уже отмечались на основании керамики [20. С. 78–80; 32]. К этому следует добавить находку заготовки для крестовидной булавы в Мешоко, в комплексе, связанном с верхними слоями [33. С. 138, 161; ср.: 34], и обломок зооморфного скипетра на майкопском поселении Ясенева Поляна [21. С. 147].

Постепенная деградация керамического производства в Мешоко при том, что кремневая индустрия на позднем этапе, наоборот, переживает некий ренессанс, свидетельствует о встрече резко различных традиций [35]. И хотя южная традиция в материальной культуре на этой стадии была вытеснена (крепость Мешоко, построенная южанами, была, видимо, взята штурмом [33]), она затем возродилась в майкопской культуре. Этому могли способствовать раннее заимствование индоевропейской речи жителями степи (первоначально, может быть, наиболее активными из них – скелянцами) у мигрантов с юга и смешение между ними. Допустив это, мы сблизим археологические данные с генетическими и лингвистическими. Тогда время дивер-

генции азиатских и прочих индоевропейских языков совпадет со временем первой миграции с Ближнего Востока на Северный Кавказ. Условие, которому не удовлетворяет балканский сценарий (полная изоляция азиатских от прочих индоевропейцев с V тыс. до н.э. в результате односторонней, дальней миграции), здесь соблюдено.

В результате этой миграции индоевропейская (индо-хеттская) семья языков разделилась на две изолированные половины, одна из которых включала праанатолийский (на нем говорили потомки индо-хеттов, оставшихся на Ближнем Востоке), а другая – степной индоевропейский, давший начало всем позднейшим ветвям данной семьи, кроме азиатской. Следовательно, миграции дочерних индоевропейских групп (предков греков, армян и др.) по балканскому коридору на юг имели место уже после индоевропеизации степи, а затем и Центральной Европы. Степной индоевропейский в этом сценарии имеет мало общего с постулированным К. Ренфру одноименным протоязыком, возникшим якобы в результате миграции из Анатолии на Балканы, затем в Центральную Европу и лишь оттуда в степи [36]. Генетические данные полностью опровергают такой сценарий.

Анализ фактов, относящихся к разным дисциплинам, позволяет заключить, что их противоречивость кажущаяся. Она вызвана молчаливым и неверным допущением, лежащим в основе большинства теорий индоевропейской прародины – и ближневосточной, и центральноевропейской, и степной: языковые и генетические корни индоевропейцев следует якобы искать в одном месте. Генетика показывает, что это не так. Продемонстрированная генетиками и антропологами автохтонность степного населения эпох энеолита и ранней бронзы не противоречит присутствию у него существенного кавказского компонента. Возможно, его носители и были теми, кто принес индоевропейскую речь в степь. Языки, в отличие от популяций, не смешиваются, а сменяют друг друга. Поэтому, если гипотеза подтвердится, то придется признать, что у древнейшей индоевропейской популяции степей было два генетических корня: главный – в степях, добавочный – на Ближнем Востоке, между тем как у протоиндоевропейского (индо-хеттского) языка был всего один корень – ближневосточный.

Я признателен всем принявшим участие в обсуждение тезисной версии данной статьи на сайтах Генфонд.рф [37] и Academia.edu [38], в первую очередь моему учителю – выдающемуся индоевропеисту Л.С. Клейну. Его беспощадная критика мне очень помогла, как помогла и в студенческие годы. Льву Самуиловичу я с глубочайшей благодарностью посвящаю эту статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.
2. Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 167–172.
3. Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. Vol. 528, № 7583. P. 499–503.
4. Козинцев А.Г. Краниометрия населения южнорусских и украинских степей (в связи с индоевропейской проблемой) // Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времен до наших дней». Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 34–36.
5. Blažek V. On the internal classification of Indo-European languages: survey // *Linguistica Online*. 2005. URL: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf>, free (access data: 27.03.2016).
6. Anthony D.W., Ringe D. The Indo-European homeland from linguistic and archaeological perspectives // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. P. 199–219.
7. Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне. Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб. : Нестор-История, 2007. 488 с.
8. Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. Киев ; Харьков : Майдан, 2015. 154 с.
9. Schmidt H. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Berlin; Leipzig : Walter de Gruyter, 1932. 131 S., 44 Taf.
10. Мовша Т.Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // *Советская археология*. 1961. № 2. С. 186–199.
11. Палагуца И.В. К проблеме связей Триполья–Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья // *Российская археология*. 1998. № 1. С. 5–14.
12. Манзура И.В. Владеющие скипетрами // *Stratum Plus*. 2000. № 2. С. 237–295.
13. Bulatović A. Corded ware in the Central and Southern Balkans: A consequence of cultural interaction or an indication of ethnic change? // *Journ. of Indo-European Studies*. 2014. Vol. 42, № 1–2. P. 101–143.
14. Котова Н.С. Деревянная культура и памятники нижнемихайловского типа. Киев ; Харьков : Майдан, 2013. 486 с.
15. Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2007. 553 p.
16. Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб. : Евразия, 2010. 496 с.
17. Govedarica B., Manzura I. Grundzüge einer Kulturgeschichte des nordwestlichen Schwarzmeergebietes im 5. und 4. Jahrtausend v. Chr. // *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)*. Rahden : Verlag Marie Leidorf, 2011. Bd. 2. S. 41–61.
18. Николаева Н.А. К вопросу о хронологии каменных скипетров эпохи энеолита/бронзового века // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. СПб. : Изд-во ИИМК РАН, 2012. С. 80–86.
19. Казарницкий А.А. Население эпохи бронзы в степях Северо-Западного Прикаспия // *Записки Института истории материальной культуры РАН*. 2011. № 6. С. 133–142.
20. Rassamakin Y. The Eneolithic of the Black Sea steppe: Dynamics of cultural and economic development 4500–2300 BC // *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. Oxford : Oxbow Books, 1999. P. 59–182.
21. Корневский С.Н. Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья – каменных зооморфных скипетров // *Археология восточно-европейской степи*. Саратов : СГУ, 2008. Вып. 6. С. 135–156.
22. Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М. : Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. 368 с.
23. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Ч. I, II. 1330 с.
24. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М. : Наука, 1965. 160 с.
25. Старостин С.А. Indo-European among other language families: problems of dating, contacts, and genetic relationships // *Старостин С.А. Труды по языкознанию*. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 806–820.
26. Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань : Казанская недвижимость, 2015. 648 с.
27. Kassian A., Zhivlov M., Starostin G. Proto-Indo-European-Uralic comparison from the probabilistic point of view // *Journal of Indo-European Studies*. 2015. Vol. 43. № 3–4. P. 301–392.
28. Jones E.R., Gonzalez-Forbes G., Connell S. et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // *Nature Communications*. 2015. № 6. P. 8912.
29. Kristiansen K. The Bronze Age expansion of the Indo-European languages // *Becoming European: The Transformation of Third Millennium Northern and Western Europe*. Oxford : Oxbow Books, 2011. P. 165–181.
30. Андреева М.В. Майкопские и куро-аракские сосуды в роли культурных знаков: опыт сравнительного анализа // *Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы*. Л. : ЛОИА АН СССР, 1991. С. 45–49.
31. Резепкин А.Д. Энеолитическое поселение Мешоко // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар : Изд-во КубанГУ, 2005. Вып. 5. С. 73–93.
32. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа // *Археологические вести*. СПб. : ИИМК РАН, 1992. № 1. С. 76–96.
33. Столяр А.Д. Отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1964 г. // *Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья*. СПб., 2009. С. 136–167.
34. Говедарица Б. Каменные крестовидные булавы медного века на территории Юго-Восточной и Восточной Европы // *Stratum Plus*. 2005–2009. № 2. С. 419–437.
35. Столяр А.Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // *Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г.* Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1964. С. 31–32.
36. Renfrew C. The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: a view from the West // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington : Institute for the Study of Man, 1998. P. 202–212.
37. Клейн Л.С. Реакция на томский поворот А.Г. Козинцева. Дискуссия // *Генофонд.рф*. 2016. URL: http://генофонд.рф/?page_id=7979, свободный (дата обращения: 21.05.2016).
38. Козинцев А.Г. О начальном периоде индоевропейской истории. Дискуссия // *Academia.edu*. 2016. URL: <https://kunstkamera.academia.edu/AlexanderKozintsev>, свободный (дата обращения: 21.05.2016).

Kozintsev Alexander G. Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS (S-Peterburg). E-mail: agkozintsev@gmail.com

THE EARLIEST STAGE OF INDO-EUROPEAN HISTORY: EVIDENCE OF LINGUISTICS, PALEOGENETICS, AND ARCHAEOLOGY.

Keywords: Indo-Europeans; Indo-European homeland; Indo-European migrations; Chalcolithic.

Two scenarios explaining the early separation of the Anatolian branch of Indo-European (IE) language family (5th millennium BC, according to S.A. Starostin) are examined. The Balkan scenario is used by followers of the Steppe and Central European theories of IE homeland. The former theory is supported and the latter refuted by genetic data. The steppe theory identifies ancestral Anatolians with Suvorovo people, who moved from the northwestern Black Sea area to the Balkans. But judging by archaeological indicators (shell-

tempered pottery of Cucuteni C type, cord decoration, zoomorphous scepters, elements of the steppe burial rite), IE groups moved toward the Balkans gradually and entered Anatolia no earlier than 3000 BC, when people of southeastern Europe used wheeled transport. The Hittite language, on the other hand, lacked two words denoting the wheel (or wagon) in other IE languages, implying that Anatolians had been isolated from other Indo-Europeans since the 5th millennium BC. The Balkan scenario, which excludes a single rapid migration, cannot account for that. Therefore, an alternative must be considered – the Caucasian scenario, assuming an early presence of proto-Indo-Europeans in the Near East. This scenario can explain the long isolation of Anatolians. Apparently, a Near Eastern IE group migrated to northeastern Caucasus in the 5th millennium BC. Its presence there is documented by high-quality Near Eastern type ware in the lower strata of the pre-Maikop fortress Meshoko. Later, the southern tradition was displaced by two others. One was marked by pottery decorated with punched nodes and possibly manufactured by speakers of a North Caucasian language. The other was a steppe tradition, probably associated with Skelya culture (akin to Suvorovo) and evidenced by ceramic forms and shell temper resembling Cucuteni C at Svobodnoe and Meshoko, cruciform mace-head at Meshoko, and fragment of zoomorphous scepter at Yasenovaya Polyana. Being the most active part of the steppe population, the Skelya people may have adopted an IE language from the Near Eastern immigrants. This steppe IE dialect gave rise to all IE languages except the Anatolian branch, which was autochthonous in the Near East. The hypothesis is upheld by a Caucasian component in the gene pool of the Khvalynsk and Yamnaya people. Southerly migrations of filial IE groups ancestral to Greeks, Armenians, and Albanians along the Balkan route occurred after the emergence of the steppe IE language.

REFERENCES

- Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N. et al. (2015) Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. 522(7555). pp. 207-211. DOI: 10.1038/nature14317
- Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjögren, K.-G. et al. (2015) Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*. 522. pp. 167-172. DOI: 10.1038/nature14507
- Mathieson, I., Lazaridis, I., Rohland, N. et al. (2015) Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*. 528(7583). pp. 499-503. DOI: 10.1038/nature16152
- Kozintsev, A.G. (2013) [Craniometry of the population in southern Russian and Ukrainian steppes (in connection with the Indo-European problem)]. *Naselenie yuga Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The population of the South Russia from ancient times to the present day]. International Conference. Rostov-on-Don: RAS. pp. 34-36. (In Russian).
- Blažek, V. (2005) On the internal classification of Indo-European languages: survey. *Linguistica Online*. [Online] Available from: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf>. (Accessed: 27th March 2016).
- Anthony, D.W. & Ringe, D. (2015) The Indo-European homeland from linguistic and archaeological perspectives. *Annual Review of Linguistics*. 1. pp. 199-219. DOI: 10.1146/annurev-linguist-030514-124812
- Dergachev, V.A. (2007) *O skipetrakh, o lozhadyakh, o voyne. Etyudy v zashchitu migratsionnoy kontseptsii M. Gimbutas* [About scepters, about horseshoes, about the war. The studies in support of M. Gimbutas' migration concept]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kotova, N.S. (2015) *Drevneyshaya keramika Ukrainy* [The ancient ceramics of Ukraine]. Kiev; Kharkov: Maydan.
- Schmidt, H. (1932) *Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien* [The Cucuteni in the upper Vltava, Romania]. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter.
- Movsha, T.G. (1961) O svyazyakh plemen tripol'skoy kul'tury so stepnymi plemenami mednogo veka [On the connections of the Tripoli culture tribes with the Copper Age steppe tribes]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 186-199.
- Palaguta, I.V. (1998) K probleme svyazey Tripol'ya-Kukuteni s kul'turami eneolita stepnoy zony Severnogo Prichernomor'ya [On the connections of the Tripoli-Cucuteni with Eneolithic cultures of the the Northern Black Sea steppe]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 5-14.
- Manzura, I.V. (2000) Vladeyushchie skipetrami [Holding scepters]. *Stratum Plus*. 2. pp. 237-295.
- Bulatović, A. (2014) Corded ware in the Central and Southern Balkans: A consequence of cultural interaction or an indication of ethnic change? *Journal of Indo-European Studies*. 42(1-2). pp. 101-143.
- Kotova, N.S. (2013) *Dereivskaya kul'tura i pamyatniki nizhnemikhaylovskogo tipa* [The Dereivka Culture and the Sites of the Nizhnemikhailovsky type]. Kiev; Khar'kov: Maydan.
- Anthony, D.W. (2007) *The Horse, the Wheel, and Language*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Klein, L.S. (2010) *Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariev* [The Centaurs time. The steppe homeland of the Greeks and Aryans]. St. Petersburg: Evraziya.
- Govedarica, B. & Manzura, I. (2011) Grundzüge einer Kulturgeschichte des nordwestlichen Schwarzmeergebietes im 5. und 4. Jahrtausend v. Chr. [Outlines of a cultural history of the northwestern Black Sea region in the 5th and 4th millennium BC]. In: Sava, E., Govedarica, B. & Hänsel, B. (eds) *Der Schwarzmeerraum vom Aneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)* [The Black Sea area from the Eneolithic to the early Iron Age (5000-500 BC)]. Vol. 2. Rahden: Verlag Marie Leidorf. pp. 41-61.
- Nikolaeva, N.A. (2012) K voprosu o khronologii kamennykh skipetrov epokhi eneolita/bronzovogo veka [On the chronology of Eneolithic/Bronze Age stone scepters]. In: Alekshin, V.A., Bobrovskaya, E.V., Dluzhnevskaya, G.V., Kashuba, M.T. et al. (eds) *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Eurasian steppe cultures and their interaction with the ancient civilizations]. St. Petersburg: RAS. pp. 80-86.
- Kazarnitskiy, A.A. (2011) Naselenie epokhi bronzy v stepyakh severo-zapadnogo Prikaspiya [The Bronze Age population in the north-western Caspian steppes]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN*. 6. pp. 133-142.
- Rassamakin, Y. (1999) The Eneolithic of the Black Sea steppe: Dynamics of cultural and economic development 4500–2300 BC. In: Levine, M., Rassamakin, Yu., Kislenko, A. & Tatarintseva, N. *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe*. Oxford: Oxbow Books. pp. 59-182.
- Korenevskiy, S.N. (2008) Simvolika atributov dukhovnoy vlasti epokhi eneolita Vostochnoy Evropy i Predkavkaz'ya – kamennykh zoomorfnykh skipetrov [The symbolism of the spiritual power attributes in the Eneolithic Eastern Europe and Ciscaucasia – zoomorphic stone scepters]. In: Lopatin, V.A. (ed.) *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi* [Archaeology of the Eastern European steppe]. Saratov: Saratov State University. pp. 135-156.
- Chernykh, E.N. (2013) *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziyskogo mira* [The nomadic cultures in the megastructure of the Eurasian world]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Gamkrelidze, T.V. & Ivanov, Vyach.V. (1984) *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy* [Indo-European languages and Indo-Europeans]. Tbilisi: Tbilisi State University.
- Formozov, A.A. (1965) *Kamennyy vek i eneolit Prikuban'ya* [The Stone Age and Eneolithic Kuban]. Moscow: Nauka.
- Starostin, S.A. (2007) *Trudy po yazykoznaniyu* [Indo-European among other language families: problems of dating, contacts, and genetic relationships]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 806-820.
- Napolskikh, V.V. (2015) *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on the ethnic history]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost'.
- Kassian, A., Zhivlov, M. & Starostin, G. (2015) Proto-Indo-European-Uralic comparison from the probabilistic point of view. *Journal of Indo-European Studies*. 43(3-4). pp. 301-392.
- Jones, E.R., Gonzalez-Fortes, G., Connell, S. et al. (2015) Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians. *Nature Communications*. 6. DOI: 10.1038/ncomms9912

29. Kristiansen, K. (2011) The Bronze Age expansion of the Indo-European languages. In: Glorstad, H. & Prescott, C. (eds) *Becoming European: The Transformation of Third Millennium Northern and Western Europe*. Oxford: Oxbow Books. pp. 165-181.
30. Andreeva, M.V. (1991) Maykopskie i kuro-arakskie sosudy v roli kul'turnykh znakov: opyt sravnitel'nogo analiza [Maikop and Kura-Araks vessels as cultural signs: A comparative analysis]. Trifonov, V.A. (ed.) *Maykopskiy fenomen v drevney istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy* [The Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe]. Leningrad: USSR AS. pp. 45-49.
31. Rezepkin, A.D. (2005) Eneoliticheskoe poselenie Meshoko [The Chalcolithic settlement of Meshoko]. In: Marchenko, I.I. (ed.) *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and research on archaeology of Kuban]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 73-93.
32. Nekhaev, A.A. (1992) The Pre-Maikop culture of the North Caucasus. *Arkheologicheskie vesti – Archeological News*. 1. pp. 76-96. (In Russian).
33. Stolyar, A.D. (2009) Otchet o rabotakh Severokavkazskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 1964 g. [The report on the work of the State Hermitage North Caucasian expedition in 1964]. In: Stolyar, A.D. & Formozov, A.A. *Meshoko – drevneyshaya krepost' Predkavkaz'ya* [Meshoko – the most ancient castle in Ciscaucasia]. St. Petersburg: The State Hermitage. pp. 136-167.
34. Govedaritsa, B. (2005–2009) Kamennye krestovidnye bulavy mednogo veka na territorii Yugo-vostochnoy i Vostochnoy Evropy [The Copper Age stone cruciform maces in South-Eastern and Eastern Europe]. *Stratum Plus*. 2. pp. 419-437.
35. Stolyar, A.D. (1964) Poselenie Meshoko i problema dvukh kul'tur kubanskogo eneolita [Meshoko and the two cultures of the Chalcolithic Kuban]. In: Stolyar, A.D. et al. *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam raboty Gosudarstvennogo Ermitazha za 1963 g.* [Abstracts of session devoted to the results of the State Hermitage activities for 1963]. Leningrad: The State Hermitage. pp. 31–32.
36. Renfrew, C. (1998) The Tarim Basin, Tocharian, and Indo-European origins: a view from the West. In: Mair, V.H. (ed.) *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington: Institute for the Study of Man. pp. 202-212.
37. Klein, L.S. (2016) *Reaktsiya na tomskiy povorot A.G. Kozintseva. Diskussiya* [Reaction to A.G. Kozintsev's Tomsk turn. Discussion]. [Online] Available from: http://genofond.rf/?page_id=7979. (Accessed: 21st May 2016).
38. Kozintsev, A.G. (2016) *O nachal'nom periode indoevropeyskoy istorii. Diskussiya* [On the initial stage of the Indo-European history. Discussion]. [Online] Available from: <https://kunstkamera.academia.edu/AlexanderKozintsev>. (Accessed: 21st May 2016).

УДК 94:902(571.1/.5)
DOI 10.17223/19988613/43/33

В.Г. Моисеев, К. де ла Фуенте

ПОПУЛЯЦИОННАЯ ИСТОРИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Данное исследование основано на сопоставлении и интеграции генетических и антропологических данных по близким к современности группам населения Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Центральной Азии с помощью многомерной статистики. Результаты анализа указывают на высокий уровень генетического и антропологического сходства манси, селькупов и самов, что больше согласуется с гипотезой единого происхождения большинства уралоязычных народов, чем с теорией их местного европеоидно-монголоидного происхождения. Также наши данные позволяют говорить о родстве тубаларов и некоторых предков юкагиров с западносибирскими угорскими и самодийскими группами. При этом тубалары демонстрируют достаточно высокий уровень генетического своеобразия, который видимо является следствием действия таких стохастических процессов, как генетический дрейф и / или эффект основателя в условиях малой численности популяции и её относительной репродуктивной изоляции. Наши данные также указывают отличное от эскимосов и чукчей происхождение алеутов.

Ключевые слова: генетика; краниоскопия; краниометрия; одонтология; популяционная история; уралоязычные народы; юкагиры; алеуты.

Одним из главных трендов последних десятилетий является все более широкое использование генетических данных для реконструкции популяционной истории древнего и современного населения. К настоящему времени в связи с появившимися новыми технологическими возможностями и удешевлением процесса секвенирования древней ДНК генетические исследования вышли на качественно новый уровень, который позволяет оперировать не единичными образцами, а анализировать целые массивы данных. Это особенно важно для таких сложных с точки зрения эволюционных процессов территорий, какой является Сибирь.

Заселение человеком Сибири с различных направлений и её исключительное ландшафтное разнообразие не могли не сказаться на особенностях популяционной структуры региона на разных этапах его истории. Так, имеющиеся данные указывают на популяционную неоднородность данной территории уже в эпоху среднего палеолита. Здесь фиксируется присутствие как населения, близкого европейским и переднеазиатским неандертальцам, так и генетически и морфологически своеобразных групп, которые стали известны благодаря исследованию останков в Денисовой пещере [1].

Очевидна роль Сибири в период заселения человеком Нового Света в эпоху верхнего палеолита. Результаты анализа останков из Мальты указывают на изначально сложный состав генофонда верхнепалеолитических охотников-собирателей – обнаружены компоненты, характерные для современных американских индейцев и для европейских верхнепалеолитических групп [2]. Следы этого древнего населения сохранялись на некоторых территориях Сибири как минимум до эпохи бронзы. Выдвинутая на основе анализа краниологических признаков гипотеза о связи носителей окуневской культуры с предками аборигенов Америки [3] недавно была подтверждена и генетическими данными [4. С. 168–169].

Подтверждена в последней работе и многокомпонентность населения Южной Сибири эпохи бронзы,

установленная ранее по морфологическим признакам. Помимо окуневцев и других аборигенных популяций, родственных предкам индейцев, здесь присутствовали мигранты из Европы, связанные с носителями ямной (афанасьевцы) и синташтинской (андроновцы) культур. Роль ямной культурно-исторической общности в сложении европейского населения эпохи бронзы была не менее значима [5. С. 210]. Миграции людей ямной культуры и их потомков на запад и восток авторы связывают с распространением индоевропейских языков.

Крайнюю степень внутригруппового генетического разнообразия демонстрируют носители карасукской культуры, в геноме которых присутствуют маркеры, характерные как для европейских, так и для азиатских популяций, что доказывает их смешанное происхождение [4. С. 169].

В отличие от степной и лесостепной зон Западной и Южной Сибири, лесная зона по-прежнему остается слабоизученной в антропологическом и генетическом отношении ввиду малочисленности и плохой сохранности древних костных останков. Для реконструкции протекавших тут в древности популяционных процессов приходится использовать в основном данные по современным группам. В свое время обсуждение результатов анализа данных по близкому к современности населению Западной Сибири и европейской части России привел к дискуссии о происхождении уралоязычных народов с участием широкого круга специалистов-антропологов. В результате были сформулированы две основные гипотезы происхождения уральцев. Согласно одной из них большинство уральцев сформировалось в результате длительного процесса метисации между различными по происхождению европеоидными и монголоидными группами [6]. Данная гипотеза предполагает, что языковое единство уральцев является результатом процессов имеющих исключительно культурную, а не генетическую основу. Вторая гипотеза была обоснована В.В. Бунаком [7]. Она предполагает

существование в прошлом единого уральского пранарода, некоторые черты которого сохранились до настоящего времени у большинства уральцев, несмотря на, несомненно, имевшие место более поздние метисационные процессы с участием различных по происхождению европейских и сибирских групп. В этом случае языковое своеобразие уралоязычных популяций является наследием этапа их древнего единства.

Обе вышеуказанные гипотезы были обоснованы преимущественно на соматологических и, отчасти на краниометрических данных. По мере введения в научный оборот данных других систем антропологических признаков оказалось, что позиция, которую занимали исследователи, в большой мере зависит от особенностей той системы признаков, с которой они работали. Так, одонтологические [8] и краниоскопические [9] данные в основном поддерживали гипотезу антропологического своеобразия уральцев, а дерматоглифические [10] метисационную концепцию. Данные краниометрии и соматологии, кажется, допускают возможность истолкования в пользу обеих гипотез.

Для получения обобщенной картины межпопуляционной дифференциации на территории Северной Евразии, а также для оценки вклада каждой отдельной системы морфологических признаков в то или иное направление изменчивости одним из авторов настоящей работы неоднократно предпринимались попытки интеграционного анализа различных систем антропологических признаков. В целом полученные результаты больше согласуются с гипотезой В.В. Бунака о наличии у уральцев единой антропологической основы [11. С. 159; 12. С. 191–198].

Цель исследования. Данная работа имеет разведочный характер. Ее цель состоит в оценке соответствия картины межгрупповой изменчивости близких к современности групп коренного населения Сибири и Дальнего Востока полученной при анализе антропологических признаков и генетических данных. Для этого были использованы данные по трём системам морфологических признаков, а именно краниометрии, краниоскопии и одонтологии по 16 близким к современности группам с территории Северной Евразии. Данные об использованных признаках приведены в табл. 1. Для генетического анализа использованы данные по 462447 точечным нуклеотидным полиморфизмам ядерной ДНК из базы данных Центра Геогенетики университета Копенгагена.

Следует отметить, что попытки прямого сопоставления морфологических систем признаков и генетических данных уже предпринимались различными исследователями. Однако в большинстве случаев параллельный межгрупповой анализ касался лишь небольшого количества показателей одной системы морфологических признаков [13]. На основе внутригруппового анализа получены убедительные данные о связи ряда измерительных признаков на лице, полученных с помо-

щью 3D сканирования добровольцев, с определенными участками генома [14–16].

Таблица 1
Данные об использованных морфологических признаках

Система признаков	Признак	Автор методики
Краниометрия	1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 55, 54, 77, zm, SS:SC, 75(1)	Мартин и др.
Краниоскопия	ЗИ, КВШ, ЗСШ, ПГУ II, ИПНШ, НО	А.Г. Козинцев
Одонтология	Shov(2+3)I ¹ , hyr(3,3+)M ² , cara(2-5)M ¹ , M ₁ 4, M ₁ 6, M ₂ 4, dtc, dw, tami, 2med (II) M ₁	А.А. Зубов

Методика анализа. Сначала данные по каждой из систем морфологических признаков анализировались отдельно. Для частотных признаков (краниоскопия, одонтология) использовался метод главных компонент, для метрических – канонический анализ с использованием усредненной матрицы межгрупповых корреляций.

Для обработки генетических данных был применен метод главных компонент. В отличие от анализа морфологических признаков, количество которых в целом невелико, генетические данные в силу большого числа используемых маркеров позволяют использовать в анализе, не частотные групповые характеристики, а индивидуальные данные [17]. Для приведения результатов анализа генетических и морфологических данных к единой форме значения главных компонент полученных при анализе генетических маркеров усреднялись с учетом с этнической принадлежности индивидуумов. Поскольку полученные в результате вышеуказанных процедур главные компоненты (ГК) и канонические вектора (КВ) в отличие от исходных признаков имеют уже одинаковую размерность, то появляется возможность для их дальнейшей интеграции с помощью средств многомерной статистики. В данной работе для этого мы использовали метод главных компонент.

Результаты и обсуждение. В целом результаты анализов свидетельствуют о высокой степени соответствия между морфологическими и генетическими данными. Так все первые вектора, полученные в результате анализа трёх морфологических систем признаков, а также генетических данных по 16 группам с территории Северной Евразии отражают принципиально одно и то же направление изменчивости, а именно дифференцируют европейские и азиатские группы. При этом величина корреляционных связей между всеми системами признаков в этом случае очень высока и варьируется в пределах 0,89–0,95 (табл. 2). Заметим, что при интеграции трех морфологических систем коэффициент корреляции между полученной первой интегральной (1 ИГК) и первой главной компонентой (1 ГК) (рис. 1), полученной при анализе генетических данных возрастает до 0,97.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между векторами, полученными при анализе генетических, краниометрических, краниоскопических и одонтологических признаков, а также интегрированных данных по трём морфологическим системам

	Генетика				
	1	2	3	4	5
Краниоскопия 1 ГК	0,89	-0,03	0,24	0,07	0,14
Краниоскопия 2 ГК	0,03	0,79	-0,40	-0,55	0,08
Краниометрия 1 КВ	-0,95	-0,03	-0,16	-0,01	-0,11
Краниометрия 2 КВ	-0,15	-0,61	0,62	0,26	0,36
Краниометрия 3 КВ	0,00	-0,22	-0,13	0,47	-0,55
Одонтология 1 ГК	0,95	0,13	-0,05	-0,08	0,12
Одонтология 2 ГК	0,02	-0,28	0,31	0,51	0,21
Одонтология 3 ГК	0,06	-0,10	0,43	-0,12	-0,03
1 ИГК*	0,97	-0,06	-0,08	-0,02	-0,10
2 ИГК*	0,02	-0,70	0,41	0,62	0,09
3 ИГК*	0,01	0,06	-0,56	0,22	-0,23

*Значения главных компонент, полученные при интеграции краниометрических, краниоскопических и одонтологических признаков. Жирным шрифтом выделены статистически значимые значения коэффициентов корреляции ($p < 0,05$).

Что касается других направлений изменчивости, представленными последующими векторами, то здесь уже проявляются различия между системами морфологических признаков, при этом достаточно высокий уровень соответствия с генетическими данными сохраняется. Например, 2 ГК и 2 КВ, полученные при анализе краниоскопических и краниометрических признаков, имеют статистически значимые корреляции с 2 ГК, полученной при анализе генетических данных. В тоже время вектора, полученные при анализе одонтологических признаков, кроме 1 ГК не демонстрируют высокого уровня соответствия с ГК полученными при анализе генетических данных (табл. 2). Данный результат наглядно демонстрирует предположение о недостаточном количестве эффективных морфологических маркеров в пределах отдельно взятой системы признаков для описания всей популяционной истории анализируемых групп и необходимости учета результатов анализа как можно большего количества систем антропологических признаков [11. С. 154–155].

Рассмотрим теперь интегральную картину межгрупповой изменчивости, основанной на результатах анализа, как генетических данных, так и данных по всем трем системам морфологических признаков (рис. 2). Очевидно, что по результатам анализа в пространстве первых двух интегральных векторов выделяются три достаточно хорошо выраженные скопления групп. Первое включает исключительно европейские серии, второе состоит из восточносибирских и центрально-азиатских серии. В дифференциации этих двух групп решающую роль играет первый интегральный вектор. Группы, вошедшие в третье скопление характеризуются промежуточными значениями 1 ИГК, что могло бы говорить об их смешанном европеоидно-монголоидном происхождении, однако их особое по-

ложение в пределах 2 ИГК не позволяет говорить о метисации европейских и азиатских групп как единственном значимом факторе в их популяционной истории. Показательно, что в данное скопление состоит преимущественно из уральскоязычных групп (манси, селькупы, саамы) с которыми оказываются сходными тубалары. Особенно важным здесь представляется наличие высокого уровня сходства между сибирскими (манси и селькупы) и европейскими (саамы) уральцами.

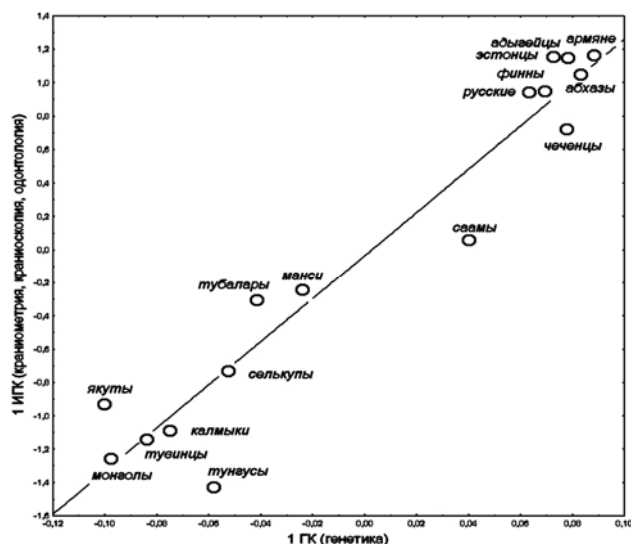

Рис. 1. Положение 16 групп с территории Евразии в пространстве первых векторов, полученных при анализе генетических (1 ГК) и морфологических (1 ИГК) признаков

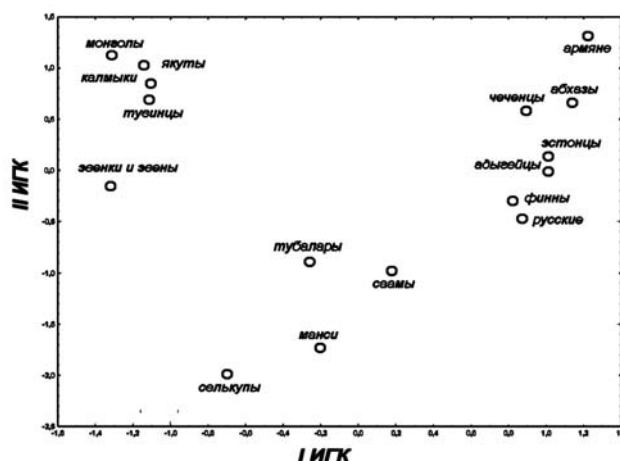

Рис. 2. Результаты интеграции генетических, краниометрических, краниоскопических и одонтологических данных для 16 групп с территории Северной Евразии

Заметим, что в целом саамы занимают промежуточное положение между угро-самодийцами и европейскими группами, что говорит в пользу их формирования на основе, по крайней мере, двух различных по происхождению групп популяций, одна из которых имеет общие корни с сибирскими уральцами, тогда как другая родственна по видимому древним восточно-европейским охотникам-собирателям. Две другие финноязычные группы, а именно финны и эстонцы не де-

монстрируют выраженной уральской тенденции. Видимо в их происхождении древний уральский если и есть, то удельный вес его слишком мал, чтобы его можно было зафиксировать на уровне суммарных серий, использованных нами для анализа.

Наличие уральской тенденции у тубаларов было неоднократно отмечено одним из авторов на основе анализа морфологических признаков [18. С. 109; 12. С. 196]. Заметим, что согласно анализу генетических данных сходство тубаларов с уральскими группами гораздо более выражено, чем в случае анализа только морфологических признаков. Возможно, здесь имеет место эффект разных выборок использованных для анализа. В этом случае наш результат указывает на неоднородность популяции. Супер-уральская тенденция тубалар по генетическим данным, также может быть следствием действия таких стохастических процессов как генетический дрейф и / или эффект основателя в условиях малой численности популяции и её относительной репродуктивной изоляции.

Таким образом, результаты нашего анализа в целом подтверждают существование единой уральской прапопуляции обладающей заметным генетикоморфологическим своеобразием. Здесь следует оговориться, что постулируемый В.В. Бунаком высокий уровень таксономического своеобразия древних уральцев [19. С. 296] пока не находит убедительного подтверждения нашими данными. Так при включении в анализ арктических групп, на второе по значимости место выходит вектор, отделяющий эскимосов, чукчей и алеутов от всех остальных групп. Вектор, демонстрирующий своеобразие уральцев становится лишь третьим по значимости. Если предположить, что уровень своеобразия той или иной большой группы примерно соответствует времени ее отделения от предковой популяции, то получается, что арктические монголоиды отделились от предковой азиатской популяции раньше, чем это имеет место у уральских групп. Впрочем, данный вопрос требует специального исследования, поскольку время не единственный фактор, влияющий на формирование морфологического и генетического своеобразия той или иной группы, очень важна также численность популяции, поскольку в малых группах стохастические процессы могут проходить гораздо быстрее, чем в крупных.

Несколько важных с точки зрения популяционной истории результатов было получено нами при анализе сибирских и дальневосточных групп. К сожалению, в силу отсутствия в нашем распоряжении одонтологических данных по ряду дальневосточных групп в морфологической части нашего анализа мы были вынуждены ограничиться анализом только краниометрических и краниоскопических показателей.

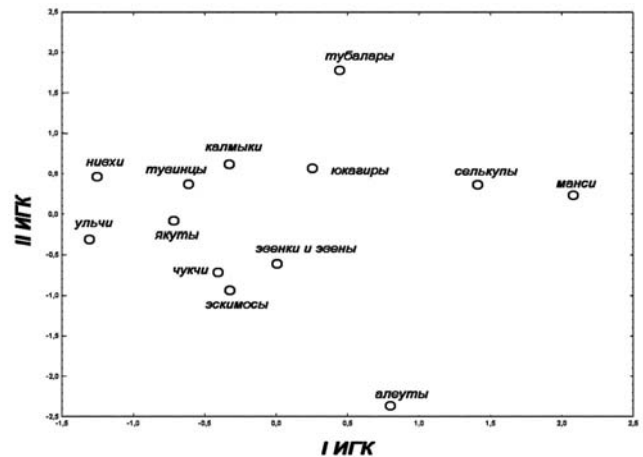

Рис. 3. Результаты интеграции генетических, краниометрических и краниоскопических данных для 13 групп с территории Сибири и Дальнего Востока

В этом случае на противоположных концах I ИГК находятся угро-самодийцы (положительные значения) и дальневосточные группы (отрицательные значения) (рис. 3). Умеренная уральская тенденция фиксируется у юкагиров, что подтверждает аналогичное наблюдение, сделанное ранее на основе анализа краниоскопических признаков [20], а также интеграционного анализа краниометрических и краниоскопических данных [21]. В данном случае генетические данные позволяют сделать одно важное уточнение, а именно наличие достаточно выраженного внутригруппового разнообразия использованной нами выборки юкагир, где наряду с индивидуумами сходными с чукчами, присутствуют индивидуумы, которые по своей генетической характеристике неотличимы от манси и селькупов. Большая же часть юкагиров характеризуются промежуточными значениями между чукчами и тунгусо-манчжурскими группами. Таким образом, можно констатировать, что результаты нашего исследования говорят о чрезвычайно сложной популяционной истории юкагиров, среди предков которых были, в том числе, группы родственные древним уральцам. Данное наблюдение является очевидной популяционной параллелью предположения о родстве юкагирского и древне-уральского праязыка [22].

Среди других результатов интегрального анализа генетических и антропологических данных следует отметить специфическое положение алеутов в пределах второго интегрального вектора (см. рис. 2). Очевидно, что алеуты демонстрируют высокий уровень морфологического и генетического своеобразия, что указывает на их отличное от чукчей и эскимосов происхождение. В дальнейшем предполагается проверить гипотезу об их родстве с американскими аборигенами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reich D., Green R.E., Kircher M. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 468. No. 7327. P. 1053–1060.
2. Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E. et al. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // *Nature*. 2014. Vol. 505. No. 7481. P. 87–91.
3. Kozintsev A. G., Gromov A. V., Moiseyev V. G. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // *American Journal of Physical Anthropology*. 1999. Vol. 108. No. 2. P. 193–204.
4. Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522, N. 7555. P. 167–172.
5. Haak W., Lazaridis I., Patterson et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 207–211.
6. Дебец Г.Ф. О путях заселения северной полосы русской равнины и восточной Прибалтики // *Советская этнография*. 1961. № 6. С. 52–69.
7. Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // *Советская этнография*. 1956. № 1. С. 86–104.
8. Зубов А.А., Сегада С.П. Новые данные к одонтологической характеристике финноязычных народов СССР // *Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас*. М.: Наука, 1986. С. 127–140.
9. Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 168 с.
10. Хитъ Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // *Вестник антропологии*. 1996. Вып. 2. С. 111–128.
11. Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2001. № 4. С. 154–159.
12. Моисеев В.Г. Опыт интеграции различных систем антропологических признаков // *Палеоантропология, этническая антропология, этногенез*. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. С. 186–200.
13. Hubbard A.R., Guatelli-Steinberg D., Irish J.D. Do Nuclear DNA and Dental Nonmetric Data Produce Similar Reconstructions of Regional Population History? An Example from Modern Coastal Kenya // *American Journal of Physical Anthropology*. 2015. Vol. 157. P. 295–304.
14. Boehringer S., van der Lijn F., Liu F., Günther M., Sinigerova S., Nowak S., et al. Genetic determination of human facial morphology: links between cleft-lips and normal variation // *European Journal of Human Genetics*. 2011. Vol. 19. P. 1192–1197. doi: 10.1038/ejhg.2011.110. pmid:21694738.
15. Paternoster L., Zhurov A.I., Toma A.M., Kemp J.P., St. Pourcain B., Timpson N.J., et al. Genome-wide association study of three-dimensional facial morphology identifies a variant in PAX3 associated with nasion position // *American Journal of Human Genetics*. 2012. Vol. 90. P. 478–485. doi: 10.1016/j.ajhg.2011.12.021. pmid:22341974.
16. Shaffer J.R., Orlova E., Lee M.K., Leslie E.J., Raffensperger Z.D., Heike C.L., et al. Genome-Wide Association Study Reveals Multiple Loci Influencing Normal Human Facial Morphology // *PLoS Genetics*. 2016. Vol. 12. N. 8: e1006149. doi:10.1371/journal.pgen.1006149.
17. Patterson N., Price A.L., Reich D. Population Structure and Eigenanalysis // *PLoS (Public Library of Science) Genetics*. 2006. Vol. 12. N. 12. P. 2074–2093.
18. Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 127 с.
19. Бунак В.В. Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
20. Kozintsev A.G. Ethnic epigenetics: A new approach // *Homo*. 1992. Vol. 43, No. 3. P. 213–244.
21. Moiseyev V. Origins of Uralic-speaking populations: craniological evidence // *Homo*. 2002. Vol. 52. No. 3. P. 240–253.
22. Sauvageot A. La position de youkaghir // *Ural-altaische Jahrbücher*. 1969. Vol. 41. P. 344–359.

Moiseyev Vyacheslav G. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (S-Petersburg, Russia). E-mail: vmoiseyev@mail.ru; Fuente Constanza de la. Center of Geogenetics of Copenhagen University (Copenhagen, Denmark). E-mail: c.delafuente@snn.ku.dk

POPULATION HISTORY OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA: INTEGRATING OF ANTHROPOLOGICAL AND GENETIC DATA.

Keywords: genetics; cranial nonmetric; cranial metric; dentistry; population history; Uralian-speaking groups; Yukaghirs; Aleuts.

The paper is focused on population history of indigenous groups of Siberia and Russian Far East. By means of multivariate statistics we compared and integrated genetic (single-nucleotide polymorphism) and morphologic cranial metric (14 traits), cranial nonmetric (6 traits) and dental (10 traits) data on different Northern Eurasian modern groups. Analysis consisted of two stages. On the first stage we analyzed different systems of traits separately using principal component analysis for nonmetric traits and canonical variate analysis for metrical characteristics. After that, the results of nonmetric and metric analyses were combined by regarding PCs and two CVs as new traits and subjecting them to new PC analysis. The resulting integral principal components minimize the statistical errors inherent in the analysis of single systems. Basically we found high level of correspondence between morphologic and genetic data. For the first vectors which divide European and Asian groups correlation coefficients between genetic and morphologic data are between 0.89–0.95 ($p < 0.05$) and even higher when integrated morphologic data was used ($r = 0.97$). Second vectors which reveals specificity of several Uralian-speaking groups are also correlated ($r = 0.79$ for genetics and cranial metric, $r = 0.61$ for genetics and cranial metric). The results of analyses reveal close biological affinities of such Siberian and European Uralic-speaking groups as Mansi, Selkups and Sami. This finding favor more to the V.Bunak hypothesis of single origin of Uralic-speaking peoples suggesting that they have descended from an ancestral proto-Uralian population then to hybridization hypothesis of G.Debets who proposed that Uralians resulted of prolonged and extensive hybridization between various European and Asian populations. Our results also confirm that part of the ancestors of Tubalars as well as the Yukaghirs also belonged to the proto-Uralic community. We can suggest that modern Yukaghirs resulted from admixture of their Uralian ancestors with some groups of Tungus-Manchurians and Chukchi. Aleuts display high level of genetic and morphologic specificity differentiating them from other Arctic groups of Chukchi and Eskimos suggesting their different origin.

REFERENCES

1. Reich, D., Green, R.E., Kircher, M. et al. (2010) Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia. *Nature*. 468 (7327). pp. 1053–1060. DOI: 10.1101/pdb.prot5448 (2010)
2. Raghavan, M., Skoglund, P., Graf, K.E. et al. (2014) Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans. *Nature*. 505(7481). pp. 87–91. DOI: 10.1038/nature12736
3. Kozintsev, A.G., Gromov, A.V. & Moiseyev, V.G. (1999) Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? *American Journal of Physical Anthropology*. 108(2). pp. 193–204. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199902)108:2<193::AID-AJPA5>3.0.CO;2-V
4. Allentoft, M.E., Sikora, M., Sjögren, K.-G. et al. (2015) Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*. 522 (7555). pp. 167–172. DOI: 10.1038/nature14507

5. Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. 522. pp. 207-211. DOI: 10.1038/nature14317.
6. Debets, G.F. (1961) O putyakh zaseleniya severnoy polosy russkoy ravniny i vostochnoy Pribaltiki [On the settlement in the northern strip of the Russian Plain and the eastern Baltic]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 52-69.
7. Bunak, V.V. (1956) Chelovecheskie rasy i puti ikh obrazovaniya [The human race, and the ways of their formation]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 86-104.
8. Zubov, A.A. & Segeda, S.P. (1986) Novye dannye k odontologicheskoy kharakteristike finnoyazychnykh narodov SSSR [New data for odontological characteristic of Finnish-speaking peoples of the USSR]. In: Debets, G.F. & Roginskiy, Ya.Ya. (eds) *Problemy evolyutsionnoy morfologii cheloveka i ego ras* [Problems of human evolutionary morphology and its races]. Moscow: Nauka. pp. 127-140.
9. Kozintsev, A.G. (1988) *Etnicheskaya kranioskopiya: Rasovaya izmenchivost' shvov cherepa sovremennogo cheloveka* [Ethnic craniology: Racial variability of modern man's skull suture]. Leningrad: Nauka.
10. Khit, G.L., Dolinova, N.A., Kozlov, A.I. & Vershubskaya, G.G. (1996) Ugry Obi i ural'skaya rasa: dermatoglificheskiy aspekt [Ugra Ob and the Ural race: The Dermatoglyphic aspect]. *Vestnik antropologii*. 2. pp. 111-128.
11. Moiseyev, V.G. (2001) Severnaya Evraziya: yazykovaya differentsiatsiya i dannye fizicheskoy antropologii [Northern Eurasia: linguistic differentiation and data of physical anthropology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii - Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 154-159.
12. Moiseev, V.G. (2004) Opyt integratsii razlichnykh sistem antropologicheskikh priznakov [Integrating different systems of anthropological signs]. In: Kozintsev, A.G. & Gokhman, I.I. (eds) *Paleoantropologiya, etnicheskaya antropologiya, etnogenez* [Paleoanthropology, ethnic anthropology, ethno-genesis]. St. Petersburg: RAS. pp. 186-200.
13. Hubbard, A.R., Guatelli-Steinberg, D. & Irish, J.D. (2015) Do Nuclear DNA and Dental Nonmetric Data Produce Similar Reconstructions of Regional Population History? An Example from Modern Coastal Kenya. *American Journal of Physical Anthropology*. 157. pp. 295-304. DOI: 10.1002/ajpa.22714
14. Boehringer, S., van der Lijn, F., Liu, F., Günther, M., Sinigerova, S., Nowak, S., et al. (2011) Genetic determination of human facial morphology: links between cleft-lips and normal variation. *European Journal of Human Genetics*. 19. pp. 1192-1197. DOI: 10.1038/ejhg.2011.110. pmid:21694738.
15. Paternoster, L., Zhurov, A.I., Toma, A.M., Kemp, J.P., St. Pourcain, B., Timpson, N.J., et al. (2012) Genome-wide association study of three-dimensional facial morphology identifies a variant in PAX3 associated with nasion position. *American Journal of Human Genetics*. 90. pp. 478-485. DOI: 10.1016/j.ajhg.2011.12.021. pmid:22341974.
16. Shaffer, J.R., Orlova, E., Lee, M.K., Leslie, E.J., Raffensperger, Z.D., Heike, C.L., et al. (2016) Genome-Wide Association Study Reveals Multiple Loci Influencing Normal Human Facial Morphology. *PLoS Genetics*. 12(8): e1006149). DOI:10.1371/journal.pgen.1006149
17. Patterson, N., Price, A.L. & Reich, D. (2006) Population Structure and Eigenanalysis. *PLoS Genetics*. 12(12). pp. 2074-2093. DOI: 10.1371/journal.pgen
18. Moiseyev, V.G. (1999) *Proiskhozhdenie uraloyazychnykh narodov po dannym kranilogii* [The origin of Uralic-speaking peoples according craniology]. St. Petersburg: Nauka.
19. Bunak, V.V. (1980) *Rod Homo, ego vozniknovenie i posleduyushchaya evolyutsiya* [Homo, its origin and subsequent evolution]. Moscow: Nauka.
20. Kozintsev, A.G. (1992) Ethnic epigenetics: A new approach. *Homo*. 43(3). pp. 213-244.
21. Moiseyev, V. (2002) Origins of Uralic-speaking populations: craniological evidence). *Homo*. 52(3). pp. 240-253.
22. Sauvageot, A. (1969) La position de youkaghir [Position of Yukagirs]. *Ural-altaische Jahrbücher*. 41. pp. 344-359.

УДК 551.583.7(571.1)+572.02
DOI 10.17223/19988613/43/34

М.П. Рыкун, Г.Г. Кравченко

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ)

Рассматриваются антропологические показатели населения каменной культуры в зависимости от палеоклиматической обстановки. В качестве основного климатического фактора взят показатель увлажнения и теплообеспеченности территории от Павлодарского Прииртышья до Верхнего Приобья, который определяет границы лесостепи. Этот показатель реконструируется для раннего и позднего периодов существования каменной культуры. Выявлена изменчивость продольных остеометрических признаков, которые проявляют связь с климатическими показателями в пределах ареала каменной культуры разных хронологических этапов.

Ключевые слова: каменная культура; палеоантропология; гидротермические показатели; палеореконструкции.

Население каменной культуры относится к древним скотоводам лесостепного Алтая раннего железного века IV в. до н.э. – I в. н.э. Расцвет каменной культуры приходится на период с V–III вв. до н.э., угасание и исчезновение произошли в I в. н.э. [1]. Эта культура в рассматриваемое время была одной из самых значительных в Южной Сибири. Она занимала территорию от Павлодарского Прииртышья до Барнаульского Приобья, доходя на севере до территории г. Новосибирска (рис. 1). Эта культура как бы соединяла синхронные культуры Южного Урала, Казахстана, Саяно-Алтая и подтаёжной зоны.

С точки зрения современного состояния физико-географических зон, ареал обитания каменского населения находился в двух зонах: степь (в том числе сухая и засушливая) и лесостепь (в том числе южная и средняя), границы которых менялись на протяжении всего рассматриваемого периода. Своеобразие рассматриваемой территории состоит также в том, что субширотное простираание границ вышеназванных зон здесь нарушается, это является следствием горного обрамления территории с востока и юга. В настоящее время на западе рассматриваемого ареала (Кулундинский район Алтайского края) климат считается резко континентальным, а в 300 км восточнее (Тальменский район Алтайского края) – близок континентальному. При этом на западе среднегодовая сумма осадков почти в два раза меньше чем на востоке, а среднегодовая температура не менее чем на один градус на востоке меньше, чем на западе [2. С. 34–45].

Такие характеристики рассматриваемого региона с учётом возможных изменений климата обуславливали не только тип хозяйственной деятельности носителей каменной культуры, но также характер и направление миграций с соседних территорий. В свою очередь, это определило демографическую структуру популяции (Матвеева) и отразилось на расогенезе носителей каменной культуры, в антропологической структуре которых присутствуют несколько компонентов [3. С. 153].

Целью данной работы является рассмотрение пространственно-временных особенностей продольных размеров, характеризующих телосложение населения каменной культуры в связи с климатическими изменениями.

В настоящее время применяются несколько методов определения различных параметров палеоклимата: анализ изотопов кислорода в многолетних ледниковых и донных отложениях, составление и изучение дендро-хронологических колонок, изучение следов динамики ледников, изучение спорово-пыльцевых спектров, комплексный анализ донных отложений бессточных озёр, изучение структуры и состава гуминовых кислот почв. Совместная интерпретация данных этих методов разработана ещё недостаточно не только потому, что они рассматривают разные параметры и климатические сигналы, обладают разным временным разрешением, различной глубиной реконструируемого временного ряда, разной точностью датировок, но и по причине сбора для них первичных материалов в географически различных местах.

По данным Г.Г. Русанова, в начале рассматриваемого нами периода существования каменной культуры в Северном Алтае произошли очередное довольно сильное похолодание и увлажнение климата. Среднегодовые температуры были ниже современных на 2–2,5 градуса, а количество годовых осадков больше на 75–100 мм. В это время расходы рек увеличились в 2–3 раза по сравнению с современными значениями, а в долинах образовывались многочисленные пойменно-старичные озёра. Эта стадия сменилась потеплением и иссушением климата [4. С. 125, 129]. Такая же картина для рассматриваемого времени получена по результатам анализа спорово-пыльцевых спектров разрезов торфяников Суминского займища, находящегося несколько севернее рассматриваемой территории. По этим данным $2\,370 \pm 70$ лет назад фиксируется похолодание, во время которого среднеиюльские температуры были ниже современных на 1–2 градуса, а среднегодовая сумма осадков была выше современной почти на

100 мм. Экстремум этого похолодания был примерно 2 500 лет назад [5. С. 43–149].

При этом стоит иметь в виду, что выводы об изменении ландшафтно-климатической ситуации в голоцене, сделанные по южным торфяникам, могут требовать серьезной ревизии [6. С. 171–176]. В связи с этим стоит отметить, что по палинологическим данным для центра Западной Сибири также реконструируется похолодание 2 500 лет назад [7. С. 58–63]. По данным дендроклиматологии, на Таймыре период 366–265 гг. до н.э. был аномально холодным [8. С. 17–25], а на Ямале период с VII и по I в. до н.э. характеризуется максимальным количеством экстремально холодных летних периодов [9. С. 210–214].

Важнейшими факторами климата, с точки зрения ведения хозяйственной деятельности, во многих случаях являются обеспеченность территории теплом и влагой в летний период, а также продолжительность безморозного периода, высота снежного покрова, вероятность оттепелей, приводящих к образованию наста и затруднению добывания корма для животных, наличие летних засух, характер перемещения воздушных масс и др. Совместное использование всех возможных пока-

зателей климата является трудоёмким – даже совместный анализ карт изотерм и суммарной высоты осадков оказывается малоудобным. Поэтому для оценки территорий по климатическим условиям используют различные интегральные показатели. Наиболее значимыми из них являются характеристики увлажнения почвы и влажность воздуха, определяемые, в первую очередь, соотношением атмосферных осадков и температуры воздуха. Воспользуемся в данном случае показателем увлажнения и теплообеспеченности [10. С. 38–42]. При вычислении этого показателя в период VI–IV вв. до н.э. на рассматриваемой территории будем считать средне-летнюю температуру на 1,2 градуса ниже современной, а сумму годовых осадков больше на 15% от современных значений (холодно-влажная фаза). Эти показатели к I в. до н.э. считаются такими же, как и в настоящее время (тёпло-сухая фаза). Результаты расчётов в виде соответствующих таким значениям температур и влажности границ зоны оптимального увлажнения и теплообеспеченности показаны на рис. 1. Отметим, что ситуация сложившаяся в раннем периоде очень благоприятствовала развитию придомового и отгонного скотоводства.

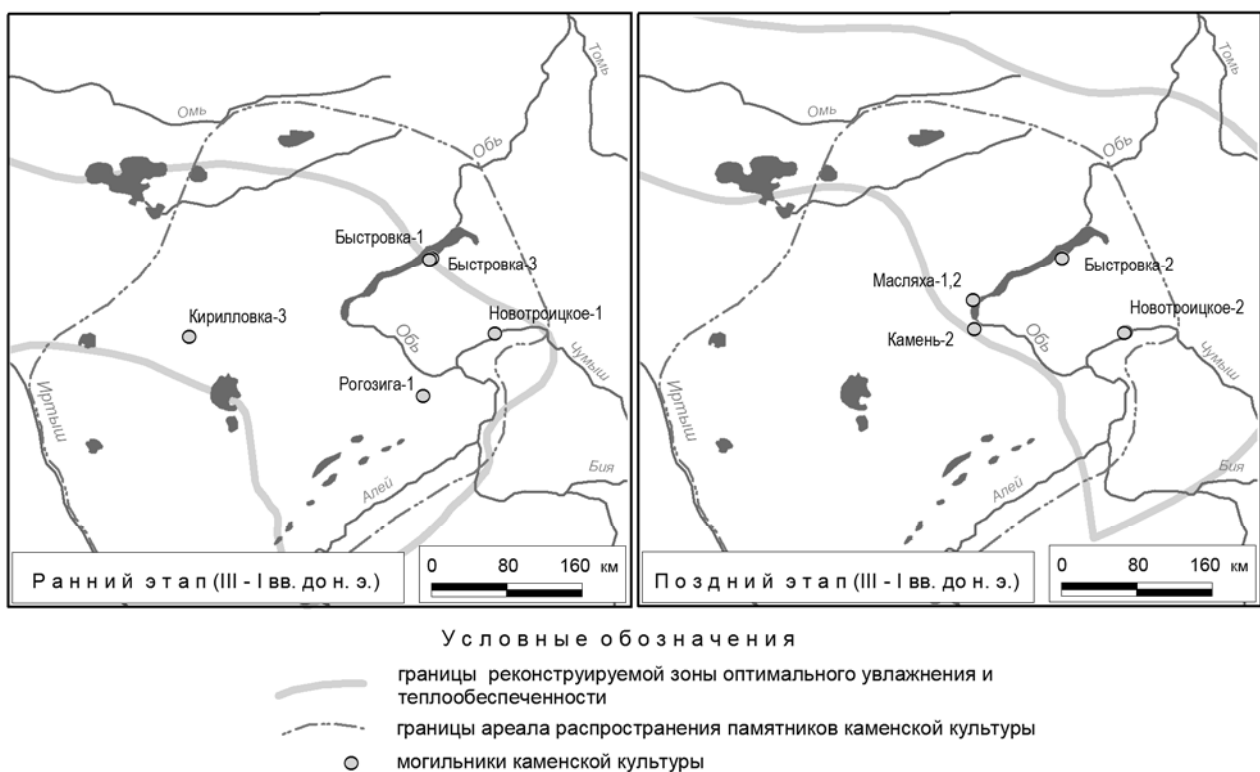

Рис. 1. Могильники каменной культуры и зоны оптимального увлажнения и теплообеспеченности для раннего и позднего периодов

Для решения поставленной задачи могильники каменной культуры, согласно имеющимся данным по посткраниальным скелетам, были разделены на относящиеся к раннему (VI–IV вв. до н.э.) и позднему (III–II вв. до н.э.) периодам, что соответствует холодно-влажной и тёпло-сухой фазам климатических условий.

Анализ морфологической структуры каменского населения показал, что оно включает в себя два морфотипа: высокорослый, с относительно длинными нижними конечностями и низким весоростовым индексом; второй – низкорослый, с относительно более короткими нижними конечностями и более высоким ве-

со-ростовым индексом. Изучение морфологической изменчивости посткраниального скелета древних скотоводов лесостепного Алтая (от эпохи бронзы до раннего железного века) показало, что существуют хронологические и этнокультурные различия данных групп по признакам, связанным с адаптацией к определенной ландшафтной зоне и климатическим показателям этой территории, особенно к температуре окружающей среды [11. С. 43–46].

Известно, что морфологическая изменчивость посткраниального скелета детерминирована генетическими (в большей степени) и средовыми факторами. Ранее были установлены морфологическая вариабельность некоторых показателей телосложения (длина ноги, пропорции проксимальных сегментов конечностей, весо-ростовой индекс,

ширина и форма проксимальной части диафиза бедренной кости) и различия между выборками более ранних скотоводов Алтая и синхронных групп (староалейской, каменной, пазырыкской) скифского времени, а также что население каменной культуры лесостепных районов правобережья Оби относится к «степному» морфотипу [12. С. 410–413; 13. С. 158–159].

Так как продольные размеры длинных костей, вероятно, связаны с климатическими условиями, в которых проживала данная группа населения, то предпринята попытка проследить «экочувствительность» и изменчивость продольных параметров посткраниальных скелетов (таблица) в хронологическом и территориальном аспектах по скелетным выборкам из могильников каменной культуры.

Средние размеры и индексы длинных костей (правые) посткраниального скелета мужских серий каменной культуры Верхнего Приобья

Могильник	F 1	T 1	H 1	R 1	R1+H1/T1+F2	T1:F1	R1:H1	H1:F1	Рост
Ранний этап (VI–IV вв. до н.э.) N = 132									
Рогозиха-1 N = 7	446,4 (5)	362,0 (3)	330,8 (4)	250,0 (2)	71,9 (2)	82,6 (3)	76,1 (2)	74,8 (4)	165,4 (3)
Кирилловка-3 N = 24	437,1 (15)	359,2 (14)	326,8 (12)	244,0 (6)	72,5 (5)	82,8 (12)	75,4 (5)	75,4 (10)	164,3 (12)
Новотроицкое-1 N = 52	445,7 (26)	363,6 (29)	326,3 (28)	249,9 (22)	71,5 (12)	81,6 (19)	76,3 (19)	73,5 (18)	165,6 (21)
Быстровка-1 N = 11	436,8 (6)	339,7 (6)	322,0 (5)	244,7 (3)	74,5 (1)	78,2 (6)	75,1 (2)	74,6 (3)	161,5 (6)
Быстровка-3 N = 40	442,6 (29)	360,7 (24)	322,0 (21)	244,7 (17)	71,6 (9)	81,3 (21)	76,1 (14)	74,1 (16)	165,6 (21)
Поздний этап (III–II вв. до н.э.) N = 138									
Камень-2 N = 27	425,0 (17)	355,0 (17)	311,0 (19)	239,0 (14)	70,9 (10)	84,3 (15)	76,8 (13)	73,9 (14)	162,4 (15)
Масляха-1,2 N = 34	440,1 (20)	353,1 (24)	315,8 (24)	244,1 (16)	71,2 (9)	81,2 (18)	76,3 (14)	73,5 (18)	164,1 (17)
Новотроицкое-2 N = 31	442,3 (18)	356,5 (22)	322,2 (19)	245,4 (21)	72,0 (12)	81,7 (17)	76,9 (16)	73,6 (14)	165,3 (17)
Быстровка-2 N = 46	444,4 (27)	357,4 (24)	323,3 (25)	242,6 (18)	71,2 (9)	81,4 (20)	75,7 (14)	73,4 (18)	164,9 (20)

Примечание. F1 – наибольшая длина бедренной кости; T1 – полная длина большой берцовой кости; H1 – наибольшая длина плечевой кости; R – наибольшая длина лучевой кости; R1+H1/T1+F2 – интермембральный указатель; T1:F1 – берцово-бедренный указатель; R1:H1 – луче-плечевой указатель; H1:F1 – плече-бедренный указатель; N – количество исследованных костяков, в скобках – количество наблюдений по данному признаку.

Как показано на рис. 1, в IV–III вв. до н.э. в период влажного и прохладного климата граница характерной для лесостепи зоны существенно смещалась в юго-западном направлении от современного положения (см. рис. 1). В лесостепной зоне Алтая в это время преобладало отгонное скотоводство, благоприятные условия для которого существовали, в том числе, и у населения, оставившего могильники Кирилловка-3, Рогозиха-1 и Новотроицкое-1. Демографические исследования показывают, что именно этот период был наиболее благополучным периодом существования данной популяции [14. С. 150–153]. Однако, начиная с III в. до н.э., происходят иссушение данной территории и смещение благоприятных климатических параметров в северо-восточном направлении, и территория, занимаемая населением из Рогозихи-1 и Кирилловки-3, оказывается в неблагоприятных условиях. При этом население из Новотроицкого-1, 2, как и из

Каменя-2, Масляхи-1, 2, Быстровки-2, по-прежнему остается в обстановке, благоприятной для ведения своего хозяйства. Население, оставившее могильники Новотроицкое-1, 2, весь период существования каменной культуры находилось в более прохладных и влажных условиях и по морфологическим показателям характеризуется большей стабильностью. Именно эта группа каменского населения все рассматриваемое время находилась в лесостепной зоне, включая северную лесостепь. Что касается Быстровки-1, то данная группа в количественном отношении представлена не полностью. Однако даже по имеющимся данным это население, видимо, можно отнести ко второму низкорослому морфотипу с относительно более короткими нижними конечностями и более высоким весоростовым индексом.

Таким образом, можно говорить о хронологических различиях по признакам, которые в пределах ареала

каменской культуры проявляют связь с климатическими показателями. Значительная часть каменского населения на протяжении долгого времени находилась в зоне с оптимальным увлажнением и теплообеспеченностью и благоприятной для ведения придомового и отгонного скотоводства. Не все группы каменского населения смогли адаптироваться к изменениям климатических условий, так как придомовое и отгонное скотоводство в степной (засушливой) зоне не столь продуктивно (например, Кирилловка-3, Рогозиха-1). Что касается влияния климатических условий на дальнейшую судьбу каменского населения, то, скорее всего, здесь могли сыграть роль кратковременные факторы, наложившиеся на рассмотренные выше длиннопериодные изменения параметров климата. Такими факторами могли быть катастрофические засухи, образование наста, большая высота снежного покрова, аномально низкие температуры и др. Нельзя исключить и влияния ряда социальных факторов, связанных в том числе с увеличением численности населения, а также военных конфликтов.

Следует также заметить, что, несмотря на то что в работе используются достаточно представительные скелетные выборки, сами данные представляют типичный пример матрицы с пропусками значений. Механизм порождения этих пропусков разный. Первый – утрата или повреждение палеоантропологических материалов, второй – неполная изученность территории полевыми методами. В первом случае можно использовать методы восстановления пропущенных данных, учитывающие закономерности исследуемых рядов [15. С. 3–27]. Во втором случае желательно хотя бы дополнять исследования картами изученности территории [16. С. 284–295].

Ранее на примере древних скотоводов Южной Сибири у населения Минусинской котловины также была установлена связь морфологических вариантов населения с изменениями климата, в том числе и для тагарской культуры – синхронной рассматриваемой каменской. Эти связи могут быть как непосредственными – в виде адаптивной реакции, так и косвенно через систему питания и диету [17. С. 117–118].

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 196 с.
2. Ревякин В.С., Ревякина Н.В., Малиновский А.В. География Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. 136 с.
3. Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 284 с.
4. Русанов Г.Г. Озера и палеогеография Северного Алтая в позднем неоплейстоцене и голоцене. Бийск: БПГУ, 2007. 164 с.
5. Климанов И.А., Левина Т.П., Орлова Л.А., Панычев В.А. Изменение климата на территории Барабинской равнины в субатлантическом периоде голоцена по данным изучения торфяника Суминского займища // Региональная геохронология Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987. С. 143–149.
6. Рябогина Н.Е. Споры-пыльцевые данные торфов и почв как объекты для реконструкции лесостепной растительности в голоцене // Динамика экосистем в голоцене: материалы Второй Рос. науч. конф. / отв. ред. Н.Г. Смирнов. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. С. 171–176.
7. Климанов В.А. Особенности изменения климата Северной Евразии в позднеледниковье и голоцене // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол., 1994. Т. 69, вып. 1. С. 58–63.
8. Наурзбаев М.М., Сидорова О.В., Ваганов Е.А. История климата позднего голоцена на востоке Таймыра по данным сверхдлинной древесно-кольцевой хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3 (7). С. 17–25.
9. Хантемиров Р.М., Сурков А.Ю. Изменения температуры лета на Ямале по данным древесных колец // Динамика экосистем в голоцене: материалы Второй Рос. науч. конф. / отв. ред. Н.Г. Смирнов. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. С. 210–214.
10. Кравченко Г.Г., Рыкун М.П., Фукс А.Л. Реконструкция палеоклиматических условий в эпоху раннего железного века Верхнего Приобья (на территории распространения каменской культуры) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 38–42.
11. Тур С.С., Рыкун М.П. Сравнительный анализ посткраниального скелета скотоводов лесостепного Алтая эпохи бронзы и скифского времени // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф., г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 43–46.
12. Тур С.С., Рыкун М.П. Морфология посткраниального скелета древних скотоводов лесостепного Алтая: хронологическая и этнокультурная изменчивость // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 410–413.
13. Тур С.С., Рыкун М.П. Морфология посткраниального скелета скотоводов Алтая скифского времени: генетические и средовые факторы изменчивости // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. матер. Москва; Екатеринбург, 2015. С. 158–159.
14. Матвеева Н.П. Некоторые палеодемографические характеристики каменской культуры лесостепного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 149–161.
15. Загоруйко Н.Г., Елкина В.Н., Тимеркаев В.С. Алгоритм заполнения пропусков в эмпирических таблицах (алгоритм Zet) // Эмпирическое предсказание и распознавание образов. Новосибирск, 1975. Вып. 61: Вычислительные системы. С. 3–27.
16. Кравченко Г.Г. Геоинформационные технологии в геологоразведочной отрасли // Геоинформатика: Теория и практика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Вып. 1. 415 с.
17. Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995. 216 с.

Rykun Marina P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: m_rykun@mail.ru; Kravchenko Gennady G. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ggk_07@mail.ru

NEW APPROACHES IN THE STUDY OF MORPHOLOGICAL VARIABILITY OF THE ANCIENT CATTLEMEN OF ALTAY (ON THE EXAMPLE OF THE KAMENSKAYA CULTURE OF THE SCYTHIAN PERIOD).

Keywords: kamenskaya culture; paleoanthropology; hydrothermal indicators; paleoreconstructions.

The anthropological indicators of the population of kamenskaya culture, depending on paleoclimatic conditions, are considered. The humidity and heat supply index for the territory from Pavlodar Priirtyshye to the Upper Ob basin is taken as a main climatic factor. This indicator defines forest-steppe borders and is calculated as a ratio between precipitation amount during May–September and the sum of temperatures during the same period. The calculation of this index is performed based on the contemporary weather data and the tem-

peratures and annual precipitation for the reviewed periods reconstructed with natural scientific methods. The two periods of kamenskaya culture are analyzed: the early (VI–IV centuries BC) and the late (III–I centuries BC) ones. Cold-wet and dry-warm climate phases corresponded to these periods. For the purpose of analysis the available data on postcranial skeletons was also divided into pertaining to the early and late periods. Early the most of the distribution area of kamenskaya culture was in conditions conducive for the adjoining and distant-pasture cattle breeding. During this period, the kamenskaya population had the most good demographics. Since III century BC the draining of this territory and the displacement of conducive climatic parameters in a northeasterly direction takes place, and the area occupied by population of Rogozikha-1 and Kirilovka-3 turns out to be in adverse conditions. At the same time the population of Novotroitskiy-1,2, as well as of Kamen-2, Maslyakha-1,2 and Bystrovka-2 remains in an environment conducive for the conduct of its economy. The population that left Novotroitskoe-1,2 burial grounds was in cooler and wetter conditions for the entire period of kamenskaya culture and is characterized by a greater stability of morphological indicators. It is this group of the kamenskaya population that all the considered time was in the forest-steppe zone, including the northern forest-steppe. The study of spatial and temporal specifics of the longitudinal dimensions characterizing osteometric constitution of the kamenskaya population showed that the variability of indicators in longitudinal dimension complex demonstrates the relationship with climatic changes.

REFERENCES

1. Mogilnikov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine-vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e.* [The population of the Upper Ob in the mid and late of the 1st millennium BC]. Moscow: RAS.
2. Revyakin, V.S., Revyakina, N.V. & Malinovskiy, A.V. (1995) *Geografiya Altayskogo kraya* [Geography of the Altai]. Barnaul: Altai Book Publ.
3. Rykun, M.P. (2013) *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza (po materialam kamenskoy kul'tury)* [Paleoanthropology of the Upper Ob in the early Iron Age (based on the Kamenka culture)]. Barnaul: Altai State University.
4. Rusanov, G.G. (2007) *Ozera i paleogeografiya Severnogo Altaya v pozdnem neopleystotsene i golotsene* [Lakes and paleogeography of Northern Altai in the Late Pleistocene and Holocene]. Biysk: Biysk Pedagogical State University.
5. Klimanov, I.A., Levina, T.P., Orlova, L.A. & Panychev, V.A. (1987) *Izmenenie klimata na territorii Barabinskoy ravniny v subatlanticheskom periode golotsena po dannym izucheniya torfyanika Suminskogo zaymishcha* [Climate change in the Baraba plains in the subatlantic Holocene according to the study of Suminsk floodplain peat]. In: Nikolaeva, I.V. (ed.) *Regional'naya geokhronologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Regional geochronology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka. pp. 143-149.
6. Ryabogina, N.E. (2010) *Sporovo-pyl'tsevye dannye torfov i pochv – kak ob'ekty dlya rekonstruktsii lesostepnoy rastitel'nosti v golotsene* [The spore and pollen data of peats and soils as objects for the reconstruction of the forest-steppe vegetation during the Holocene]. In: Smirnov, N.G. (ed.) *Dinamika ekosistem v golotsene* [Ecosystem dynamics in the Holocene]. Ekaterinburg; Chelyabinsk: Rifev. pp. 171-176.
7. Klimanov, V.A. (1994) *Osobennosti izmeneniya klimata Severnoy Evrazii v pozdnelednikov'e i golotsene* [Climate change in Northern Eurasia in the Late Glacial and Holocene]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody – Bulletin of Moscow Society of Naturalists*. 69(1). pp. 58-63.
8. Naurzbaev, M.M., Sidorova, O.V. & Vaganov, E.A. (2001) *Istoriya klimata pozdnego golotsena na vostokey Taymyra po dannym sverkhdlinnoy drevesno-kol'tsevoy khronologii* [History of the Late Holocene climate in the east of Taimyr according to the super-long tree-ring chronology]. *Arkhheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3(7). pp. 17-25.
9. Khamtemirov, R.M. & Surkov, A.Yu. (2010) *Izmeneniya temperatury leta na Yamale po dannym drevesnykh kolets* [Changes in summer temperatures in Yamal according to tree rings]. In: Smirnov, N.G. (ed.) *Dinamika ekosistem v golotsene* [Ecosystem dynamics in the Holocene]. Ekaterinburg; Chelyabinsk: Rifev. pp. 210-214.
10. Kravchenko, G.G., Rykun, M.P. & Fuks, A.L. (2013) *Reconstruction of paleoclimatic conditions in the early Iron Age for the Upper Ob basin (on the territory of Kamenka culture)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 38-42. (In Russian).
11. Tur, S.S. & Rykun, M.P. (2015) *[A comparative analysis of the postcranial skeleton of the Altai forest-steppe cattle farmer of the Bronze Age and Scythian periods]*. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Man and the North: Anthropology, archeology, ecology]. Proc. of the All-Russian Conference. Tyumen. April 6–10, 2015. Tyumen. pp. 43-46. (In Russian).
12. Tur, S.S. & Rykun, M.P. (2014) *Morfologiya postkranial'nogo skeleta drevnikh skotovodov lesostepnogo Altaya: khronologicheskaya i etnokul'turnaya izmenchivost'* [The morphology of the postcranial skeleton of the Altai ancient forest-steppe cattle breeder: Chronological and ethnocultural variability]. In: Sitdikov, A.G., Makarov, N.A. & Derevyanko, A.P. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo S"ezda v Kazani* [Proc. of the 4th All-Russian Archeological Meeting in Kazan]. Vol. 4. Kazan: Otechestvo. pp. 410-413.
13. Tur, S.S. & Rykun, M.P. (2015) *Morfologiya postkranial'nogo skeleta skotovodov Altaya skifskogo vremeni: geneticheskie i sredovye faktory izmenchivosti* [The morphology of the postcranial skeleton of the Altai Scythian cattle breeder: Genetic and environmental factors of variability]. In: Tishkov, V.A., Golovnev, A.V., Gromov, D.V., Martynova, M.Yu. & Perevalova, E.V. (eds) *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii* [The Tenth Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia]. Moscow; Ekaterinburg: RAS. pp. 158-159.
14. Matveeva, N.P. (2002) *Nekotorye paleodemograficheskie kharakteristiki Kamenskoy kul'tury lesostepnogo Priob'ya* [Some paleodemographic characteristics of Kamenka culture of the forest-steppe Ob]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4. pp. 149-161.
15. Zagoruyko, N.G., Elkina, V.N. & Timerkaev, V.S. (1975) *Algoritmy zapolneniya propuskov v empiricheskikh tablitsakh (algoritmy Zet)* [The algorithm for filling gaps in empirical tables (Zet-algorithm)]. In: Zagoruyko, N.G. (ed.) *Empiricheskoe predskazanie i raspoznavanie obrazov* [Empirical prediction and pattern recognition]. Novosibirsk: Nauka. pp. 3-27.
16. Kravchenko, G.G. (1998) *Geoinformatsionnye tekhnologii v geologorazvedochnoy otrasli* [Geoinformation technologies in the exploration industry]. In: Rymkin, A.I. & Kostyuk, Yu.L. (eds) *Geoinformatika: Teoriya i praktika* [Geoinformatics: Theory and Practice]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Mednikova, M.B. (1995) *Drevnie skotovody Yuzhnoy Sibiri: paleoekologicheskaya rekonstruktsiya po dannym antropologii* [The ancient herders of Southern Siberia: Paleoeccological reconstruction according to anthropology]. Moscow: Institute of Archeology RAS.

А.В. Южакова

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ XVII–XVIII вв. (МОГИЛЬНИК ЧЕПЛЯРОВО 27)

Анализируются демографические показатели аялынской группы тоболо-иртышских татар по материалам могильника Чеплярово 27. Палеодемографический анализ включал в себя составление таблицы процентных соотношений различных возрастных групп, расчет демографических показателей и построение таблиц смертности. В итоге были выявлены следующие особенности половозрастной структуры населения лесостепного Прииртышья: достаточно высокий уровень детской смертности (60,2%), наибольший процент умерших приходится и у мужчин, и у женщин на возраст 35–45 лет, индивиды, находящиеся в категории старше 55 лет, составляют 5% от общего количества взрослых. В результате сравнительного анализа между этно-территориальными группами тоболо-иртышских татар было установлено, что изучаемая выборка представляет собой палеопопуляцию, хорошо адаптированную к условиям окружающей среды, а также является приемлемой моделью для изучения палеодемографических процессов, протекавших на территории лесостепного Прииртышья в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: палеодемография; лесостепное Прииртышье; могильник Чеплярово 27; тоболо-иртышские татары.

Характеристика половозрастной структуры тюркского населения Западной Сибири до настоящего времени оставалась вне поля зрения исследователей, хотя к сегодняшнему дню накоплен репрезентативный антропологический материал.

Данная работа является начальным этапом изучения демографической структуры населения лесостепного (Омского) Прииртышья – ареала расселения некоторых этно-территориальных групп тоболо-иртышских татар. Как известно, тоболо-иртышские татары представляют собой самую многочисленную группу сибирских татар, и, согласно этнографическим данным, подразделяются на четыре группы: тюменскую и тобольскую, занимающие Тоболо-Иртышское междуречье, коурдакско-саргатскую и аялыно-туралинскую (тарскую), расселенные на территории Среднего Прииртышья. В составе двух последних групп выделяются коурдакская и саргатская подгруппы, занимающие территорию южно-таежного Прииртышья, аялынская и туралинская подгруппы, освоившие лесостепное Прииртышье [1].

В работе представлены основные показатели демографической структуры аялынской группы тоболо-иртышских татар второй половины XVII – XVIII в., полученные по материалам могильника Чеплярово 27. Могильник расположен в лесостепной зоне Среднего Прииртышья в Муромцевском районе Омской области. Он был открыт М.А. Корусенко и исследован им в 1999, 2005–2009 гг. Население, оставившие могильник, было отнесено автором раскопок к аялынской подгруппе этно-территориальной группы аялыно-туралинских (тарских) татар [2. С. 21]. Краниологический анализ материалов из могильника также показал, что данное население очень сходно с аялыньскими татарами [3].

Материалы и методы исследования. В ходе любого палеодемографического исследования одним из важнейших является вопрос о репрезентативности материала. Существует несколько основных критериев,

при соблюдении которых становится возможным проведение палеодемографического анализа: 1) представительность выборки (поскольку вычисляются проценты, желательно, чтобы выборка насчитывала больше 100 индивидов); 2) могильник должен быть полностью раскопан; 3) узость датировки (серия должна охватывать относительно небольшое число поколений); 4) необходимо, чтобы на памятнике был проведен полный сбор всех костных материалов, включая плохо сохранившиеся останки, а также детские костяки; 5) определения пола и возраста индивидов должны быть сделаны для всего собранного палеоантропологического материала [4. С. 3].

Источником для данного исследования послужили первичные половозрастные определения костных останков из могильника Чеплярово 27, проведенные автором. Материал отвечает всем перечисленным выше критериям. Для сравнения полученных палеодемографических характеристик к работе были привлечены половозрастные определения, выполненные А.Н. Багашевым по раскопанным им могильникам тоболо-иртышских татар – Токсай I и II (XVIII–XIX вв. и середины XIX – начало XX в., 1983), Летний Коурдак (XIX в., 1984), Тюльчаково (XIX – начало XX в., 1983), Островной (XIX – начало XX в., 1984–1985) и Юртобор (XVIII – начала XIX в., 1985–1986) [5]. Другие материалы, происходящие с территории лесостепного Прииртышья, не являющиеся на сегодняшний момент достаточно репрезентативными, поэтому не могут быть привлечены к анализу (могильники Черталы 3, Бергамак 2).

Половозрастные определения проводились по принятой в отечественной палеоантропологии и судебной медицине методике – использовались данные по всему скелету (степень сформированности скелета и зубной системы, облитерация швов черепа, стертость зубов, изношенность суставов посткраниального скелета) [6–8]. Определение биологического возраста происходило в следующих категориях: Natus (новорожденные), Las-

teus (до 1 года), Infantis primus (до 3 лет), Infantis I (до 7 лет), Infantis II (до 12/13 лет), Juvenilis I (13/14–18/20 лет), Juvenilis II (20–25 лет), Adultus (25–35 лет), Maturus I (35–45 лет), Maturus II (45–55 лет), Senilis (старше 55 лет) [9, 10]. Для получения достоверных результатов сравнения величин средней продолжительности жизни и других показателей необходимо, чтобы при подсчете все используемые материалы были распределены по одним и тем же схемам возрастных категорий. Поэтому на этапе межгруппового сравнения материалы могильника Чеплярово 27 были распределены на категории, использовавшиеся в отечественной науке в 1950–1980-е гг.: Juvenilis – до закрытия основного затылочного шовного сращения, Adultus – приблизительно до 35 лет, Maturus – до 55 лет, Senilis – старше 55 лет [6. С. 39].

Непосредственно сам демографический анализ включал в себя расчет общепринятых коэффициентов и построение таблиц смертности [11]. Однако, так как таблицы смертности, составленные по малочисленным выборкам, не всегда адекватно отражают особенности изучаемой палеопопуляции, они были составлены лишь для изучаемого памятника. В этом случае распределение индивидов по пятилетним интервалам проходило при помощи распределения численности одной возрастной категории на два соседних интервала, поэтому количество индивидов в некоторых интервалах было дробное.

Для межгруппового сравнения рассчитывались следующие демографические показатели [10, 11]:

1. Количество мужчин и женщин в группе взрослого населения (PSR m–f).

2. Соотношение полов (Sex ratio, SR).

3. Средняя продолжительность жизни без учета детской смертности (AA), а также средний возраст смерти мужчин и женщин (AAm и AAf).

При расчете средней продолжительности жизни использовались центральные значения возрастных когорт по В.П. Алексееву: для возраста Juvenilis – 18 лет, для Adultus – 30 лет, для возраста Maturus – 45 лет, для Senilis – 65 лет [4. С. 4]. Из-за небольшого количества детских погребений или отсутствия сведений о них, сравнение проведено лишь по данным о возрасте взрослых индивидов.

4. Размер первого репродуктивного поколения: за первое репродуктивное поколение были приняты индивиды в возрасте от 20 до 35 лет, т.е. наиболее активно участвующие в процессе репродукции (dx20–35).

5. Количество индивидов в финальной возрастной когорте (dx55+).

Результаты исследования и их обсуждение. Палеоантропологический материал могильника Чеплярово 27 включает в себя останки 103 индивидов, из которых 40 принадлежат взрослым, 63 – детям и юношам, в процентном соотношении это 38,9 и 61,1% соответственно (табл. 1). В исследуемой группе представлены все возрастные когорты. Половозрастное распределение имеет ряд особенностей, на которых стоит остановиться подробнее.

Таблица 1

Половозрастное распределение материалов могильника Чеплярово 27

Возраст / Пол	Мужчины	Женщины	Оба пола
Natus (новорожденные)	–	–	8 (12,9%)*
Lacteus (до 1 года)	–	–	13 (21,0%)
Infantis primus (до 3 лет)	–	–	17 (27,4%)
Infantis I (до 7 лет)	–	–	17 (27,4%)
Infantis II (до 12/13 лет)	–	–	7 (11,3%)
Общее кол-во детей	–	–	62 (60,2%)
Juvenilis I (до 18/20 лет)	1 (–%)	–	1 (–%)
Общее кол-во юношей	1 (–%)	–	1 (0,9%)
Juvenilis II (20–25 лет)	1 (4,4%)	2 (11,8%)	3 (7,5%)
Adultus (25–35 лет)	5 (21,7%)	4 (23,5%)	9 (22,5%)
Maturus I (35–45 лет)	10 (43,5%)	7 (41,2%)	17 (42,5%)
Maturus II (45–55 лет)	5 (21,7%)	4 (23,5%)	9 (22,5%)
Senilis (старше 55 лет)	2 (8,7%)	0 (0 %)	2 (5%)
Общее кол-во взрослых	23 (57,5%)	17 (42,5%)	40 (38,9%)
Общее кол-во погребенных	103 (100%)		

* Процентная характеристика в каждой возрастной когорте посчитана от количества индивидов в каждой возрастной группе, а не от общего их числа.

Таблица 2

Общая таблица смертности погребенных в могильнике Чеплярово 27

Возраст	Dx	dx	lx	qx	Ex
0–4	42,0	40,78	100,00	0,408	18,01
5–9	18,0	17,48	59,22	0,295	23,69
10–14	2,0	1,94	41,75	0,047	27,56
15–19	1,0	0,97	39,81	0,024	23,78
20–24	3,0	2,91	38,83	0,075	19,31
25–29	4,5	4,37	35,92	0,122	15,68
30–34	4,5	4,37	31,55	0,138	12,50
35–39	8,5	8,25	27,18	0,304	9,11
40–44	8,5	8,25	18,93	0,436	6,99
45–49	4,5	4,37	10,68	0,409	5,45
50+	6,5	6,31	6,31	1,000	2,50
Всего	103	100	–	–	–

Таблица 3

Палеодемографические показатели групп тобольско-иртышских татар

Памятник	Датировка	N	PSR m-f	SR	dx20–35	AA	AA m	AA f	dx55+
Чеплярово 27 (аялыньские татары)	2я пол. XVII – XVIII в.	40	57,5–42,5%	1,4:1	29,3	41,3	42,0	39,7	5,0
Юртобор (тюменские татары)	XVIII – нач. XIX в.	81	56,8–43,2%	1,3:1	37,0	39,7	40,4	38,7	1,2
Летний Коурдак (коурдакские татары)	XIX в.	37	59,5–40,5%	1,5:1	29,7	42,2	44,8	38,3	8,1
Островной (тобольские татары)	XIX – нач. XX в.	38	52,6–47,4%	1,1:1	47,4	39,5	40,0	38,9	7,9
Тюльчаково (саргатские татары)	XIX – нач. XX в.	49	67,3–32,7%	2,1:1	30,6	42,4	43,8	39,7	10,2
Токсай I, II (аялыньские татары)	XVIII – нач. XX в.	43	62,8–37,2%	1,7:1	55,8	37,1	37,8	35,9	2,3

Во-первых, детская смертность среди населения, погребенного в могильнике Чеплярово 27, находится на высоком уровне (PCD = 60%). Отметим, что столь высокий процент считается вполне нормальным для археологических памятников XVII–XVIII вв. К примеру, на территории археологического комплекса Изюк-I (Среднее Прииртышье) и Красноярского острога доля смертности детской части населения также велика – 59,8 и 61% соответственно [12, 13]. При распределении детских захоронений по возрастным группам зафиксирован высокий процент новорожденных детей. Уровень смертности на отрезке от одного до семи лет остается стабильно высоким, что согласуется с данными о наибольшей уязвимости детей в этом возрасте. В возрасте второго детства происходит снижение уровня смертности, а в юношеском возрасте она минимальна, что указывает на существование в популяции эффективной системы биологической и социальной адаптации подростков, постепенно переходящих к образу жизни взрослого населения.

Во-вторых, отмечается низкий процент индивидов, умерших в возрасте 20–25 и 25–35 лет, когда традиционно именно на эти две возрастные когорты приходятся пики смертности как у мужчин, так и у женщин. В исследуемой же группе наибольший процент умерших приходится и у мужчин, и у женщин на возраст 35–45 лет.

В-третьих, индивиды финальной возрастной когорты (старше 55) составляют лишь 5% от общего количества взрослых. Причем женщины вообще отсутствуют в данной когорте, и присутствуют лишь мужчины – всего два индивида. Стоит отметить, что традиционно в ископае-

мых выборках наблюдается обратная тенденция – представителей женского пола в финальной возрастной когорте больше, чем представителей мужского.

Далее на основании половозрастных определений были рассчитаны общепринятые демографические коэффициенты и построена общая таблица смертности (см. табл. 2). Кривая вероятности смерти (qx) характеризуется плавным снижением до возраста 10–14 лет (рис. 1). Действительно, количество детей первых двух возрастных когорт достаточно велико. Количество детей старших возрастных когорт существенно меньше, и, соответственно, кривая вероятности смерти начинает заметно снижаться. После окончания юношеского возраста вероятность смерти постепенно возрастает и после 30–34 лет начинает возрастать более резко. Анализ величин процента дожития (lx) показывает резкое падение кривой в детском возрасте (рис. 2). До периода 15–19 лет доживали менее 50% родившихся. Далее процесс выбывания населения постепенно ослабевает.

Наиболее высокая ожидаемая продолжительность жизни населения приходится на возрастную когорту 10–14 лет (рис. 3). Это связано с довольно резким уменьшением вероятности смерти в данный период.

В целом все индивиды изучаемого могильника плавно и без каких-либо перепадов и скачков распределены по возрастным когортам. Если оценивать общую динамику демографических процессов, можно сказать, что полученные показатели свидетельствуют о высоком уровне приспособленности изучаемой палеопопуляции к условиям окружающей среды.

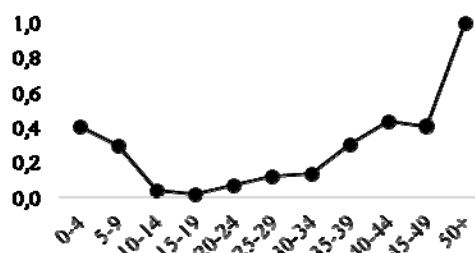

Рис. 1. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x) у погребенных в могильнике Чеплярово 27

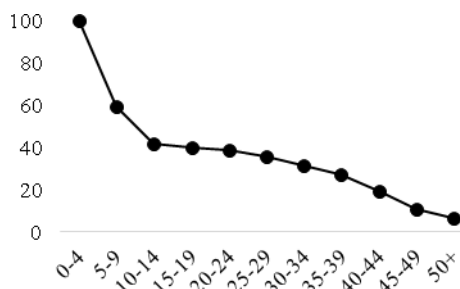

Рис. 2. Процент дожития (l_x) по возрастным интервалам у погребенных в могильнике Чеплярово 27

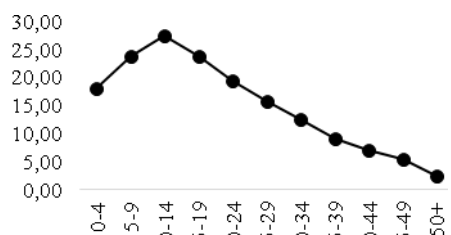

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни (E_x) у погребенных в могильнике Чеплярово 27

Сравнительный анализ. К сравнительному анализу были привлечены собственные данные автора по могильнику Чеплярово 27 и половозрастные определения по могильникам тоболо-иртышских татар, взятые из диссертационного исследования А.Н. Багашева (Токсай I, II, Летний Коурдак, Тюльчаково, Островной, Юртобор) [5], на основе которых и были рассчитаны основные палеодемографические показатели (см. табл. 3).

Соотношение полов. Почти во всех группах тоболо-иртышских татар численность мужского населения превалирует над численностью женского, иногда превышая её в два раза. Лишь тобольские татары имеют соотношение полов, близкое к нормальному. Стоит отметить, что преобладание мужской части населения в различные археологические периоды встречается довольно часто [11. С. 24–31].

Исследователи приводят разнообразные гипотезы, объясняющие такой дисбаланс полов: посмертный отбор, при котором женские грацильные скелеты разрушаются быстрее, чем мужские; существование отдельных женских кладбищ; большая смертность детей и подростков женского пола [Там же. С. 39; 14. С. 52]. В ряде случаев такие гипотезы приемлемы, однако для

большинства памятников и культур найти объяснение такой диспропорции пока невозможно [11. С. 38–39]. Данное утверждение справедливо и для изучаемых групп тоболо-иртышских татар.

Размер первого репродуктивного поколения. Демографические данные по современному населению показывают, что размер первого репродуктивного поколения положительно связан с числом рождений [15. С. 22]. Соответственно, это справедливо и для палеодемографических моделей: чем выше процент смертности в этот период (20–35 лет), тем популяция быстрее вымирает. Наибольшее количество индивидов первого репродуктивного возраста наблюдается у аялыных татар XIX–XX вв. (могильники Токсай I, II), что сказывается на доживаемости населения в этой группе и самой низкой продолжительности жизни по сравнению со всеми другими группами тоболо-иртышских татар. В выборке из могильника Чеплярово 27 наблюдается самый низкий процент лиц первого репродуктивного поколения, что на ином уровне подтверждает вывод об экологическом и санитарном благополучии данной ископаемой популяции.

Средняя продолжительность жизни. Во всех группах тоболо-иртышских татар средний возраст смерти колеблется в пределах 40 лет, что в целом хорошо вписывается в общую динамику продолжительности жизни на протяжении истории человечества [4. С. 20]. Анализируя данный показатель отдельно по полу, видим, что средняя продолжительность жизни мужской части населения немного выше, чем женской. Данное обстоятельство также вписывается в общую закономерность демографических процессов древнего населения: организм женщины сильнее подвергался влиянию физиологического стресса (постоянное нахождение в поселках, приводящее к росту инфекционных заболеваний, беременность, роды в антисанитарных условиях), а также был намного чувствительнее к воздействиям окружающей среды [Там же. С. 20].

Количество индивидов в финальной возрастной когорте. Процент взрослого населения, находящегося в категории старше 55 лет, почти во всех группах не превышает 10% от общего числа индивидов. Наибольший процент индивидов старческого возраста приходится на могильники Тюльчаково и Летний Коурдак. Стоит отметить, что от наличия индивидов старческого возраста напрямую зависит показатель средней продолжительности жизни, который достаточно высок в этих же могильниках.

Выводы. Таким образом, анализ демографической структуры аялыных татар, проведенный по материалам могильника Чеплярово 27, свидетельствует об экологическом благополучии изучаемой палеопопуляции, которая была хорошо адаптирована к окружающей среде.

Сравнительные данные по другим группам тоболо-иртышских татар показывают, что выборка из могильника Чеплярово 27 не обнаруживает больших

различий по основным демографическим показателям на фоне привлеченных материалов и хорошо отражает процессы естественного движения населения, протекавшие на территории лесостепного Прииртышья в XVII–XVIII вв. В целом все выборки тоболо-иртышских татар показывают положительную динамику демографических процессов.

Стоит отметить, что на сегодняшний момент археологические работы на территории расселения тоболо-иртышских татар продолжаются. Обработка и анализ новых данных позволят в дальнейшем получить более полную информацию о демографических процессах, характерных для населения Западной Сибири и лесостепного Прииртышья в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западносибирской равнины в конце XVI – первой четверти XVIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981.
2. Корусенко М.А., Рыкун М.П. Позднесредневековый могильник Чеплярово 27: планиграфия и антропологическая характеристика // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 19–22.
3. Южакова А.В. Новые краниологические материалы позднесредневекового населения Среднего Прииртышья (могильник Чеплярово 27) // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии : тез. докл. LIV регион. (X Всероссийской с международным участием) археол.-этнограф. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. 130-летию открытия палеолита на Афонтовой горе и 100-летию первых раскопок памятников андроновской культуры (25–28 марта 2014 г.). Красноярск, 2014. С. 290–291.
4. Алексеев В.И. Палеодемография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3–20.
5. Багашев А.Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниоостеологии : дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
6. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.
7. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1966. 251 с.
8. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М. : Метгиз, 1963. 154 с.
9. Пежемский Д.В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. Омск, 2003. С. 255.
10. Пежемский Д.В. Половозрастная структура населения Псковского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И.К. Лабутинной (13–15 апреля 2009 г.). Псков, 2010. С. 47–55.
11. Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Власти. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали) / Т.И. Алексеева, Д.В. Богатенков, Г.В. Лебединская. М. : Научный мир, 2003. С. 14–44.
12. Татаурова Л.В. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 221–235.
13. Рейс Т.М., Рейс Е.С. Палеодемографическая характеристика населения Красноярского острога по материалам Покровского некрополя (XVII–XVIII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск, 2011. С. 555–560.
14. Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
15. Кваша А.Я. Что такое демография? М. : Мысль, 1985. 126 с.

Yuzhakova Alyona V. Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: ejara.ru@mail.ru

PALEODEMOGRAPHY POPULATION FOREST-STEPPE CIS-IRTYSH IN XVII–XVIII CENTURIES (CHEPLYAROV 27 BURIAL).

Keywords: paleodemography; forest-steppe Cis-Irtysh; burial ground Cheplyarovo 27; Tobol-Irtysh Tatars.

Currently the main characteristics of the demographic structure of the population of forest-steppe Cis-Irtysh in the XVII–XVIII centuries are not studied, although there is a representative anthropological material. The paper presents an analysis of the demographic structure of the ayalynskaya group of Tobol-Irtysh Tatars. Materials for the study are based on the definition of sex and age of individuals of burial ground Cheplyarovo 27 (the second half of XVII – XVIII centuries.). The age and sex determination of groups Tobol-Irtysh Tatars made A.N. Bagashev were also used for intergroup analysis. It should be noted that a small number of children's burials or lack of information about them, comparison was held according to the age of the adult individuals. The work consisted of two stages. The first one was intra-group analysis, which included the preparation of the table of percentages of different age and sex groups, the calculation of paleodemography indicators and the construction of mortality tables. As a result, certain features have been identified sex and age structure of the population Cis-Irtysh forest-steppe: a fairly high level of infant mortality (60.2 %) account for the largest percentage of deaths in both men and women at the age of 35–45 years, individuals who are in the category of over 55, is 5 % of the total number of adults. The analysis showed that paleopopulation was well adapted to environment. The next step was to conduct intergroup analysis. On the basis of age and gender definitions of the group of Tobol-Irtysh Tatars were calculated basic demographic indicators (sex ratio, the average life expectancy for adults, the percentage of individuals of the first reproductive age (20 to 35 years), of the final age group (55+). The comparative analysis showed that virtually all of the compared groups of Tobol-Irtysh Tatars on the main demographic indicators fit into the general pattern of the demographic processes of the ancient population. In addition, studied sample is acceptable model for studying paleodemography processes on the territory of the forest-steppe Irtysh in XVII–XVIII centuries. Further accumulation and analysis of new materials for the Tobol-Irtysh Tatars, will provide fuller information on the demographic processes taking place on the territory of West Siberia and the forest-steppe Cis-Irtysh.

REFERENCES

1. Tomilov, N.A. (1981) *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadnosibirskoy ravniny v kontse KhVI – pervoy chetverti XVIII vv.* [Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 16th – early 18th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Koroussenko, M.A. & Rykun, M.P. (2013) The Late Middle Ages burial ground Tcheplyarovo 27: The peculiarities of formation, anthropological characteristic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University of History*. 4(24). pp. 19–22. (In Russian).
3. Yuzhakova, A.V. (2014) [New cranial materials of the late medieval population in the Middle Irtysh (Burial Cheplyarovo 27)]. *Sovremennye problemy drevnykh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii* [Modern problems of the ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia]. Proc. of the Tenth All-Russian Conference with International Participation. Krasnoyarsk. March 25–28, 2014. Krasnoyarsk. pp. 290–291. (In Russian).

4. Alekseev, V.I. (1972) Paleodemografiya SSSR [Paleodemography of the USSR]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 3-20.
5. Bagashev, A.N. (1989) *Antropologicheskiy sostav i formirovaniye tobolo-irtyshskikh tatar po dannym kraniosteologii* [Anthropological composition and formation of Tobol-Irtysh Tatars according to craniosteology]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry: Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
7. Alekseev, V.P. (1966) *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
8. Pashkova, V.I. (1963) *Ocherki sudebno-meditsinskoj osteologii* [Essays forensic osteology]. Moscow: Metgiz.
9. Pezhemskiy, D.V. (2003) [Determination of biological age in paleoanthropology and the problem of age intervals]. *V Kongress etnografov i antropologov Rossii* [The Fifth Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Proc. of the Congress. Omsk. pp. 255. (In Russian).
10. Pezhemskiy, D.V. (2010) [Gender and age structure of the Medieval Pskov population]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archeology and history of Pskov and Pskov Region]. Proc. of the 55th Meeting. Pskov. April 13–15, 2009. Pskov. pp. 47-55. (In Russian).
11. Bogatenkov, D.V. (2003) Paleodemografiya Mistikhali [Paleodemography of Mistihali]. In: Alekseeva, T.I., Bogatenkov, D.V. & Lebedinskaya, G.V. Vlakhii. *Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali)* [Anthropo-ecological research (a case study of the medieval necropolis Mistihali)]. Moscow: Nauchnyy mir. pp. 14-44.
12. Tatrova, L.V. (2005) Etnokulturnye aspekty pogrebal'nogo obryada russkikh Srednego Priirtysh'ya v XVII–XVIII vv. po dannym arkheologii [Ethno-cultural aspects of the funeral rites of the Middle Irtysh Russians in the 17th – 18th centuries]. In: Tatrova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in archaeological research]. Omsk: Russian State Economic University. pp. 221-235.
13. Reys, T.M. & Reys, E.S. (2011) Paleodemograficheskaya kharakteristika naseleniya Krasnoyarskogo ostroga po materialam Pokrovskogo nekropolya (XVII–XVIII vv.) [Paleodemographic description of the Krasnoyarsk stockaded town population based on Pokrovsky necropolis (the 17th – 18th centuries)]. In: Kharinsky, A.V. (ed.) *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Siberia near the Lake Baikal]. Irkutsk: Irkutsk State Technological University. pp. 555-560.
14. Razhev, D.I. (2009) *Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti* [Biological anthropology of the Sargatka community population]. Ekaterinburg: UB RAS.
15. Kvasha, A.Ya. (1985) *Chto takoe demografiya?* [What is demography?]. Moscow: Mysl'.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94:327.82

DOI 10.17223/19988613/43/36

О.А. Аршинцева

РЕЦЕНЗИЯ : ЖИГАЛОВ Б.С. И.М. МАЙСКИЙ: ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО «ДНЕВНИКА», ПИСЕМ И МЕМУАРОВ / ОТВ. РЕД. В.П. ЗИНОВЬЕВ. ТОМСК : ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТГУ, 2014

Книга профессора кафедры Новой и Новейшей истории Томского государственного университета Б.С. Жигалова «И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров» [1] посвящена одной из самых известных фигур в истории советской дипломатии. Его деятельность была связана с важными периодами становления и эволюции внешней политики и дипломатии СССР, включая межвоенные десятилетия и драматичную эпоху войны. Противоречивая и неординарная личность И.М. Майского заслуженно привлекала внимание исследователей советской внешней политики, и работа Б.С. Жигалова – не первый опыт его биографии, однако от всех предшествующих исследований – не только советского периода, написанных в соответствии с установленным идеологическим каноном, но и новейших – ее отличают несколько важных особенностей. Именно они обусловили ее оригинальность и научную актуальность.

Всплеск интереса к фигуре И.М. Майского в последние годы был вызван новейшими изданиями в расширенной редакции его дневников и переписки. Но, как правило, недавние публикации отечественных историков, которые использовали эти источники, либо посвящены отдельным периодам дипломатической деятельности Майского (В.О. Печатнов), либо рассматривают его роль в конкретных внешнеполитических действиях СССР (Л.В. Поздеева, Ю.Г. Голуб). Б.С. Жигалов хорошо знаком с достижениями коллег, поэтому находит собственную исследовательскую нишу: его работа носит обобщающий характер и органично продолжает изыскания автора в области истории международных отношений и внешней политики ведущих государств первой половины XX в. Будучи одним из представителей старшего поколения томской научной школы, известной своими достижениями в изучении внешней политики и дипломатии США, Великобритании, Германии, профессор Жигалов в своих предыдущих работах активно расширял предметное поле исследований и круг своих научных интересов. Так, обращение к истории советско-германских отношений 1920–1930-х гг. (в предыдущей работе) непосредственно подвело его к проблемам происхождения

Второй мировой войны, ответственности держав за ее возникновение и послевоенного мирного урегулирования. Эти сюжеты присутствуют и в контексте рассматриваемой работы, но в ней автор возвращается к британской проблематике. Как признанный специалист по внешней политике Великобритании Б.С. Жигалов не мог не воспользоваться вновь открывшимися возможностями – через фигуру Майского переосмыслить историю англо-советских отношений кануна и времени Второй мировой войны, по-новому охарактеризовав их значение для международной системы. В очередной раз профессор Жигалов проявил свойственное ему умение за конкретными событиями и явлениями видеть исторически значимые процессы, выявлять их закономерности, формулировать новые подходы и генерировать свежие идеи, что является отличительной чертой его научного стиля, хорошо известной его коллегам и ученикам. В полной мере оно проявилось и в данной работе.

Благодаря гармоничному соединению историко-политических, историко-антропологических и источниковедческих методов научного анализа воссозданный в книге портрет дипломата Майского выходит за традиционные рамки исторической биографии. В данном случае авторский текст соединен с материалами и цитатами из эпистолярного, дневникового и мемуарного наследия изучаемого персонажа. Возникающий при этом своеобразный эффект диалога позволяет выявить логику и драматизм исторических событий, к которым был причастен советский дипломат. Исторический фон Б.С. Жигалов воспроизводит с помощью выверенных характеристик, которые выражают оригинальную историческую концепцию исследователя. В качестве методологической основы эта концепция определяет структуру работы, систему аргументации и конкретные суждения. В каждой из пяти глав книги представлен относительно завершённый этап личной и профессиональной биографии И.М. Майского, при этом авторские оценки его позиции, карьерных амбиций и достижений органично включены в изложение реальных международных событий, внешнеполитического и дипломатического процесса. Так, во 2, 3 и 4-й главах автору удалось последовательно проследить, каким обра-

зом дипломатическая карьера Майского оказалась напрямую связана с эволюцией советско-британских отношений – от «традиционно-прохладных» [1. С. 25] и второстепенных с точки зрения исходных интересов СССР в Европе до союзнических во время Второй мировой войны. Дипломатия как самая персонифицированная сфера внешней политики представлена многомерной картиной взаимных оценок основных участников дипломатического процесса – советских руководителей, британских политиков, самого Майского. В данном случае это работает не только как удачный стилистический прием, но и как эффективный научный метод достижения поставленных задач.

На фоне бесспорных достижений автора единственное сожаление вызывает выбор для источниковедческого сравнения только одного текста – военного дневника Ф. Гальдера. Принимая во внимание профессиональную эрудицию Б.С. Жигалова, этот выбор мог быть значительно шире – например, за счет привлечения ставшего классическим дневника британского посла Д'Абернона или еще более близкого по времени и обстоятельствам дневника посла Великобритании в

СССР С. Криппса. Однако высказанное пожелание несколько не умаляет отмеченных достоинств работы.

Исследование Б.С. Жигалова являет собой пример современного научного подхода в историко-биографическом жанре благодаря выверенной авторской позиции, глубине анализа, навыкам обращения с источниками, концентрированному содержанию при относительно небольшом объеме. Автору удалось воссоздать исторически достоверный образ дипломата И.М. Майского – то, что принято называть портретом на фоне эпохи. Особо стоит подчеркнуть умение исследователя точно, сдержанно, с известной долей иронии и сочувствия высказывать свое отношение к персонажу с учетом изменчивых жизненных и профессиональных обстоятельств, на взлете и на закате его дипломатической карьеры, признавая несомненные достижения и допуская право на ошибки. Актуальность темы, научная основательность и хороший стиль изложения позволяют широко использовать книгу Б.С. Жигалова в преподавании и изучении (на основе новых подходов) истории международных отношений, Второй мировой войны и внешней политики СССР 1920–1940-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014.

Arshintceva Olga A. Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: arol-s@yandex.ru

REVIEW: ZYGALOV B.S. I.M. MAISKY: THE PORTRAIT OF SOVIET DIPLOMAT ON THE MATERIALS OF HIS "DAIRIES", LETTERS AND MEMOIRS.

REFERENCES

1. Zhigalov, B.S. (2014) *I.M. Mayskiy: portret sovetskogo diplomata po materialam ego "Dnevnik", pisem i memuarov* [I.M. Mayskiy: A portrait of a Soviet diplomat based on his "Diary", letters and memoirs]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 94(47)
DOI 10.17223/19988613/43/37

В.И. Баяндин, А.В. Запороженко

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА (г. НОВОСИБИРСК, 12–13 МАЯ 2016 г.)

12–13 мая 2016 г. в Новосибирском государственном педагогическом университете состоялась Всероссийская (с международным участием) научная конференция *«Война и личность: роль и место личности в войне»*, посвященная 100-летию знаменитого Брусиловского прорыва.

Организаторами конференции являлись: Институт истории СО РАН и три крупных образовательных учреждения Западной Сибири: Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ), Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования и Томский государственный университет (ТГУ).

Названная конференция, посвященная одной из крупнейших военных операций Русской армии в 1916 г., явилась логическим продолжением проведенной в июне 2014 г. в НГПУ научной конференции *«Сибирь и войны XIX–XX вв.»*, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны.

Работу конференции открыл проректор по научной работе НГПУ профессор Б.О. Майер. Перед началом пленарного заседания участники конференции были приглашены на открытие выставки иллюстраций, картин и плакатов по военной истории, подготовленной преподавателями, сотрудниками и студентами Института истории, гуманитарного и социального образования (ИИГСО). Выставка, приуроченная к началу работы конференции, состояла из трех разделов: в первом разделе было 18 цветных иллюстраций, объединенных названием «Вооружение и снаряжение разных эпох». Здесь можно было увидеть вооружение и защитное снаряжение воинов Скифии, Греции, Рима, России, Японии, Англии, Италии, США, Франции и других стран в разные исторические эпохи. Каждая иллюстрация сопровождалась кратким описанием деталей одежды и вооружением, которым располагал воин той эпохи. Вторая часть выставки состояла из 22 российских и французских военных плакатов, изданных в 1914–1916 гг. в Киеве, Одессе, Москве, Париже с дозволения цензуры. Так как конференция была посвящена Брусиловскому прорыву, то и военные плакаты отражали разные эпизоды военных действий Русской армии на австрийском участке Восточного фронта. На цветных плакатах были изображены сражения за города Ярославль, Галич и разные эпизоды военных действий – переправа через реку, обстрел вражеского дирижабля, штурм укреплений австро-венгерской армии и т.п. По-

следний третий раздел выставки включал цветные иллюстрации из журнала «Военная история», в которых была отражена повседневная военная история разных стран мира: полевой лагерь, сторожевой пост, военная тренировка; всего 18 цветных иллюстраций из журнала «Военная история». Последняя, третья часть выставки, привлекала внимание тем, что содержала обращение к зрителю – «Проверь свою эрудицию». И каждая картинка содержала 5 предметов из другой исторической эпохи, которые и следовало обнаружить. Некоторые из предметов было легко определить, например: полицейский жезл в руках иранского воина X в., солнцезащитные очки у воина, управляющего китайской боевой колесницей в VIII в. до н.э., летящий вертолет в эпоху Ахейских войн II в. до н.э. Но для выявления других неправильностей требовались более глубокие знания: форма головного убора, наконечник копья, нагрудная бляха коня, эмблема на рыцарском щите и т.п.

Пленарное заседание началось с выступления В.Я. Синенко, академика РАО, д-ра пед. наук, ректора Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (НИПКПРО, г. Новосибирск) с докладом «Патриотическое воспитание как доминирующий фактор становления человеческого капитала»; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, профессор, декан исторического факультета ТГУ (г. Томск) выступил с докладом «Алексей Алексеевич Брусилов в контексте войны и революции», М.В. Шиловский, д-р ист. наук, профессор зав. сектором Института истории СО РАН и зав. кафедрой истории России НГУ (г. Новосибирск) представил доклад «Уходил на войну сибиряк... Солдаты Томского уезда в Первой мировой войне 1914–1918 гг.». Профессор В.Г. Дацышен, д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск) предложил вниманию участников конференции доклад «Военные мемуары как источник по истории советско-китайского конфликта на КВЖД», директор Института детства НГПУ (г. Новосибирск), д-р психол. наук, профессор Р.О. Агавелян привлек внимание выступлением по теме «Морально-психологическая подготовка в контексте профессионального выгорания личности». Завершало пленарную часть конференции выступление главного научного сотрудника Института истории СО РАН (г. Новосибирск), д-ра ист. наук, профессора Н.П. Матхановой, за последние годы подготовившей к публикации ряд ме-

муаров XIX – начала XX в. представителей сибирской администрации, среди которых были и мемуары представителей военных организаций и структур. Тема доклада профессора Н.П. Матхановой – «Забайкальский казак о Русско-японской войне 1904–1905 гг. (дневник П.В. Белокопытова)».

Во второй половине дня состоялись секционные заседания, участие в которых приняли около 50 исследователей из разных городов: Абакана, Барнаула, Иркутска, Красноярска, Куйбышева (НСО), Кургана, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Томска, Ульяновска, Хабаровска, Челябинска. Так как конференция была посвящена роли личности в войне, то основная часть докладов была посвящена известным, полужабытым и забытым личностям минувших военных кампаний. Темы выступлений носили достаточно широкий исторический размах: профессор А.В. Добровольский (г. Новосибирск) – «Генерал-майор технических войск Котюков Аркадий Васильевич»; доцент В.А. Спесивцева (г. Новосибирск) – «Юзеф Пилсудский – командующий польскими легионерами»; доцент Т.А. Черноверская (г. Новосибирск) – «Сен-Жюст в армии», ст. препод. Н.Н. Лыдин (г. Барнаул) – «Филипп Петен – герой или коллаборационист?». Некоторые участники конференции свои доклады посвятили страницам военной истории: профессор О.И. Ивонина (г. Новосибирск) – «История русской эмиграции о взаимосвязи Первой мировой войны и революции 1917 года»; О.М. Лыков (р. п. Ордынское НСО) «Воины-интернационалисты Ордынского района: на войне и после войны»; Е.А. Полиновская (г. Новосибирск) – «Движение интербригад в гражданской войне в Испании»; А.И. Соловьев, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии (г. Новосибирск) – «Война и общество: страницы древней истории Сибири»; В.В. Демидов, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных основ государственной службы Сибирского института управления (г. Новосибирск) – «Участие австро-венгерских военнопленных из числа галичан в Гражданской войне на территории Сибири (1917–1920 гг.)».

Некоторые из выступлений были посвящены историографическим сюжетам военной истории: К.Б. Умбрашко, д-р ист. наук, профессора, проректор НИПКиПРО (г. Новосибирск) «Военный городок (Красные казармы) в Новониколаевске: историографические мифы»; Н.Г. Федина, ст. преп. кафедры истории, обществознания и экономики НИПКиПРО (г. Новосибирск) – «Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. на страницах современных военно-исторических журналов».

В силу ряда обстоятельств некоторые приславшие свои заявки и тезисы предпочли заочную форму участия в конференции, что допускалось условиями ее проведения. Можно назвать некоторых заочных участников: профессор О.Н. Катионов, д-р ист. наук, директор ИИГСО НГПУ (г. Новосибирск) – доклад «Солдат

на войне 1941–1945 гг. (из воспоминаний и документов об отце)»; Грюэль-Эрнандес Жан Тьерри Бернар, магистр политологии, доктор юриспруденции (г. Париж, Франция) – «Первая мировая и гражданская война как семейная трагедия (семья Шомье 1914–1921 гг.)»; В.А. Паршуков (г. Ульяновск) – «Казаки на войне (по воспоминаниям сотника Г.У. Юшкова)»; И.А. Еремин, д-р ист. наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул) – доклад «Подготовка пополнений для действующей армии в Западной Сибири в годы Первой мировой войны»; Д.С. Аннаоразов, канд. ист. наук, ст. преп. Туркменского государственного университета (г. Ашхабад, Туркмения) – доклад «Из истории формирования туземских частей из туркмен в составе русских войск в колониальный период».

Как правило, на подобных конференциях, кроме известных, профессиональных исследователей, всегда принимают участие аспиранты, соискатели и даже студенты старших курсов, и в этом отношении названная конференция не была исключением. Одной из особенностей конференции было участие курсантов Новосибирского высшего военного командного училища, которые представили несколько докладов. Можно отметить выступление курсанта 3-го курса А.А. Гилева «Они были первыми: подвиг гарнизона крепости Осовец»; курсанта 3-го курса Д.Д. Комарова «Рихард Зорге»; курсанта 2-го курса Д.Д. Старикова «Рельсовая война».

В рамках научной конференции была проведена секция молодых, начинающих исследователей: школьников и студентов, которая прошла 13 мая в Новосибирском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования. В этот день со своими докладами выступили 7 учеников старших классов и 6 студентов разных вузов. Кроме того, на этой секции присутствовали научные руководители – учителя и преподаватели, всего около 30 человек. Следовало бы отметить интересные исследовательские работы этой секции: студента 3-го курса НГПУ А.А. Александрова – «Стратегия и тактика римской армии в эпоху противостояния с даками»; студента 3-го курса НГПУ М.Б. Руденкова – «Отражение роли Тихоокеанского флота в Крымской войне на страницах справочной литературы»; студента 3-го курса НГПУ Д.Э. Аванесяна – «Военно-технологическая составляющая армии Карфагена времен Второй Пунической войны по материалам современных исследователей»; студентки 4-го курса НГПУ О.Н. Поповой – «Русские во Французском иностранном легионе: воспоминания о службе». Доклады некоторых школьников отличались высоким уровнем подготовки: ученика СОШ № 3 А. Скультецкого (г. Куйбышев, НСО) – «Военнопленные Первой мировой войны» и учащегося в СОШ № 115 (г. Новосибирск) М.А. Антипова – «Матрос Кошка Петр Маркович, герой обороны Севастополя».

Состоявшаяся в Новосибирске научная конференция «Война и личность: роль и место личности в войне» показала значительный потенциал сибирских исследователей в изучении вопросов и сюжетов, свя-

занных с военной историей региона, страны и других стран, что позволяет надеяться на перспективы организации конференций по военной истории, связанных с памятными историческими датами.

Bayandin Vladimir I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: ilan-sib@rambler.ru; *Zaporozhchenko Andrew V.* Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: zangler@yandex.ru

SCIENTIFIC CONFERENCE DEDICATED TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BRUSILOV'S BREAKTHROUGH (NOVOSIBIRSK, RUSSIA, MAY 12–13, 2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБОЛИНА Лариса Александровна, научный сотрудник НПО «Археологическое проектирование и изыскания» (г. Иркутск). E-mail: larisa-abolina@yandex.ru

АРШИНЦЕВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: arol-s@yandex.ru

БАЛЮНОВ Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета. E-mail: balyunoff@mail.ru

БАРСУКОВ Евгений Владимирович, заведующий Музеем археологии и этнографии Сибири, старший преподаватель кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии РАН (г. Новосибирск). E-mail: barsukovevg@mail.ru

БАЯНДИН Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilan-sib@rambler.ru

БОБРОВА Анна Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (г. Томск). E-mail: a_bobrova@bk.ru

БОДРОВА Альфира Шайфулловна, кандидат философских наук, доцент кафедры технологии и предпринимательства Томского государственного педагогического университета. E-mail: alfira65@mail.ru

ГЕРАСИМОВ Юрий Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: ngajarti@yandex.ru

ДЕ ЛА ФУЕНТЕ Констанция, Центр геогенетики Университета Копенгагена (Копенгаген, Дания). E-mail: c.delafuente@snm.ku.dk

ЖИГУНОВА Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: marizh.omsk@mail.ru

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: zanglier@yandex.ru

ЗИНЯКОВ Николай Максимович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета. E-mail: nmzinyakov@rambler.ru

ИЛЮШИН Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово). E-mail: ilushin1963@mail.ru

КИМ Антонина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Томского политехнического университета, доцент кафедры лингвистики и лингводидактики Томского государственного педагогического университета. E-mail: kima@inbox.ru

КИМЕЕВ Валерий Макарович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, директор Муниципального учреждения «Экомuseum-заповедник Туюлберский городок Кемеровского муниципального района». E-mail: Kimeev@mail.ru

КИМ-МАЛОНИ Александра Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Томского государственного педагогического университета. E-mail: alexandrakim@hotmail.com

КОВАЛЬСКА Анна Богумила, доктор исторических наук, сотрудник Национального музея г. Щецина (Польша), Института археологии и этнологии Польской академии наук. E-mail: a.kowalska@muzeum.szczecin.pl

КОЗИНЦЕВ Александр Григорьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: agkozintsev@gmail.com

КОПТЯЕВА Екатерина Андреевна, ведущий инженер Комплексного научно-исследовательского отдела региональных проблем Омского научного центра СО РАН. E-mail: kati_sch139_bp@mail.ru

КОРУСЕНКО Михаил Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: otto_link@mail.ru

КРАВЧЕНКО Геннадий Григорьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной информатики Томского государственного университета. E-mail: ggk_07@mail.ru

ЛИХТЕР Юлия Абрамовна, кандидат исторических наук, советник по науке ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва). E-mail: Julialikhter@gmail.com

МАКСИМОВА Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой этики, эстетики и культурологии Томского государственного университета. E-mail: imaxi59@mail.ru

МАНДРЫКА Павел Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: pmandryka@yandex.ru

МОИСЕЕВ Вячеслав Григорьевич, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: vmoiseyev@mail.ru

НАДЬ Золтан, доцент, заведующий кафедры этнографии и культурной антропологии Университета г. Печ (Венгрия). E-mail: nagyzooli@gmail.com

ОЖЕРЕДОВ Юрий Иванович, кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея истории Томска (г. Томск). E-mail: nohoister@gmail.com

ПИВНЕВА Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующая отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). E-mail: pivnel@mail.ru

ПИЛИПЕНКО Сергей Алексеевич, преподаватель Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск, Россия) E-mail: pilipenkosergej@mail.ru

ПОПОВА Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела истории, археологии и этнологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). E-mail: rusina-popova@yandex.ru

РЫКУН Марина Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая кабинетом антропологии исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: m_rykun@mail.ru

РЫНДИНА Ольга Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: gynom_97@mail.tomsknet.ru

САМИГУЛОВ Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: Gayas_@mail.ru

СЕМЕНОВА Валентина Ивановна, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой истории, искусствоведения и музейного дела Тюменского государственного института культуры. E-mail: valivsem8@mail.ru

СЕРЕГИН Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

ТАДИНА Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: ntadina@yandex.ru

ТАДЫШЕВА Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, заместитель директора Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (г. Горно-Алтайск). E-mail: tadisheva@mail.ru

ТАТАУРОВ Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, младший научный сотрудник отдела международных и научных проектов Омского университета дизайна и технологий. E-mail: TatSF2008@rambler.ru

ТАТАУРОВ Филипп Сергеевич, младший научный сотрудник отдела международных и научных проектов Омского университета дизайна и технологий. E-mail: fil_oprosum@mail.ru

ТАТАУРОВА Лариса Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: li-sa65@mail.ru

ТЕРЮКОВ Александр Иванович, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: tsan@kunstkamera.ru

ТИТОВА Юлия Аркадьевна, старший преподаватель кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: abdulia@mail.ru

ТИШИН Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела истории Востока Института Востоковедения РАН (г. Москва). E-mail: tihij-511@mail.ru

ТИШКИН Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия). E-mail: tishkin210@mail.ru

ТОРОЩИН Алексей Георгиевич, заместитель директора ООО «Историко-культурное наследие Сибири» (г. Томск). E-mail: alextorn@mail.ru

ТОРОЩИНА Наталья Витальевна, инженер-исследователь лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: natator@mail.ru

ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН (г. Тюмень). E-mail: r_fedorov@mail.ru

ФОКИН Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея. E-mail: smf.kkkm@mail.ru

ФУРСОВА Елена Федоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), профессор кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета. E-mail: mfl1@mail.ru

ЧЁРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета, заведующая Лабораторией археологических и этнографических исследований Западной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧЕРНОВА Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры этики, эстетики и культурологии Томского государственного университета. E-mail: ikar561965@mail.ru

ЮЖАКОВА Алёна Владимировна, аспирант отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва). E-mail: ejaga.ru@mail.ru

ЯБЫШТАЕВ Тенгис Степанович, лаборант Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай (г. Горно-Алтайск). E-mail: teng7891@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2016 № 5 (43)

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.).
ISSN 1998-8613 от 09.01.2014 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.).
ISSN 2311-2387 от 09.01.2014 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

<http://journals.tsu.ru/history>

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 34. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20.10.2016 г. Выпуск в свет 10.11.2016 г.

Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 21,8. Тираж 64 экз. Заказ № 2155. Цена свободная.

Редактор – К.В. Полькина

Корректор – Ю.П. Готфрид

Оригинал-макет К.В. Полькиной

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Скок

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Полнотекстовые версии номеров доступны на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles. Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

Адрес редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 34,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История».
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь редакции журнала – П.П. Румянцев.
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Адрес издателя:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Издательский Дом ТГУ.
Телефон 8(382-2)–52-96-75
Главный редактор – К.Г. Шилько.
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher Office address:

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
Editor-in-chief: K.G. Shilko
E-mail: rio.tsu@mail.ru